

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
И НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ КОМИ

**МУЗЕИ
И
КРАЕВЕДЕНИЕ**

Труды
Национального музея
Республики Коми
Выпуск 6

Сыктывкар
2007

Музеи и краеведение. – Сыктывкар, 2007. – Вып. 6. – 350 с. (Труды Национального музея Республики Коми).

Редакционная коллегия:

*И.Л. Жеребцов (главный редактор),
С.В. Бандура (заместитель главного редактора),
В.А. Сова (ответственный секретарь),
Т.А. Пьянкова, И.А. Гросу*

Ответственный за выпуск И.В. Лебедева

Верстка Н.Н. Кошкина

Корректор Т.Г. Агейчик

В шестой выпуск сборника «Музеи и краеведение» вошли материалы всероссийской научно-практической конференции «Музеи в культуре региона: история, проблемы, перспективы», проведённой Национальным музеем Республики Коми 17–20 октября 2006 года. Конференция была посвящена 95-летию музея и 85-летию Республики Коми. Помимо выступлений, прозвучавших на конференции, в сборник включено несколько статей, соответствующих тематике сборника, представленных авторами во время подготовки издания.

В сборнике представлены статьи сотрудников музеев Республики Коми, Муромского историко-художественного музея, Российского этнографического музея, учёных Коми научного центра УрО РАН и Института славяноведения Российской академии наук (Москва), преподавателей высших учебных заведений Сыктывкара, Ухты, Петрозаводска и Хабаровска, краеведов.

Сборник адресован сотрудникам музеев, научных и научно-образовательных учреждений, всем, кто интересуется историей и культурой Севера.

I. Музеи в культуре региона: персоналии, коллекции, проекты, экспозиции

Котылева Ирина Николаевна

к.и.н., директор Национального музея Республики Коми

г. Сыктывкар

Музей и культура памяти

Массовое появление в Европе историко-краеведческих музеев начинается в конце XIX вв. Инициаторами создания краевых/земельных музеев зачастую выступали группы граждан городов/селений, осознающих взаимообусловленность прошлого–настоящего–будущего, обладающих культурой памяти и заинтересованных в сохранение и передаче последующим поколениям культурного наследия семьи/рода/края/общества. Тенденция создания краеведческих музеев «по инициативе снизу», не по велению государства, а по желанию «любителей старины», в первую очередь представителей интеллигенции, была характерна и для России конца XIX – начала XX вв. Так, научно-краеведческие общества по изучению Русского Севера стали возникать еще во второй половине XIX в. После выхода в 1884 г. «Положения о губернских ученых комиссиях и краеведческих обществах» музеи появились в Ярославле, Перми, Вятке. В Архангельской и Вологодской областях роль главных хранителей старины играли Древле-хранилища и Церковно-Археологические комитеты и комиссии [1]. В 1903 г. в Вологде по инициативе местных краеведов было открыто отделение Ярославского естественно-исторического общества, просуществовавшего до 1909 г., когда было создано Вологодское общество изучения Северного края, отделения которого позднее открылись в Великом Устюге и Тотьме [2].

Создание музея в Усть-Сысольске в 1911 г. было частью единого на всем Русском Севере взаимообусловленного процесса по созданию краеведческих обществ и музеев. Появление первого музея в Коми крае произошло благодаря активистам отделения Архангельского общества изучения Русского Севера в Усть-Сысольске К.Ф. Жакова, А.А. Цембера, А.Ф. Старовского и др. [3].

С первых дней существования музей начал формировать коллекции по традиционной культуре народа коми, что вполне закономерно, учитывая, что именно в конце XIX – начале XX вв. усиливается интерес к национальным культурам. На развитие музея в первые годы его существования во многом оказали влияние личные науч-

ные интересы председателя Усть-Сысольского отделения Архангельского общества изучения Русского Севера Андрея Андреевича Цембера (1874–1959 гг.), возглавлявшего работу в музее до 1916 г. Именно его контакты с российскими и финскими исследователями, его личностное глубинное осознание значимости национального наследия для будущего развития общества помогли сформировать ту идейную основу, которая предопределила развитие музея на многие десятилетия.

Новый этап в развитии музея начинается в 1920-е годы. В определенной степени это было обусловлено революционными преобразованиями, которые происходили в «народившемся» советском обществе. Решающую же роль для музея, на наш взгляд, сыграло то, что работа музея была тесно связана с Обществом изучения Коми края. Заинтересованное отношение лидеров последнего к национальной культуре связано с возросшим вниманием всего российского общества к прошлому, к глубинным пластам культуры, что являлось продолжением «антропологического взрыва» в культуре начала XX века, когда личностное, индивидуальное стало основополагающим. В то же время деятельность Общества изучения Коми края по исследованию местной культуры была обусловлена, в определенной степени, особенностями национально-государственного развития Коми автономии в 20-е годы.

Во второй половине 1920-х гг. либеральная национальная политика уже достигла границ, поставленных коммунистической идеологией. К концу 20-х гг. либеральной культурной политике был положен конец. Начиналась сталинская эпоха, которая принесла населению Советского Союза более резкий разрыв с прошлым, чем это сделала революция, ибо только теперь были разрушены их традиционные социальные уклады и культуры [4]. В этот период начинается «преобразование», «деформация» культуры памяти всего советского общества в целом, начинает формироваться «культура забвения», когда государственная идеология определяла, что надо забыть, выбрасывая события, имена, целые культурные пласты российской истории за пределы актуального исторического поля. Закономерно, что именно в этот период начинается давление на музеи, в том числе и на музей Коми области, подвергаются репрессиям все, кто продолжал традиции сохранения и изучения исторического прошлого.

На протяжении многих десятилетий краеведческие музеи использовались не столько как уникальные хранилища прошлого, но, прежде всего, как одно из средств формирования новой куль-

туры, нового человека, новой памяти. Несмотря на это, в музеях всегда были личности, которые являлись подлинными хранителями культуры и истории страны, региона, народа, рода, иногда подвергая себя реальной опасности. В Национальном музее Республики Коми всегда работали специалисты, которые, обладая огромной личностной культурой памяти, несмотря ни на что, формировали уникальные коллекции, осознание ценности которых приходит только сейчас.

Перемены в российском обществе в конце 1990-х – начале 2000 гг. позволили и краеведческим музеям сформировать новые программы и проекты по изучению и представлению историко-культурного наследия регионов.

Не случайно, что новый век, новое тысячелетие Национальный музей Республики Коми начал с открытия новой экспозиции в отделе этнографии «Жила-была пара... Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла». Остро ощущая значимость каждого человека для культуры общества в целом и глубоко осознавая роль духовного наследия и коллективной памяти для общества-рода-семьи, авторы экспозиции (Т.А. Пьянкова, О.Н. Волокитина, В.Б. Липин, А.В. Самойлов, Н.П. Бурдаев) за основу концепции взяли пути человека от рождения до смерти. Работа над экспозицией способствовала появлению и новых научно-исследовательских и просветительских направлений. Опыт работы экспозиции на протяжении пяти лет показал, как важно современному обществу обращение к культуре своих предков. В определенной степени новая экспозиция заставляет каждого посетителя задуматься о том, что он помнит о своем роде.

За последние пять лет музей построил более 250 выставок, которые неизменно вызывают интерес у исследователей, краеведов, педагогов и учащихся. Среди них особо следует отметить такие значимые и в научном, и в просветительском плане выставки, как «Сталинград: победители и побежденные», «Мир двух диктатур», «Город и горожане», «Женский портрет в интерьере эпохи. XX век», «Память забытой войны. Первая мировая война: Россия и Коми край», «Женщины-писатели Республики Коми», «Жизнь моя театр», «Под знаком ОСТ». Немаловажно, что эти выставки создавались в результате сотрудничества музея с различными научными, культурными и общественными организациями Республики Коми и России.

Антропологический подход стал определяющим и для музейных проектов по истории республики. С 2001 по 2007 г. в музее был создан целый ряд выставок, посвященных разным проблемам

и периодам истории региона, основой которых было, прежде всего, обращение к Человеку.

Примером емкой и многогранной реализации антропологического подхода стало создание выставки «Между строк... Вторая мировая война в письмах» (авторы проекта: И.Дубинин, И.Котылева, И.Моисеева) [5]. Главным экспонатом выставки «Между строк...» стали письма. Сотни писем... Фронтовые и лагерные, взрослые и детские, хорошо читаемые и с еле различимыми карандашными строчками, написанные на бумаге и на ткани, в самодельных конвертах из газет и на специальных почтовых карточках, нелегальные и со штампом «проверенно цензурой», молчаливые и кричащие одновременно, рассказывающие о многом, но еще больше скрывающие между строк.

Как показал опыт работы над проектом, несмотря на изменения, произошедшие в последние десятилетия в российской культуре, сложившаяся уже к концу 1920-х гг. традиция понимания концепта «человек» как составной части понятия «масса», продолжает существовать в нашем менталитете, понятие «личность» еще не обрело должного осознания. Поэтому, на наш взгляд, реализация проекта «Между строк» важна не только как еще одна попытка осознать, что значила Вторая мировая война для России, как возможность представить для широкой общественности ряд уникальных документов и свидетельств одного из самых трагичных периодов XX века, как своеобразный памятник всем, кто смог достойно перенести все испытания, но прежде всего, как стремление понять Человека того времени и возможность увидеть самих себя.

С конца 1990-х гг. тема ГУЛАГа стала для музея особо значима. Это связано с активным интересом общества к данной теме, с изменившейся парадигмой общественной памяти. Каждый, кто работает со столь сложной (и в научном плане, и в моральном) темой, неизбежно вольно или невольно пересматривает свои представления о прошлом, о Человеке в целом и конкретно о себе. С каждой новой выставкой по этой теме происходит новое открытие и понимание памятников и экспонатов, роли музея в преодолении обществом «беспамятства».

С преодолением «осознанного беспаятства» связан и последний большой проект Национального музея Республики Коми, посвященный св. Стефану Пермскому, включающий в себя историко-культурологическую экспедицию «По пути Стефана Пермского» [4], серию выставок и изданий. Имя Стефана Пермского, столь значимое для культуры России и земли Коми, после 1917 г. практически оказалось вычеркнутым из истории России и региона. С конца 1990-х годов его имя вновь становится частью памяти общества. Для музея реализа-

ция данного проекта – это возможность представить памятники XVI- XIX вв. из своего собрания, рассказать о целом ряде уникальных икон, фресок, храмов Москвы, Ростова, Ярославля, Вологды, Тотьмы, Великого Устюга, Сольвычегодска, Яренска, т.е. мест, связанных с именем Стефана Пермского и его почитанием в XVI- XIX вв., определить новые направления научно-исследовательской и просветительной деятельности. Первоочередная задача данного проекта - «воскресить» для общества целый круг памятников и определить новые направления в осмыслении роли Стефана Пермского в развитии культуры коми-зырян в последующие века, способствуя тем самым упрочнению культуры памяти общества в целом.

Особо следует отметить, что музей проводит большую работу с посетителями. Ежегодно музей посещают около 100 тысяч человек. Работа с дошкольниками, младшими школьниками и учащимися средних и старших классов ведется по специально разработанной программе «Мир музея». Среди музейных занятий особое место занимают экскурсии и лекции по этнографии народа коми. Особой популярностью пользуется фольклорные и экологические детские праздники. На базе музея ежегодно проводятся исторические, литературные, экологические олимпиады и конференции школьников. На базе музея проходят практику студенты Сыктывкарского университета, Коми пединститута, колледжа культуры.

Ежегодно музей готовит ряд изданий просветительного плана. Среди них следует отметить комплекты «Писатели земли Коми» и «Раритеты Национального музея Республики Коми. История письменности народа коми». Музей готовит и выпускает сборники научно-исследовательских материалов по проблемам музееведения и краеведения «Музеи и краеведение», организует и проводит научные конференции и семинары.

Национальный музей Республики Коми – главный научно-методический центр для всех музеев республики. Музей проводит стажировки для сотрудников муниципальных музеев, формирует выставки для музеев республики. Среди этих выставок особо популярной в 2005–2006 гг. стала выставка «Геральдика земли Коми». Важно, что музей, являясь научным и социокультурным центром Республики Коми, не только проводит работу по сохранению культурного наследия, но и способствует формированию новых направлений в развитии культуры в регионе.

Анализируя научные и просветительные проекты Национального музея Республики Коми последнего пятилетия, обращаешь внимание, что наиболее востребованными и перспективными становятся именно

те проекты, которые связаны с переосмыслением того, что было значимо для памяти советского общества и что является значимым для памяти современного общества. При этом перед музеем стоит очень сложная задача: как определенный институт памяти общества, музей не должен что-либо разрушить или вычеркнуть из предыдущего, но должен выявить и воскресить то, что незаслуженно забыто обществом, найти те формы, которые заставляли бы каждого человека осознать значение коллективного прошлого для его индивидуального настоящего и будущего. Как и в начале XX в., музей обязан формировать и развивать культуру памяти общества, осознавая, что от этого зависит и будущее развитие как самого музея, так и всего региона.

В современном мире при помощи информационных систем сформировано единое поле исторической памяти человечества. Важнейшей задачей региональных исторических институтов, к которым принадлежит и музей, является включение истории места/края/региона в это универсальное поле исторической памяти и выявление при этом своеобразия местной культуры и истории. Культура памяти конкретного человека и сообщества напрямую связана с умением, с осознанием соотношенности локальной культуры с культурой страны и человечества в целом. В настоящее время успешность развития краевых/региональных музеев, в том числе и Национального музея Республики Коми, во многом зависит от формирования проектов, представляющих этническую самобытность народа коми, местную историю и культуру в контексте истории Северо-запада России, общероссийской истории, финно-угорского мира, европейской истории в целом.

Литература и источники

1. Орешина М.А. Музеи провинции и собирание старины: из истории Вологодского общества изучения Северного края (по материалам государственного архива Вологодской области) // Этнографическое обозрение. 2005. – №2. – С.166.
2. Там же. – С.167.
3. Об истории музея уже неоднократно писали как сотрудники музея, так и другие исследователи: Стрекалова В.М. Перелистывая страницы истории // Музеи и краеведение. – Сыктывкар, 2001; Грибова Л.С. Декоративно-прикладное искусство народов коми. М., 1980; Вестник культуры Коми АССР.1991 – №3; Паршуков В.Ф. Основатель музея // Там же; Другова Л.Я. О прошлом память сохраняя // Там же; Митюшова Н.А. Командировка в родной край // Красное знамя. 1981. 21 фев.; Уткина И.М. Право на память // Вестник культуры Коми АССР. 1992, №2; Паршуков В.Ф. Сорок лет работы // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 1997; Сова В.А. Подвижники краеведения (К 95-

летию со дня рождения С.А.Попова) // Музеи и краеведение. Сыктывкар, 2001, и др.

4. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. – С.277-279.

5. Более подробно о выставке можно посмотреть: И.Котылева. Между строк... Опыт представления письма в контексте выставки // Мир музея. 2005. – №5. – С.34-40. Выставка является частью международного проекта создания CD-rom «Тысяча писем о войне и мире. Вторая мировая война в письмах» (руководитель проекта: С.Беляева). По концепции, в создании базы данных писем периода Второй мировой войны участвуют Норвегия, Финляндия, Россия (Республика Коми, Карелия, Архангельская область).

6. Проект реализуется при финансовой поддержке Благотворительного фонда В.Потанина в рамках конкурса «Меняющийся музей в меняющемся мире».

Бондаренко Ольга Евтихеевна

*к.и.н., доцент кафедры отечественной истории
Сыктывкарского государственного университета
г. Сыктывкар*

Образование Интинского городского краеведческого музея.

Штрихи к портрету Л.Н. Малофеевской

У истоков образования музеев, будь это городские или сельские, районные или республиканские, всегда стоят люди. Как правило, это люди одержимые, сильные личности. Начало деятельности Интинского краеведческого музея связано с именем Любови Никитичны Малофеевской. Так получилось, что мы с ней знакомы и дружим много лет. Она была учителем истории в Инте, в школе-интернате №7, и в определенной степени способствовала формированию моего устойчивого интереса к науке История. Считаю ее своим Учителем и по жизни, отношение Любови Никитичны к работе, сослуживцам, людям всегда было и остается доброжелательным, одновременно требовательным и взыскательным. Зная ее много лет, я убедилась, что она не приспосабливается к тем или иным условиям, если это требует изменения ее убеждений, отказа от очень важных и значимых норм поведения.

Первая запись в ее трудовой книжке гласит: «принята на работу в органы МВД Коми АССР». В это время ей не было еще и двадцати лет. Должность была достаточно весомой – зав. райархивом Интинского райсовета. Ванеева Любовь (девичья фамилия Л.Н. Малафеевской) была человеком энергичным, деятельным, активно проявляла себя на комсомольском поприще, стала инструктором в райкоме комсомола. На пленуме Интинского районного комитета ВЛКСМ страсти разгорелись нешуточные – шли выборы секретаря. Вопрос «в верхах» был уже

оговорен и подготовлен, планировался на эту должность (пришлый) «варяг», но участники пленума выдвинули свою кандидатуру – «даешь Ваневу». Голосование было долгим, бурным, но демократия победила, так Любовь Никитична стала секретарем районного комитета ВЛКСМ.

Новоиспеченному секретарю райкома вручили связку ключей, и она отправилась устраивать делегатов на ночлег в рабочее общежитие, так как гостиницы в городе еще не было.

Любовь Никитична была утверждена в новой должности на пленуме ГК ВЛКСМ (протокол №1 от 21.10.1956 г.). Работая секретарем, она получила официальное предложение поступить в Ленинградскую партийную школу, вопрос был согласован с горкомом партии, это было обязательным условием для зачисления. В это время Любовь Никитична уже была студенткой-заочницей исторического факультета Ленинградского университета, строила планы, как днем она будет учиться в высшей партийной школе, получать стипендию, а заочно продолжит обучение в ЛГУ. Чемоданы были уже почти собраны, но вмешался Его Величество Случай: получилось так, что на учебу в Высшую партийную школу поехал другой человек. До сих пор Любовь Никитична видит в этом руку судьбы и счастлива, что ее жизнь сложилась так, как сложилась, а то, наверняка, не было бы в ее жизни музея и многого другого.

С 1960 г. началась работа в школах Инты. Вначале в школе-интернате №7, а затем в школе №1. Увлеченный человек, Любовь Никитична вместе с детьми начинает собирать материалы по истории города, на основе которых в первой школе был организован музей. Удалось выявить и собрать так много интересных материалов, что стало ясно: им тесно в рамках школы.

С 1 марта 1969 г. Любовь Никитична переходит на работу в отдел культуры Интинского горисполкома, но до конца учебного года ведет уроки истории в первой школе. Тамара Михайловна Гаврилина, секретарь райкома партии по идеологии, и Анна Николаевна Запоточная, зав. отделом культуры, поддержали идею Л.Н. Малофеевской о необходимости открытия краеведческого музея, последовала кропотливая работа по сбору экспонатов. Встал вопрос, где их хранить. В эти годы в Инте в некоторых жилых домах отводились двух- трехкомнатные квартиры для создания клубов по интересам. По адресу: Инта, Чернова, 4, в четырехкомнатной и однокомнатной квартирах, стали скапливаться экспонаты, материалы. Весной 1969 г. в Инте в этом помещении состоялась выставка картин народного художника России и Республики Коми Э.В. Ко-

злова. Она пользовалась большим успехом у жителей города, Любовь Никитична проводила по ней экскурсии, иногда до десяти в день.

Необходимо было набирать опыт, совершенствовать свои познания в музейном деле. А Д. Качалова, которая была директором музея в Воркуте, подсказала, что в Перми должен состояться Всесоюзный семинар директоров музеев. Оформлена командировка, и Любовь Никитична стала одним из самых старательных и внимательных участников этого двухнедельного семинара, проходившего в 1969 г. на базе Пермского областного музея. Завязались контакты с музейными работниками других городов страны.

Отчет о работе за 1969 г. был послан в Коми Республиканский краеведческий музей и Министерство культуры Коми АССР. Долго решался вопрос о выделении ставки для музея. А работа между тем продолжалась: шла подготовка экспозиции на основе краеведческого материала. В деревнях и селах района устраивались выставки прикладного искусства, отбирались лучшие экспонаты, авторы довольно часто дарили их, или же они приобретались за деньги для будущего музея.

Оформляла экспозицию художник Грасс Мильда Яновна. Утверждена была смета на строительство экспозиции – 13 тысяч рублей, оплата должна была производиться через горкомхоз, так как он мог производить оплату труда людей, нанятых для оформления выставки.

Подготовленная экспозиция располагалась в двух залах. В первом зале находились экспонаты по теме «Наш край в досоветский период», отражающие быт и занятия местного населения – охоту, рыболовство, оленеводство. Во втором зале были собраны материалы по разделу «Наш край в советский период».

8 мая 1970 г. краеведческий музей был торжественно открыт. За первый год в музее побывало свыше 10 тысяч посетителей.

В статье М. Курочкина названы энтузиасты, помогавшие Л.Н. Малофеевской в создании музея: сотрудник Коми филиала АН СССР Г.М. Буров, занимавшийся раскопками, И.А. Хоменко из Киева, бывший начальник проектной конторы, супруги Щерчковы, П.И. Барабанов, геолог Н.Н. Приходько и др. Они приносили и присылали фотографии, материалы, которые позволили осветить историю развития Инты. Работники Печор НИИ проекта на общественных началах составили проектно-сметную документацию для музея.

1 января 1971 г. в трудовой книжке Л.Н. Малофеевской появилась запись, что она назначена на должность директора краеведческого музея, в этой должности Любовь Никитична была до 14 ноября 1984 г.

Формы работы музея были разнообразны – экскурсии, уроки мужества, вручение и обмен комсомольских билетов, встречи с интересными людьми, устные журналы с использованием материалов музеев.

Таким образом, открытию музея предшествовала большая подготовительная работа, важную роль в которой сыграла Л.Н. Малофеевская, несомненно большое значение имела также поддержка городской власти и партийных органов. Предшествующая деятельность (работа в архиве, комсомоле, школе) плюс историческое образование способствовали формированию таких необходимых качеств будущего руководителя и музейного работника, как умение работать с архивными документами, людьми, коммуникабельность, высокий профессионализм.

Деятельность Л.Н. Малофеевской в качестве директора Интинского городского краеведческого музея получила оценку и признание: в 1978 г. она награждена значком Министерства культуры СССР и ЦК профсоюза работников культуры «За отличную работу», а в 1982 г. – Почетной грамотой Министерства культуры РСФСР и ВЦСПС.

Ее сотрудничество с музеем было продолжено и в последующий период. В 1992–1994 гг. Л.Н. Малофеевская работала в должности старшего научного сотрудника Интинского городского краеведческого музея, а в 2001 г. в этой же должности в Абезьском историко-мемориальном комплексе при Интинском музее.

В характеристике, представленной в Областной Совет профсоюзов, подписанной председателем исполкома Г. Денисовым отмечалось, «что музей оказал неоценимую помощь общеобразовательным школам в углублении и обогащении местным материалом учебных программ, пропагандистам и слушателям школ, семинаров политического, экономического образования». Заканчивалась характеристика следующими словами: «исполком считает, что т. Малофеевская Л.Н. внесла исключительно большой вклад в развитие культуры города и Коми республики». Позволим себе присоединиться к этой высокой оценке деятельности Л.Н. Малофеевской.

Почетный гражданин Инты, автор интересной монографии об Инте, Любовь Никитична Малофеевская и в настоящее время полна творческих замыслов и планов, работает над новыми статьями и сюжетами по истории ГУЛАГа, в центре которых люди, их судьбы и биографии.

Литература и источники

1. Владимирова Е. 21 декабря городскому краеведческому музею 25 лет // Искра, 1996, 19 декабря.
2. Владимирова Е. Жизнь моя, любовь моя – музей // Искра, 1996, 21 декабря.
3. Демидов В. «Я сижу в 41-м году...» // Красное знамя. 2002, 16 января.
4. Курочкин М. Эта настойчивая Любовь Никитична // Вестник политической информации. 1976. №9. С.24-28.

Бурлыкина Майя Ивановна

*доктор культурологии, профессор кафедры философии
и культурологии Сыктывкарского государственного университета
г. Сыктывкар*

А.С. Сидоров и музейная деятельность

Творчество известного ученого, доктора филологических наук, человека с энциклопедическими знаниями А.С. Сидорова (1892–1953) сегодня хорошо известно специалистам. Однако музейная деятельность Алексея Семеновича, его вклад в становление и развитие музейного дела Республики Коми не являлись предметом специального исследования.

Данная работа написана на основе изучения архивных источников Вологды (Областной архив), Санкт-Петербурга (Музея СПбГУ), Сыктывкара (Национальный архив РК, Архив ФСБ, Научный архив КНЦ УрО РАН, Национального музея РК, Музея КГПИ, Музея истории просвещения Коми края).

Интерес к музеям у А.С. Сидорова наблюдался на протяжении всей жизни. Бывая в различных городах, Алексей Семенович непременно посещал музеи. Его интересовала история музейного дела, фондовая, экспозиционная, экскурсионная формы деятельности. Он хорошо разбирался в вопросах музееведения, читал спецкурс по этому предмету, занимался сбором, обработкой и систематизацией экспонатов, работал над концепцией создания музея и музейных экспозиций.

Познакомиться с музеем ему впервые удалось в ранней юности, в период обучения в Тотемской учительской семинарии (1907–1911).

Город Тотма – это, по сути, музей под открытым небом: замечательно красивые архитектурные сооружения – роскошные церкви, соборы, светские учреждения, частные дома, окна которых обрамляли причудливые узоры. Алексей Семенович навсегда полюбил город своей юности. В годы его учебы действовало несколько музеев. Один из них располагался в величественном здании Петровской ремесленной школы, стоявшем на высоком берегу Сухоны. В учебном заведении, единственном из подобных, основанном благотворителем Н.И. Токаревым, готовили мастеров по игрушечному делу и специалистов по столярному, токарному, резному ремеслам (10 специальностей). Учебное заведение славилось высокохудожественными изделиями из дерева и папье-маше. Лучшие работы экспонировались в музее, расположенном на втором этаже здания. Там часто бывал семинарист Алексей, восхищенно знакомился с творчеством своих сверстников. Экспонаты были настолько хороши, что регулярно демонстрировались на различных всероссийских и международных выставках (Ярославль, Санкт-

Петербург, Брюссель), где непременно награждались золотыми медалями, получали высшую награду – Гран при.

В Тотемской учительской семинарии, где учился Алексей, наглядности в преподавании уделяли достаточное внимание, поэтому в учебном заведении действовали кабинеты музейного типа, весьма хорошо оборудованные необходимыми материалами: общее число предметов достигало более тысячи. Например, физический кабинет включал (данные на 1910 год) свыше 400 наименований, химическая лаборатория – свыше 70, математический кабинет – свыше 50. Особенным разнообразием отличались естественнонаучные коллекции: зоологические (более 300), ботанические (около 300), минералогические (свыше 200).

Однако впечатления от Тотемских музеев померкли, когда Алексей впервые оказался в столице России – Санкт-Петербурге (1911 год).

Он побывал в Зоологическом музее, который располагался на Васильевском острове, Университетской набережной. Директором тогда являлся ординарный академик Николай Викторович Насонов. Экспозиции были доступны посетителям с 11 до 3 часов пополудни. Стоимость посещения составляла по вторникам 70 копеек, по средам и пятницам – 25 копеек. Дети и учащиеся в форме имели во все доступные для публики дни вход бесплатный. Купил на память каталог (он стоил 20 копеек). В музее поразило обилие и разнообразие представителей фауны. Алексей тогда впервые задумался о том, как велика и богата страна Россия. Побывал он также в Зимнем дворце, резиденции русских императоров, Эрмитаже – одном из крупнейших музеев мира, который в XVIII-XIX веках можно было посещать только во фраках. Походил по территории Петропавловской крепости, увидел домик Петра. В Русском музее императора Александра III (Александровский музей) у него вызвал определенное любопытство нарисованный императрицей Марией Федоровной портрет ее кучера Ивана Лабушкина. Алексей с большим вниманием рассматривал полотна известных и малоизвестных художников. Он обладал врожденным художественным вкусом, любил в свободное время рисовать и делал это вполне успешно. Но особенно потряс Алексея Петергоф, расположенный в 29 км от Санкт-Петербурга. Роскошь Большого дворца, каскад великолепных фонтанов, нижний и верхний парки так ошеломили молодого зырянина, что он затаил мечту наслаждаться этим великолепием как можно чаще и, быть может, когда-нибудь поселиться в этих краях.

В 1915 году Алексей поступил учиться в Вологодский учительский институт. Его внимание привлек домик-музей Петра I. Неоднократно, начиная с 1691 года, посещал Вологду император. Он по обыкновению останавливался в небольшом одноэтажном домике под черепичной

крышей, принадлежавшем голландскому купцу Гутману, который обладал жалованной грамотой как уполномоченный по заграничной торговле. В 1872 году здание, расположенное неподалеку от паровой пристани, стало собственностью городской думы. В июле 1885 года в нем открыт мемориальный домик-музей Петра I. С созданием в 1908 году Общества изучения Северного края музей, именуемый историческим, перешел в его ведение. В этом музее Алексей Семенович бывал неоднократно, и не только в годы учебы, но и позднее, с большим интересом знакомился с уникальными памятниками, работал с научными фондами. При Обществе работал еще один музей, расположенный на Малой Петровке, в доме Вологодского дворянства. Начало ему положено почетным членом Общества И.М. Шемигоновым, вложившим несколько собственных коллекций. 500 рублей в год поступало от Вологодского губернского земства. Музей являлся доступным широкой публике – плата за вход отсутствовала. С экспозицией посетители могли ознакомиться с 12 до 16 часов ежедневно: им давались объяснения хранителем музея присяжным поверенным В.Н. Трапезниковым.

В Вологодском учительском институте функционировал педагогический музей, созданный на основе музея наглядных и учебных пособий, переданного в институт Губернской управой в марте 1913 года, и музея при училище. Цель музея – бесплатно ознакомить всех интересующихся делом народного образования («за посещение музея и пользование им плата не взимается»). Предметами, имеющимися в одном экземпляре, пользование разрешалось только в помещении музея. Открывалась экспозиция для посетителей ежедневно с 11 часов 50 минут до 12 часов 20 минут, а также по воскресеньям и праздничным дням с 13 до 17 часов – тогда заведующий музеем демонстрировал опыты по физике, химии и естествоведению. В религиозные праздники, а также с 1 июня по 1 сентября музей не функционировал.

Алексей любил бывать в этом музее, с большим интересом изучал экспонаты, часто засиживался в фондах.

После окончания института Алексей Семенович стал работать в Яренске. В городе действовал музей наглядных пособий, где экспонировались изделия учащихся земских, министерских и церковно-приходских школ уезда, а также учеников Айкинской ремесленной школы. В марте 1919 г. открылся (в здании бывшей гимназии) районный Педагогический музей – «выставка трудовой школы».

Особенно тесные контакты сложились у А.С. Сидорова с Усть-Сысольским музеем, созданным краеведами в 1911 г. По воспоминаниям профессора А.Н. Грена, впервые посетившего город в 1919 году, музей хранил интересные находки. В их числе котел и круг из бронзы,

найденные в одной из чудских ям (пожертвованы бывшей в крае Печорской миссией), крест с надписью, каменная неолитическая стрелка, обнаруженная в Шойна-Яге. Кроме того, демонстрировались коллекции мамонтовых костей и окаменелых кораллов, разные предметы обихода, костюмы зырян.

Музей в 1919 году размещался на улице Набережной в доме Суворова. В том же году он переведен в дом Оплеснина на Коммунистическую улицу.

В июне 1919 года А.С. Сидоров, В.И. Трошев и А.Н. Грен производили раскопки на Ванвиздинской стоянке (эпоха неолита), расположенной в Усть-Выми, на месте соединения рек Вычегда и Вымь. На обнаженном склоне кургана попадались кремневые ядрища, скребки различной величины, наконечники стрел, а также изделия из бронзы, фигурки различных зверей и животных, высокохудожественные предметы гончарного искусства, керамики из красной глины с орнаментами. Местное население находило бронзовых медведек, коньки, утки и т.п., служивших амулетами. А.С. Сидоров приобрел у крестьянина в деревне Ванвиздино пару медведек для Усть-Сысольского музея. Тогда же Алексей Семенович нашел в реке каменную голову древней статуи – предмет поклонения древних местных жителей. Голова представляла собой дикий известковый камень с желвачками минерала более темного цвета, эллипсоидальной формы. Лоб довольно покатый, лицо широкое, круглое, нос широкий, плоский. В верхней части головы намечен головной убор. Местный крестьянин, сообщивший А.С. Сидорову примерное нахождение этой находки, назвал ее «Зырянской Артемидой» (Артемида – в греческой мифологии дочь Зевса, богиня охоты).

Важным событием, оказавшим влияние на развитие образования, науки и культуры региона, стал первый Северо-Двинский губернский съезд по просвещению зырян, который состоялся 12–14 сентября 1920 года.

Алексей Семенович выступил с докладом. Он говорил о важности создания органа для объединения дела просвещения Яренского и Усть-Сысольского уездов – Зырянского института народного образования. Предложение было принято. Кроме того, на съезде обсуждался вопрос о музейной деятельности. В постановлении отмечалось: «Для надлежащей постановки музейного дела принять решительные меры к оживлению и расширению существующего в г. Усть-Сысольске национального музея с естественно-историческими, этнографическими и археологическими отделениями и в то же время к охранению памятников старины и искусств».

В конце 1920 года Алексей Семенович переехал для постоянного жительства в Усть-Сысольск, стал работать в Зырянском институте народного образования. В ЗИНО, а также созданном на его базе педагогическом техникуме повышенного типа, на внешкольном отделении действовал музейно-выставочный цикл обучения. А.С. Сидоров читал лекции по музееведению.

Осенью 1921 года он уехал на годичную стажировку в Ленинград. Одна из поставленных им задач – изучение вещественных памятников в музеях и литературы в библиотеках, архивах и книгохранилищах по истории угро-финских народов.

В период стажировки он неоднократно приезжал в Усть-Сысольск, занимался различными вопросами.

В январе 1922 года постановлением Института народного образования было решено организовать этнографический музей-кабинет, заведующим музеем назначить декана математического факультета, архитектора по образованию, Александра Викентьевича Холопова, который с 1918 года руководил Усть-Сысольским музеем. Однако музей при А.В. Холопове не получил особенного развития. Об этом свидетельствует, в частности, критическая публикация. Автор, подписавшийся псевдонимом «Посетитель», назвал Областной музей «плюшкинской комнатой».

Следует отметить, что в 20-е годы XX века в СССР придавалось важное значение музеям как центрам науки, культуры, образования. А.В. Луначарский, поддерживая деятельность музейного дела в стране, отметил на I Всероссийской конференции по делам музеев (февраль 1919 года, малахитовый зал Эрмитажа): «Музеи – грандиозная памятная книга человечества – должны быть опорой науки». В эти годы наблюдается особенно тесная связь краеведения с музееведением: они взаимно дополняли друг друга. Именно музеи являлись передатчиками традиций народа, его обычаев, быта от прошлого к настоящему и будущему. «Музейное собрание есть вместе с тем и основная краеведная работа», – отмечал В.В. Богданов в своей статье «Значение областных музеев для задач краеведения» в журнале «Краеведение».

Научная и просветительская значимость музея возросла, когда в ее деятельность вмешался А.С. Сидоров.

В 1922 году по инициативе Алексея Семеновича было создано Общество изучения Коми края. В 1923–1925 годы А.С. Сидоров интенсивно занимается музейным делом.

В августе 1923 года Общество ходатайствует перед Коми обисполкомом о передаче музея в ведение ОИКК, и уже 23 октября появляется объявление в газете с информацией о том, что Областной музей поме-

щается в здании педагогического техникума, открыт для обозрения ежедневно с 9 до 15 часов (в этом помещении он располагался с 1921 года).

Общество с ноября разделилось на два отделения: экономическое и историко-этнографическое. В ведении последнего находился Коми областной музей.

На заседании ОИКК 23 декабря, на котором председательствовал А.С. Сидоров, основное внимание было уделено деятельности музея. Выступление А.В. Холопова вызвало множество вопросов. Члены Общества очень активно обсуждали музейные проблемы, прозвучал ряд выступлений. В постановлении просили Обисполком предоставить под музей соответствующее помещение. На этом же заседании (не впервые) обсуждался вопрос о краеведческом журнале, который первоначально решили назвать «Коми олём» («Зырянская жизнь»). В 1924 году осуществлен первый выпуск журнала, который стал носить название «Коми му» («Зырянская земля»). В первые годы основная нагрузка по подготовке издания легла на плечи А.С. Сидорова. В публикуемых статьях нередко затрагивались вопросы музейного дела.

В 1924 году Алексей Семенович продолжал увлеченно заниматься краеведческой деятельностью. Формально считаясь заместителем председателя Общества изучения Коми края, он решал многие организационные вопросы ОИКК. На заседаниях рассматривались самые различные проблемы: и научные, и хозяйственные, и экономические. Так, на заседании 13 января обсуждались вопросы финансового обеспечения экспедиционного обследования края и смета музея. 10 февраля рассматривался вопрос о современном состоянии дел в музее. 17 февраля обсуждали вопрос о составлении программы по всестороннему изучению Коми края, основным автором которого являлся А.С. Сидоров. Программа главным образом была направлена на выявление и сбор экспонатов для музея. На этом заседании решили также вопрос об использовании воскресного дня для посещения публикой музея.

По инициативе Алексея Семеновича и представлению Общества изучения Коми края 13 мая 1924 года Коми обисполкомом было принято очень важное и актуальное постановление Обисполкома №3608 «Об охране памятников искусства, природы и старины в пределах Коми области», в соответствии с которым «все историко-археологические памятники в Коми области – чудские городища, чудские кладбища, курганы, места древних исторических поселений, тайники, заповедные места, памятники гражданской и церковной старины и т.д.» объявлялись народным достоянием. Воспрещалось их уничтожение, порча и хищение, запрещалась перестройка и ремонт старинных зданий и церквей без разрешения обисполкома. Все старинные ве-

щи и документы, хранившиеся у частных лиц, подлежали регистрации в ОИКК, а обнаруженные кем-либо «предметы древнего происхождения» следовало сдавать в музей Общества. При ОИКК была создана специальная комиссия по охране памятников искусства, природы и старины.

Областной музей, который теперь полностью подчинялся Обществу, 22 мая 1924 года получил новое помещение – нижний этаж одного из самых старинных особняков Усть-Сысольска по улице Республиканской (ныне Орджоникидзе). В этом здании, построенном в начале XIX века самыми богатыми людьми Усть-Сысольска Сухановыми, позднее располагалось уездное училище. В 20-е годы XX века там размещалась Советская партийная школа. Алексей Семенович добивался, чтобы для музея предоставили здание полностью (в два этажа). Тогда, на тот период, оно бы вполне удовлетворило фондовые и экспозиционные нужды. Позднее этот вопрос был решен положительно.

А.С. Сидоров разрабатывал концепцию экспозиции, занимался сбором экспонатов этнографического и археологического характера, участвовал в их обработке, систематизации, оказывал консультативную помощь по фондовой и экспозиционной работе, как один из лучших специалистов музейного дела.

Летом 1924 года Алексеем Семеновичем была организована весьма результативная очередная «научная экскурсия по области Коми с целью этнографического и археологического изучения». Он побывал в Ижмо-Печорском бассейне, а также бассейне рек Локчима и Пожега, где совершил новые открытия. 16 июня А.С. Сидоров обнаружил Подчеремскую стоянку на левом берегу Печоры, в 5 км ниже села Подчерем, на обширном холмистом бору. Эта стоянка имела свою историю. В начале XX века охотник Василий Лазаревич Мезенцев неподалеку от своей промысловой избушки заметил тонкие осколки кремня, которые стал употреблять для своего кремневого ружья. При осмотре этого места Алексей Семенович нашел несколько экземпляров наконечников, подтверждавших обитание человека в этих местах в древности, им собраны скребки, наконечники и кремневые пластинки на площади 3000 м². На месте обитания современного хозяйства, основанного около 50 лет назад, близ деревни Волок (Переволок) Алексей Семенович обнаружил археологический памятник, назвал его «Ухтинский переволок». Было ли это место заселено ранее? Существовала легенда о старике, перевозившем проезжающих через волок. Якобы старик обладал некой особенностью: в необходимую минуту лошади его являлись к нему моментально, независимо от того, на каком бы расстоянии они ни находились в то время. Действительно, параллельно колее переволока пролегалла более древняя дорога, заброшенная лет 200–300 тому

назад (посередине росли сосны до одного метра в обхвате). Местные жители в обрыве берега находили различные медные и железные предметы, например железный наконечник стрелы с двумя крыловидными отростками. Поиски следов неолита А.С. Сидоровым привели к находке черепка с тремя глубокими наколами, частей глиняных сосудов, в том числе узкогорловой посуды. Археологические исследования Алексей Семенович проводил и в других районах. Так, на правом берегу речки Кёмыс, в 5 км от впадения ее в реку Вынь, А.С. Сидоров обнаружил Кёмысское городище, которое, с его точки зрения, являлось в древности жертвенным местом, обслуживало религиозные нужды местного населения.

О результатах своих Ижмо-Печорских археологических изысканий Алексей Семенович доложил на заседании Общества 22 июля, а Вымских – 1 сентября. Позднее он их обобщил в серии статей в журнале «Коми му» за 1924–1925 годы, проиллюстрировал своими рисунками.

В этой экспедиции, которая продолжалась полтора месяца, А.С. Сидоров собрал и привез для Областного музея богатую археологическую и этнографическую коллекцию – образцы традиционной одежды коми-ижмцев, ненцев, «чудские» древности, в том числе железный дротик, «чудский» бронзовый образец, представлявший собой хищную птицу (похожую на орла) с полураскрытыми крыльями и хвостом в виде буквы Т. Образок, по мнению А.С. Сидорова, служил амулетом.

Алексею Семеновичу правление Общества поручило изъять музейные предметы из бывшего Троицко-Стефановского Ульяновского монастыря. В монастырском хозяйстве располагалось более 800 десятин земли, молочная ферма, мельница, другие хозяйственные постройки и уголья. В 1913 году в нем проживало более 60 монахов и послушников, которые занимались рыбной ловлей, держали лошадей, коров, стадо оленей, сеяли ячмень, рожь, капусту, огурцы и т.д. Ансамбль монастыря включал собор, храм-колокольню высотой в 80 м, каменную часовню, кладбищенскую церковь, школу, библиотеку, корпуса для проживания монахов и т.д. Монастырь обнесен каменной стеной с башнями по углам и надвратной церковью. В 1918 году он прекратил свое существование (возобновил в 1994 году). На его территории образовали совхоз, в 1919 году открыли сельскохозяйственную школу, в 1922 году – сельскохозяйственный техникум (в 1922–1925 годах располагался в Усть-Сысольске, затем снова в Ульяново, с 1956 года слит с Сыктывкарским сельскохозяйственным техникумом).

Алексей Семенович произвел обследование музейных предметов с точки зрения их целостности и сохранности, пришел к неутешительным выводам. Раритеты хранились в опечатанном соборе, где подвергались

атмосферному влиянию: из-за отсутствия вентиляции завелись сырость, плесень. А.С. Сидоров был возмущен действиями власти Усть-Куломского уезда, на территории которого располагался монастырь. Они в библиотеке монастыря позволили содрать переплеты с большого числа старинных книг, представлявших библиографическую ценность. Многие фрагменты фолиантов Алексей Семенович обнаружил у местного населения. Церкви оказались открыты, подверглись частичному хищению.

Из библиотечного помещения и из книжного склада А.С. Сидорову удалось собрать и привезти книг, рукописей до 70 пудов (20 мешков). Кроме того, он извлек 134 предмета музейного значения из монастырского имущества (акт составлен 13 мая). В их числе были гробница Иулиании; два ковчега с частицами мощей в металлическом футляре; статуя Сидящий Иисус; икона Стефана Пермского с частью мощей его в металлической оправе; митра, вышитая жемчугом, с камнями; посох с длинными головами, с камнями и крестиком из камней наверху; множество крестов – перламутровых, костяных, медных, чугунных, хрустальных, из черного дерева и т.д.

В том же году музей обогатился художественной коллекцией, поступившей из Москвы и Ленинграда: около 300 живописных полотен, скульптурных изображений, фарфоровых изделий известных отечественных и зарубежных мастеров, ранее принадлежавших различным коллекционерам (из Всероссийского музейного фонда).

Шла большая работа по подготовке музея к открытию. А.С. Сидоров много внимания уделял строительству экспозиции, сбору экспонатов. На заседании правления Общества изучения Коми края 14 июля он назначен заведующим этнографическим отделом Областного музея, позднее – заведующим административной частью музея. Бывшее помещение Совпартшколы ремонтировалось, со 2 сентября стали переноситься экспонаты. Алексей Семенович доставил в музей краеведческую библиотеку от Коми издательства. В связи с предстоящим торжественным открытием музея была создана организационная комиссия в составе А.В. Холопова, А.С. Сидорова, Д.А. Батиева.

2 ноября 1924 года, в воскресенье, Областной музей – его назвали в прессе «книга жизни коми народа» – распахнул двери для трудящихся масс.

В музее действовали отделы: естественно-исторический (с материалами о полезных ископаемых Коми области, о древних животных, о современном растительном и животном мире), «быт коми народа» (хозяйство, одежда, детские игрушки и т.д.), истории, церковно-исторический, художественный. Проводились тематические выставки.

Функционировали научная библиотека, а также столярная и чучельная мастерские.

Юбилейные мероприятия Общества также проводились в стенах музея. Так, 15 мая 1925 года отмечалось трехлетие ОИКК. Краеведы готовили вечер и выставку к 1 мая. И.М. Попов, А.Н. Грен, Н.А. Соснин, А.С. Сидоров, Д.А. Батиев с 8 часов утра 30 апреля занимались расстановкой экспонатов в музее, их систематикой. 16 мая 1926 года Общество изучения Коми края отметило свое 4-летие. В Областном музее прошло торжественное заседание, прозвучали приветствия от учреждений, организаций, частных лиц. С докладами выступили: Д.А. Батиев – «Деятельность Общества за четыре года», А.А. Чеусов – «Краеведческий метод, трудовая теория и неразрешенные вопросы коми краеведения», А.С. Сидоров – «Изучение быта коми народа». После заседания для гостей были организованы экскурсии в музей и на метеорологическую станцию.

Алексей Семенович привлекал для работы в музее слушателей педтехникума повышенного типа, в котором продолжал вести занятия. Он читал лекции «История материальной культуры» (по преимуществу на местном материале), «Музейное дело». Разработал новые курсы «Методика краеведения», «Коми литература», которые вел и в 1926 году.

Осенью 1926 года Алексей Семенович уехал в Ленинград, поступил в аспирантуру. Незадолго до своего отъезда в газете «Югд туй» он опубликовал статью «Крепите коми музей», в которой проявилась его обеспокоенность судьбой воссозданного им культурного учреждения.

В 1927 году Алексей Семенович в Ленинграде производил работу по изъятию книг, освещающих историю Зырянского края, которые предназначались для научной библиотеки при музее Усть-Сысольска. Эта библиотека являлась тогда единственной научной библиотекой Коми области, располагала девятью тысячами названиями книг, часто довольно редких: трудами И.И. Лепехина, А.А. Кейзерлинга, полным энциклопедическим словарем Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона и т.д.

11–14 декабря 1927 года состоялась III Всероссийская конференция по краеведению, в которой приняли участие 250 делегатов с решающим голосом и 200 – с совещательным. Ставились две основные задачи: 1) выявить опыт работы, улучшить ее качество; 2) привлечь к краеведной работе «широчайшие» слои населения. Работало четыре секции: организационно-методическая, научно-исследовательская, школьная, музейная. Открыл заседание начальник Главнауки Ф.Н. Петров. С докладами выступили председатель СНК РСФСР А.И. Рыков («О хозяйственном строительстве»), руководитель внешкольной работы Наркомпроса Н.К. Крупская («Краеведение и народное образование»),

А.А. Тахо-Годи («Краеведение в национальной республике») и другие. Всего озвучено 40 сообщений. На конференции выдвинут тезис: «Без музея не может правильно развиваться народное краеведение».

Алексей Семенович не бывал за границей, но ему удалось познакомиться с зарубежными специалистами музейного дела. В Ленинграде он проходил практику в Этнографическом музее (Музей быта племен и народностей СССР и сопредельных стран), в котором функционировали отделения этнографии великорусской, финской (сюда же относили коми-зырян), украинской, белорусской, зарубежных славян, этнографии Кавказа и Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока, секция буддизма. В коллекциях хранилась одежда, жилище, искусство, предметы поклонения. А.С. Сидоров работал там по возможности в воскресные дни, по средам и пятницам с 11 до 15 часов (зимой) и с 11 до 16 часов (летом), а также по понедельникам с 7 до 10 часов вечера.

В музее он познакомился с крупнейшим археологом, хранителем Национального музея в Гельсингфорсе Аарне Михаэ Тальгреном (Тальгрэн) (1885–1945), приехавшим в Ленинград весной 1928 года (бывал в России в 1925 году). Их представил друг другу археолог профессор П.П. Ефименко, один из научных руководителей А.С. Сидорова, который работал в музее хранителем.

Вечером того же дня А.М. Тальгрэн пришел со своим другом Ил-мари Манниненом (1894–1935), директором Эстонского этнографического музея (в 1922–1928 годах) в гости к А.С. Сидорову домой. И. Маннинен интересовался этнографическими вопросами по материальной культуре, по одежде у финских племен (к ним относились и коми-зыряне).

Это знакомство оказалось весьма полезным в плане сотрудничества: А.С. Сидоров направил в Финляндию свои статьи, а финские ученые опубликовали их в журналах «Евразия», «Финно-угорский журнал». С Тальгреном Алексей Семенович потом переписывался, посылал ему литературу – журналы, книги, газеты. Когда монография «Знахарство, колдовство и порча у народа коми» (М.; Л., 1928) была издана, А.С. Сидоров отправил ее А.М. Тальгрэну, И. Маннинену, а также финскому профессору Яло Лахья Калима (1884–1952) – исследователю коми языка.

В начале 1932 года Алексей Семенович вернулся в Сыктывкар, стал заведовать кафедрой в Коми государственном педагогическом институте. Директором Областного музея с 1933 года назначен его ученик Г.А. Старцев, с которым он жил в одной коммунальной квартире по Пролетарской улице. Во дворе А.С. Сидоров устроил маленький огорожок и выращивал помидоры, тщательно за ними ухаживал – выра-

тали большие, толстые, мясистые, ярко-зеленые. Не раз Алексей Семенович советовался по этому вопросу с К.И. Ясенецким, организатором опытно-акклиматизационного участка при музее, которому тоже неоднократно давал консультации, т.к. хорошо знал особенности сельского хозяйства в Коми.

В 1935 году Алексей Семенович вновь вернулся в Ленинград и прожил там до своей репрессии в ночь на 21 октября 1937 года.

Работая в Яфетическом институте (Институт языка и мышления) Алексей Семенович занимался не только лингвистическими, но и археологическими исследованиями. В 1936 году он, по его собственному признанию, сделал первую попытку осмысления сюжетов пермского звериного стиля как выражения солнечного мифа. Центральными фигурами неба и солнца в предметах выступали птица, лось, медведь, иногда рыба, собака, конь. Предметы пермского звериного стиля были медные, бронзовые, иногда серебряные, изображающие различных животных, зверей и фантастических существ и их части, иногда в сочетании с человеческими фигурами, в верхней части имели отверстия для проведения шнура – они служили подвесками к одежде. Другие фигуры включены в состав трубочки, через которую также проходил шнур. Алексеем Семеновичем эти предметы были найдены на западе по реке Яреньге (село Тохта, поселок Чорва), около Усть-Цильмы и т.д. Некоторые предметы – полые, литые из меди или бронзы фигур птиц или животных.

С 1 июля по 31 августа 1937 года Алексей Семенович оформил отпуск, выехал в Сыктывкар, но прежде заехал в Вологду – в Вологодский краеведческий музей – для работы по теме «Памятники пермской письменности XIV столетия».

В 1937–1940 годах Алексей Семенович находился в заключении, затем в течение года жил в Новгородской области. В начале 1942 года он стал научным сотрудником Коми научно-исследовательского института в Сыктывкаре, занимался лингвистическими исследованиями, работал сначала над кандидатской, затем докторской диссертациями, которые успешно защитил в 1945 и 1947 годах соответственно. Постепенно он вернулся к решению музейных проблем. В его ежегодных отчетах регулярно упоминается сотрудничество с республиканским музеем. Он помогал в подборе материалов по древнейшим периодам истории Зырянского края (для построения экспозиции), оказывал консультативную помощь в вопросах паспортизации археологических и этнографических экспонатов.

В Национальном музее Республики Коми, в одном из его отделов – литературном музее И.А. Куратова, музее истории просвещения Ко-

ми края, музее Коми пединститута, школьном музее села Палевицы хранятся личные фонды А.С. Сидорова, которые активно используются в научно-исследовательском, образовательном процессе, в выставочной деятельности. Эти материалы раскрывают яркую личность А.С. Сидорова, его вклад в развитие науки, культуры, образования Коми края.

Связь с музеями продолжается...

Егорова Светлана Львовна

*к.и.н., старший преподаватель кафедры источниковедения, археологии и этнографии Сыктывкарского государственного университета
г. Сыктывкар*

**Профессор В.А. Бутенко –
заведующий Радищевского музея (1923–1928 гг.)**

Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931), известный в свое время историк, десять лет своей жизни провел в Саратове. По решению Временного правительства, воплотившемуся в жизнь уже при советской власти, в Саратовском университете в 1917 г. открылся историко-филологический факультет. Среди профессиональных кадров, прибывших сюда из Петрограда для работы, был и В.А. Бутенко.

Саратовский край в эту пору представлял собой для историков и этнографов «огромное и не совсем распаханное поле». Для его освоения университет нуждался в скорой подготовке кадров. Возможность этого подкреплялась наличием необходимой материальной базы. Помощь будущим студентам могла оказать университетская библиотека, хранившая три собрания книг и рукописей: профессора-канониста Алексея Степановича Павлова (1832–1898), содержащая лучшие издания памятников церковного и светского гражданского права; бывшего саратовского губернатора, члена Государственного совета Михаила Николаевича Галкина-Враского (1834–1916) в несколько десятков ценных монографий по истории церкви, истории письменности, этнографии; фонд профессора-библиофила Ильи Александровича Шляпкина (1858–1918 гг.), насчитывающий 70.000 томов, 300 рукописей XIII–XVIII вв. Коллекция Шляпкина включала до 1000 лубков (старых и новых), портреты русских писателей, фотографии классических картин, преимущественно византийские древности и до 500 автографов русских писателей. Для нужд университета в городе имелись архивы губернского правления, консистории (240.000 дел), братства Святого Креста, архив, археологический музей и библиотека губернской уч-

ной архивной комиссии (30.000 томов и рукописи), Радищевский музей [1]. С последним в 1920-е гг. оказался тесно связан В.А. Бутенко.

Судьба самого историка и его научные труды долгое время находились в забвении. Восстановление биографии В.А. Бутенко и выявление его научного наследия началось лишь в середине 1990-х гг. [2]. Для этого следовало обратиться в библиотеки, архивы Петербурга и Саратова.

Поиски в архиве Государственного художественного музея имени А.Н. Радищева не принесли никаких результатов. Сведений о В.А. Бутенко не сохранилось. Возможно, причина тому – арест и осуждение историка в начале 1930-х гг. Зато в фондах Российского государственного исторического архива и Архива Саратовского государственного университета сохранились документы, связанные с «саратовским периодом» В.А. Бутенко. Прежде чем обратиться к ним, скажем кратко о «петербургском периоде» историка.

В.А. Бутенко родился в г. Гори Тифлисской губернии в 1877 г., в семье мирового судьи. В 1895 г. поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет. После получения диплома первой степени В.А. Бутенко преподавал в Александровском лицее, Психоневрологическом институте, университете, коммерческих училищах столицы. Увлечение историей Западной Европы в новое время, курс которой читал студенту Бутенко Н.И. Кареев, сказалось на выборе темы магистерской диссертации. Два года (1910–1912), проведенные за границей по сбору источникового материала в Парижском Национальном архиве, вылились в солидное исследование «Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации. 1814–1820 гг.» (1913).

Переезд в Саратов поставил перед историком новые задачи: организация работы кафедры всеобщей истории, создание учебных пособий, завершение докторской диссертации. В.А. Бутенко органично вошел в саратовское Общество истории, археологии и этнографии, преобразованное в 1919 г. из бывшей губернской ученой архивной комиссии. Общество сыграло немалую роль в открытии новых факультетов в Саратовском университете, велики были его заслуги и в краеведении. Среди членов Общества были коллеги В.А. Бутенко по университету – С.Н. Чернов, А.А. Гераклитов, П.Г. Любомиров, С.В. Юшков. Деятельность Общества была связана и с работой местных музеев, пополнением их коллекций [3].

По данным, представленным журналом «Культура», в 1920-е гг. в Саратове насчитывалось 11 музеев: Археологический (зав. – П.Н. Шишкин), Этнографический музей Саратовского края (зав. – Б.М. Соколов), Музей общественного движения (зав. – Г.П. Федотов), Дом-

музей Н.Г. Чернышевского (зав. – М.Н. Чернышевский), Музей социальной гигиены (зав. – В.Я. Харичков), Музей голода (зав. – Б.М. Соколов), Музей Волгаря (зав. – Ф.Н. Родин), Музей естествоиспытателей и любителей естествознания (зав. – В.В. Феофанов), Сельскохозяйственный музей (зав. – А.Д. Штылько), Музей изящных искусств при Саратовском государственном университете (зав. – Ф.В. Паллов) [4].

На этом фоне выделялся Государственный художественный музей имени А.Н. Радищева – первый общедоступный художественный музей в провинциальной России, основанный внуком А.Н. Радищева, известным русским художником Алексеем Петровичем Боголюбовым (1824–1896). Стремясь «оставить о себе память, возвышая втопанное в грязь имя деда», А.П. Боголюбов решил открыть музей с правом свободного входа в него для всех желающих. Здание музея возводилось по проекту петербургского архитектора И.В. Штрома. В июне 1885 г. музей был открыт [5]. Среди периферийных музеев СССР Радищевский музей был признан первым по времени основания и по богатству своих коллекций.

В 1917 г. фонды его хранили 6.738 предметов искусства: собрание русской и западноевропейской живописи и скульптуры, коллекции мебели и прикладного искусства. Библиотека музея насчитывала около 4000 томов. Открывая историко-филологический факультет в местном университете, Временное правительство рассчитывало на помощь музея в обеспечении факультета научно-вспомогательными средствами. Однако, несмотря на богатство фонда, «музей, – писали в 1918 г. «Художественные известия», – не имел определенной физиономии, а являлся хранилищем всех тех ценных и неценных вещей, которые к нему поступали. Примером такой разнородности и полной бессистемности могут служить коллекции фотографий бывших саратовских губернаторов, вице-губернаторов, городских деятелей, коллекции хрустальных изделий, скульптуры фабричной работы и т.д. Музей имел характер сундука старой бабушки, где наряду с брюссельскими кружевами и опалами лежат валенки – память горячо любимой няни» [6].

Работникам музея предстоял кропотливый труд по систематизации собраний и созданию научно обоснованных экспозиций. В первые годы советской власти собрания музея пополнились предметами искусства из Комитета по охране художественных сокровищ при Совете Всероссийских кооперативных съездов, из Отдела ИЗО НКП РСФСР, из Саратовского губернского Пролеткульта, из Саратовского историко-археологического общества.

В 1923 г. В.А. Бутенко принял от «последнего петербургского символиста» Алексея Дмитриевича Скалдина заведование Радищевским

музеем, продолжив дело формирования музейного фонда. При нем поступили картины из Государственной Третьяковской галереи (1926), из усадьбы Отрадино (1927), Русского музея (1928), Ленинградского музейного фонда (1928). В качестве примера приведем заявление В.А. Бутенко декану педагогического факультета университета от 13 января 1927 г.: «В связи с полученным мною предложением от Главнауки явиться в Москву для получения предметов искусства из Государственного Музейного фонда прошу мне дать отпуск с 17 по 31 января» [7]. В 1927–1928 гг. значительно пополнилась коллекция декоративно-прикладного искусства. За 10 лет (1917–1928) Радищевский музей превратился в одно из крупнейших в стране собраний русского и западноевропейского искусства.

Работой по учету экспонатов музея, ведением инвентарных книг ведала Клавдия Ивановна Рудольфи, интересовавшаяся русской живописью. В 1924 г. в Радищевский музей пришла Кира Николаевна Папа-Афанасопуло, известная своей работой о золотоордынской керамике (1922) и научно-исследовательской деятельностью в университете. К.Н. Папа-Афанасопуло занималась сбором материалов о произведениях старых западноевропейских мастеров, историей фарфора, памятниками дворянско-крепостной культуры [8]. В 1925 г. на должность гида-проводника музей принял выпускницу историко-филологического факультета, ученицу Ф.В. Баллода (кафедра истории искусств) Наталью Ивановну Оболенскую [9].

В 1926 г. научные сотрудники музея приняли участие в работе областной музейной конференции. С докладом «Рост и развитие Радищевского музея» выступила К.И. Рудольфи. В.А. Бутенко ближе был вопрос организации музейного дела. Свои мысли по этому поводу он выразил в специальной работе «Задачи строительства провинциальных художественных музеев», представив ее на конференции [10]. Работа не была опубликована, и рукопись ее сегодня считается утраченной.

Десять лет профессорской деятельности В.А. Бутенко в Саратове были весьма плодотворными. Будучи заведующим кафедрой всеобщей истории, деканом историко-филологического факультета, а затем и ФОНа, он участвовал в становлении исторического образования в университете. В своей преподавательской деятельности профессор В.А. Бутенко заложил начало чтению в Саратовском университете курса всеобщей истории. Здесь он создал более 20 работ, главная из которых – докторская диссертация «Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации. 1820–1830 гг.» [11].

С отъездом В.А. Бутенко из Саратова на целое десятилетие замерли в местном ученом мире научные изыскания в области новоевропей-

ской истории. Отъезд был связан с серьезным недомоганием историка. В начале февраля 1928 г. он еще работал. Правление университета перевело парижскому книгоиздательству «Lagousse» деньги за выписанную им литературу, и В.А. Бутенко, видимо, был еще полон планов. Но начавшиеся неурядицы в университете, гонения на «старую профессуру» обострили течение болезни. Профессор Ф.Я. Китаев, осмотрев в конце февраля В.А. Бутенко, обнаружил у него неврастению в тяжелой форме и посоветовал основательно отдохнуть. Вместе с завершением преподавания в университете свертывается и работа В.А. Бутенко в Радишевском музее. Он покинул Саратов и переехал в Ленинград.

Последние годы своей жизни В.А. Бутенко работал в Археографической комиссии, писал статьи для «Вестника знания». В 1930 г. он был арестован по так называемому «Академическому делу», осужден Тройкой ПП ОГПУ при ЛВО на 10 лет лагерей и отправлен в г. Кемь. Весной 1931 г. «десятилетников» этап за этапом стали вывозить на строительство Беломоро-Балтийского водного пути. Очевидно, тогда попал на ББК и В.А. Бутенко [12].

Архивные документы в отношении дальнейшей судьбы историка немногословны. В фонде ББК сохранилась его учетная карточка, где значится: «Умер 14 сентября 1931 г.». Причина смерти и место захоронения не указаны [13]. На обстоятельства смерти В.А. Бутенко проливают свет мемуары С.В. Сигриста, также проходившего по «Академическому делу»: «...Он [В.А. Бутенко – С.Е.] прибыл на Лей-Губу совершенно больным скоротечным легочным туберкулезом. Я навещал его умирающего в лазарете на Май-Губе и предложил, что фельдшер-священник его причастит. Он ответил, что он неверующий. Его похоронили за северным семафором станции Май-Губа на арестантском кладбище, которое потом было затоплено Беломорским каналом» [14].

Часть научного наследия В.А. Бутенко разделила его трагическую судьбу. После ареста историка и его имущества утрачены неопубликованные работы В.А. Бутенко.

Отрадно, что в начале XXI в. ученые Саратовского университета и сотрудники Государственного художественного музея имени А.Н. Радищева стали вспоминать В.А. Бутенко в своих публикациях, оценив вклад историка в развитие научной и общественной жизни Саратова.

Литература и источники

1. Российский государственный исторический архив. Ф.733. Оп. 226. Д.311. Л.2-10 об.
2. Золотарев В.П. Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931)// Новая и новейшая история. 1996. №6. – С. 170-188.

3. Клестова С.Л. [Егорова С.Л.] В.А. Бутенко – профессор Саратовского университета (1917–1928 гг.)// Российские университеты в XVIII-XX вв.: Сб. науч. Ст.: Вып.3. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. – С. 197-213; Петербургский университет в жизни профессора В.А. Бутенко // Там же. 2004. – С.135-146.
4. Культура. Журнал профессиональной жизни, науки и искусства. Саратов, 1922. – С.21, 22.
5. Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева/авт. вст. ст. и сост. Г.М. Кармакулина, Г.Е. Федорова. Л.: Художник РСФСР, 1984. – С.5.
6. Там же. – С.6.
7. Прошение В.А.Бутенко от 13 января 1927 г.// Архив Саратовского государственного университета. Д. 69. Л. 15.
8. К.И.Рудольфи и К.Н.Папа-Афонасопуло были уволены весной 1931 г. «за несоответствие идеологическим задачам музея»
9. «За несоответствие идеологическим задачам музея...». К 120-летию Радищевского музея // <http://www.rosculture.ru/all-region/show/?id=17848&>
10. Об этой работе В.А.Бутенко упоминает в своем списке трудов (10 марта 1928 г.)// Там же. Л. 38.
11. Эта работа В.А.Бутенко не была опубликована.
12. Архивная справка об аресте и осуждении В.А. Бутенко от 7 апреля 1993 г.// Управление по Санкт-Петербургу и области Министерства безопасности РФ.
13. Архивная справка о смерти В.А.Бутенко от 23 июля 1993 г.// Отдел реабилитации и архивной информации ИЦ МВД Республики Карелия.
14. Перечень Ф.Ф. Академия Наук на «великом переломе»// Звенья: Ист. Альманах. М.: Прогресс; Феникс, 1991. – Вып. 1. – С. 231.

Сова Валентина Алексеевна
 ученый секретарь Национального музея Республики Коми
 г. Сыктывкар

Музеи Финляндии и Германии глазами посетителя (по материалам отчета Г.А. Старцева о научной командировке 1927 г.)

В конце лета 1927 г. аспирант факультета языка и материальной культуры Ленинградского государственного университета Г.А. Стар-

* Г.А. Старцев (1902–1943) – уроженец с. Онежье Княжпогостского района Коми АССР, один из первых коми этнографов, преподаватель Ленинградского и Коми государственного пединститут, директор Коми областного музея в 1933–1936 гг. Арестован в 1937 г., в 1940 г. осужден по ст. 58-10 УК РСФСР на 5 лет ссылки в Красноярский край. Погиб в годы Великой Отечественной войны под Сталинградом.

цев выехал в Финляндию, а затем в Германию для прохождения стажировки на кафедре финноугроведения Хельсинского университета и в Венгерском институте при Берлинском университете. По возвращении из стран Европы им был составлен подробнейший отчет, с которым он выступил на заседании факультета ЛГУ. Текст отчета был представлен также в Общество изучения Коми края, на средства которого он и смог совершить эту поездку.

Отчет датирован 23 августа – 17 октября, т.е. его поездка заняла почти два месяца. В Гельсингфорсе (Хельсинки) он находился с 24 августа по 17 сентября. Сразу же после приезда Георгий Афанасьевич посетил Национальный музей и познакомился с его директором У.Т. Сирелиусом, доктором Гамалайнен и с ассистентами Виртанен и Вилгуна. Все они отнеслись к стажеру с большим вниманием и предоставили возможность заниматься в библиотеке при музее, где была сосредоточена почти вся литература о финно-угорских народах.

Ежедневно с 10 до 12 часов он изучал коллекции этнографического отдела музея, а оставшееся время проводил в библиотеке. По мнению Георгия Афанасьевича, Национальный музей сосредоточил свои усилия на собирании и хранении предметов быта и жизнедеятельности финно-угорских народов. Музей возник еще до 1845 г. при университете г. Гельсингфорс и имел мизерные коллекции из монет, медальонов и этнографических экспонатов.

Быстрое пополнение музея новыми коллекциями начинается в конце 1860-х годов, благодаря активной собирательской работе археолога И.Р. Аспелина и искусствоведа Э. Неврандера, вследствие чего музей стал постепенно вырастать в научное учреждение. До 1910 г. музей не имел своего помещения, поэтому его экспозиции и фонды располагались в трех зданиях, разбросанных в разных концах города. Половина бюджета на содержание музея, а также расходы на научные командировки складывались из средств, получаемых от частных пожертвований финских торговцев и промышленников. Здание музея достраивалось на средства «капиталиста-финна», жившего в то время в США. Ряд крупных научных монографий также был издан музеем на частные средства.

Впечатления о Национальном музее Георгий Афанасьевич подробно описал в научном отчете. В то время Национальный музей состоял из трех экспозиционных отделов – исторического, археологического и этнографического. Исторический отдел занимал 27 небольших залов, заполненных картинами, макетами старинных замков, средневековых церквей и монастырей. В пятнадцатом зале была выставлена большая коллекция боевого оружия и доспехов: молоты, палицы, шпаги, топо-

ры, огнестрельное оружие с фитильными запалами, нагрудные и спинные щиты из меди и железа. Следующий зал был оформлен образцами военной формы финской гвардии, в основном демонстрирующимися на манекенах. В соседнем зале выставлены гравюры, запечатлевшие боевые сражения, портреты шведских королей и высших военных чинов.

В пяти залах разместилась бытовая обстановка финнов и шведов XVIII-XIX веков: шкафы, сундуки, столы, стулья, ткани, портреты и т.п. В двух других комнатах выставлены изделия из фарфора и олова. Тридцатый по счету зал оформлен портретами финских и шведских ученых, писателей, художников, военных чинов, в том числе и портретами русских царей. Среди них – большого размера портрет Александра II работы немецкого художника Карла Беккера, профессора и президента Берлинской академии художеств.

Археологический отдел состоял из двух разделов, включавших археологические коллекции, собранные на территории Финляндии, и коллекции о финских племенах. В первом разделе, занимавшем пять залов, в шкафах и витринах были помещены коллекции и отдельные предметы времен викингов (800–1050 гг.). Наиболее насыщенным экспонатами оказался подотдел железного века. Пятый зал отдела полностью был занят находками, собранными в Египте, Палестине, Греции, а также в Крыму и Восточной России. С экспозициями археологического отдела Георгия Старцева знакомили профессор Насктану и доктор Тальгрэн.

Отдел этнографии, занимавший 24 экспозиционных зала, больше всего впечатлил молодого ученого. В отчете он написал: «... экспонаты дают полное представление о жизни финнов во всем разнообразии их потребностей, интересов, культурных и бытовых, художественных». Угры (венгры, остяки, вогулы), пермские финны (коми-пермяки, коми-зыряне, вотяки), приволжские финны (мордва, черемисы), лопа-ри, эсты, карелы – практически все группы народов, входящих в финно-угорскую языковую семью были представлены экспонатами и живописными работами. В пятнадцати залах выставлена одежда, обувь, обстановка, орудия охоты, рыболовства и земледелия. Более громоздкие орудия, средства передвижения и перевозки выставлены на дворовой территории музея. А в зале «Калевалы» (зал №44) восстановлена карельская изба, в которой полностью воспроизведено внутренне убранство.

Георгий Афанасьевич в отчете отмечал, что наиболее полно отражена в экспозициях жизнь карел, материалы о которых находились в 15 залах, и в меньшей степени – других финно-угорских народов, экс-

позиции о которых занимали только 6 залов. Быт остяков и вогулов (ханты и манси – В.С.) представлен большим количеством культовых предметов: медвежьими лапами, берестяными масками, шаманскими принадлежностями (бубны, колотушки и т.п.). Комплекс о венграх очень скромный. Зырянский подотдел изобилует деревянной посудой, домашней утварью, охотничьим снаряжением (силки, пешни). С огорчением Георгий Старцев пишет, что предметы, собранные на Сысоло не дают полного представления о быте и занятиях зырян, проживающих на Нижней Вычегде, Выми, Ижме, Вашке, Мезени.

Выигрышно смотрелся зал о вотяках (удмурты), черемисах (марийцы) и мордве, где в большом количестве были представлены яркие одежды, женские головные уборы, домашняя утварь. Этнографический материал дополнительно сопровождался показом фотографий, картин и карт о каждом из перечисленных народов. В последнем экспозиционном зале выставлены исключительно модели средств передвижения, охотничье и рыболовное снаряжение.

Кроме Национального музея, Георгию Афанасьевичу было предложено познакомиться с «Музеем среди природы» – ландшафтным музейным комплексом на острове Фелизе. Не посетить Ateneum – картинную галерею г. Гельсингфорс он не мог, т.к. жемчужина Финляндии привлекала каждого, кто посещал эту страну.

В Берлине, работая в архиве Венгерского института, основное внимание он уделял изучению остяцких, вогульских, вотяцких и зырянских текстов, опубликованных ранее Мункачи и Фуксом в журнале «Közlemenyen», а также знакомству с более ранними и новейшими работами по этнографии финноугров.

Дважды ему удалось посетить Музей народного искусства (Museum für Volkerkunde). Здание музея впечатлило его больше, нежели этнографические и антропологические коллекции африканских, американских и океанических аборигенов. Особым богатством отмечены отделы искусства Индии, Китая, Японии. Чрезвычайно интересной названа коллекция предметов из раскопок Трои Генриха Шлимана. Из других сокровищниц Берлина Георгий Афанасьевич называет Старый и Новый королевский музей Национальной галереи, Музей императора Фридриха, которые Г.А. Старцев также смог осмотреть.

«Поездка в целом дала мне много нового, – пишет Г.А. Старцев в заключительной части отчета. – Самое же важное для меня – это всестороннее знакомство с интересующим меня вопросом, угрофинноведением, которое должно отразиться в моей настоящей и будущей научной работе» [1]. Находясь в Усть-Сысольске в 1929 г., Георгий Стар-

цев передал в дар Коми областному музею фотографии здания и экспозиций Национального музея Финляндии.

Знакомство с экспозициями, отдельными коллекциями и экспонатами музеев Гельсингфорса и Берлина оставило в сознании Георгия Афанасьевича глубокий след. За свою короткую жизнь он написал более 40 работ по истории, этнографии и лингвистике ненцев, хантов, манси, коми. Это ему очень помогло в дальнейшей работе, когда в 1933 - 1936 гг. он возглавлял Коми областной музей. Благодаря его интересу к живописи и произведениям искусства, он сумел пополнить художественный отдел нашего музея редкими полотнами. В Ленинграде им было приобретено пять картин отечественных и зарубежных авторов: «Девятый вал» (Айвазовский), «Воспоминание» (Цермат), акварели «Лебедь», «Лето» (Рутковский), «Английский крейсер» (неизвестный голландский художник). Кроме того, Георгий Афанасьевич в одном из антикварных магазинов Ленинграда купил копию чрезвычайно редкой картины итальянского художника начала XVII в. Гвидо Рени «Апполон и Аврора» и две картины русского и французского художников. «Челнок», «Крутой берег», «Портрет Ненилы Ивановны Кусьпелевой» русского мастера кисти А.А. Рылова и «Айсберг в Северном Ледовитом океане», «Берег Новой Земли» А.А. Борисова, певца природы русского Севера – вот далеко неполный перечень приобретенный Коми областного музея середины 1930-х годов.

В качестве экспозиционера Г.А. Старцев много нового ввел при строительстве новых экспозиций и выставок. Первый манекен в костюме коми охотника появился на экспозиции «Занятия и быт коми-зырян» в конце 1934 г. При нем в штатное расписание музея была введена должность художника и все последующие его выставки строились при участии профессионального художника. Но самое главное, что ему удалось привнести в работу коллектива музея, – это коллекционный сбор однотипных предметов всех этнографических групп коми-зырян. К сожалению, ему не удалось довести начатое до конца. В 1936 г. его исключили из партии и сняли с работы. А чуть позже он был арестован органами НКВД по надуманному обвинению в шпионаже в пользу германской и финской разведок и контрреволюционной деятельности. Знакомство и общение с финскими учеными, заведующими музеем и библиотекой Национального музея Финляндии И. Вихманом, У. Сирелиусом, Я. Калимо, А. Тальгреном было одним из главных аргументов в этом деле.

То, что связь с финскими коллегами Георгий Афанасьевич поддерживал после возвращения из научной командировки, – неоспоримый факт. В библиотеке Национального музея Финляндии хранится книга

Георгия Старцева «Остяки» с дарственной надписью: «U.T. Sirelius от автора». В фотоархиве того же музея находятся сделанные им во время экспедиции по Коми краю двенадцать фотографий с видами зырянских деревень, жилищ, охотников в полном снаряжении и зырянских женщин. В материалах следствия по делу «О контрреволюционной буржуазно-националистической организации» есть также показания, что в 1932 г. Георгию Старцеву удалось достать два тома посмертных работ У.Т. Сирелиуса, которые были переданы заведующему Коми областным музеем С.А. Попову для перевода на русский язык.

Арест, два года ссылки, безвестность – таков печальный итог научной командировки в страны Европы молодого, подающего надежды ученого Г.А. Старцева.

Источники

Государственное учреждение Республики Коми «Национальный архив Республики Коми», фондохранилище №1. Ф. 1010. Оп. 1. Д. 25. Л.12.

Трухина Галина Васильевна

*директор Воркутинского межрайонного краеведческого музея
г. Воркута*

Я. Вундер

К проблеме формирования художественной коллекции Воркутинского межрайонного краеведческого музея

*...Но кто мы и откуда,
Когда от всех тех лет
Остались пересуды,
А нас на свете нет.*

Б. Пастернак

Воркутинский краеведческий музей открыт 3 мая 1960 года. В фондах музея существует и художественная коллекция (живопись, графика, скульптура), насчитывающая на 1 января 2006 года 511 единиц хранения. Так распорядилась судьба – в музей попало основное наследие художника Якова Вундера. Коллекция, насчитывающая 152 работы художника, довольно цельная, хотя и сложилась не сразу. Основное поступление (138 единиц) было в 1967 году [1]. Тогда, после гибели художника, друзья, близкие, городская общественность организовали «Посмертную выставку произведений художника Якова Яковлевича Вундера». Город нашел возможность закупить для музея большую часть выставленных произведений, семья художника подарила

пленки с негативами его фоторабот. В 1980 году Геологическим музеем объединения Полярноуралгеология передано в фонды музея 13 картин и этюдов Вундера [2]. До этого времени произведения находились на бывшем рабочем месте художника, в мастерской объединения, и не были представлены на посмертной выставке. Среди новых поступлений – пять театральных портретов более раннего временного периода, чем уже находящиеся в музее работы. На осень 1992 года музеем был запланирован показ фондовой художественной коллекции Я. Вундера. Выставка получила название «Памяти Якова Вундера. Живопись, графика, документы». Кроме художественных произведений, на экспозиции был представлен и документальный материал. Через судьбу репрессированного художника, непростую судьбу, читалась история города и страны. Большой, и в основе своей неизвестный материал, дала переписка с очевидцем событий тех лет, близким другом Якова Вундера Ивановым Константином Петровичем, жившим в те годы уже в Сыктывкаре.

Именно Яков Вундер, этот репрессированный художник, стал определяющей фигурой художественной жизни Воркуты второй половины 50 – первой половины 60 годов XX века.

Яков Яковлевич Вундер родился в селе Моор Бальцерского кантона Саратовской области Поволжской автономной республики немцев 28 августа 1919 года. Закончил семилетку, далее – учеба в Московском художественном училище имени 1905 года (1939–1941 гг.), работа художником в театре города Николаева. С началом Великой Отечественной войны Яков вместе со всеми родственниками эвакуирован в Казахскую ССР. Вундер работает художником клуба строителей г. Атвассар Акмолинской области, занимается наглядной агитацией. По доносу (якобы в складках рукава на портрете Сталина просматривается свастика) арестован 19 ноября 1942 года и осужден ОСО (особым совещанием) по статье 58 (контрреволюционная группировка) на 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей) [3].

Наказание отбывал в Воркуте, куда прибыл 29 января 1944 г. из Свердловска [4]. Сначала попал на общие работы, а уже в 1945 году Яков Вундер работает в театре КВУ (Комбината Воркутауголь) МВД СССР как художник, продолжая отбывать срок [5]. В театре, в 1948 году, Яков познакомился со своей будущей женой Марией Барановской, танцовщицей театра. Когда личные отношения Якова (заключенного) и Марии (вольнонаемной) стали известны, последовало наказание. Вундер был переведен из театра на общие работы. Марии пришлось уехать в Казахстан к родным Якова, где и родилась дочка Татьяна, названная по имени героини оперы «Евгений Онегин», во время

работы над которой сблизилась Яков и Мария [6]. Вернуться в Воркуту жена художника смогла только после освобождения Якова. Освобожден Вундер в ноябре 1952 года [7], а с января 1953 года был принят в театр по вольному найму в качестве художника-постановщика.

Со смертью Сталина жизнь воркутинцев, как и всей страны, стала круто меняться. «Это было время великих перемен. Золотое время «оттепели» Время массовых освобождении политических заключенных. Время, пока выборочных, полных реабилитаций. Нам ярко светило солнце надежд! Появились вера в завтрашний день. Время духовного раскрепощения» [8]. Так эмоционально и искренне характеризует этот период Иванов Константин Петрович. Их знакомство состоялось в 1954 году в зоне шахты №1 «Капитальная», куда Вундер проник, чтобы встретиться с художником Арсением Шульцем. Об этом свидетельствует Константин Петрович: «...Вундер рыскал по лагерям, разыскивая еще не освобожденных художников», опьяненный свободой и верой в будущее, желанием наверстать упущенные годы и возможности, «знакомился с ними, помогал дожить до светлого дня освобождения, а при освобождении из лагеря давал временное пристанище и стол в своей маленькой каморке, в бараке лагерного типа, где и без того было тесно, ему с женой и их маленькой дочерью Татой» [8].

В 1955 году вокруг Якова объединяется в неформальное творческое объединение группа художников, выживших и освобожденных из лагерей. «Вольный клуб художников, сборище единомышленников, любивших поболтать об искусстве и всем вместе дружно, по совести, хорошо поработать над «халтурой» и разделить заработанное поровну, независимо от умения каждого в отдельности» [8]. Права вернуться домой еще не было, получили так называемое «принудительное поселение», а коллективные действия помогали художникам быстрее адаптироваться к новой жизни [9]. «Мы все нуждались в душевной теплоте ближнего – вспоминает Иванов К.П. – ...в этом смысле, Яков Яковлевич был для всех нас ярким примером человека-благотельца, честного и энергичного предприимчивого организатора. Основной костяк объединения составляли художники: Вундер Яков, Иванов Константин, Гусев Константин, Краулис Висвалдис, Шеплетто Юрий, Стенинг Воллеслав. Но в разное время к ним примыкали и принимали участие в работах и другие художники».

В фойе театра, который в то время был центром культурной городской жизни, были выставлены этюды, рисунки и небольшие картинки на местную тематику. Так осенью 1955 года в недрах неформального объединения родилась 1-я художественная выставка Воркуты. Участников было человек семь. Качественно она была не высока, как позд-

нее ее оценивал Иванов К.П., работы были небольшие по формату, незатейливы по содержанию, многие носили этюдный характер [10]. В 1955 году художники объединения участвуют в XI республиканской выставке [11]. Именно неформальное объединение художников с постоянной выставочной деятельностью в городе и республике послужило той основой, на которой в 1962 году в Воркуте были открыты художественные мастерские Коми отделения Союза Художников РСФСР.

Музей хранит пять акварельных портретов актеров, выполненных Яковом Яковлевичем в период работы в театре.

В 1955 году Вундер перешел на работу в Воркутинскую геофизическую экспедицию. Геологии в то время уделялось очень большое внимание. Яков мог участвовать в любой геологической экспедиции, в любой экспедиционной партии в качестве художника-фотографа. Пешком, на лошадях, на вертолете, на лодке с этюдником и фотоаппаратом художник побывал во многих уголках Севера, делая бесконечные наброски, этюды, зарисовки. Суровый край стал страстью художника, которая воплощалась уже в картины, фотоработы, в оформление геологического музея Экспедиции. Большая часть художественного наследия Якова Яковлевича как раз и является плодом его «творческо-геологических» командировок. По работам этого периода можно изучать географию и топонимику Севера.

Большое количество работ Вундера – этюдного характера. Они представляют как бы сбор информационного и эмоционального материала, который позднее воплощается и в большие картины, выполненные в мастерской. Практически все работы этого периода документально достоверны, но в них нет сухости и отстраненности документа, все они имеют образное начало. Их отличает глубокое проникновение в материал, эмоциональное отношение автора к тому, что видит его глаз и фиксирует на холсте или бумаге рука. Тонко чувствует художник характер северной природы. Сюжетность в работах Вундера присутствует, но только, как часть подсмотренного в природе и жизни. В натуральных пейзажах, чувство гармонии, несомненно присущее Вундеру, позволяло ему выхватывать и компоновать на холсте (листе) как бы уже готовую и законченную композицию. Все последующие годы Яков Яковлевич активно выставлялся в городе и республике. Тринадцать картин Вундера были закуплены Республиканским художественным музеем.

Ратовал Вундер и за создание в городе краеведческого музея, был участником оформления первой его экспозиции, из своих поездок по тундре вез все, что могло быть использовано для строительства экспо-

зиции. С острова Вайгач привез жертвенное ненецкое место. Сейчас этот экспонат занимает одно из центральных мест в зале этнографии и является гордостью Воркутинского музея, как уникальнейший объект традиционной культуры. С того же острова привез шкуру белого медведя, каменные стрелы и копья. «Где-то на побережье нашел скелет кита, ...стал договариваться с вертолетчиками, чтобы помогли вывезти (этот объект находится на экспозиции зала «Природы и экологии»). Никто ему этого не поручал и, естественно, никто за это не платил.... Но его совершенно не интересовало, числится ли он в дарителях этих экспонатов или нет. Осенью 1959 года, пока залы музея еще пустовали, им была организована вторая художественная городская выставка.

Причастен Вундер был и к первым спектаклям Воркутинского театра кукол. Первую в городе изостудию, организованную при содействии Вундера, вел Иванов, а фотокружок вел сам Яков Яковлевич на базе Дворца культуры шахтеров (ДКШ). Огромные фотографии, использованные Вундером в оформлении краеведческого и геологического музеев, были по тем временам явлением в оформительских работах города. А приобщил его к фотографии и дал первые уроки – Каплер Алексей Яковлевич, знаменитый кинорежиссер, попавший в Воркуту за внимание к дочери Сталина. Он одно время занимался фотокламой в Воркутинском театре. Там и встречался с ним молодой Яков Вундер.

В 1960-е годы у художника был прочный авторитет, определенное материальное благополучие, перспектива жить и работать в Москве. Но столь непростая судьба человека, по имени Вундер, сделала последний и очень крутой виток: художник погиб 8 сентября 1966 года в очередной экспедиции. Селемьюсская геолого-съёмочная партия, закончив все работы в августе, не могла вылететь домой из-за плохих погодных условий. Тогда и возникла мысль сплавляться по Кожиму, реке, в этих местах бурной, с многочисленными перекатами и водоворотами, но и с нетронутыми человеком поразительной красоты местами. Непоседливость ли характера, возможность ли увидеть редкие красоты, необходимость ли быстрее возвращения в Воркуту, а скорее всего комплекс этих причин толкнул Якова Яковлевича и еще двух геологов в это рискованное путешествие. Лодка перевернулась, выплыл только один геолог, тело второго было найдено почти сразу, художника Вундера не могли обнаружить и после нескольких месяцев поисков. Летом 1967 года пастухом оленей были найдены в реке останки человека, зацепившиеся за опоры моста. Течение, камни и время изменили их до неузнаваемости. Но сохранились кисти рук, а на левой, между большим и указательным пальцами, просматривалась татуиров-

ка-якорек. Именно она и дала возможность утверждать, что найденные останки принадлежат Якову Вундеру; их предали земле. Жене художника помнится (может быть несколько романтично из-за значительности события в ее личной жизни), что в день похорон грянул гром, который она услышала впервые за долгие годы жизни на Севере, а затем, когда все было кончено, – хлынул ливень; природа как бы оплакивала вместе с людьми уход творческого человека, так любившего жизнь [12].

Вундер в переводе с немецкого – чудо. А жизнь Якова Яковлевича и была в чем-то очень необычна. «Система», запрограммированная на уничтожение человека, не смогла убить духовность, желание жить, желание быть. Оказавшись узником Севера, он силой своей воли и одаренности, стал его вдохновенным певцом.

Литература и источники

1. ВМКМ, акт 1967 года, 8 февраля.
2. ВМКМ, акт 1980 года, 26 июня.
3. Личное дело Я. Вундера ВМКМ, НВФ 2917/3.
4. Сведения архива МВД Коми АССР.
5. Личное дело Я. Вундера. ВМКМ, НВФ 2917/3.
6. Вдова художника, вспоминая эти события, говорит о том что несмотря на трудное время не испытывала нужды в пеленках и детской белье – все заработанное в зоне Яков имел возможность послать родным – сведенья из личной беседы с М.Г. Вундер, 25 августа 1992 г.
7. Личное дело Я. Вундера. ВМКМ, НВФ 2917/3.
8. Иванов К.П. Письмо от 18 августа 1992 г.
9. «Почти в каждой воркутинской семье встречали не по одежке. Сами в прошлом (тогда большая часть населения в городе состояла в «бывших»), пережившие многие тяжкие лишения Воркутинцы были одержимы радушным гостеприимством и хлебосольством. Население города проживало тогда в старых лагерных бараках, разгороженных досками и фанерой на секции – каморки, вдоль барака длинный коридор захламленный всякой хозяйственной утварью. Шахтеры, служащее, артисты жили под одной крышей» // Иванов К.П. Письмо от 18 августа 1992 года.
10. Иванов К.П. Письмо от 18 августа 1992 года.
11. XI выставка работ художников Коми АССР. Каталог. – Сыктывкар, 1955.
12. Сведения из личной беседы с Марией Георгиевной Вундер (Мария Барановская, 1929 г.р.). 25 августа 1992 года.

В.А. Голуб – организатор производственно-лесотехнического кабинета и сельскохозяйственной выставки Устьвымлага НКВД в посёлке Вожаель

Коми республика была одним из крупнейших центров расположения исправительно-трудовых лагерей, где отбывали свой срок специалисты разных отраслей промышленности, деятели науки, культуры и искусства. Историками республики исследованы многие вопросы развития лагерной культуры, но вместе с тем многие аспекты культурной жизни остаются малоизученными.

На культурно-просветительную работу в условиях заключения советское правительство, согласно официальным документам, возлагало большие надежды. Работа культурно-воспитательных отделов, организованных при исправительно-трудовых учреждениях должна была заключаться «в поднятии интеллектуального уровня и гражданского развития заключенных», а также в ознакомлении «с основами советского строя и правами и обязанностями гражданина СССР». Кроме того, лагерной системой отработывались новые формы «поднятия технической грамотности» заключенных. Одним из ноу-хау Управления Устьвымлага НКВД можно назвать организацию в поселке Вожаель Железнодорожного района производственного лесотехнического кабинета, а немного позднее в его структуре – сельскохозяйственной выставки.

Приказом начальника Управления Устьвымлага Черепанова производственному и лесохозяйственным отделам Управления было дано распоряжение об организации при клубе поселка Вожаель производственно-лесотехнического кабинета. Основная задача его создания заключалась в «популяризации результатов разносторонней деятельности лагеря, возможности концентрирования богатых материалов по исследованию и изучению сырьевой базы местных лесов, а также планового и более широкого поднятия технической грамотности заключенных». Координатором и непосредственным исполнителем данного задания был назначен заключенный В.А. Голуб. Выбор данной кандидатуры на должность заведующего кабинетом со стороны Управления лагеря неслучаен. По специальности лесовод, он интересовался местной флорой и фауной, владел элементами исследовательской работы, о чем свидетельствуют многочисленные справки, заявки, запросы, проекты приказов и другие документы, составленные этим человеком.

О судьбе Виктора Андреевича Голуба удалось выяснить немного. Он родился в 1895 г. в с. Сосновки Копотинского района Томской области, из крестьян, русский. Проживал в г. Томск. Осужден на 3 года народным судом 8 участка Новосибирской области по ст. УК 152 РСФСР. Освободился из Устьвымлага Коми АССР 27 марта 1941 г. По отбытии наказания убыл в г. Томск Новосибирской области.

Инициатива создания лесотехнического кабинета и сельскохозяйственной выставки исходила непосредственно от Виктора Андреевича Голуба. Так, в докладной записке к начальнику Политотдела Устьвымлага НКВД о сельскохозяйственной выставке он пишет: «В течение последних двух лет мне, как лесоводу и геоботанику, удалось познакомиться с местными лесами, болотами, луговыми угодьями, с их почвами и дикорастущей флорой в целом. На основании этого я пришел к выводам о возможности развития местного сельского хозяйства» [1]. В другом документе о задачах производственно-лесотехнического кабинета В.А. Голуб писал: «В целях популяризации разносторонней деятельности лагеря, возможности концентрирования богатых материалов по исследованию и изучению сырьевой базы местных лесов, экспонирования их и средств, и орудий производства, как наглядных пособий при прохождении техминимумов, ПЛК должен систематически отражать производственную деятельность лагеря, вести всеми возможными средствами популяризацию лучших методов организации труда во всех производственных областях, вести научно-исследовательскую работу по изучению сырьевой базы и проводить анализ и изучать работы по отдельным видам работы, отделов и лагпункта».

С 30 апреля 1940 г. производственно-лесотехнический кабинет начал функционировать и стал общественным достоянием. Художественный проект кабинета разработан В.А. Голубом, а практическое его исполнение осуществлялось заключенными Овсянниковым (8-й лагпункт) и Филипповским (6-й лагпункт). По предложению Виктора Андреевича кабинет должен был разместиться в помещении парткома или шахматной комнаты. Основные разделы экспозиции включали следующие материалы:

- местные древесные породы с таблицами характеристик дендрологических сведений;
- таблицы роста основных древесных пород;
- образцы пороков древесины согласно ОСТов с таблицами технических условий;
- некоторые орудия производства на повале и вывозке (лучковые пилы всех систем и размеров, поперечные пилы, топоры, стрелы, кош-

ки, клинья, лопаты для откопки снега; грабли, мотыги, лопаты, применяемые при очистке мест рубок);

- рационализированные вспомогательные орудия производства (инструменты по направке и точке пил, модели пилоправочных станков и др.)

- диаграммы объемов сырьевой базы и некоторых объектов производства, картографический материал;

- фотографии;

- чучела обитателей зоны тайги;

- техническая литература.

Это было только началом работы по обеспечению наглядными материалами ПЛК. 3 мая 1940 г. В.А. Голуб обращается с очередным письмом в адрес производственного отдела Устьвымлага: «Несмотря на распоряжение зам. начальника Управления полкового комиссара Пастухова, не сделаны и не представлены:

- механизированные и рационализированные пути вывозки древесины;

- материалы по сплаву;

- материалы по сельскому хозяйству;

- 8-м л/п не отражена деятельность ширпотреба;

- производственный отдел не представил копии приказов по лесозаготовкам».

В документе от 22 июля под заголовком «Программа изготовления экспонатов и подготовки материалов для ПЛК» им указаны темы, ранее не звучавшие: организация труда на производстве, вывозка древесины, организация шпалопиления, организация катищ и лесных складов, техника безопасности, сельскохозяйственные работы Устьвымлага и др.

Руководство Устьвымлага в июле 1940 г. направило письмо в Управление гидрометеорологической службы г. Архангельска об обеспечении оборудованием для строительства метеорологической станции II или III разряда. В адрес начальника метеостанции г. Ухта направлено письмо с просьбой предоставить среднемесячные данные метеослужбы за последние 10 лет (температура воздуха; минимальные и максимальные температуры, дни с температурами выше +4, число безморозных дней, количество свето-часов за вегетационный период; сумма температур за вегетационный период, осадки, снеговой покров; ветры, давление; данные о припочвенном климате; температуры почв; вскрытие и замерзание речек и колебание их уровня; фенологические наблюдения).

Несколько писем В.А. Голуб направил в адрес Коми республиканского краеведческого музея. В одном из них он делится планами о развитии производственного кабинета и его формирования как краеведческого музея:

«При Управлении Устьвымлага пос. Вожаель Коми АССР организован производственно-лесотехнический кабинет. В силу сложившихся обстоятельств кабинет перерос свои начальные задания. Он постепенно превращается в подлинный краеведческий музей местного характера. В настоящее время в музее собран богатый дендрологический материал с древесными вредителями из мира насекомых и грибов, широко изучена растительность местного края. Кабинет располагает обильным гербарным материалом местной флоры, ведется изучение местных почв, есть обширная коллекция по ископаемым, кое-что из палеонтологии. Но в кабинете нет руководящей литературы ни по геологии, ни по палеонтологии, ни по фитографии». Заведующей библиотекой музея по заявке В. Голуба был составлен перечень литературы, по которому он сделал заказ в Москву в магазин «Книга-почтой». Следующее обращение Виктора Андреевича в Республиканский музей связано с получением сведений о палеонтологических экспонатах. За подписью директора музея В.Н. Подорова в Вожаель был направлен ответ: «В Республиканском музее по ископаемой флоре имеются следующие материалы:

1. Лист папоротника. Воркута. Каменноугольный рудник.
2. Листья кардантов. Воркута. Каменноугольный рудник.
3. Окаменелый ствол дерева в угленосной породе, р. Кожим.
4. Отпечатки листьев растений в сланцах.

Когда они найдены и кем, сведений нет» [2].

В программу работ производственно-лесотехнического кабинета входило исследование и изучение местной сырьевой базы. На сезон полевых работ 1940 г. Виктором Андреевичем было запланировано несколько выездов по уточнению уже разработанных им тем. В частности, с целью проследить продвижение некоторых южных древесных и кустарниковых пород на север он планировал выезд в район с. Княжпогост. По его наблюдениям липа уже встречается в окрестностях этого населенного пункта, наряду с ней могли встретиться и другие древесные и кустарниковые виды, которых в Вожаеле еще нет, но которые имеют все же тенденции продвигаться к северу. Все это, по его мнению, имело большое промышленно-хозяйственное значение.

Наряду со сбором новых экспонатов и научных материалов, работа кабинета была нацелена и на проведение работы со специалистами, рабочими из числа заключенных, а также проведением экскурсий для

местного населения. В информации о работе ПЛК с апреля по декабрь 1940 г. В.А. Голуб пишет, что кабинет с экскурсиями посетили почти все учителя и учащиеся Вожаельской неполной средней школы. Учитель Некрасов оставил в Книге отзывов следующую запись: «Приводил учащихся 5 класса на экскурсию в Лесотехнический кабинет, где ребята помимо того, что рассказал учитель, своими глазами увидели строение растений и многое другое. Желательно иметь в кабинете микроскоп, чтобы посмотреть строение клеток» [3]. Представитель Усть-Вымской сплавконторы техник Верховцев поделился своими впечатлениями об экскурсии: «Посетили производственный лесотехнический кабинет. Выражаем большую благодарность за имеющиеся хорошие понятные экспонаты и четкие пояснения на все заданные вопросы путеводителю (экскурсоводу – Р.Т.) кабинета. 30.04.1940 г.». «Посетив Производственный Лесотехнический кабинет, считаю такие начинания в пределах данного района очень полезными для проведения наглядных занятий. Так же необходимо иметь экспонаты сплавных сооружений и вообще по сплаву. За всю проделанную работу выражаем большую благодарность руководству и желаем дальнейшего развития начатого дела» – эта запись оставлена начальником Вожаельского приемочного участка Леонтьевым. Посетителями кабинета были ответственные работники Княжпогостского района, работники народного образования г. Сыктывкара, житель г. Ленинграда Дунай Валентин Маркович и другие.

Кроме экскурсий и практических занятий для вольнонаемных работников и заключенных, на базе ПЛК читались научно-популярные лекции. Так, ветврач Бутрак читал лекции по темам «Инфекционная анемия у лошадей и течение в условиях севера», «Методы диагностики инфекционной анемии и отношение к ней других видов животных и человека». Как видим, даже за такой короткий срок производственный лесотехнический кабинет стал не только местом, где можно было проводить обучение рабочим специальностям и технике безопасности, но и вести работу по популяризации научных знаний.

Следующим начинанием В.А. Голуба стало озеленение территории, прилегающей к клубу. По его расчетам необходимо было высадить 350 деревьев (осины, рябины, черемухи, лиственницы, березы), 500 кустарников шиповника, 340 – малины, а также вырыть колодец. Очевидно, это послужило поводом для организации при ПЛК сельскохозяйственной выставки. Приказом по Управлению Устьвымского исправительно-трудового лагеря НКВД от 19 октября 1940 г. за №655 об организации сельскохозяйственной выставки Устьвымлага НКВД предложение В. Голуба было утверждено. В преамбуле приказа записано:

«Решения XVIII съезда ВКП(б) и Правительства Союза СССР обязали каждую область, крупные городские центры и поселки рабочих и служащих развернуть производство картофеля и овощей, а равно молочно-мясной продукции с тем, чтобы обеспечить потребность населения в таких продуктах на местах и прекратить завоз картофеля и овощей из других областей. Эти решения в условиях нашего лагеря могут и должны быть незамедлительно осуществлены на деле, с тем, чтобы полнее обеспечить потребность лагеря в картофеле, овощах, молоке, и частично, мясе. Завоз сена в лагерь также должен быть прекращен и продуктивное животноводство и рабочий скот должны быть обеспечены сеном за счет его производства на месте, в лагере. Сельскохозяйственное производство в нашем лагере еще молодое. Оно требует к себе пристального внимания. Оно должно изучить накопленный опыт ранее организовавшимися колхозами в Коми АССР, чтобы на основе этого опыта, по агротехнике, быстро и безошибочно шагнуть вперед в практике сельскохозяйственного производства в нашем лагере» [4]. К 7 ноября 1941 г. выставка должна была принять первых посетителей. Цель выставки была обозначена в вышеназванном приказе: «наглядно, в натуральных образцах, диаграммах, таблицах, фотоэтюдах и картинах отобразить достижения по сельскому хозяйству за 1940 год».

Обращения Управления Устьвымлага НКВД рассылались во многие учреждения системы НКВД Коми АССР и аграрных структур республики: «В поселке Вожаель организуется с/х выставка, участвовать в которой приглашены колхозы, совхозы сельхозы значительной части северо-востока Коми АССР. Кроме экспонирования по сельскому хозяйству, желательным было бы отразить ископаемые богатства местного края, а также геологическое прошлое данного района в палеонтологических образцах. Просим Вас оказать нам содействие в организации упомянутого раздела выставки с тем, чтобы выставочный материал впоследствии мог бы поступить как пополнение в наш краеведческий музей» [5].

По просьбе учреждений – участников выставки сроки ее открытия вначале были перенесены на 5 декабря, а затем после получения ответа от секретаря Коми обкома ВКП(б) А.Г. Тараненко – на начало января 1941 г. В оставшееся время шел сбор экспонатов, литературы. Письма-обращения с просьбой принять участие в работе выставки были направлены директору Вьльгортской опытной сельскохозяйственной станции, начальнику 2-го Водного промысла пос. Чибью (просьба доставить радиоактивные воды и их производные), начальнику нефтепегонного завода пос. Чибью, в Севжелдорлаг, Ухтижемлаг, Воркут-

лаг, Локчимлаг, колхозам Железнодорожного района, директору курорта с. Серегово.

В деле о подготовке выставки сохранились письма с благодарностью за присланные экспонаты начальнику геологоразведочного отдела Ухтайжлага НКВД Андрею Яковлевичу Кремсу. Заведующий геологическим музеем при центральной геологической лаборатории ГРК Ухтижемского лагеря В. Стариков передал на выставку 28 образцов полезных ископаемых и окаменелостей [6]. Зам.начальника Управления Ухтижемлага старший лейтенант госбезопасности Дюдин и заведующий опытной сельскохозяйственной станции профессор Зворыкин сообщали, что в феврале 1941 г. в Чибью состоится отчетная выставка по итогам работы за 1940 г., поэтому их опытная станция не будет участвовать в проведении выставки.

К сожалению, в архивном деле нет ни тематического плана, ни описи экспонатов сельскохозяйственной выставки, поэтому говорить о том, что собой представляла эта экспозиция, сложно. Однако на примере материалов, представленных на выставку Локчимлагом, можно обозначить примерную структуру каждого из разделов:

- количество совхозов и сельхозов в 1937–1940 гг.
- рост земельных площадей за период с 1937 по 1940 гг.
- посевные площади, валовой сбор урожая
- наивысший урожай 1940 г.
- агротехнические мероприятия
- теплично-парниковое хозяйство (1937–1940 гг.).

В оформлении выставки участвовали заключенные А.Я. Иконников, В.И. Каминский, Г.С. Филипповский, Х.Ш. Зигбандт [7]. Первые двое – профессиональные художники.

С 6 по 8 января 1941 г. в п. Вожаель проходила районная конференция, посвященная вопросам развития сельского хозяйства, в которой участвовал секретарь Коми обкома ВКП(б) Тараненко. В архивном деле сельскохозяйственной выставки Устьвымлага НКВД СССР находится «Постановление агрономической конференции, работавшей при сельскохозяйственной выставке совхозов Устьвымлага и Локчимлага НКВД СССР [8].

Этот директивный документ позволяет оценить значимость проведенной выставки и намеченных мероприятий по развитию выставочной деятельности в интересах строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали и обеспечения трудящихся продовольствием. Некоторые экспонаты сельскохозяйственной выставки стали экспонатами аналогичной республиканской выставки в рамках республикан-

ского совещания передовиков сельского хозяйства Коми АССР, проходившего в Сыктывкаре в 1941 г.

В декабре 1941 г., находясь в командировке, поселок Вожаель посетил заведующий отделом истории Республиканского краеведческого музея П.И. Нахлупин. В отчете о командировке он указал: «Экспонаты выставки и производственно-технического кабинета по лесоразработке послужили для создания музея местного значения в п. Вожаель. Со слов начальника политотдела т. Залучаева на материалах экспонатов этого музея были проведены ряд экскурсий, одну из них слушал тов. Тараненко – секретарь Обкома партии Коми АССР». В отчете П. Нахлупина также говорится, что в связи с выездом тов. Голуба из п. Вожаель экспонаты производственно-лесотехнического кабинета и сельскохозяйственной выставки были размещены в разных кладовых. Владимир Андреевич из всех коллекций отобрал два ящика с экспонатами и отвез в Москву. Оставшиеся материалы: таблицы, картины и диаграммы в количестве 57 штук, археологический материал, геологические коллекции в 6 ящиках, гербарий в четырех ящиках, описи в 9 папках – все это было доставлено Павлом Нахлупиным в Республиканский краеведческий музей.

Небольшой эпизод из жизни одного заключенного позволил узнать имена художников, ученых и специалистов, внесших свой вклад в развитие экономики, культуры, науки Коми республики.

Литература и источники

1. Материалы по оформлению лесотехнического кабинета п. Вожаель Усть-вымлага НКВД. Научный архив Национального музея Республики Коми (НА НМРК). Оп.1. Д.509. Л. 21-22.
2. Там же. Л. 46.
3. Там же. Л.2.
4. Тематический план сельскохозяйственной выставки. НА НМРК. Оп. 1. Д.146. Л. 24 -25.
5. Там же. Л. 60.
6. Там же. Л.85.
7. Зигбанд Хмея Шлемович, 1896 г.р., уроженец г. Пшедборс, еврей, шофер. Осужден Особым Совещанием НКВД 13.06.1940 г. по ст. СОЭ сроком на 5 лет. Отбывал наказание в Устьвымском ИТЛ с 22.08.1940 г. по 30.08.1941 г. Прибыл Белостокским этапом.
- Иконников Антон Яковлевич, 1887 г.р., уроженец Борабинского района ЗСК, русский, художник, образование среднее. Осужден Особым Совещанием НКВД СССР 29.04.1939г. по ст. АСА, срок – 5 лет лишения свободы. Отбывал наказание в Усть-Вымском ИТЛ (п. Вожаель) с 17.06.1939г. по 23.10. 1943г. Прибыл Московским этапом. Освобожден: 23.10. 1943г.

Каминский Виктор Иосифович, 1908 г.р., уроженец д. Неклюдово Голошинского района БССР, художник, образование среднее, белорус. Осужден Особым Совещанием НКВД 27.10.1937г. по ст. КРД, срок – 10 лет лишения свободы. Начало срока: 21.08.1937 года. Конец срока: 21.08.1947 года. Отбывал уголовное наказание в Усть-Вымском ИТЛ (п. Вожаель) с 13 февраля год не указан по 21.02. 1947 года. Прибыл из Орши, Освобожден: 21.02.1947г. Убыл в Краснодарский край, Лабинский район.

Филипповский Гирш Силокович, 1902 г.р., уроженец г. Варшава, еврей, бухгалтер, образование среднее, осужден Особым Совещанием НКВД 18.09.1940г. по ст. СОЭ (социально-опасный элемент), срок – 3 года лишения свободы. Начало срока: 12.07.1940 года. Конец: 12.07.1943 года. Отбывал уголовное наказание в Усть-Вымском ИТЛ (п. Вожаель) с 22.08.1940 года по 29.08.1941года. Прибыл Белостокским этапом. Освобожден 29.08. 1941г.

8. Тематический план сельскохозяйственной выставки. НА НМРК. Оп. 1. Д.146. Л. 149-150.

Елькин Александр Юрьевич

краевед-исследователь

г. Сыктывкар

Проект «Великого Северного пути» художника А.А. Борисова (большая идея и ее судьба)

Александр Алексеевич Борисов родился в 1866 г. в с. Красноборск Архангельской губернии. В 1885–1887 гг. закончил Петербургскую академию художеств по классу И.И. Шишкина и А.И. Куинджи. Предпринимал путешествия в Большеземельскую тундру и на о. Новая Земля. Позднее им были созданы циклы пейзажных картин о Российском Севере, а также ряд проектов железных дорог, получивших общее название «Великий северный железнодорожный путь».

Статьи по экономическому развитию Севера Борисов начал печатать в прессе еще в конце XIX в. Среди изданий фигурировали журналы «Нива», «Творчество», «Новое время» и др. В начале XX в. в связи с усилившимися запросами северной экономики А.А. Борисов сформулировал план строительства сети железных дорог, соединяющих р. Обь с восточными бухтами Баренцева моря (Обь – Воркута – Югорский Шар) и дающих, таким образом, выход сибирским грузам на экспорт, минуя Карское море [1].

Борисов уделил много внимания критике «северо-восточного морского пути». В 1910 г. выпустил книгу со своими соображениями по данному вопросу, где называл любые попытки плавания в Кару с помощью ледоколов типа «Ермак» или без них – «сущим вздором». Кроме этого, неосуществимым он также считал и плавание от устья р. Обь к Берингову проливу [2].

Наряду с критикой он представил и поддержку создания цепочки речных каналов для соединения сибирской России и европейской. По данным экспедиции инженера М.Д. Мочульского 1909 г., которая занималась исследованием водораздела рек Илыча и Северной Сосьвы с целью соединения р.р. Печоры и Оби, предполагалось устроить 16 шлюзов стоимостью 25–30 млн. руб. и т.д. Устройство шлюзов на р. Егры-ляге (41-я вер.) и р. Мань-и (65-я вер.) требовало расхода в 8 млн. 400 тыс. руб. Частичное шлюзование рр. Илыча и Сосьвы и дноуглубительные работы на них исчислялись инженером в «несколько миллионов рублей». К ним присоединялась стоимость оградительных работ для превентивизации разливов и расходы на отчуждение земель, размер которых не был определен. Общие расходы должны были составить около 80 млн. руб. [3]. Однако и в этой идее художник Борисов вскоре разочаровался.

Северный морской путь через Кару Борисов считал нерентабельным и нецелесообразным предприятием. Его активная критика северного морского пути нашла отражение на страницах «Известий ВЦИК» [4]. Этот тезис подвиг его на создание проектов железных дорог, соединяющих территорию Сибири через Европейский Север с портами Баренцева и Белого морей. Позднее «Великий Северный путь» включил в себя линии Обь-Котлас, Котлас-Званка (Петербург) и Котлас-Сорока, а также Котлас – Устюг – Кострома [5]. Кроме этого, им планировалось соединение железной дорогой Оби и Енисея. (См. Приложение, Карта №1.)

Проект «Великого Северного пути» зародился у художника А.А. Борисова предположительно в 1910-е и получил свое развитие в 1920-е. В эти годы наиболее остро проявились его изобретательские и инженерные наклонности. Состояние путей на Севере было плачевным. В основном использовались водные коммуникации. Существовавшие грунтовые земские и проселочные тракты не удовлетворяли нуждам местной промышленности и эксплуатации вновь открываемых месторождений [6]. Эта проблема беспокоила Борисова-общественника больше всего.

По схеме автора трассировка Обь-Мурманской линии пролегла от с. Самаровское на р. Обь к Усть-Сысольску, и через Котлас и Емцу на Сороцкую бухту (современный Беломорск). Проект линии Котлас-

* К примеру, в 1920-х им был запатентован созданный ранее проект специального зернохранилища-перегрузчика: заявочное удостоверение №9017 было подано 11 июня 1926 г. и утверждено 31 июня 1929 г. за №10897// Вестник Комитета по делам изобретений. 1929. №7. С. 1044.

Сороцкая бухта и далее на Мурман (с его незамерзающими гаванями), стал естественным логическим продолжением линии Обь-Котлас. В его разработке приняли участие также Е. Михальцев и инженер В. Саханский. Они стали соавторами проекта [7].

Постройка предполагаемой железной дороги до незамерзающего Мурманского порта, где навигация может производиться круглый год, являлась для экспорта транзитных грузов насущной необходимостью. Трасса должна была пройти следующим путем: ст. Котлас – Усть-Курья – Красноборск – с. Введенское – с. Кодема – г. Шенкурск – ст. Емца – с. Каска – с. Филяевское – с. Малашуйское – с. Нюхча – посад Сумы – с. Сорока. Главной целью в выборе направления линии было оптимальное обслуживание заселенных местностей, расположенных по р. Северной Двине и ее судоходным притокам, и реки Онеги, где при посредстве судоходства и сплава было возможно использование водных путей для обмена и передачи грузов с реки на железную дорогу и обратно, их наиболее удачная утилизация.

Расположение линии вблизи реки давало возможность вести правильную и рациональную эксплуатацию лесных богатств в районах, обслуживаемых железной дорогой. Направление железной дороги также затрагивало правые притоки рек Северной Двины, Уфтьюги и Лохомы, которые были способны снабжать сырьем перерабатывающую промышленность края.

Предварительные изыскания и экономическое обследование района тяготения линии частично были проведены в 1916 г. Обнаружился ряд недочетов проекта. Вот какие замечания получил Борисов в 1919 г. в Комиссии Ломова (НКПС) по линии Котлас-Званка. Во-первых, ему указали, что не следует прокладывать дорогу к станции Званка, т.к. она находится на левом берегу р. Свирь, и необходимо строить мост – строительство и так требует огромного капитала. Нет необходимости также вести ее до самого Петрограда, можно сомкнуть ее с близлежащей линией. В конце концов, указывалось на малую актуальность этой линии вообще, поскольку она якобы заменялась примыкающей к Петрограду Николаевской железной дорогой [8].

Полная стоимость всей магистрали исчислялась в 102 783 778 руб. Стоимость для ветви на г. Онегу была 3 476 130 руб. Пропускная способность – одна пара товарно-пассажирских и девять пар товарных поездов в сутки. Позднее, при открытии всех разъездов, ее планировалось довести до 21 пары поездов. Предполагалось также строительство ветви к г. Великий Устюг, стоимость ее была 4 887 034 руб. Длина магистрали от Котласа до Сороки составляла 720 верст. главного пути и

144 вер. станционных путей, всего – 864 версты. Длина ветви на Великий Устюг составляла 72 вер., а на г. Онегу – 46 вер.

Значение запланированной трассировки А.А. Борисов видел в направлении линии на ст. Емца Архангельской железной дороги, а не на ст. Плесецкую, как это было первоначально предложено, за счет чего достигалось значительное сокращение пробега транзитных грузов на г. Архангельск, доходившее до 40 вер. Приближение линии к заселенным местностям по р. Онеге и по берегам Онежской губы достигалось сокращением длины ветви на г. Онегу [9].

Кроме вышеприведенных данных, имеющих местное экономическое значение, линия не получала удлинения и сохраняла важное транзитное значение для грузов, направляемых с востока на запад, и сокращала их путь к портам Архангельску, Онеги, Обской губы и др.

Государственное значение проекта А.А. Борисова. О необходимости проведения ветви Сорока-Обозерская художник Борисов с группой единомышленников высказывался в 1910–1920-е гг. Она была построена лишь в годы Великой Отечественной войны и соединила Мурманскую железную дорогу с Северной железной дорогой – через Беломорск со станцией Котлас. По мнению Борисова, ее строительство позволяло значительно эффективней решать вопросы экспорта сибирских материалов через незамерзающий Мурманский порт. Огромное государственное значение данного проекта, которое отмечал А.А. Борисов, нашло неподдельное сочувствие и поддержку руководства советских правительственных органов.

Известно о личной беседе Борисова с В.И. Лениным, после которой было принято решение о детальном исследовании предлагавшегося инициативным северянином плана создания «Великого северного пути», в том числе и сооружения линий Обь–Котлас–Сорока и Котлас–Званка [10]. Сам Ленин после заседания СНК 4 февраля 1919 г. составил рукопись постановления, из которого следует, что СНК признало план и направление дороги приемлемым, и запланировал выдать иностранную концессию на строительство железных дорог Обь–Котлас–Петроград и ветки Котлас–Мурман [11]. Ленинское правительство вынуждено было признать привлечение капиталов «в интересах развития производительных сил». Для осуществления строительства А.А. Борисов сделал попытку договориться с банковским домом Эдварда Ганневига из Норвегии и его представителем в России – норвежцем Эйнар-ом Яковлевичем Крансем [12]. Однако Особая комиссия признала неготовность банка финансировать предприятие.

Общество поддержки «Великого северного пути». Было создано Общество поддержки «Великого северного пути», в которое вошли академик А.В. Щусев^{*}, художники братья В. и А. Васнецовы и другие известные люди. Васнецовыми был выполнен ряд набросков архитектурных сооружений для будущей железной дороги. Это были рубленые деревянные строения с пристройками в народном стиле. В 1930 г. в Комиссию по воплощению проекта входило 36 человек [13].

Одним из основных соратников по разработке проекта и его популяризации в 1920-е гг. становится профессор Виктор Михайлович Воблый. В соавторстве с А.А. Борисовым или персонально им был написан ряд работ и статей на эту тему, изданных в «Известиях» и «Комсомольской правде». Прочитан ряд лекций на тему железнодорожного строительства на Севере. В 1928–1931 гг. Борисов и Воблый повторно подавали проект линии Обь – Котлас – Сорока – Мурманск в СНК, но вновь получили отрицательный ответ [14].

В это время в местной прессе появлялись заметки, которые указывали на «завышенное» значение, которое придавали А.А. Борисов и единомышленники своему проекту. Говорилось о том, что преждевременно сооружать столь мощные коммуникации под предлогом «спасения мировой экономики» (которая находилась в кризисе), в то время как актуален «вопрос разработки богатств нашего европейского севера», и на это не хватает средств. Проект обвиняли в том, что в отличие от других дорог он якобы не будет иметь круглогодичных грузов, вследствие ограниченности северной навигации, не затрагивает ухтинского района, нефть которого была в первоочередных задачах советского соцстроительства. Значительную конкуренцию проекту продолжал представлять проект Обь-Урало-Беломорской дороги – с выходом на Архангельск, которая, «начинаясь на Оби, может передавать на Архангельск тот же сибирский лес, лес с Урала и весь лес с бассейнов Печоры и Мезени». Он был предложен В.Н. Вольтманом еще в 1909 г. [15].

Таким образом, очевидно, предприятие Борисова не нашло поддержки и на местах, собственно на тех территориях, где и должна была пройти дорога. В это время Коми область уже готовилась к строительству магистрали Москва-Ухта, утвержденной планом первой пятилетки в участке Пинюг-Сыктывкар [16]. Тем не менее, проект Борисова был дополнен тезисом о «целесообразности постройки участка Обь-Тихий океан и целой сети меридиональных связей с сибирской магистралью» [17].

* Щусев Алексей Викторович, (1873-1949), архитектор, акад. АН СССР (1943).

В конце 1920-х Народный комиссариат путей сообщения все же провел ряд изысканий по проблеме «Великого Северного пути». Вместе с проведением в 1929 г. изысканий по данному проекту Центральным управлением по сооружению железных дорог НКПС, была обоснована целесообразность изменения трассировки линии Обь–Котлас–Сорока и ее направление в сторону Архангельска (на станцию Холмогорскую) [18].

Инженерная мысль и художник Борисов. В период второй половины XIX – начала XX вв. появлялось великое множество проектов железнодорожных соединений районов Сибири с портами Северного Ледовитого океана. Имел место качественный рост инженерной и экономической мысли в области развития транспорта на Европейском Севере России. Проект «Великого Северного пути» художника А.А. Борисова занял среди них достойное место. С течением лет изменились и взгляды А.А. Борисова на судоходство в Карском море, и в 1931 г. он писал уже об успехах Советской власти в деле освоения северного морского пути. Умер Александр Алексеевич в 1934 г.

Несмотря на широчайший кругозор А.А. Борисова, в его инженерно-технических изысканиях ощутима принадлежность к художественному цеху и соответствующий склад ума. Его проекты железных дорог, начинавшиеся как своеобразные «мазки по карте», нанесенные как предварительные направления, не были им самим доведены до полноценного технико-экономического обоснования проекта. Используя свой значительный общественный вес, Борисов сумел привлечь внимание прессы и властей к своим проектам железных дорог. Ему мы обязаны более поздними изысканиями по данным линиям, проведенными Н.К.П.С. уже в конце 1920-х. Из всего запланированного Борисовым, можно смело сказать только о ветке Обозерская–Беломорск (Сорока), во время войны соединившей Мурманскую и Архангельскую железные дороги, и строительстве Северо-Печорской магистрали (1937–1944), ветка Котлас–Коноша которой, по сути, была частью проекта Котлас–Петербург А.А. Борисова.

Литература и источники

1. Борисов А.А. Великий Северо-восточный морской путь. СПб., 1910. – С. 36-37; Мунин А. Александр Борисов. Вологда, 1967. – С. 80.
2. Борисов А.А. Указ. соч. – С. 20.
3. Елькин А.Ю. О развитии транспорта Коми края в начале XX века // Двинская земля: Материалы четвертых межрегиональных общественно-научных историко-краеведческих Стефановских чтений. Вып. 4. – Вельск: ОАО «Вельти», 2005. – С. 84.

4. «Известия ЦИК и ВЦИК». 1919 г. 6 февраля. №27 (579); 1928, 9 марта. №3293; 1928, 23 марта. №70 (3304); 1928, 28 марта. №74 (3308); 1928, 3 апреля. №79 (3313); РГАЭ. Ф.4372. Оп. 15. Д. 991. Лл. 15-18.
5. Воблый В.М., Борисов А.А. Великий Северный путь. В.-Устюг., 1929. – С. 9; Воблый В.М. Великий Северный путь. // «Известия ЦИК и ВЦИК». 1928, 25 апреля. №100(3334).
6. Елькин А.Ю. Указ. соч.
7. Линия Обь-Котлас. По проекту Борисова А.А. Пг., 1916.
8. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 13. Д. 433. Лл. 51-67.
9. Борисов А.А. Обь – Мурманская железная дорога. Петроград, 1915. С. 20-30.
10. О Великом северном пути. Постановление Совета народных комиссаров. 4 февраля 1919 г. // «Известия ВЦИК». 6 февраля 1919 г. №27 (579).
11. Ленин В.И. Сочинения. Т. 37. М. 1963. – С. 473.
12. РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 13. Д. 433. Л. 43.
13. Борисов Н.П. О жизни и деятельности художника // Выставка произведений А.А. Борисова. Вологда, 1966. – С. 20-21.
14. Воблый В.М., Борисов А.А. Указ. Соч. С. 9.; Воблый В.М. Великий Северный путь // «Известия ЦИК СССР и ВЦИК». 1928, 25 апреля. №100 (3334); Великий Северный путь // Гудок. 1921. №214. 28 января.
15. Проекты железнодорожного строительства на Севере и их сравнительное значение для русского государственного и народного хозяйства. Л.Л. Рум К°. Усть-Сысольск, 1917.; РГИА. Ф. 23, Оп. 10, Д. 475, Л. 239.
16. Елькин А.Ю. Проектирование и строительство железной дороги Пинюг – Сыктывкар // Политические репрессии в России. XX век. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2001. – С. 133-135.
17. О проекте великого Северного пути // Коми Му. 1929. №12.; «Правда Севера». №12. 7 июня 1929 г.
18. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 12. Д. 499. Л. 47.

Малофеевская Любовь Никитична
краевед-исследователь
г. Инта

Георгий Андреевич Дмитриев – первооткрыватель интазухидов и «подземного зоопарка» в Инте

«Музею – 200 миллионов лет» – так называлась статья научного сотрудника комиссии по охране природы Коми филиала АН СССР В. Гладкова, опубликованная в газете «Красное знамя» в январе 1971 года. Автор рассказывал об уникальных палеонтологических находках на Интинском угольном месторождении.

Действительно, в 1948 году в породном отвале шахты №5 были обнаружены кости и часть черепа какого-то животного. А 4 февраля 1970 года автор этого открытия, выступая по Интинскому радио, поведал:

«Более 20 лет назад мне посчастливилось на шахте №5 в 10 пласте обнаружить древнейшее и единственное в то время в СССР ископаемое озеро с остатками двухстворчатых раковин-моллюсков, рыб, амфибий, насекомых и древних ящеров, называемых в науке интазухами – интинскими крокодилами. Да, действительно, эти небольшие, до полутора метров длиной, животные были похожи на современных крокодилов, вели хищный образ жизни в озерах и реках. Но только было это почти 200 миллионов лет назад, когда на месте, где сейчас Инта, был умеренно-теплый климат, росли кордаитовые леса, были совсем другие болота, реки, торфяники» [1].

Кто же этот счастливчик, который в Минлаговской Инте (Минлаг – это особый лагерь №1 для особо опасных преступников) в условиях жесточайшего лагерного режима сумел сделать открытие мирового значения?

Это Георгий Андреевич Дмитриев, 1915 года рождения, по национальности русский, уроженец города Щербаков Ярославской области, который был судим 21 июля 1947 года Военным трибуналом Ленинградского военного округа по статье 58 – 1 «б» УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. До ареста находился в лагере военнопленных. (В 1943 году, будучи на фронте, младший лейтенант Дмитриев попал в плен). Прибыл в Минлаг этапом 2 августа 1948 года из Ленинградской области [2].

Но этот «особо опасный преступник» имел за плечами высшее образование, закончил в 1938 году с отличием Ленинградский горный институт по специальности инженер-геолог, работал научным сотрудником в ЦНИГРИ. Поэтому, несмотря на строжайший запрет ГУЛАГа использовать подобных преступников по специальности, а только на тяжелых физических работах, Дмитриева назначают на шахту №5 Второго рудоуправления старшим геологом (комбинат Интауголь тогда остро нуждался в специалистах).

Первые находки (отпечатки древней флоры и фауны на кусках горных пород) Дмитриевым были сделаны в отвалах на поверхности шахты №5 вскоре по прибытии на шахту. В шахте, в условиях плохой освещенности, они не всегда заметны. Но опытный глаз специалиста позволил увидеть то, что не разглядели другие. Умеющий немного препарировать, Георгий Андреевич отбирал окаменелости и хранил их у себя. Определить, какому животному они принадлежат, в условиях лагеря не представлялось возможным. Надо было отправить находки в Москву в Палеонтологический институт. А это в условиях особо жесткого режима Минлага было делом опасным.

Как впоследствии вспоминал Георгий Андреевич, на какие только уловки и ухищрения не приходилось идти, чтобы незаметно от лагерного начальства и «стукачей» уговорить вольнонаемных людей отправить очередную посылку. К счастью, все обошлось, и посылки из засекреченной Инты добрались до адресата – Палеонтологического института АН СССР, хотя на это ушли годы. Но находками заинтересовались, и в Инту в начале 50-х годов прибыла группа палеонтологов во главе с Е.Д. Конжуковой. Исследование останков наземных животных позволило установить характерные особенности строения черепа и костей скелета и дало возможность отнести их к сухопутным животным, жившим около 200 миллионов лет тому назад, приспособленным к довольно теплomu, периодически засушливому климату, и выделить их в новое семейство интазухид, то есть интинских крокодилов. Эти крупные (до полутора метров) земноводные из группы панцирноголовые амфибии с удлинненным, сравнительно плоским черепом и рахитомными позвонками. Обитая во влажных, затененных густой растительностью низменностях, они были хорошими пловцами, питались рыбой и другой живностью, то есть вели образ жизни, подобный образу жизни крокодилов.

Продолжая изучение найденных остатков древней флоры и фауны, Дмитриев пришел к выводу, что где-то должно быть коренное захоронение доисторической фауны и упорно продолжал поиски, которые вскоре увенчались успехом.

Появление ископаемого озера, в котором образовался подземный зоопарк, позднее так описал Георгий Андреевич: «Более 200 миллионов лет назад здесь было теплое мелкое море, в соленых водах которого жили разнообразные рыбы, в том числе и акулы. Дно моря было заселено водорослями, двухстворчатыми плеченогими, брюхоногими и головоногими моллюсками. Их остатки и сейчас можно найти в песчанниках в русле реки Инты ниже моста, а так же в горных выработках под первым пластом метрах в 30–50.

Но мелководное море было быстро занесено песками и илами, которые несли реки с древнего Уральского хребта – Палео-Урала. На месте занесенного моря образовались озера и реки, а затем болота и торфяники, которые и превратились в угольные пласты. На дне небольших озер скапливались многочисленные трупы погибших животных, особенно тогда, когда в периоды дождей реки сильно разливались, затапливая ровную местность торфяников. Вот такое кладбище рыб и крокодилов образовалось в торфяном озере 10 пласта шахты №5» [3].

Сегодня в разрезе все это выглядит следующим образом. Угольный пласт на одном из участков имеет прогиб почвы, где, вместо угля,

пласт состоит из углистых сланцев – окаменевших отложений бывшего болотного озера. Озеро имеет несколько метров ширины и не менее одного километра длины. Это исключительно интересный случай захоронения небольшого озера бассейна в торфянике далекого прошлого – «подземный зоопарк», населенный не только интазухидами, но и архегозавами – не менее крупными крокодилоподобными животными, батрахозавами (группа животных, переходных между амфибиями и рептилиями), но и многочисленными остатками ганоидных рыб, двухстворчатыми моллюсками и раковинчатыми раками [4].

Итак, открытие произведено... А что же произошло с автором, Г.А. Дмитриевым? Он продолжал отбывать свой срок, работая на шахтах Инты. Наконец, 18 ноября 1954 года досрочно с применением Указа Президиума Верховного совета СССР от 14 июня 1954 г. он был освобожден и оставлен на поселении в Минлаге, где и проработал шахтным геологом до февраля 1956 года. Все эти годы он, доступными для зека средствами, разъяснял научную и практическую значимость уникального открытия и бережного отношения к находкам. По его эскизам заключенные художники написали две картины (гуашь с аннотацией и маслом) «Интинское ископаемое озеро». Они ярко и красочно отобрали животный и растительный мир периода образования интинских углей, которые много лет хранились в маркшейдерском отделе шахты. В настоящее время они находятся в Интинском краеведческом музее.

Г.А. Дмитриев разработал руководство для шахтных геологов – «Наставление для поисков останков позвоночных в угольных шахтах», привлекая их к сбору окаменелостей. Пытался он привлечь внимание руководителей шахт и комбината Интауголь к созданию палеонтологического заповедника и организации его охраны. Но безрезультатно: научные интересы минлаговскую Инту меньше всего интересовали, на первом месте всегда был план выдачи угля.

В феврале 1956 года Георгий Дмитриевич был освобожден и получил возможность вернуться в семью, где его ждали жена и сын. Но бывшим «врагам народа» было запрещено жить в Ленинграде. Пришлось истосковавшемуся в неволе геологу вспомнить романтику геологических экспедиций, и летний сезон 1956 года он работает геологом в Алтайской экспедиции. Но жажда научных поисков и открытий берет верх, и уже осенью того же года Дмитриев поступает в аспирантуру, учится и в декабре 1958 года Георгий Андреевич защищает кандидатскую диссертацию на тему «Условия образования Интинской угленосной свиты и их значение для шахтной геологии».

Положение в советском обществе для «бывших» с годами не поменялось, и Георгий Андреевич принимает предложение вместе с семьей уехать из северной столицы в Улан-Уде. Здесь он работает старшим научным сотрудником в отделе Бурятского КНИИ СО АН СССР, изучает геологическое строение Забайкалья, особое внимание уделяя Гусиноозерскому угольному месторождению. Он проявил исключительную заинтересованность и большой энтузиазм в поисках останков рептилий и рыб. Проследил «цепочку» их местонахождений и собрал большой костный материал. Постепенно Сибирь становится его вторым домом. Однако плен и 9-летнее пребывание в лагере строгого режима стали сказываться на его психическом состоянии. Во время одного из приступов Георгий Андреевич подал заявление об увольнении, поссорившись с руководством Геологоуправления.

Вскоре он прошел по конкурсу в Лимнологический институт СО АН СССР на должность старшего научного сотрудника и зав. лабораторией палеолимнологии. С 1963 по 1970 год область его исследований сводилась к истории возникновения и формирования котловины озера Байкал. Он часто выступал на ученых советах со своим видением этого сложного процесса. Его научная деятельность характеризовалась весьма большой активностью: он принимал участие во многих Всесоюзных научных конференциях и совещаниях, где выступал с докладами, участвовал в 1-м международном палеолимнологическом симпозиуме в Венгрии в 1967 году. К 1972 году его перу принадлежало 48 научных работ (12 из них по Интинскому угольному месторождению). Он владел двумя иностранными языками. Георгий Андреевич отличался от других сотрудников нестандартным мышлением, философским подходом к рассматриваемой проблеме, что не всегда импонировало руководству института. При очередном сокращении кадров должность Г.А. Дмитриева была сокращена. Но Лимнологический институт дал хорошую характеристику, и Георгий Андреевич в 1970 году прошел по конкурсу преподавателем в Иркутский университет на геологический факультет.

В это время он работал над докторской диссертацией «Время С – квадрат». Это был ученый, обладающий большой эрудицией и разносторонними знаниями в области геологии, и в особенности таких его разделов, как палеолимнология, палеобиогеоценология, учение о фациях.

Через два года работы в университете его утвердили в ученом звании доцента. «Читаемые им лекции характеризуются глубоким подходом к рассмотрению теоретических основ этого курса, большой насыщенностью фактическим материалом, широким использованием но-

вейших данных как отечественных, так и зарубежных по этому предмету, хорошим сопровождением демонстрационных материалов.

Г.А. Дмитриев ведет большую общественную работу: он является популяризатором научных знаний и часто выступает с лекциями на геологические темы по телевидению, принимает деятельное участие в работе методологического семинара геологического факультета, где сделал два доклада с философской тематикой.

Г.А. Дмитриев отличается аккуратностью и добросовестностью в выполнении всех служебных поручений, требовательностью к себе, пользуется уважением в коллективе профессорско-преподавательского состава факультета и у студентов» [5], — из характеристики, выданной на предмет представления ученого звания доцента 12 апреля 1972 года. В университете он проработал до выхода на пенсию в 1975 году.

Узнав о создании в Инте краеведческого музея, в 1970 году Г.А. Дмитриев вновь прибыл в Инту. Спускался в шахту №5, посетил «подземный зоопарк», который к этому времени был открыт горными выработками на 23 площади, общался с шахтными геологами, сотрудниками музея. Восхищался городом, разительными переменами, которые произошли здесь за 15 лет его отсутствия, и не уставал повторять, что его первое детище «Интинское ископаемое озеро» и его обитатели — интазухиды, в его лекциях и популяризации научных знаний занимают весьма и весьма значительное место, хотя живет он далеко от Инты. Как человек равнодушный, он 4 февраля выступил по местному радио, напомнил интинцам о своем открытии, акцентировав внимание на вопросах охраны. Хотя сохранность памятника в Инте хорошая, «перед жителями Инты, горняками стоит сейчас задача бережно относиться к научным сокровищам, хранящимся в подземных кладовых. Все останки животных и окаменелости растений, и их отпечатки, что содержатся в пластах угля и вмещающих породах, надо бережно охранять, а если они добыты, то сохранять их в краеведческом музее», в котором предлагал создать палеонтологический отдел [6].

Интересы ученого-исследователя Г.А. Дмитриева были значительно более обширны и разносторонни. Он занимался математикой, изучал симметрию в природе (одна из известных его работ была опубликована под тем же названием), препарировал хранящиеся у него палеонтологические коллекции.

Получив отпуск для завершения докторской диссертации, постоянно жил в Листвянке на Байкале, (там у него была квартира) и был замечен в неадекватном поведении. С возрастом его психическое состояние ухудшилось. В течение ряда последних лет он был сильно бо-

лен. Все чаще тяжелая депрессия сменялась бурной деятельностью. Постепенно он потерял семью, жил один. После очередного отклонения от нормы попал в психиатрическую больницу, где его продержали больше полугода. Вышел из больницы старым, больной, никому не нужный человек. Умер 8 октября 1995 года и похоронен в Листвянке.

Первооткрыватель интазухидов и «подземного зоопарка» в Инте, неординарный ученый, человек сложной судьбы, разделивший все перипетии нашей страны, достоин глубокого уважения и вечной памяти.

Литература и источники

1. Из фондов Интинского краеведческого музея. Текст выступления по местному радио Г.А. Дмитриева 4 февраля 1970 года.
2. Архивная справка №12 М-514 от 9 декабря 2002 г. УИН МЮ РФ по РК город Воркута.
3. Из текста выступления Г.А. Дмитриева по Интинскому радио.
4. Малофеевская Л.Н. Город на Большой Инте. – Сыктывкар, 2004. – С.284.
5. Архив Иркутского госуниверситета. Оп.60. Д.30. Из личного дела Г.А. Дмитриева.
6. Из текста выступления по радио Г.А. Дмитриева.

Плоскова Светлана Игоревна

*и.о. заведующего геологического музея им. А.А. Чернова
Института геологии Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар*

История становления и развития геологического музея им. А.А. Чернова

В геологическом музее им. А.А. Чернова Института геологии Коми НЦ УрО РАН накоплен обширный каменный материал, собранный сотрудниками института на протяжении почти полувековых региональных исследований и отражающий разнообразие геологического строения и минерально-сырьевых богатств территории края.

С момента начала формирования музея прошло более тридцати пяти лет, и сотрудники, создававшие его, в настоящее время уже не работают. Из-за несостоявшейся преемственности поколений, новому штату музейных работников пришлось восстанавливать исторические события в основном по документам (положениям, распоряжениям, инструкциям, приказам и т.п.), отражающим музейную деятельность в минувшие десятилетия.

Официально принято считать датой организации геологического музея им. А.А. Чернова 21 мая 1968 г., когда вышло в свет постановление Бюро Отделения наук о Земле АН СССР №9 «Об организации с 1968 г. геологического музея в Институте геологии Коми филиала АН СССР». Но идеи создания и попытки организации геологического музея появились намного раньше. В архиве Коми научного центра сохранилось постановление Президиума Академии наук СССР от 17.06.55 №292 «О состоянии и дальнейшем развитии научной деятельности Коми филиала Академии наук СССР», в котором была утверждена структура Коми филиала АН СССР, где выделялся отдел геологии с музеем и шлифовальной мастерской. В 1957 году в Президиум Академии наук СССР было направлено научное обоснование организации Геологического Института за подписью и. о. Председателя Президиума Коми филиала АН СССР П.П. Вавилова и заведующего отделом геологии Коми филиала А.А. Черновым, в котором при описании предполагаемой структуры геологического института есть такая запись: «7. Геологический музей (начало уже положено)» Что подразумевалось под словом начало установить так и не удалось.

В 1958 г. при создании Института геологии Коми филиала АН СССР в приложении к постановлению Президиума Академии наук СССР №201 от 11.04.58 «Об организации Института геологии в Коми филиале АН СССР» в составе структуры института отдельным пунктом был выделен геологический музей. На основе этого постановления по Коми филиалу Академии наук СССР был издан приказ №150 от 25 июля 1958 г. Сам приказ не сохранился, но в архиве Коми НЦ УрО РАН есть выписка из этого приказа, где вновь в структуре института фигурирует музей. Реально к концу 1958 г. было создано лишь пять из десяти подразделений, и музея в их числе не оказалось. Судя по сохранившимся архивным материалам, вопрос о его создании поднимался неоднократно, так, например, на расширенном заседании Ученого Совета Института геологии 8 февраля 1960 г. был заслушан доклад директора Института Ю.П. Ивенсена о научно-исследовательской деятельности Института геологии в 1959 г. При обсуждении доклада А.А. Чернов отмечал, что отсутствие музея очень тормозит развитие отделов и лабораторий, а также организацию самого дела.

Александр Александрович Чернов не раз поднимал вопрос о создании в Коми крае геологического музея или музея местного края. В середине 1990-х годов Г.А. Чернов передал в Институт геологии Коми НЦ УрО РАН архив отца. После завершения работы комиссии по научному наследию все основные и оригинальные материалы были переданы в архив Коми научного центра. Рукописные заметки, оттиски

статей, вырезки, не имеющие четкой временной привязки, отдали на хранение в музей. В одной из папок были обнаружены рукописная объяснительная записка к проекту организации Геологического музея местного края и рукописный вариант примерной программы, озаглавленной как «Музей местного края». Не удалось найти печатных оригиналов этих работ, но предложенные А.А. Черновым идеи можно рассматривать как предвестники ныне существующего музея.

Идею региональной направленности при комплектации фондов и экспозиции использовал и один из создателей ныне существующего музея М.В. Фишман. В одной так и не опубликованной при жизни статье, посвященной истории создания геологического музея им. А.А. Чернова, Фишман писал: «О необходимости создания музея говорилось много раз. Он даже был предусмотрен в структуре института. Однако по-настоящему приступили к этому только в шестидесятых годах, и история его создания оказалась далеко не простой. Ко времени организации института в 1958 г. в нем накопились уже значительные коллекции разнообразного каменного материала, хранившегося самими сотрудниками. К сожалению, никакой системы хранения и учета коллекций не существовало. Коллекции увольнявшихся сотрудников, как правило, пропадали, как бесхозные. Однако подчас они представляли собой нередко уникальный материал огромной научной ценности. Надо было принимать меры для сохранения коллекций».

Будучи избранным в 1961 г. на должность директора института, я начал с организации камнехранилища. Это оказалось далеко не простым делом, в связи с острым дефицитом рабочих площадей в Коми филиале АН СССР. В 1969 г. я принял на работу Д.М. Томову, которая должна была заниматься специально будущим музеем. Через какое-то время в помощь ей выделил лаборанта».

Д.М. Томова была принята 16 декабря 1969 г. 25 декабря 1969 г. было объявлено распоряжение по Институту геологии о необходимости сдачи тематических коллекций в организуемый музей и о создании музейной комиссии для приема коллекций под председательством М.В. Фишмана в составе: Д.М. Томовой, Н.П. Юшкина, В.А. Молина, М.А. Плотникова, Л.А. Фефиловой, А.И. Елисеева, Я.Э. Юдовича, В.А. Чермных, В.В. Буканова и Б.А. Голдина. А через четыре дня, 29 декабря, на заседании Ученого совета института уже заслушали сообщение заместителя председателя комиссии по музею Н.П. Юшкина об организации геологического музея и было решено оформлять коллекция как в ЦНИГР-музее.

С этого времени дело по созданию геологического музея начало набирать обороты. Д.М. Томовой была проведена большая работа по

приведению в порядок имеющегося у сотрудников института каменного материала, по оформлению и учету монографических, рабочих и архивных коллекций. Не сразу удалось выработать систему учета и инвентаризации коллекций. Сохранилась обширная переписка Д.М. Томовой с ведущими музеями страны, касающаяся обсуждения принятых у них систем учета музейных фондов, способов хранения палеонтологических образцов (особенно спор и пыльцы), возможности приобретения специальных камер для хранения микрофауны, создания различных картотек.

Для более планомерного пополнения музейных фондов М.В. Фишман в декабре 1972 г. издал распоряжение по Институту геологии, определяющее требования и порядок сдачи коллекций в музей. Были разработаны графики сдачи геологических коллекций к научным отчетам по каждому автору, и велся контроль над их выполнением. В указанном выше распоряжении отмечалось, что коллекционные материалы, собранные сотрудниками Института геологии, являются собственностью Института и должны храниться наравне с другими материальными ценностями. Согласно этой инструкции в музей сдавались палеонтологические коллекции к опубликованным работам, содержащие голотипы новых видов и оригиналы, типовой материал по опорным разрезам, литологические и петрографо-минералогические коллекции в трехмесячный срок после защиты отчета или утверждения статьи или монографии к печати.

Первые десять лет музей существовал только как научное хранилище коллекционных материалов. Постоянно велась кропотливая работа по приведению в порядок имеющихся и вновь принимаемых коллекций, по формированию ряда справочных картотек: номерных, авторских, систематических, библиографических, палеонтологических оригиналов. С момента создания музея предоставлялась возможность работать с коллекциями как сотрудникам института, так и специалистам из других академических и производственных геологических организаций страны. Создавая основной фонд, хранитель музея сразу же отбирал эффективные образцы и для будущей экспозиции.

Стационарная экспозиционная часть музея была открыта в мае 1978 года к двадцатилетию Института геологии. До этого были временные выставки к республиканским геологическим конференциям, городским смотрам, выездные экспозиции. Сохранились архивные материалы по подготовке некоторых из них.

М.В. Фишман многие годы активно участвовал как в руководстве музейной деятельности, так и в текущей работе музея. Он является автором тематико-экспозиционных планов и первой экспозиции, и ныне су-

ществующих залов (кроме зала «самоцветов»). Марк Вениаминович участвовал в подборе натуральных образцов для каждого выставочного стенда и в их оформлении (рассказывал, что даже сам по вечерам на кухне разогревал пластинки из оргстекла и придавал им определенную форму, чтобы более эффектно смотрелся тот или иной образец).

Первая экспозиция была в зале площадью 50 м². Центральное место занимала большая геологическая карта полезных ископаемых размером во всю стену. А потом по кругу был сделан их обзор по регионам: Новая Земля, Пай-Хой. Полярный, Приполярный, Северный Урал, Тиман, Русская плита. По каждой территории приводились данные о наиболее характерных полезных ископаемых. А дальше шли стенды, посвященные отдельным видам минерального сырья, имеющим большое народнохозяйственное значение. В центре зала стояли витрины с камнесамоцветным сырьем и красивые друзы кварца. Общий план экспозиции, проект каждого отдельного стенда был разработан М.В. Фишманом, Д.М. Томова подбирала образцы, а оформителем работал художник В. Сердитов.

Когда сформировали экспозицию, стали заметны недоработки в комплектовании музейных фондов, и в декабре 1978 г. на заседании музейного совета Д.М. Томова предложила перспективный план по комплектованию фондов геологического музея, в котором отмечалось, что «из 202 музейных коллекций 150 – палеонтологических, 32 коллекции различных типов горных пород, 11 коллекций можно отнести к коллекциям полезных ископаемых (коллекции бокситов, горючих сланцев, коллекций рудных формаций Пай-Хоя, о-ва Вайгач и т.д.) и только 9 минералогических. Отсутствие минералогических коллекций, образцов полезных ископаемых в фондах музея сказалось при оформлении экспозиции музея». После обсуждения было принято решение о необходимости начать сборы минералов для создания региональной минералогической коллекции по Северо-Востоку европейской части СССР (район исследований Института) путем пересмотра имеющихся коллекций музея, рабочих и архивных коллекций сотрудников Института, привоза минералов из экспедиций, а также за счет обмена или покупки в других организациях и музеях.

С момента открытия экспозиции музей начал принимать посетителей, для которых проводились экскурсии сотрудниками Института геологии. Например, основываясь на записях книги регистрации экскурсий, можно отметить, что в первый месяц работы состоялись следующие экскурсии: 1) для учащихся школ г. Сызрани (В.И. Степаненко), 2) учителям республики (В.Н. Каликов), 3–4) секретарям РК КПСС (Н.П. Юшкин), 5) ученикам Княжпогостской школы (А.Б. Матвеев), 6) военным медикам (Я.Э. Юдович).

С первого года работы музея началось комплектование из дублетных образцов выставочных коллекций для школ, техникумов, детских садов, институтов и т.п. Ежегодно передавали в дар от двух до семи подготовленных коллекций, причем не только по республике, но и по всей стране. Сохранились акты передачи коллекций (помимо учебных и дошкольных заведений) в различные музеи, научные и производственные организации.

Несколько раз Институт геологии выставлял экспонаты в Москве на ВДНХ, Д.М. Томова активно участвовала подготовке этих образцов и в составлении рекламных брошюр, выпускаемых к этим мероприятиям.

В 1982 году, после выхода на пенсию Д.М. Томовой, хранителем музейных фондов была назначена А.И. Чумакова, продолжившая работу по систематике музейных коллекций и организации экспозиций. В это время велось строительство нового здания Института геологии, в котором была запланирована площадь под музей. И с 1982 г уже началась работа по составлению тематико-экспозиционных планов и комплектации выставочных тематических коллекций для оформления нового помещения музея.

С января 1986 года начался переезд Института в новое здание. По воспоминаниям А.И. Чумаковой, выставка была демонтирована и смонтирована на новом месте за четверо суток и сразу же начала принимать посетителей. Параллельно велась работа по перемещению камнехранилища в новое помещение, которое было оборудовано специальными стеллажами и коллекционными шкафами. Учитывая то, что старое помещение неоднократно затапливалось канализационными водами, сотрудникам пришлось провести предварительно большую работу по очистке образцов от грязи.

В декабре 1987 г. директором Института Н.П. Юшкиным был утвержден тематико-экспозиционный план музея, разработанный М.В. Фишманом, определяющий научную тематику музейных отделов и содержание отдельных залов и стендов. Планом предусматривалось, что геологический музей строится в соответствии с общими задачами и основными направлениями научно-исследовательских работ института и должен отражать уровень современных геологических знаний, а также давать, по возможности, полное представление о богатстве недр края и о его роли в народном хозяйстве Коми республики и Советского государства.

В музее планировалось организовать 7 отделов. Сохранились подробные рукописные планы на многие отдельные витрины с указанием номеров отобранных образцов, их конкретным размещением на выста-

вочном поле и сопроводительной графической информацией. Для разработки художественного оформления выставочных залов был заключен договор с художественным фондом. Архитектурный проект разрабатывал А.В. Самойлов, а непосредственное выполнение иллюстрационного материала поручили О.П. Павлюку.

Для пополнения музейных коллекций неоднократно А.И. Чумакова (часто вместе с П.П. Юхтановым) ездила в экспедиции или командировки в производственные геологические организации края. В результате в музей поступило более двухсот выставочных образцов, в основном это были друзы и кристаллы кварца, кальцита, сфена и ряд других минералов, в том числе была приобретена и визитная карточка музея – пьезооптический кристалл горного хрусталя «Витязь» с месторождения Додо Неройского хрусталеносного поля Приполярного Урала.

Пока функционировала временная экспозиция, размещенная в нынешнем зале минералогии, велась кропотливая работа по оформлению остальных залов. В 1988 году были готовы общий отдел музея, отдел строения земной коры и эволюции органического мира, отдел полезных ископаемых Северо-Востока европейской части СССР и севера Урала. В 1989 г. добавились отделы петрологии, литологии и тектоники, а в 1990 г. был открыт для посещения последний выставочный зал – минералогический отдел.

В годовом отчете за 1990 г. говорится, что к концу года полностью оформлено шесть отделов: вводный, строения земной коры и эволюции органического мира (253 образца), литологии (432 образца), петрологии (386 образцов), полезных ископаемых (816 образцов) и минералогии (731 образец). Таким образом, вся музейная экспозиция состоит из 2618 образцов и соответствующего графического оформления.

В 1988 – 1991 гг. М.В. Фишманом были составлены и опубликованы брошюры-путеводители по всем шести отделам геологического музея им. А.А. Чернова.

В 1994 году музей был выделен из состава лаборатории литологии и геохимии осадочных формаций в самостоятельное структурное подразделение института на правах исследовательской лаборатории, заведующим музеем назначен к. г.- м. н. А.А. Беляев.

В 1997 г. был опубликован «Каталог монографических коллекций» (А.И. Чумакова, С.И. Плоскова), содержащий сведения о 424 коллекциях с указанием их состава, географической и возрастной привязками, а также приводится библиографический указатель изданий к данным коллекциям.

В 1997 г. новым хранителем музейных фондов была назначена Л.Р. Жданова, продолжившая работу А.И. Чумаковой по приемке, сис-

тематизации и учету каменного материала. В этом же году был принят на работу научным сотрудником А.М. Фишман, взявший на себя организацию нового выставочного зала, в котором демонстрируется сейчас камнесамоцветное сырье региона и ряд изделий из них. Официальное открытие зала состоялось 19 апреля 2000 года. Периодически в нем организуются временные выставки. В это же время была создана при музее мастерская, где распиливаются, шлифуются и полируются музейные образцы перед размещением их в выставочных витринах, а также в камнехранилище оборудовано помещение для работы специалистов с фондовым музейным материалом.

В 2000–2002 гг. в музее проводилась работа по проверке и уточнению кадастра минералов северо-востока Европейской части России. В результате к учетным в предыдущем музейном кадастре почти тремстам минеральным видам и разновидностям добавилось еще триста наименований. Настенный вариант кадастра был изготовлен и установлен в зале минералогии. Печатный вариант уточненного кадастра минералов вышел в свет в 2003 г. на русском и английском языках.

В основном экскурсии по музею проводят музейные работники, но периодически, при заказе узкоспециализированных тем, приглашаются институтские сотрудники. За прошедшие после переезда годы список привлеченных экскурсоводов насчитывает более сорока фамилий. После открытия в Сыктывкарском госуниверситете кафедры геологии регулярно в музее стали проводиться занятия со студентами.

Популяризаторская деятельность музея включает в себя не только осуществление экскурсионного обслуживания населения, но и предоставление возможности видеосъемок различным телекомпаниям в музейных залах, а также организацию выездных выставок с музейными образцами, проведение консультативной работы с посетителями и ряд других мероприятий. Музейные сотрудники принимали участие в подготовке материалов для выпущенного в 2001 г. CD-диска «Республика Коми. Вступая в III тысячелетие».

В 2000 г. А.А. Беляевым был составлен тематико-экспозиционный план для нового выставочного зала – «Развитие жизни на Земле», по которому предполагается создание систематической палеонтологической коллекции на основе региональных находок, а также раскрытие вопросов, связанных со способами фоссилизации ископаемых остатков животных и растений, с методами поиска, препарирования и исследования фоссилий. Работа по реализации этого плана начата в 2006 году. Музейная работа продолжается, и история завтрашнего дня куется сегодня.

Борозинец Ленфрид Григорьевич
доцент Ухтинского государственного технического университета
г. Ухта

**Формирование современных музеев
промышленных предприятий и их роль
в пропаганде краеведческих и технических знаний
(на примере города Ухты)**

В XX веке в области музееведения стало складываться новое направление. Наряду с художественными, краеведческими, военными музеями достаточно четко выделяются музеи при промышленных предприятиях, являющиеся памятниками науки и техники прошлых поколений. Они сохраняют не только краеведческие знания, но и заключают в себе научную, технологическую информацию прошлых поколений. В их собраниях сосредотачиваются не только исторические, краеведческие знания о прошлом нашего края, но и прошлая и современная технология, рецепты, весь комплекс технических и естественнонаучных знаний, связанных с деятельностью современных промышленных организаций. Сохранение и знакомство с памятниками науки и техники не только способствует преодолению потерь информационных, технологических, научных, экономических, но и открывает дорогу к решению проблем современной науки и технологии, проблем интенсификации и качества труда, воспитания молодежи.

В последние годы, в начале XXI века, в городе Ухте происходит сложный процесс формирования музеев при городских организациях и промышленных предприятиях. Их на сегодня насчитывается 24. Наряду с историко-краеведческим музеем, возникшим в 1981 году, создается музей старейшего предприятия города – Ухтинского механического завода. Формируются и начинают действовать геологический, музей истории здравоохранения и медицины, пожарных подразделений, акционерного общества «Связь», и завершается этот процесс открывшимся в ноябре 2003 года музеем истории «Севергазпрома».

В конце проспекта Ленина, при въезде в город, напротив 12-этажного жилого дома возвышается монумент «Прометеем Севера». На первом и цокольном этажах высотного здания разместились выставочный комплекс, посвященный становлению и развитию газовой отрасли Республики Коми.

Здесь можно узнать об истории открытий газовых месторождений Европейского Севера страны, деятельности «Севергазпрома», сделавшего Ухте этот великолепный подарок, о его структурных подразделениях, таких как: Сосногорский СГПЗ и Вуктыльское газопромысловое управление.

В комплексе выставочных залов, посвященных истории развития газовой отрасли РК, на основе тщательно собранных и точно изложенных источников ярко отражены героические страницы создания в трудных климатических условиях, в бездорожной болотно-таежной местности современного индустриального комплекса газодобывающей, газоперерабатывающей промышленности и мощной системы транспортировки газа из Сибири и Печорского края. Этот газовый поток дал тепло не только Коми краю, но и центру России, странам СНГ и устремился в Европейскую систему. Словом, современную цивилизацию тоже невозможно представить без Прометеев-газовиков, добывающих в суровых условиях Европейского севера топливо, дающее тепло людям.

Этот выставочный комплекс и музей созданы творческими усилиями команды профессионалов «Севергазпрома» во главе с его генеральным директором А.А. Захаровым. Комплекс живет живой жизнью, в нем есть душа, что заставляет посетителей не только задуматься о прошлом, но и с оптимизмом смотреть в будущее.

Комплекс работает в контакте с музеями города, с его историками и краеведами, архивами республики. Как отмечают его сотрудники, в частности, руководитель выставочного комплекса Л.А. Лавренова, в нем чувствуется историческая теплота.

Не случайно с момента открытия по организованным заявкам комплекс посетили 12,5 тысяч человек. За период деятельности комплекса проведено 635 экскурсий. Среди постоянных посетителей – работники ООО «Севергазпром» и ОАО «Газпром», представители многочисленных организаций города и республики, в том числе студенты вузов. Гостями комплекса выставочных залов стали представители различных государств: США, Англии, Франции, Германии, Финляндии, Израйля, Польши, Чехии, Болгарии, Хорватии, Словении, Японии. Основными формами деятельности коллектива музея – комплекса выставочных залов являются фондовая, выставочная, просветительная, исследовательская работы. К настоящему времени комплекс располагает солидными архивными фондами (около 16 тысяч единиц хранения), где собраны уникальные документы, свидетельствующие о развитии и становлении газовой отрасли на Европейском Севере, истории газодобывающих и газоперерабатывающих предприятий. Сотрудники комплекса оказывают поддержку в предоставлении архивных материалов, документов, фотоматериалов печатным изданиям.

Комплекс занимается выставочной деятельностью. С момента его открытия проведено 10 временных передвижных выставок по самой различной тематике. Получила в свое время одобрение и вызвала

большой интерес фотовыставка «Милый сердцу Север», на которой представили свои талантливые фотоматериалы Н.В. Быков (Ухта), С.А. Фомин (Вуктыл), С.П. Медведев (Киров), В.А. Балахмей (Инта). Это был совместный проект ООО «Севергазпром» и ООО «Дерсу» Киров, при участии Коми национального парка «Югыд ва». Основная часть выставки была представлена не только в Ухте, но и в Москве, в центральном офисе ОАО «Газпром» и выставочном комплексе «Экспоцентр на Красной Пресне». В настоящее время часть фотовыставка экспонируется в Национальной галерее в Сыктывкаре.

Нужно обратить внимание на одну особенность музеев и выставочных залов при промышленных предприятиях. Это показ достижений предшествующих нам поколений и современности в области техники и технологии производства. Это демонстрация механизмов, технических сооружений, различных научных приборов. Все эти экспонаты, размещенные в музеях при промышленных предприятиях, позволяют нам познакомиться с научно-техническими достижениями производства как прошлого, так и настоящего, они являются памятниками науки и техники, в них заключена еще не до конца изученная научная, техническая, технологическая информация, которая может быть использована современным обществом и будущими поколениями. Изучение памятников науки и техники способствует решению многих проблем современной науки и технологии, проблем интенсификации и качества труда, и особенно способствует воспитанию молодежи, пониманию ее значения для общества той производственной деятельности, которой занимается представленное в музее промышленное предприятие. В этом плане характерен показ экспонатов выставочного комплекса «Севергазпрома». Здесь представлен один из экспонатов выставочного комплекса – поршень очистительный большого диаметра, который позволяет очищать трубы перед пуском газа в систему. Определенный интерес представляют приборы связи, широко применяемые в газовой отрасли.

Достаточно много представлено экспонатов из музея открытого акционерного общества «Ухтинский механический завод». Этот музей был открыт в городе 30 октября 1981 года, благодаря энтузиазму группы работников завода, возглавляемой бывшим директором Моисеевым Ф.В., руководившим заводом с 1942 по 1976 год. В числе экспонатов музея представлен уникальный подземно-буровой станок для работы в нефтяной шахте – «ПБС – 2Т». Он предназначен для подземного бурения на Ярегских нефтешахтах. Особенность этого механизма заключается в том, что его движение осуществляется без электрического тока, так опасного в шахтах. Станок приводится в действие с помощью гидравлической турбины, за счет воды, подаваемой с поверхности шахты

под давлением. Станок полностью взрывобезопасен. Первый станок был выпущен в 1955 году и экспонировался не только у нас в России, но и на международных выставках в Милане (Италия) и Вене (Австрия). Не менее интересен и другой экспонат музея – башенный кран «МСК-Б/20» в северном исполнении, работающий при морозе -60°C ; его особенность – механизм поворота, который был удостоен Золотой медали на международной выставке в городе Пловдиве в 1983 году в Болгарии.

Закономерное выделение памятников науки и техники в самостоятельную категорию памятников, широко представленных в музеях и выставочных залах промышленных организаций, ставит на повестку дня включение этих учреждений в музейное сообщество. Оно предполагает обмен накопленными знаниями с государственными, краеведческими музеями. С одной стороны, эти музеи нуждаются в информации о достижениях музейного дела, а с другой стороны, новая форма музейного дела дает новый материал для углубления и расширения показа прошлого и настоящего в наших государственных, краеведческих музеях, играющих существенную роль в патриотическом воспитании граждан России.

Астахова Ирина Сергеевна

младший научный сотрудник

Института геологии Коми научного центра УрО РАН

г. Сыктывкар

Отражение минерально-сырьевых богатств Северо-Востока Европейской части России в музейной экспозиции

В геологическом музее им. А.А.Чернова Института геологии Коми НЦ УрО РАН самым посещаемым залом является зал полезных ископаемых, в котором созданная региональная экспозиция отражает уникальное сочетание широкого комплекса разнообразных видов минерального сырья края.

В выставочном зале площадью около 180 м^2 на 90 напольных витринах представлено около 920 образцов и крупных штуфов, демонстрирующих все известные промышленные и могущие стать промышленными типы полезных ископаемых от горючих, рудных, нерудных до технического сырья и поделочного камня. По периметру помещения установлены настенные стенды с дополнительным картографическим материалом, поясняющим особенности размещения месторождений, свойств сырья, состояние запасов, перспективы отдельных видов полезных ископаемых.

Центральное место в зале отведено электрифицированной схематической карте северо-востока Европейской части России размером 3x4 м. На геологической основе значками показаны различные виды полезных ископаемых. Сложная и длительная история геологического развития территории, большое разнообразие участвующих в ее строении формаций осадочных, магматических и метаморфических пород предопределили широкий спектр встречающихся здесь полезных ископаемых. Так, например, Приполярно-Полярно-Уральская формация характеризуется рудопроявлениями полиметаллов, меди, железа, хрома, редких и благородных металлов, горного хрусталя, бария и других. Для Пай-Хой-Вайгач-Новоземельской области выявлены медно-никелевые, медные, флюоритовые и флюорит-полиметаллические, марганцевые, бариевые и фосфатные месторождения и рудопроявления. Для Тиманской провинции характерны редкометалльные и редкоземельные, мышьяко-сурьмяные, бокситовые и титановые проявления. Особо выделяется обширная область, расположенная между Уралом и Тиманом (Печорская синеклиза) с богатым набором месторождений горючих ископаемых, каменных и калийных солей. Карта дает наглядное представление о географическом расположении месторождений или рудопроявлений, а также позволяет проследить приуроченность каждого вида минерального сырья к важнейшим геологическим структурам. Возможность подсветки позволяет отражать или географическое распространение определенного вида полезных ископаемых, или высветить комплексное наличие сырья на определенной территории.

В геологическом музее образцы полезных ископаемых разделены по областям их применения. Эта классификация предложена П.А. Татариновым и А.Г. Бетехтиным в 1964 году. В соответствии с этим выделяются три промышленных типа месторождений: 1 – горючие, 2 – металлические, 3 – неметаллические. Каждый тип, в свою очередь, разделен на группы минерального сырья, а последние подразделяются на виды полезных ископаемых. Такая классификация отражена в легенде к карте, и в соответствии с ней полезные ископаемые размещены в витринах.

Открывает экспозицию блок горючих ископаемых, которые интенсивно разрабатываются в регионе и составляют основу современной экономики Республики Коми. Основные запасы каменного угля сосредоточены в пределах Печорского угольного бассейна. Всего в пределах бассейна насчитывается около 20 месторождений. В витринах выставлены почти все разновидности углей (от бурых до антрацитов), а также породы угленосной толщи.

В музее экспонируются основные разновидности сланцев и натурные схематические разрезы сланценосных отложений со всех четырех главных сланценосных районов региона: Сысольского, Яренгского, Ижемского и Большеземельского.

Наибольшая часть раздела горючих ископаемых посвящена нефти и природным газам. В пределах Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции выявлено 200 месторождений нефти и газа промышленного значения, из которых 120 располагаются на территории Республики Коми. На витринах представлены образцы нефти, газовый конденсат, асфальтиты и другие твердые битумы, пропитанные нефтью образцы песчаных и карбонатных пород-коллекторов, плотные водогазонепроницаемые породы-покрышки. На отдельной тумбе выставлены штуфы ярегского нефтенасыщенного песчаника, тяжелая нефть из которого добывается шахтным способом. В этом же блоке помещены образцы торфа и сапропеля, которые применяются в качестве удобрения. Дополнением к выставке служат карта заторфованности территории, нефтегазоносного районирования и т.п.

Следующий крупный блок экспонатов дает представление о рудах черных металлов, известных на нашей территории: железных, титановых, марганцевых и хромовых. Из железных руд наиболее интересны образцы гематита с Приполярного Урала, а также образцы массивных и вкрапленных руд магнитного железняка с Полярного Урала. Привлекают внимание сидеритовые конкреции и крупные образцы лимонита и бурого железняка, давно известные в бассейне р. Сысолы, где они долгое время разрабатывались в качестве сырья для Кажимских чугуноплавильных заводов, существовавших здесь с середины XVIII в.

Руды марганца Европейского Северо-Востока сейчас становятся наиболее крупной и перспективной сырьевой базой этого металла в России. Рудопроявления марганца широко распространены на Полярном и Приполярном Урале, на Пай-Хое. Очень своеобразны смоляно-черные сферические или почковидные скопления широко известного марганцевого минерала – пиролюзита и очень красивые, розового цвета образцы других распространенных марганцевых минералов: пьмонтита, родонита, родохрозита. Интересны образцы с Пай-Хоя, где марганцевые выделения представлены в виде дендритов.

Очень представительна коллекция хромовых руд с Полярного Урала, где располагаются крупный хромитоносный район, связанный с гипербазитовыми массивами. Хромиты представлены, главным образом, высокохромистыми магнезиальными разновидностями, а небольшая часть экспозиции отведена другим химическим разновидностям.

Титановые руды Ярегского и Пижемского месторождений Тимана имеют промышленное значение. Они представляют собой древние погребенные прибрежноморские россыпи, в которых, кроме титаносодержащих минералов (лейкоксен, рутил, анатаз), встречаются и редкометальные.

Раздел цветных металлов открывает коллекция алюминиевых руд с Тимана, где в настоящее время сосредоточено более тридцати процентов запасов бокситов России. Особенно высоким качеством обладают месторождения латеритных бокситов Среднего Тимана. В коллекциях демонстрируются все основные разновидности бокситов. Весьма информативны разрезы бокситоносных толщ разного состава, представленные сериями образцов от первичных пород до бокситов, являющихся продуктами их преобразования, со всеми переходными разновидностями. Кроме этого, демонстрируются образцы нетрадиционных видов алюминиевого сырья. В большинстве случаев это высокоглиноземистые породы, например известняковая брекчия с бокситовым цементом с Полярного Урала, хлоритовые сланцы с Пай-Хоя.

Образцы полиметаллических гидротермальных руд представлены минералами свинца и цинка с Приполярного и Полярного Урала, Пай-Хоя, Тимана и острова Вайгач.

Привлекают к себе внимание образцы самородной меди с Южного острова Новой Земли, сульфидов меди с острова Вайгач. Зеленые, синие, голубые пленки водных окислов меди придают своеобразный облик этим образцам. Медные гидротермальные руды охарактеризованы преимущественно образцами кварцевых и карбонатных жил с вкрапленностью пирита, халькопирита, которые встречаются на Полярном и Приполярном Урале, на Пай-Хое. Магматические медные руды известны на Пай-Хое и Тимане. Демонстрируются и недавние находки самородной меди на Северном Урале.

Образцы молибденовых, вольфрамовых, кобальт-никелевых, сурьмяных и висмутовых руд дают общее представление о минеральных типах этих образований и их географическом распространении.

Большая часть раздела благородных металлов и редкометальных руд отведена демонстрации проявлений золота. Оно представлено образцами как россыпных, так и коренных месторождений. В экспонатах коренное золото встречается в виде тонкой редкой вкрапленности в жильном кварце, в золотоносных конгломератах, а также в фукситовых породах Приполярного Урала. В нескольких боксах помещено россыпное золото с Тимана, где размер крупных самородков достигает 1 см, а также шлик самородной платины из россыпи Кыввож Среднего

Тимана. Демонстрируются единичные кристаллы алмазов с полиминеральной россыпи Ичет-Ю Тимана.

Нерудные полезные ископаемые, имеющие большое значение для экономики Республики Коми, подразделены на серии природного минерального сырья и природных каменных материалов. К природному минеральному сырью относятся горнорудное и химическое сырье, к природным каменным материалам – строительные каменные материалы и самоцветы.

Раздел природного минерального сырья начинается с образцов каменной и калийных солей с Сереговского и Верхнепечорского месторождений. Упоминания о солеварении в Серегово относятся к XII в. Это месторождение эксплуатируется с середины XVII в. методом подземного растворения. На выставке фосфориты представлены в основном сферическими образованиями 5–10 см в поперечнике, темно-серого и черного цвета. Образцы с Пай-Хоя и с Полярного Урала представляют бедные фосфато-кремнистые руды.

Доля запасов бариевого сырья, подготовленного для промышленного освоения в Республике Коми, составляет более трети запасов России. Образцы барита с Собско-Пальникской и Пайхойской баритоносных провинций представлены белыми или серыми плотными агрегатами. Интересны образцы первого баритового концентрата, полученного на Хойлинском ГОКе в 2002 году.

В отдельных витринах размещены природные флюсы и плавни. Среди них выделяются белоснежные штуфы скрытокристаллического кварца с Приполярного Урала, светло-серого или фиолетового флюорита Пай-Хой-Вайгач-Южноновоземельской провинции, самые разнообразные доломиты и известняки, запасы которых практически неограничены.

Яркими представителями оптического сырья являются образцы кварца, кальцита и флюорита. Эта экспозиция демонстрирует прозрачные кристаллы горного хрусталя разных сортов, пригодных для плавки шихты, набор флюоритовый изделий из сырья Амдерминского флюоритового месторождения.

Очень красивы разнообразные облицовочные камни (представленные в виде полированных пластин) и стеновой материал. Природные изоляционные материалы и наполнители представлены образцами крупнокристаллической слюды, волокнистого асбеста, талька и различных глин. Достаточно полно в музейной экспозиции представлены абразивные материалы. Об изготовлении высококачественных точил из песчаников, пропитанных битумом, Усть-Войского месторождения на Средней Печоре известно с XVII в.

Заключительный блок зала отведен самоцветам, которые всегда привлекают внимание посетителей. В настенных витринах проведено разделение экспонатов самоцветов по региональному принципу с выделением камнесамоцветных провинций: Тиманскую и Северо-Уральскую (с Пайхойской, Полярноуральской и Приполярноуральской субпровинциями) провинции.

Тиманская провинция представлена образцами агатов и пренитов. В базальтах Северного Тимана нередко встречаются оригинальные сферические пустоты (жеоды) со стенками, обросшими щетками кристаллов аметиста или мориона. Полосчатые разности агатов с фарфоровидным, стеклянным или муаровым блеском являются ценным сырьем для различных ювелирных поделок. На Северном Тимане в базальтах часто встречается пренит в виде бледно-зеленых разных оттенков сферокристаллов до 4–5 см в диаметре. Он легко полируется, благодаря чему может использоваться для мелких ювелирных изделий.

Пайхойская субпровинция отражена образцами яшм, флюорита, арктического янтаря и бирюзы. Яшмы и яшмовидные породы, разноцветные, полосчатые и ленточные, сургучно-красные, зеленые, серые, пятнистые, пестроцветные, развиты на Пай-Хое и несколько реже на Полярном Урале. Находки янтаря давно известны по берегам Баренцева и Карского морей. Размер встречающихся зерен янтаря невелик, в среднем 2–5 мм, хотя изредка встречаются и более крупные (до 20–30 мм). Некоторый интерес может представлять бирюза, открытая на Пай-Хое. Однако в известных проявлениях ювелирные ее качества невысоки.

На Приполярноуральской субпровинции открыты месторождения всех разновидностей ювелирного кварца. Спектр самоцветов Полярноуральской субпровинции образуется из гематита, нефрита, жадеита, родонита, рубина, родохрозита, уваровита и лазулита.

Музейная экспозиция позволяет отразить основные направления геологических исследований и поисково-разведочных работ в регионе, а также наряду с традиционными просветительскими и образовательными целями дает возможность решать задачи по привлечению инвестиций в геологоразведочную отрасль и минерально-сырьевой комплекс.

Гостями музея бывают представители любой специальности и любого квалификационного уровня – от школьника до академика или крупного чиновника, поэтому при разработке зала создатели старались учесть возможность заинтересовать выставленным материалом любых посетителей. Большую роль для лучшего восприятия экспонатов играет обязательное экскурсионное обслуживание, помогающее адаптировать выставленный материал.

Королёва Людмила Николаевна
педагог Корткеросского районного центра
дополнительного образования детей

Смилингис Анатолий Антонович
педагог Корткеросского районного центра
дополнительного образования детей
с. Корткерос, Республика Коми

Деревня Троицк – образец архитектурно-заповедной зоны

Деревня Троицк находится на левом берегу реки Нившера, левого притока Вишеры. По материалам четвертой ревизии 1782 г., д. Троицкая – три двора, проживают в ней 25 человек.

По легенде, записанной исследователями Ю.П. Шабаевым и М.Б. Рогачевым, в 8 км от деревни, урочище Дзюля Виль-ты-ныв, в маленьком домике жили двое мужчин – Типö (Антип) и Джыдж; у них имелся образ Троицы. Однажды они решили, что один из них должен уйти. По жребию икона осталась Антипу; он-то и поселился первым на месте нынешнего селения. В настоящее время бытует два названия деревни, на русском и коми языках. Троицк – по названию иконы. Типöсикт – по имени первого поселенца. [1, с.373].

В 2006 г. в деревне было 114 жилых домов, проживало 314 человек. Имеется начальная школа, клуб, амбулатория, почта, пекарня, детский сад, магазин, комплексная совхозная бригада «Вишера».

Троицк с миром связан асфальтированной дорогой с понтонным мостом через реку Нившера. До центра сельского поселения, села Богородск, – 14 километров. Ранее здесь проходил почтовой тракт, связывающий село Богородск с селом Нившера. После постройки в середине прошлого столетия новой дороги Богородск – Нившера деревня оказалась в стороне от больших дорог. От тракта сохранилась паромная переправа – баркас, используемый местными жителями для хозяйственных нужд. Деревня расположена на красивом и удачном месте. Далеко просматриваются просторы реки, широкие луга, вдаль синее лес.

Планировка деревни состоит из одной главной и трёх вспомогательных улиц, идущих вдоль склона речной долины, пересекаемой небольшими ручьями. Дома стоят плотно. Выражен гнездовой тип хозяйственной застройки; жилой дом (керка) с двором (карта), амбар (жытник), баня (пывсян), колодец (ва струба), дровяник (пес чипас) и другие. Заборы, как правило, отсутствуют. Зелени мало.

Фасады большинства старых домов сориентированы на юго-восток. Дома, построенные позже, не имеют четко выраженного направления. Сельскохозяйственные угодья расположены за околицей деревни, се-

нокосные луга – на противоположном берегу реки, для чего содержится паромная переправа – баркас, представляющий уникальный памятник периода Великой Отечественной войны.

Единство традиций придает всей застройке деревни Троицк гармонию и превращает в законченный архитектурный ансамбль. Кроме ядра ансамбля, есть ещё и акценты. Это кладбище с крестами и коми именами рода, отдельные кедры и камни-валуны, высокие берега с зелеными пятнами лугов на фоне моря тайги.

Общее описание построек деревни Троицк. Избы массивные и приземистые, с низкими крышами и небольшими окнами. В прошлом в них жили большими семьями. Со слов Веры Тимофеевны Габовой, 1914 г. р., у матери Анны Михайловны было 16 детей. В семье Марии Васильевны Габовой, 1920 г. р., росли 9 сестер и братьев. У Парасковьи Ивановны Габовой было 8 детей. По этой причине строились большие дома. Дом Анны Николаевны Габовой имеет длину 21 метр. По Ополовникову А.В. [3, с.32–33], такие дома являются свидетелями родового строя и патриархального уклада хозяйства. Постройки деревни связаны между собой узлами генетического родства, общностью характера и единством архитектурного стиля. В таких домах под одной крышей располагаются две избы: летняя и зимняя.

В доме Марии Васильевны Габовой внутренний интерьер сохранил вековые традиции: русская печь с чугунами, ухватами и залавком; надголец с полатями; красный угол с образами; массивные широкие лавки, стол. Л.Н. Жеребцов в книге «Крестьянское жилище в Коми АССР» [2, с.39] пишет: «Для коми, как и для других народов русского севера, характерно соединение в единое целое жилой части с двухъярусным двором. Рациональная мысль северного зодчего изобрела это весьма практичное сооружение, и оно было исключительно полезным изобретением, так как избавляло людей от необходимости выходить зимой на холод для ухода за скотом. Из сеней избы хозяйка попадала сразу в верхний ярус двора (сарай), где хранилось сено. Оттуда по лестенке она спускалась вниз в хлев к скоту (гид). Такой двухъярусный закрытый двор у коми сложился во второй половине 18 века». Тип построек, описанный Л.Н. Жеребцовым, сохранился в деревне Троицк и поныне.

Достопримечательностью здешних домов являются их крыльца. Они отличаются особой композицией и ритмикой трёх частей – нижней площадки, крутой лестницы и верхней площадки с крышей коньком [3, с.112]. Крыльца деревни Троицк отличаются устойчивостью своих форм. «Крыльцо связывает избу с улицей, деревней. В деревне крыльцо играет роль домашнего клуба. В хорошую погоду по вечерам

здесь собираются старики, детвора» [4, с.26]. Крыльца деревни Троицк с крышами, односкатными и двухскатными, открытые, стоят на четырёх столбах. Располагаются на сторонах передних фасадов домов между окнами двух изб, с входом в сени.

Посетителя деревни поражает количество и разнообразие амбаров. Их в деревне 71. Маленькие, большие, высокие и низкие, одно и двухсекционные (с перегородкой для хранения одежды и отдельно – еды). Чтобы обезопасить припасы от грызунов, амбары установлены на ножках: деревянных, металлических из труб (у отдельных амбаров ножки установлены на толстых бревнах). Амбары стоят внутри дворов. Двери некоторых амбаров покрашены. Амбар Николая Александровича Габова, построенный в 1982 году по старым традициям, состоит из двух секций. Имеет большой навес над входом. Перед дверью удобная площадка для входа, к которому приставлена лестница. Амбар Степана Мелентьевича Габова (1887–1962 гг.) односекционный. Деревянные ножки стоят на бетонных основаниях. Сруб из 12-и венцов с двухскатной крышей с выступающим навесом и площадкой перед входом. Вместо лестницы – чурбак, врытый в землю. На боковой стороне под навесом висит шест для сушки рабочей одежды. По рассказу внучки Степана Мелентьевича М.Ф. Габовой, 1949 г. р., её дед служил в особом мужском батальоне охраны при государе императоре. За службу ему заплатили золотыми деньгами. Вернувшись, хранил деньги в этом амбаре, из которого потом золото украли.

Бани стоят внутри дворов. Отопление печное с одновременным подогревом воды. Из интерьера сохранились нижние и верхние полки. Предбанники холодные.

Глубина водоносных слоёв обусловила различные виды колодцев (ва труба). Расположены они во дворах. Иногда один колодец на несколько дворов. Наиболее распространёнными являются колодцы с квадратным коробом из досок высотой в один метр. Из таких колодцев воду достают черпаком на длинном шесте. В местах, где вода глубоко, установлены колодцы с вертящимися подъёмниками. На всю деревню имеется один пожарный водоём. На колодцах установлены деревянные крышки.

Обращают внимание многочисленные поленницы дров, вписывающиеся в общий ансамбль построек. Аккуратные поленницы расположены во дворах, возле бани и проезжей дороги. Часть поленниц под навесом, но боковые стороны везде открыты, обеспечивая свободный доступ к дровам. Это доказывает честность во взаимоотношениях жителей, отсутствие воровства.

Крестьянский дом-двор или крестьянская усадьба Семёна Павлиновича Габова (1909–1941 гг.). Описание составлено на июль 2006 года. Двор – первичный архитектурно-пространственный элемент и основная единица деревенской застройки. Двор составляет две главные части – жильё и комплекс подсобных хозяйственных построек [3, с. 42]. Дом строился в 1926–1931 годы отцом Анны Семёновны Габовой, 1940 г.р. Отец, Семён Павлович, погиб в первые дни войны. Жена, Платонида Ивановна, (1912–1999 гг.) и дети в доме проживали до 1996 года. С тех пор дом пустует. По нашим наблюдениям, дом после постройки как снаружи, так и изнутри не подвергался изменениям, поэтому был выбран для изучения и нижеследующего описания.

Двор Семёна Павловича включает дом из двух изб под одной крышей, амбар, баню. Двор огорожен. Под двускатной крышей находятся: зимняя изба, летняя изба, сени, сарай, гид, крыльцо. Фасад дома с крыльцом ориентирован на юго-восток. Углы дома рублены в «чашу» или «угол» (гöгрöс пельöс) [2, с.41]. Длина дома 14 м., ширина – 12 м, высота – 5 м. На бревнах зарубки (лöсас), обозначающие очередность бревен поднятия сруба.

Поначалу семья проживала в левой отапливаемой избе, называемой зимней половиной. Правая изба считалась летней. По мере увеличения членов семьи, в правой летней половине была построена печка, и обе избы стали зимними. Левая изба состоит из одной комнаты. «Кухня» отделена занавеской. Русская печь (пач) располагается «в кухне» в правом углу избы. Устье печки (пач вом) обращено к двери (öдзöс). Слева от устья печки дверь в голбец (гöбеч öдзöс), где хранились свежие овощи в зимний период. Перед печкой две перекладины (сёр), уложенные от печки до стены. На них ставили доски со свежим выпеченным хлебом. Здесь же стол для обработки продуктов. Вдоль стены – залавок «залавки» (три вертикальные и одна горизонтальная – длинные, узкие шкафчики для посуды).

«Красный угол» (енув пельöс) – на левом прилежащем углу от входа. Здесь на полочке (ен джадж) стоят три иконы. За иконами ветки вербы. Всё покрыто вышитыми белыми накидками. Здесь же стоит массивный деревянный стол. Вдоль стен – широкие скамьи. На передней стене в раме – фотографии родственников, плакаты, открытки, календарь.

Над печкой и голбцем расположен надголец (паччөр). Здесь на противоположной стене от печки имеется маленькое квадратное волоковое окно (паччөр öшинь) размерами 30 на 30 см, служившее в старину дымоходом «чёрной» печки [2, с. 49].

Окон в избе – три. Они с двойными рамами, небольшие 70 на 90 см. Косяки и рамы покрашены белой краской. Белый цвет окон отчётливо выделяется и украшает дом.

Потолок из покрашенных белой краской круглых брёвен (накатника). Среднюю часть потолка поддерживает толстое круглое бревно – матица (матиц).

Стены (стен) с внутренней стороны дома отесаны и покрыты обоями.

Пол сделан из плах шириной до 30 см, покрашенных традиционно коричневой краской.

Входная дверь – из толстых плах, низкая и широкая, открывается в сени.

Правая изба имеет аналогичную планировку с левой половиной и пригодна для круглогодичного проживания.

Крыльцо высокое, открытое, окрашенное голубым цветом. Стоит на двух столбах и имеет односкатную крышу. Верхняя площадка, на которую ведет лестница из шести ступеней, находится перед входной дверью и огорожена с двух сторон вертикальными рейками высотой один метр.

Сени узкие, расположены между двумя избами однорядным полом. Используются для хранения хозяйственного инвентаря, рабочей одежды и обуви. Потолок отсутствует и имеет общую крышу с избами. Вход в сени через крыльцо. Из сеней ведут двери в обе избы. Из сеней через перегородку есть проход в сарай. За перегородкой две лестницы. Одна ведет в верхний ярус двора, используемого для хранения сена, орудий труда. В правой стороне находится дощатая дверь для завоза сена. Другая лестница – столб с вырубленными тремя ступенями (карта сод) – ведёт вниз, в хлев (гид), где держат скот. В нижнем ярусе две двери: по правой и левой сторонам двора ведут на улицу. Со слов Анны Семёновны, во дворе хранились сани и санки, точильный станок, льномялка (нярьясян) и другие орудия труда. Согласно Л.Н. Жеребцову, [2, с. 39], двухъярусный закрытый двор у коми сложился во второй половине XVIII века.

К комплексу подсобных построек Семёна Павлиновича относятся амбар и баня. Односекционный амбар, высотой 3 м, размерами 4 на 4 м из 17 венцов. Установлен перед фасадом дома. Деревянные ножки амбара закреплены на двух параллельных бревнах фундамента. Вместо лестницы три врытых в землю чурки разной высоты. Дверь покрашена зеленой краской. Крыша односкатная с выступающим навесом и площадкой перед входом.

Баня находится внутри двора, за домом с западной стороны. Размеры бани. 4,5 на 3 м, высота 3,5 м. Сруб состоит из 12 венцов. Крыша

двухскатная. Предбанник дощатый, холодный. Отопление печное с одновременным подогревом воды. Внутри – нижние и верхние полки.

Наряду с памятниками крестьянского зодчества в деревне Троицк, у местных жителей хранятся изделия декоративно-прикладного творчества, относящиеся к предметам музейного значения. Местные умельцы достигли высокого мастерства в художественно-прикладном творчестве. Взяты на учёт четыре пары уникальных вязаных женских чулок работы Платониды Ивановны Габовой (1912–1999 гг.), замечательные вязаные, вышитые изделия местных мастериц Ии Михайловны Габовой 1-й, Глафиры Васильевны Габовой, Глафиры Ивановны Габовой, льняное обрядовое полотенце (ки чышкӧд), с орнаментированным геометрическим узором на концах, мастерицы Анны Ивановны Габовой. В деревне сохранились лодки, игрушечные ветряные самолеты, сделанные Михаилом Ивановичем Габовым (Левич Миш), кованные сварные изделия мастера Михаила Степановича Габова (Ош Миш) с его личным клеймом ОШ.

Интерес представляет пасочница – деревянная форма-коробка и отдельное дно, на котором вырезаны крест и по обе стороны древа жизни, сверху буквы П и К, предназначенная, по словам Михаила Андреевича Габова, для приготовления творога, датированная 1863 годом. Большой редкостью можно считать местные прялки и швейки с древней символикой, сапоги местного шитья, приспособления для снятия обуви, койбедь (лопатка для установки промыслового капкана), промысловые капканы, нарты, яндову, куд, старинные умывальники, мельничные жернова и т.д.

Деревня Троицк производит впечатление, будто бы перед нами вдруг предстало что-то очень давнее, отжившее и чудом уцелевшее в техническом прогрессе XX века. «Воссоздание картины жизни поколений в натуре, в рисунках, графике, фотографиях – это своего рода приобщение к сохранению местных памятников» [3, с. 44].

Литература и источники

1. Жеребцов И.Л. Где ты живешь: Населенные пункты Республики Коми. – Сыктывкар, 2000.
2. Жеребцов Л.Н. Крестьянское жилище в Коми АССР.- Сыктывкар, 1971.
3. Ополовников А.В. Русское деревянное зодчество.- М.: Искусство, 1983.
4. Ополовников А. Островский Г. Русь деревянная: Образцы русского деревянного зодчества. – М., 1981.

Заповедники в музее

Республика Коми, находящаяся на крайнем Северо-Востоке Российской Федерации, имеющая площадь 416,8 тыс. км², по праву может гордиться количеством особо охраняемых природных территорий.

Природоохранная деятельность в республике насчитывает уже не одно столетие. Еще в XVIII веке по указу Петра I несколько заповедников мачтовых лесов были организованы в бассейнах рек Печора, Вычегда, Мезень. Первые сведения о сохранении лесов после Октябрьской революции 1917 года относятся к 1922 году, когда охранные лесные полосы были выделены на юге республики вдоль реки Луза. В 1926 году Коми облисполком издал постановление, запрещавшее вырубку кедровых деревьев по всей республике.

В настоящее время в Республике Коми функционируют особо охраняемые природные территории практически всех категорий: заповедник, национальный парк, заказники и памятники природы различного профиля – комплексные, биологические, гидрологические, геологические. Всего же их насчитывается 254, два из которых (Печоро-Ильчский заповедник и национальный парк «Югыд ва») имеют федеральный статус, остальные – региональный [1].

Природоохранной деятельностью в республике занимаются множество организаций. Но если в сохранении первозданной природы не будут заинтересованы все жители, то проблемы потребительского подхода к природе с каждым годом будут стоять еще острее.

К сожалению, нужно отметить, что на сегодняшний день местное население, особенно подрастающее поколение, знает об охраняемых природных территориях, несмотря на их количество, очень немного, или же вообще не владеет соответствующей информацией о них.

Для ликвидации информационной неграмотности, для более полного освещения уникальных природных территорий в Национальном музее Республики Коми был составлен проект «Что мы знаем о родных местах?», который включает цикл выставок по охраняемым природным территориям, на основе которых проводится просветительная работа природоохранной направленности с населением.

Цель проекта – познакомить широкий круг посетителей с неповторимыми первозданными природными уголками малой родины.

Осуществление проекта началось в 2004 году с открытия выставки «Там небеса и воды ясны...» к 10-летию со дня образования нацио-

нального парка Республики Коми «Югд ва». Образован национальный парк был 23 апреля 1994 года, а уже в декабре 1995 года парк обрел международное признание: он был самым первым в России включен в список Мирового наследия ЮНЕСКО. На сегодняшний день национальный парк «Югд ва» является самой большой по площади охраняемой природной территорией не только Республики Коми, но и Европы в целом. Национальный парк «Югд ва» занимает 1 891 701 га и находится на северо-востоке республики.

Природа национального парка разнообразна и уникальна. Рельеф территории, расположенной в горной, предгорной и низменной орographicеских зонах, имеет сложный характер и образует череду высотных ярусов. Горная полоса Урала шириной около 70 километров и высотой 1400 метров становится все более обширной и приподнятой при продвижении к северу. Именно на Приполярном Урале с его истинно высокогорным рельефом находится большинство ледников и наиболее примечательных вершин и хребтов. Более сглаженным по рельефу является Северный Урал.

На территории парка установлено много интересных, нередко имеющих сибирское происхождение, а так же эндемичных видов животных и растений. Так, только сосудистых растений здесь насчитывается более 600 видов. Ряд из них имеет статус «краснокнижных». Фауна позвоночных включает представителей рыб (21 вид), амфибий (3 вида), рептилий (1 вид), птиц (200 видов) и млекопитающих (43 вида). Многие из них являются ценнейшими объектами мировой фауны.

Актуальность же использования рекреационных возможностей Урала на основе национального парка «Югд ва» сегодня значительно возрастает. Паломничество «диких» туристов на Северный и Приполярный Урал идет в течение всего календарного года. Здесь развивается спортивный и научный туризм. Кроме того, что территория парка привлекает любителей путешествий, исследователей, художников, фото-и кинолюбителей, многочисленных туристов разного возраста, экологов и других преследующих конкретные цели посетителей, территория эта интересна и привлекательна для «просто отдыхающих». Таких посетителей в парке тоже немало. Опыт организации лагерей в парке «Югд ва» позволяет сделать вывод, что такие лагеря для молодежи как раз позволяют дать детям побудительный мотив к действию и поступку на благо природы [2].

За два месяца до строительства выставки Национальный музей РК совместно с дирекцией национального парка через республиканские газеты объявили конкурс фотографий «Национальному парку «Югд ва» – 10 лет» по трем номинациям – «Любимый уголок «Югд ва»;

«Я, мои друзья и «Югид ва», «Самая смешная фотография». На конкурс представили свои работы как фотографы – профессионалы, так и любители. На основе лучших фотографий и была построена выставка «Там небеса и воды ясны...». Открытие выставки проходило под звуки бардовских песен и воспоминания туристов. Выставка заинтересовала посетителей разных возрастов, после просмотра посетители спрашивали: «Неужели такая красота находится в нашей республике?», «Как можно посетить «Югид ва?»».

На закрытии выставки, которое состоялось в октябре 2004 года, победителям конкурса фотографий в трех номинациях были вручены памятные сувениры с атрибутикой «Югид ва», которые любезно предоставила дирекция парка.

Выставка «Земля девственных лесов» открылась в мае 2005 года и была приурочена к 75-летию Печоро-Илычского государственного биосферного заповедника.

Печоро-Илычский государственный природный заповедник расположен на юго-востоке Республики Коми между 62 и 63 градусами северной широты, в подзонах средней и северной тайги. Его территория охватывает часть западного макросклона Северного Урала и прилегающей Печорской низменности в пределах междуречья, образованного верховьями реки Печоры и ее крупным правобережным притоком Илычем. Общая площадь заповедной территории в современных границах – 721,3 тыс. га.

История создания заповедника связана с проблемой охраны ценных пушных зверей, прежде всего – соболя, основного источника валютной пушнины России. Резкое оскудение его запасов в начале XX века заставило прибегнуть к запрету промысла, но эта мера не могла сыграть существенной роли, поскольку запрет не соблюдался. Пришлось изыскивать более реальные меры спасения соболя, связанные с охраной конкретных территорий. В 1912 году исследователь северных лесов С.Г. Натт составил проект организации первого соболиного заказника на западной окраине ареала этого вида – в Печоро-Илычском междуречье.

Летом 1929 года экспедиция под руководством Ф.Ф. Шиллингера обследовала район будущего заповедника, пройдя на лодках и пешком около 1500 километров. В том же году был подготовлен проект организации заповедника на всей территории междуречья Верхней Печоры и Илыча, который получил активную поддержку многих видных российских ученых. В мае 1930 года вышло Постановление СНК РСФСР, в котором поручалось Народному Комиссариату Просвещения в порядке осуществления пятилетнего плана организовать и оформить

шесть новых заповедников, в числе которых был и «Печорский заповедник». Функционирование его как природоохранной и научно – исследовательской организации началось в 1934 году.

В 1985 году заповедник включен в международную сеть биосферных резерватов, представляющих основные природные экосистемы мира. В 1995 году Печоро – Илычский заповедник с охранной и буферными зонами и национальный парк «Югыд ва», объединенные под общим названием «Девственные леса Коми», стали первыми природными объектам России, внесенным в Список Всемирного природного и культурного наследия. Этот объект представляет сегодня самый крупный из оставшихся в Европе массивов первичных лесов.

Согласно заявлению Межправительственного комитета ЮНЕСКО все объекты культуры и природы, объединенные в общемировой список такого наследия, представляют собой бесценное состояние всего человечества.

Основные задачи в деятельности Печоро-Илычского заповедника:

- сохранение в естественном состоянии заповедных природных комплексов и их биологического разнообразия;
- проведение научных исследований и экологического мониторинга по программе «Летопись природы»;
- экологическое просвещение населения и содействие в подготовке научных кадров в области биологии и охраны природы;
- содержание, разведение и селекция лосей в питомнике.

Для осуществления поставленных задач в разных уголках заповедника организованы научные станции, на которых его сотрудники с 1934 года ведут долговременные исследования динамики различных явлений и процессов в ненарушенных человеком природных комплексах. Ежегодно работают здесь ученые, аспиранты и студенты многих отечественных и зарубежных организаций. Более 40 лет продолжается сотрудничество заповедника с учеными Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук.

Широко известны исследования ученых заповедника по проблеме одомашнивания дикого лося. В 1949 году в Печоро – Илычском заповеднике была создана первая в мире опытная ферма по разведению лосей и начата работа по изучению и одомашниванию лося. Предполагалось укомплектовать подопытное стадо из 20–30 особей, проверить жизнеспособность и возможность размножения в условиях неволи, а также выяснить основные направления хозяйственного использования одомашненных лосей.

По итогам многолетних исследований на базе лосиной фермы ее сотрудниками и сотрудниками других научно-исследовательских уч-

реждений опубликовано около 200 научных статей. В итоге лось стал, наверное, одним из наиболее изученных представителей нашей фауны [3].

Строительству выставки предшествовала командировка научных сотрудников отдела природы НМРК в заповедник. Выставка рассказывает об истории возникновения и становления заповедника, о его современном состоянии.

Особое внимание при строительстве выставки уделено людям, которые внесли большой вклад в становление природоохранного дела. Прежде всего, это Франц Францевич Шиллингер. Австриец по происхождению, он занимался изучением природы Сибири на средства австрийских музеев. Хорошо зная природу Сибири, он подготовил декрет об образовании Байкальских заповедников, который был подписан В.И. Лениным 31 января 1921 г. Позднее Ф.Ф. Шиллингер участвовал в подготовке и организации целого ряда таких заповедников, как Мурманский, Туруханский, Алтайский, Алма-Атинский, Кызыл-Агачский.

Как уже отмечалось выше, в 1929 году Ф.Ф. Шиллингер возглавляет экспедицию в Печорский край. Собранный экспедицией материал подтвердил уникальность территории и в то же время показал необходимость принятия срочных мер по его охране. Описывая состояние численности промысловых видов, Ф.Ф. Шиллингер указывал: «Северный олень. Мы находили свежие следы этих животных по берегам рек Паль-ю. По рассказам охотников, олени зимой недавно появлялись еще большими стадами... Теперь же, вероятно, вследствие повсеместного их избиения, стало очень мало появляться олени на старых излюбленных местах».

Подводя итоги экспедиции, Ф.Ф. Шиллингер «...выдвигает проект организации Государственного Национального парка Коми области на территории». Материалы экспедиции были доложены Правительству, получили одобрение и послужили основой для организации Печорского заповедника в Коми области.

Дальнейшая судьба Ф.Ф. Шиллингера сложилась трагически. В 1938 г. он был арестован, обвинен в шпионаже и приговорен к 8 годам заключения. Умер Ф.Ф. Шиллингер 4 мая 1943 г. в лагере Сосьва Свердловской области – одном из уголков любимой Сибири. Реабилитирован в 1956 г. [4].

Один из разделов выставки посвящен удивительной женщине, ученому – геологу с мировым именем Вере Александровне Варсанюфьевой. В июне 2005 года исполнилось 115 лет со дня рождения Веры Александровны. С именем этой замечательной женщины тесно связа-

ны геологические исследования в Коми АССР. Она принимала активное участие в спасении и восстановлении территории заповедника в тяжелые для всей заповедной системы 50-е годы [5].

На выставке проводились тематические экскурсии, а также была разработана викторина «Заповедные места Коми края» для детской аудитории.

Следующим шагом в показе охраняемых природных территорий будет строительство выставок по заказникам республики.

В заключение хочется сказать, что строительство данных выставок и просветительная работа, которая на них проводится, позволит лучше узнать историческую родину, преодолеть равнодушие многих к проблемам природы, обусловленное зачастую незнанием.

Литература и источники

1. Таскаев А.И., Гладков В.П. и др. Система особо охраняемых природных территорий Республики Коми. – Сыктывкар, 1996. – С. 7-8.
2. Национальный парк «Югыд ва» // Под редакцией В.И. Пономарева. – М. – 2001. – С. 10-12.
3. Земля девственных лесов // Под редакцией В.Ануфриева. – Сыктывкар, 2000. – С. 13-35.
4. Там же. – С. 14-15.
5. Вера Александровна Варсанофьева // Под редакцией Н.В. Калашникова, Н.П. Юшкина, Н.А. Боринцовой. – Сыктывкар, 1990. – С.8.

Габов Прокопий Валентинович

*главный специалист сектора по работе с национально-культурными объединениями министерства культуры и национальной политики РК
г. Сыктывкар*

Этнокультурная мозаика в экспозициях Национального музея Республики Коми: опыт и перспективы

Говоря о культуре, нельзя не учитывать многонациональность Республики Коми. По данным Всероссийской переписи населения 2002 года, в ней проживало 1,1 млн. человек, представители 130 национальностей. В связи с этим сохранение и развитие национальной культуры и языка, обеспечение прав граждан на удовлетворение культурных потребностей, связанных с национальной принадлежностью, сохранение прочного гражданского мира и межнационального согласия в республике, исключение возможности межэтнического противостояния являются приоритетными направлениями работы Министерства культуры и национальной политики Республики Коми.

К настоящему времени в республике созданы и действуют 13 республиканских национально-культурных автономий и объединений армян, азербайджанцев, белорусов, грузин, болгар, татар и башкир, евреев, немцев, украинцев, чувашей, цыган, прибалтийских народов и 87 национально-культурных объединений в муниципальных образованиях.

Опыт работы с автономиями показал, что одним из эффективных инструментов в реализации государственной национальной политики Республики Коми стали центры национальных культур. Их основной задачей является организация работы по удовлетворению культурных и духовных потребностей народов, проживающих в Республике Коми. Сеть центров национальных культур в городах и районах Республики Коми активно развивается; на сегодняшний день существует 21 центр. На их базе национально-культурные автономии имеют возможность проводить традиционные национальные праздники, фестивали, встречи земляков.

Сотрудничество с музеями – не менее важное направление в деятельности национально-культурных автономий (НКА). Оно имеет давнюю историю, накоплен определённый опыт. В настоящее время взаимовыгодные связи обеих сторон существенно активизировались.

Первым проектом в совместной деятельности можно назвать выставку национальной одежды представителей национально-культурных автономий в Национальном музее Республики Коми. Открытая экспозиция «Республика – наш общий дом» отражала также историю национально-культурных объединений республики. В период с апреля по октябрь 2000 года национальные объединения провели в музее Дни культуры своих народов.

С 1997 года немецкая НКА активно сотрудничает с Национальным музеем Республики Коми и успешно осуществляет свои творческие планы в поиске материалов о российских немцах, проживающих в нашей республике. Результатом поисковой работы стало издание книг «Немцы в Коми крае» (1997 г.), «Немцы в Республике Коми» (1999 г.), рассказывающих о вкладе российских немцев в развитие Республики Коми. Ими совместно проведена республиканская научно-практическая конференция «Немцы в Коми: история, современность, перспективы» (16 ноября 2000 г.). Состоялись две историко-этнографические экспедиции молодежной организации немецкой НКА в Корткеросский (2004 г.) и Усть-Цилемский (2006 г.) районы по местам немецких спецпоселений. Совместные исследования рассматривались также на межрегиональной научно-практической конференции «Немцы в Республике Коми и на Европейском Севере: история и культура» (18 ноября 2005 г.).

Второе направление сотрудничества – это создание Центров национальных культур на базе музеев. Так, в с. Визинга Сысольского

района с 2001 г. осуществляется интересная работа с национальными обществами района - выставки, конкурсы, встречи и т.д. В с. Вильгорт Сыктывдинского района в 2001 году на базе районного музея истории и культуры разместился Центр национальных культур. Одним из значимых событий можно назвать выставку Александра Николаевича Евтушенко, талантливого умельца украинской вышивки. Он создал более ста уникальных творений. Уникальному сочетанию двух учреждений дали высокую оценку московские гости из Министерства регионального развития РФ. Заслуживает внимания опыт совместной деятельности Интинского Центра национальных культур и краеведческого музея г. Инты, музея им. А.В. Журавского и историко-культурного общества «Русь-Печорская» в с. Усть-Цильма, оформление народного дома-музея коми-ижемцев «Изьва керка» в г. Сыктывкаре.

В рамках 95-летнего юбилея Национального музея Республики Коми осуществляется совместный проект с Корткеросским землячеством. Подготовлена выставка о Юрии Ивановиче Семукове, председателе Президиума Верховного Совета Коми АССР. Открытие состоялось на его родине в Корткеросском районе, а в ноябре 2006 года выставка будет демонстрироваться в Доме-музее им. И.П. Морозова в Сыктывкаре.

В нынешнем году национально-культурными автономиями проведено много значимых мероприятий в общественной жизни республики. Организованы съезды белорусов, российских немцев, татар и башкир, коми-ижемцев, на которых состоялись заинтересованные диалоги между представителями государственных структур и национальных движений. Прошли фестивали национальных культур и многочисленные встречи, посвященные знаменательным датам истории народов, проживающих в нашей республике: Дню единения народов России, Дням коми и славянской письменности, Дням родственных финно-угорских народов. Впервые в Сыктывкаре состоялись Дни Израильской культуры и кино с участием представителей Посольства Государства Израиль в Российской Федерации. В г. Ухте прошёл традиционный детский фестиваль коми песни «Йӧлӧга», в Визинге – детский праздник национальных культур «Венок дружбы», в Сосногорске состоялся III фестиваль украинского народного творчества «Червона рута», в Сыктывкаре, Усинске и Воркуте – национальные праздники «Сабантуй», в Ижме – традиционный фестиваль коми культуры «Луд», в Усть-Цильме – знаменитая «Усть-Цилемская «горка», на Удоре – праздник коми книги. 12 июня в День рождения города Сыктывкара национально-культурное общество азербайджанцев провело первый фестиваль национальной кухни. Представители тюркских народов при участии НКА провели мусульманские праздники «Курбан-байрам»,

«Ураза-байрам» и «Навруз», еврейской НКА – «Пейсах» и «Пурим». Дни культуры стали яркими праздниками для всего многонационального населения нашей республики по укреплению межнационального мира и согласия.

Важным этапом в развитии сотрудничества финно-угорских народов РФ стал визит в Республику Коми Президента РФ В.В. Путина, который одобрил идею создания в г. Сыктывкаре Федерального финно-угорского культурного центра Российской Федерации. В настоящее время Министерство культуры и национальной политики РК ведёт системную и целенаправленную работу по подготовке концепции центра и реализации проекта с Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ, Министерством регионального развития РФ и Министерством иностранных дел РФ. Учитывая накопленный опыт нашей республики в координации деятельности финно-угорского сообщества, с уверенностью скажу, что создание в г. Сыктывкаре Федерального ФУКЦ РФ укрепит позиции России в международной деятельности.

Деятельность национально-культурных автономий содержит в себе огромный потенциал для музейной работы. Его можно использовать для разработки совместных проектов по составлению этнографической энциклопедии (фотографии и статьи на разные темы национальной культуры), для организации совместной выставки подворий, посвященной Дню единения народов России, Дням культуры народов, проживающих в нашей республике, для экспозиций по персоналиям руководителей национально-культурных автономий Республики Коми.

Материалы этих важных событий НКА могут послужить хорошим основанием для экспозиций музеев по сохранению и распространению культурного наследия народа Республики Коми.

Гросу Инна Александровна

*заведующая методическим отделом
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар*

Детская книга как компонент выставочной деятельности

Данная статья посвящена актуальной проблеме повышения уровня посещаемости музея детской аудиторией. Детская книга может выступать как средство привлечения детей разных возрастов к музейному пространству, а именно – к выставочной деятельности музея.

Под детской книгой понимается художественная литература для детей и юношества. Детская книга включает в себя произведения, адресованные читателям младшего, подросткового или юношеского воз-

раста, а также некоторые другие литературные произведения, вошедшие в круг детского и юношеского чтения [1].

Хотелось бы обратить внимание на роль детской книги в выставочном пространстве музея, оценить её влияние на процесс восприятия юным посетителем выставки. В статье детская книга впервые рассматривается как компонент выставочной деятельности музея. В ходе работы были изучены тематико-экспозиционные планы, пояснительные записки к выставкам, тексты экскурсий, также использовалась информация, переданная авторами выставок.

В период с 1990 по 2005 гг. в рамках музея было организовано около трёхсот выставок, причём детская книга использовалась в качестве экспоната в пяти, что составляет 1,5% от общего числа выставок. Это говорит о том, что детская книга как экспонат - скорее редкость, чем периодически появляющийся экспонируемый предмет; что она не рассматривается в полной мере как один из способов привлечения детской аудитории к выставкам, проводимым в музее. Интерес к ней возник сравнительно недавно, в связи с развитием такой науки, как музейная педагогика. Именно в 1980-е и особенно в 1990-е гг. наиболее активно стало развиваться «детское направление музейной деятельности: работа с дошкольниками и младшими школьниками» [2].

Первыми экспозиционерами, которые использовали детскую книгу в качестве экспоната, были сотрудники музея Д.Г. Холопова, О.В. Липина, Э.В. Роттэ, Л.Д. Ильчукова, Н.А. Михейченко.

Отношение к книге, в том числе и детской, как к компоненту выставочной деятельности может быть разным, в зависимости от того, к какому типу экспозиционного материала её отнести. Во-первых, книга есть предмет музейного значения, обладающий такими критериями, как репрезентативность (т.е. полнота, достоверность, типичность или уникальность), сохранность, коммуникативность и сочетающий свойства информативности, аттрактивности, экспрессивности. Если музейный предмет сочетает все эти качества, он заслуживает особого внимания. Но музейный предмет, не обладающий одновременно всеми этими свойствами, никак нельзя рассматривать как «некачественный». Как отмечают многие авторы, большинству письменных источников свойственна недостаточная аттрактивность. Иными словами, аттрактивность есть свойство предмета воздействовать на посетителя непосредственно, не требуя особых усилий со стороны участников музейной коммуникации [3]. Однако использование различных экспозиционных приемов и оборудования может повысить не только аттрактивность, но и экспрессивность (выразительность) предмета, в том числе и книги.

Во-вторых, книга есть научно-вспомогательный материал, который будет использоваться при изучении и презентации первоисточников. Особенно важна получаемая в процессе комплектования сопутствующая информация, которая составит «внешнее информационное поле» предметов. Сопутствующая информация может быть зафиксирована к моменту выявления предмета в среде бытования (например: в виде публикации) или зафиксирована музейными работниками в процессе комплектования (запись рассказа, воспоминание). Научно-вспомогательные материалы, включенные в экспозицию, также считаются экспонатами. В данной статье детская книга рассматривается как предмет музейного значения.

В истории Национального музея РК выставок, где в качестве экспоната появляется детская книга, немного. Одной из таких выставок была «Каллистрат Жаков. Жизнь и судьба», построенная экспозиционером Д.Г. Холоповой в 1991 году. В числе других книг К. Жакова, иллюстрировавших его творчество, была представлена книга «Под шум северного ветра», которая содержала и рассказы для детей. Здесь детская книга не рассматривается в качестве экспоната, так как собственно рассказы для детей включены в сборник сочинений К. Жакова, предназначенный для прочтения взрослыми. На этой выставке не было разделения книг для взрослых и собственно для детей, не было четкой установки на привлечение детской аудитории к выставке.

Позднее, в 2001 году открылась персональная выставка, посвящённая 90-летию поэта Серафима Попова, «Ты пой, поэт!» Чтобы показать всё многообразие творчества С.А. Попова, экспонировались книги, которые он написал для детей: «Стихи о дружбе» (1955), «Ивё-Дивё» (1965), «Дедушкины медали» (1974), «Ванчө и Авкө» (1979). Здесь детская книга выступает уже как полноценный экспонат и занимает свое место на выставке.

В 2004 году экспозиционерами О.В. Липиной и Э.В. Роттэ была построена выставка «Женский портрет в интерьере эпохи. XX век». Цель этой выставки – показать судьбы и жизни женщин, внесших существенный вклад в развитие республики. Экспозиционеры при строительстве выставки ставили перед собой конкретную задачу: сделать выставку интересной, занимательной, поучительной не только для взрослого, но и для посетителя-ребёнка.

Поскольку выставочное пространство было ориентировано как на взрослую, так и на детскую аудиторию, персонажи некоторых сказок и рассказов коми писательниц обыгрывались с помощью декораций и костюмов. Интерьеры иллюстрировали произведения Е. Габовой «Гришуня на планете Лохматиков» и А.А. Сухановой «Чурка-

Максим». На выставке были представлены костюмы из мюзикла «Гришуна на планете Лохматиков», дерево, яблоки. В экспозиционном пространстве, обыгрывающем эпизод, связанный с экзаменом Максима, находился рабочий стол учителя, учебники XIX в. Тема «Женщины – детям» была отдельно разработана при подготовке экскурсий для детей.

Детским писательницам и их произведениям был полностью посвящен четвёртый раздел выставки, который назывался «Красотою мир спасется». Здесь были представлены такие детские книги: С. Пылаева «Эзысь пöрт [Серебряный котелок]» (1987), «Нерьсьысь баля [Овечка, которая любит дразниться]» (1994), «Бöбйöдлысь каньмалань [Кошка-обманщица]»; Н.Н. Куратова «Горсть солнца» (1980), «Вкус цветущего клевера» (1982), «Волчье лыко» (1989), «Радейте муса» (1974), «Бöбöнянь кöр [Вкус цветущего клевера]» (1983), «Йöктйгтырйи тувчöмöй [Жить, танцуя]», «Давайте знакомиться и дружить», «Аддзысьлам на тшук [Ещё увидимся]» (1995); Е.Г. Габова «Гришуна на планете Лохматиков» на русском, украинском и японском языках. Одно произведение в переводе на разные языки было представлено для того, чтобы и взрослые, и дети увидели, что книги коми писательниц любят и читают не только в Коми республике. Экспонировались и другие книги Е.Г. Габовой: «Никто не видел рыжего», «Вареная сосулька» (1993), «Невидимка в лагере» (1987), «Двойка по поведению» (1989). Они иллюстрировали все многообразие творчества коми писательниц.

Кроме художественной литературы, на выставке были представлены и учебники: «Посні мојдан кывјас» (1921); М.А. Молодцов «Коми грамматика» (1921); «Шондй јгöр [Луч солнца]» (1921); «Правила произношения зырянского языка»; М.А. Молодцов «Краткий самоучитель зырянского языка» (1925); «Коми грамматика» (1929); «Коми язык: учебник для начальной школы» (1936); Н.М. Головин «Букварь» (1939); «Древняя история» (1941); С.Н. Коновалов «Букварь» (1948). В основном, это учебники, выпущенные Коми книжным издательством на коми языке. Они служили доказательством того, как развивалась учебная книга, давали детям возможность сравнить учебники того времени и учебную литературу современности. Особый интерес представляла выпущенная в 1862 году книга А.О.Ишимовой «История России в рассказах для детей» (часть 2). Книга здесь может рассматриваться и как важнейший источник и средство воспитания подрастающего поколения, восприятие читателем художественной книжной продукции и иллюстрации [4], и как средство привлечения детской аудитории к выставке.

Одной из значительных выставок, где активно привлекалась детская книга, была выставка «Возведу дом в собственном сердце». Она посвящалась женщинам-писательницам Республики Коми и была задумана как дань памяти и уважения А.А. Сухановой. Писать А.А. Суханова начала, будучи ещё школьной учительницей. С 1920 года она работала в Коми книжном издательстве и принимала самое активное участие в подготовке учебников для коми школ, книг для чтения, сборников пьес и народных сказок для детей. Поэтому первая тема первого раздела была посвящена ей. На выставке была представлена лучшая детская пьеса А.А. Сухановой «Чурка-Максим [Незаконорожденный Максим]» (1929).

Цель этой выставки в целом – рассказать о жизненном и творческом пути женщин-писательниц коми, поэтов, прозаиков, драматургов; через произведения писательниц пробудить интерес к современной коми литературе. Хронологические рамки выставки довольно широкие и затрагивают период от начала XX века до настоящего времени [5].

Так как многие из женщин-писательниц начинали и продолжают писать для детей, то тема «Писательницы – детям» была выделена отдельным разделом и включала пять подразделов: «Тайб Придаш, дона Сиктой...» о творчестве З.И. Роговой; «Дзиръя őшинь дорын» («У раскрытого окна») В.В. Иванова; «Этша кывйон – унатор йылысь» («Не множеством слов – о многом») о творчестве Е.В. Козловой; «Двойка, принесшая славу» о жизни и творчестве Е.В. Габовой; «Берестяная шкатулка с северным сиянием» о творчестве Т.Н. Ломбиной.

Раздел «Писательницы – детям» наиболее полно представлен детскими книгами: Е.В. Козлова «Ме да Ивук вокй [Я и мой брат Иван]» (1992), «Лым морт [Снежный человек]», «Лöз клянича [Синее стёклышко]» (1988), «Гöголя-Вутыля» (2002), «Синее стёклышко» (2000); Е.В. Габова «Никто не видел рыжего», «Вареная сосулька» (1993), «Невидимка в лагере» (1987), «Двойка по поведению» (1989), «Гришуня на планете Лохматиков» на русском и японском языках; Т.Н. Ломбина «Сказки прадеда Кондрата», «Берестяная шкатулка с северным сиянием».

Писательнице Н.Н. Куратовой была посвящена отдельная тема в следующем разделе «Горсть солнца» (О творчестве женщин-прозаиков). Н.Н. Куратова также писала детям, поэтому на экспозиции были представлены сборники её детских произведений «Заячий гостинец» (1972) и «Давайте знакомиться и дружить» (1984).

Роль детской книги можно определить из цели выставки – пробудить интерес юных посетителей музея к современной коми литературе, ведь произведения для детей адресованы им.

Ещё одна организованная музеем выставка, где привлекалась детская книга, получила название «Все́му началом был букварь» (2005). Её экспозиционером была научный сотрудник литературно-мемориального музея И.А. Куратова Н.А. Михайченко. Из пояснительной записки мы узнаем, что выставка была посвящена 85-летию образования Коми книжного издательства. Детские книги занимали главное место в экспозиционном пространстве. Это объясняется тем, что выставка адресовалась, в основном, детской аудитории.

Раздел «Начало издательского дела в Коми крае» рассказывал о возникновении издательского дела в крае и был представлен большей частью учебниками: «Коми грамати́ка ту́й пи́скöды́с [Коми грамматика]» (1921); «Краткий самоучитель зырянского языка» под ред. В. Молодцова (1925). В этом разделе экспонировалась и первая книга на коми языке – «Лы́ддысьны велодчан» (букварь) В. Молодцова, вышедшая в Коми книжном издательстве в 1920 году.

В другом разделе рассматривалась довоенная детская литература (литература в эпоху тотального контроля). В начале 1930-х был осуществлен переход на латинизированный алфавит. Но период «латинизации» был недолгим, и от него осталось очень мало книг. На выставке была представлена книга для детей, изданная в 1935 году с использованием латинского алфавита – «Будёньши» Л. Кассиля.

К 1930-м гг. оригинальной детской литературы на коми языке не хватало, поэтому известные коми писатели начали заниматься переводами на коми язык русских и зарубежных классиков. На коми язык были переведены «Каштанка» А. Чехова (пер. Г. Федорова, 1936), «Старосветские помещики» Н. Гоголя (пер. Ю. Поповой, 1939), «Муму» И. Тургенева (пер. М. Молодцовой, 1937) и др.

Переводили и зарубежных классиков: Дж. Свифта «Гулливер у лилипутов» (1936), М. Твена «Прыгающая лягушка» (1939), В. Ирвинга «Рип ван Винкль» (1939), В. Гюго «Гаврош» (1936), В. Гауфа «Карлик Нос» (1938). Эти и другие книги были представлены на выставке и давали возможность увидеть первые переведённые на коми язык произведения русских и зарубежных классиков.

В этом разделе экспонировались книги, которые подверглись разоблачению в конце 1920-х гг.: А. Пушкин «Сказка о попе и работнике его Балде», «Сказка о царе Салтане...» в переводе П.Г. Доронина (1937); К. Аксаков «Аленький цветочек» (1939), «Вистјас [Рассказы]» (1938), с надписью на обложке «*т. Шуктомову. Задержатъ данную книгу*». Книги с «дурным эмоциональным и идейным содержанием» изымались из детских библиотек с конца 1920-х гг. [6]. Видимо, книга «Вистјас» попала в их число.

Тема ещё одного раздела – «Литература военного времени». Так как создание оригинальных учебников приходится на военное время, то стенды и витрины, отражающие этот раздел, содержали буквари и учебники: «Букварь» С.Н. Коновалова, переизданный в 1948 году; «Древней мирлõн история» (учебник, 1941); «Рõднõй литература» (хрестоматия, 1940); «Книга бõрся книга» («Книга за книгой», 1940).

Книги послевоенного времени и современности находились в IV разделе, который посвящался, в основном, детской литературе нашего времени. Здесь были представлены учебники на коми и русском языках, современные учебники, многочисленные книги для детей современных авторов на коми и русском языках. (А. Журавлев «Где зимой снежинки ежятся от холода» (1986); «Медвежь няньки» (1988); А. Ванев «Йбра [Лось]» (1962); С. Попов «Дедушкины медали»; В. Юхнин «Биа нюр [Огненное болото]» и др.). Они были призваны возбудить интерес подрастающего поколения к коми детской литературе современности, показать её многообразие и уникальность, а яркое оформление и выгодное расположение книг в экспозиционном пространстве – привлечь детей к выставке, которая была рассчитана, в основном, на детскую аудиторию.

Если в эпоху социализма музей был призван, в первую очередь, воспитывать массы на революционных традициях, то в 1980–2000-х гг. музей рассматривается как важный элемент развития человека, его творческого потенциала, формирования ценностных, нравственных, мировоззренческих ориентаций, базирующихся, прежде всего, на эмоциональной сфере. Появляется тенденция дифференцированного, гибкого подхода к различным категориям музейной аудитории – школьникам, студенчеству, взрослым посетителям и т. д.

Одним из средств привлечения детской аудитории является использование детской книги в качестве компонента выставочной деятельности. Детская книга представляет собой иллюстрацию, способствует пониманию творчества того или иного писателя, процессов, протекающих в литературе в разные исторические периоды, позволяет создать, как у ребенка, так и у взрослого посетителя, целостную картину видения концепции выставки, способствует возникновению осознанного интереса не только к творчеству отдельного автора, но и к выставке в целом. Благодаря этому, привлечение детской книги в качестве компонента выставочной деятельности, а также использование различных экспозиционных приёмов (обыгрывание сюжетов детских произведений, создание образов героев) позволяет повысить уровень посещаемости выставки детской аудиторией.

Литература и источники

1. Литературный энциклопедический словарь. Под ред. Кожевникова В. М., Николаева П.А. – М. : Советская энциклопедия, 1987. – С.91.
2. Юхневич М.Ю. Я поведу тебя в музей. – М., 2001. – С.13.
3. Музейное дело России. Под ред. Каулен М.Е. – М. : Издательство «ВК», 2005. – С.317
4. Рошневская Л. П. Коми книга военного времени (1941–1945). – Сыктывкар, 2005. – С.59.
5. Научный архив НМРК. Д. 3035. С.3.
6. Научный архив НМРК. Пояснительная записка и структурный план Н. А. Михайченко к выставке «Всему началом был букварь» (2005). – С.5.
7. Федотова М. А. Археологические материалы в экспозиционной деятельности Пермского областного краеведческого музея // Музей и краеведение. Вып.2. – Сыктывкар, 2000.
8. Научный архив НМРК. Д. 2989.
9. Научный архив НМРК. Д. 2990.

Ганова Татьяна Ивановна

*научный сотрудник отдела фондов
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар*

Еще не всё мы знаем о войне...

В 2005 г. весь наш народ и мировая общественность отмечали славную дату – 60-летний юбилей Победы над фашистской Германией. В связи с этим событием я бы хотела упомянуть еще небольшой юбилей местного значения – 75-летие со дня образования Сыктывкарского медтехникума, который начал свою работу 12 октября 1930 г.

Преподаватели и сотни выпускников Сыктывкарской фельдшерско-акушерской школы, так стал называться техникум с 1935 г. по 1954 г., с первых дней войны ушли добровольцами на фронт, многие были призваны на войну впоследствии. Медики из Коми АССР несли службу на фронте в соответствии с полученной профессией, а в случае необходимости осваивали новые фронтовые специальности. Но где бы и кем бы они ни служили, они все внесли свой вклад в дело Победы.

Сотрудники музея бережно сохраняют, изучают и продолжают собирать материалы о фронтовиках и их судьбах, в память об их подвиге и испытаниях, выпавших на их долю. В фондах НМРК имеется немало коллекций фотографий и документов преподавателей и выпускников Сыктывкарской фельдшерско-акушерской школы.

Из числа преподавателей школы, участников Великой Отечественной войны, в музее хранятся материалы И.И. Чебанова – преподавате-

ля хирургии, И.М. Тютюника – преподавателя и бывшего директора, А.А. Старцева – завуча, Ф.И. Чукичева – первого физрука школы и П.А. Жеребцова – преподавателя военного дела.

Особо хотелось рассказать о двух преподавателях – Ф.И. Чукичеве и П.А. Жеребцове. К сожалению, материалов о них в наших фондах немного; это, в основном, коллективные фотографии преподавателей и выпускников школы. Благодаря работе этих преподавателей, выпускники школы были хорошо подготовлены к тяготам военной жизни, так как в школе на высоком уровне была организована военно-спортивная работа. Думаю, что должная подготовка помогла многим ребятам и девочкам на фронте сохранить жизнь.

Федор Иванович Чукичев до войны был прекрасным спортсменом, гимнастом и лучшим лыжником города, по воспоминаниям коллеги А.А. Старцева. В числе первых в августе 1941 г. он был мобилизован на фронт, где получил не одно ранение. За боевые подвиги он был награжден двумя орденами и медалями. В августе 1943 г. был демобилизован по ранению. К сожалению, даже этому спортивному и хорошо натренированному человеку боевые раны укоротили жизнь, и он умер от сыпного тифа в марте 1946 г.

Пантелеймон Александрович Жеребцов, уроженец Усть-Сысольска, в городе тоже был человеком известным. До войны он окончил философское отделение Ленинградского пединститута им. Герцена. После окончания учебы он приехал в Сыктывкар, преподавал в педтехникуме, потом, как офицер запаса, был переведен военруком в Сыктывкарскую фельдшерско-акушерскую школу. Зная в совершенстве военное дело, Пантелеймон Александрович организовал изучение этого предмета: им были организованы десятки кружков, учащиеся сдавали нормы на значки «ГТО», «ГСО», «ПВХО», «Ворошиловский стрелок». На фотографиях у многих ребят на груди видно не по одному такому значку.

В 1942 г. он был призван на фронт. Первое время он, опытный офицер, обучал молодых солдат военному искусству и ждал с нетерпением того дня, когда он и его солдаты примут участие в бою. На фронте он стал командиром роты противотанкового оружия. Погиб Пантелеймон Александрович смертью храбрых в бою за Сталинград, как вспоминает участник этих событий Алексей Александрович Старцев. Всего на двух коллективных фотографиях сохранился образ этого красивого, белокурого, с вьющимися волосами человека. Одна из этих фотографий, недавно поступившая в фонды, принадлежала выпускнице школы Софье Цыпленковой. Софья вместе с сестрой Антониной, тоже учащейся этой школы, в годы войны были призваны на фронт и

служили в войсках ПВО в г. Нарофоминске, защищая небо Москвы от налетов фашистской авиации.

Есть в фондах музея небольшая коллекция еще двух сестер, выпускниц школы – Окуневых: Прасковьи Ивановны и Татьяны Ивановны. В первые дни войны ушла в батальон народного ополчения Прасковья Ивановна Попова (бывшая Окунева), выпускница училища 1938 г., начавшая свой боевой путь военфельдшером полка, затем ставшая операционной хирургической сестрой. Войну Прасковья Ивановна закончила в Латвии, за ратный труд награждена многочисленными медалями. Ее сестра, Татьяна Ивановна, выпускница училища 1939 г., участвовала в освобождении городов Донбасса, Крыма, Польши и Германии.

В фондах нашего музея хранятся коллекции известных в республике фронтовиков-медиков, выпускников школы, таких, как Надежда Дмитриевна Рудакова, Клавдия Александровна Луценко (Лыткина), Анна Алексеевна Худяева, Мария Федоровна Торопова (Морозова), Иван Павлович Морозов, Петр Ильич Марков, Василий Николаевич Шарапов, Нина Прокопьевна Чукичева, Александра Алексеевна Кривошеина, Серафим Алексеевич Малыгин и других.

Сотрудники музея не только собирают и хранят, но и продолжают изучать фондовые коллекции, которые раскрывают нам свои истории.

И в подтверждение своих слов хочу рассказать небольшую историю еще об одной выпускнице школы, медсестре-фронтовичке, материал о которой я прочитала в газете «Молодежь Севера» за 1975 г. Статья называлась «Медсестра из Сыктывкара» и была написана Александрой Даниловой, капитаном медицинской службы. В ней она рассказала трогательную историю о 20-летней медсестре из Сыктывкара, которую она случайно встретила после окончания войны в одном из госпиталей Германии. Звали ее Ия Елькина, она была тяжело ранена, положение девушки осложнилось воспалением легких. Несмотря на заботу землячки, Ия умерла. Она очень хотела стать врачом, и перед смертью Александра Данилова отдала ей свой мундир капитана медицинской службы. В этом мундире ее и похоронили. Тех, кто знал эту девушку, через 20 лет участница этих событий, капитан медицинской службы Александра Павловна Данилова, разыскивала через газеты. И сегодня сотрудники музея продолжили эту работу. Дело в том, что в фондах музея есть маленькая безномерная фотография, на которой запечатлена молоденькая девушка, круглолицая, миловидная, с застенчивой улыбкой, на голове большая шапка ушанка. На обороте надпись: «Ия Елькина». Необходимо было установить, является ли Ия Елькина на фото и упоминаемая А.П. Даниловой в газетной статье медсестра из Сыктывкара с аналогичным именем одним и тем же человеком. А за-

тем описать эту фотографию и сдать в фонды с ее подлинной историей. Наши усилия, направленные на поиски и установление личности Ии Елькиной, увенчались успехом. В канун Дня Победы ее фотография была опубликована в историко-краеведческом выпуске газеты «Республика» – «Дым Отечества» от 22.04.2006 г. Буквально через несколько дней прозвенел желанный звонок от ее ближайшей подруги, 80-летней Любви Ивановны Петраковой (в девичестве Божедомовой), который помог окончательно установить истину. Девушка на фото и медсестра, упомянутая в статье А. Даниловой, одно и то же лицо – это Ия Васильевна Елькина. По словам Любви Ивановны, Ия была веселой и смелой девушкой, среднего роста, с копной золотистых вьющихся волос и замечательной, доверительной подругой, утрата которой до сих пор для нее невосполнима и отзывается болью в сердце. Воспитывали Ию мама, Александра Павловна, работавшая медсестрой в стоматологическом кабинете, и отчим Сергей Иванович Кулешов. После рассказа Любви Ивановны становится ясной надпись на ее единственном у нас фото: «На долгую память дорогим моим родителям мамочке и дяде Сереже от дочери Ии Е. В дни отечественной войны декабрь 1943 г. Крепко целую. Ваша Ия». По воспоминаниям Любви Ивановны, бабушка Ии работала в Кирульской церкви. Наверное, под ее влиянием в семье Елькиных праздновалось и Рождество, и Вербное Воскресение, хотя это совершенно не одобрялось властями. Две подружки ходили рвать вербу, возвращаясь домой замерзшими и сырыми. В память о подруге Любовь Ивановна ежегодно в День Победы приходит к Мемориалу вечной славы воинам-сыктывкарцам, павшим в годы Великой Отечественной войны, и не может без слез читать имя своей подруги на каменных плитах. Разница в возрасте с Ией в один год позволила ей дожить до наших дней. Они вместе учились в Сыктывкарской школе №2, окончив которую в 1941 г., сразу же поступили в Сыктывкарскую фельдшерско-акушерскую школу. Пройдя ускоренный курс обучения, в августе 1943 г. окончили школу и решили подать заявление о добровольном призыве на фронт. Заявление Ии было принято, т.к. она уже была совершеннолетней, она родилась в 1925 г., а Люба в 1926 г., и ей было только 17 лет, поэтому ее заявление было отклонено. Мама Ии впоследствии упрекала Любу за то, что решение принимали обе, обе подавали заявление, но одна осталась дома, а другая попала на фронт, где и погибла. Александра Павловна очень тяжело переживала гибель дочери, а вскоре после войны, в 1948 г., умер и ее муж, отчим Ии, Сергей Иванович Кулешов. Александра Павловна от таких потерь стала не в себе. В начале 1950-годов, зимой, она пропала и была найдена только спустя несколько месяцев. Причины ее

смерти не были установлены. Так отголоски жестокой войны докатились до Коми земли и добились родственников той, которая погибла на фронте, защищая Родину и родных.

Но «еще не все мы знаем о войне...», и сотрудники музея продолжают собирать материалы об участниках войны, в том числе и о фронтовиках-медиках, выпускниках СФАШ. Совсем недавно поступил материал о Екатерине Ивановне Диканской, которая была призвана на фронт осенью 1942 г. и воевала до самого Дня Победы.

Сбор материала о фронтовиках будет продолжаться сотрудниками Национального музея РК и дальше, чтобы ратный труд во имя Победы всех фронтовиков остался в памяти благодарных потомков.

Дианова Ксения Андреевна
студентка исторического факультета
Петрозаводского государственного университета
г. Петрозаводск

Вклад Общества изучения Олонецкой губернии в развитие музейного дела Петрозаводска

На рубеже XIX–XX вв. в Российской империи возникло движение, направленное на создание исторических обществ, особый подъём которого наблюдался после революции 1905–1907 гг. Это движение затронуло и Петрозаводск, где в 1913 году было создано Общество изучения Олонецкой губернии (ОИОГ) [1]. При ОИОГ был создан музей, предшественник современного Карельского государственного краеведческого музея. Некоторые аспекты его истории уже излагались в исследованиях Н.В. Вербовской [2] и Л.И. Капуста [3]. В данной статье рассматривается деятельность ОИОГ по созданию музея и формированию его коллекции в 1913–1917 гг. по материалам «Известий Общества изучения Олонецкой губернии».

Главным инициатором создания ОИОГ был вице-губернатор Олонецкой губернии А.Ф. Шидловский (1863–1942 гг.). Александр Фёдорович Шидловский – видный краевед Олонецкого края (южной и средней Карелии) 1910-х годов, крупный библиограф Европейского Севера. В 1908–1911 гг. он был вице-губернатором Архангельской губернии, где стал одним из организаторов и руководителей Архангельского общества изучения Русского Севера, которое просуществовало с 1909 г. до 1920 г. После перевода в Петрозаводск, в июле 1911 г., А.Ф. Шидловский сразу же поставил перед представителями местной интеллигенции вопрос о создании в Олонецкой губернии об-

щества, аналогичного Архангельскому [4]. Это предложение было горячо поддержано: в 1912 г. был опубликован Устав будущего Общества, а 18 апреля 1913 г. состоялось официальное открытие ОИОГ.

В своей деятельности ОИОГ руководствовалось принятым Уставом, согласно которому Общество преследовало цель «изучать Олонекскую губернию преимущественно в отношении историческом, географическом, естественнонаучном, бытовом, культурном и экономическом; привлекать правительственное и общественное внимание к нуждам и особенностям этой губернии, а также – содействовать проведению в жизнь необходимых для неё улучшений». Кроме Олонекской губернии Общество изучало и соседние с ней губернии по вопросам, имеющим к ней какое-либо отношение [5].

Для достижения своих целей Общество могло:

- а) собирать разного рода материалы, относящиеся к предметам ведения Общества, и устраивать для них библиотеки и музеи, постоянные выставки, показательные станции;
- б) организовывать научные исследования по разным вопросам местной жизни путём снаряжения экспедиций, образования комиссий из членов, назначения конкурсов на премии, запросов, анкет и др.;
- в) разрабатывать и публиковать собранные им материалы, издавать свои труды, труды своих комиссий и отдельных членов или в виде отдельных изданий, или печатать их в специальном органе, посвящённом нуждам Олонекской губернии вообще;
- г) распространять научные сведения об этой губернии путём устройства публичных чтений курсов, временных выставок, справочных бюро и пр.

На организацию и осуществление различных намеченных мероприятий Обществу требовались определенные средства. По Уставу ОИОГ, средства Общества и его отделов складывались: а) из членских взносов; б) из единовременных пожертвований и отказов по духовным завещаниям; в) из доходов от чтений, лекций и других предприятий, устраиваемых в пользу Общества, а также из сумм, вырученных от продажи его изданий; г) из доходов от капитала и имущества Общества. Данные средства расходовались на издательскую деятельность, закупку редких рукописей, предметов старины, целых коллекций для формирования музейных фондов Общества.

Формально членами Общества могли быть «лица обоего пола без различия состояния вероисповедания и подданства». В то же время для вступления в ОИОГ существовали определённые условия, по которым «в члены Общества не могли вступать несовершеннолетние лица, учащиеся низших и средних учебных заведений, состоящие на дейст-

вительной службе нижние воинские чины, административно-ссылные и состоящие под надзором полиции [6]. Оценивая данные критерии членства в ОИОГ, можно сказать, что членами Общества могли стать люди определённого круга – это же видно и по спискам членов ОИОГ. Все, кто вступал в Общество, занимали весьма высокое положение в Петрозаводске и Олонецкой губернии – это представители власти, высшее чиновничество и т.п.; женщин в списках членов ОИОГ практически нет.

На протяжении всего своего существования (1913–1917 гг.) ОИОГ вело бурную деятельность. Ведущую роль в нём играли земские деятели [7] и местные краеведы, входившие в состав Общества. Помимо А.Ф. Шидловского, это были И.И. Благовещенский, Н.С. Шайжин, В.И. Крылов, Д.В. Островский, К.А. Докучаев-Басков и некоторые другие.

В 1913–1917 гг. Общество издавало научно-краеведческий журнал «Известия Общества изучения Олонецкой губернии», многие публикации которого и сегодня представляют научный интерес. В данный период «Известия ОИОГ» являлись одним из важнейших местных печатных изданий. В Петрозаводске имелись две типографии, печатавшие местные периодические издания: газету «Олонецкие губернские ведомости» и журналы: «Вестник Олонецкого губернского земства» и «Известия ОИОГ», а также отдельные книги справочно-статистического характера [8].

Помимо «Известий», Общество осуществило четыре выпуска художественных открыток с видами города. На них запечатлены почти все улицы Петрозаводска, его церкви и памятники. Особенно живописны снимки фотографа В. Иванова, часть которых сделана с башни здания городской думы. На них мы видим общий вид города с высоты птичьего полёта. Изображались на открытках и некоторые события общественной жизни. Например, отправка запасных и ратников на первую империалистическую войну [9].

Среди постоянных авторов журнала «Известия ОИОГ» был А.Ф. Шидловский, один из основателей ОИОГ и его бессменный председатель. Перу А.Ф. Шидловского принадлежит ряд статей на страницах «Известий Общества изучения Олонецкой губернии»: «Цель учреждения и ближайшие задачи Общества изучения Олонецкой губернии» [10], «Доисторические памятники на восточном берегу Онежского озера» [11], «Онего-Беломорский водный путь; его государственное и экономическое значение» [12] и заметка «Промышленность на севере» [13] в разделе «Текущая хроника».

Также А.Ф. Шидловский занимался работой по составлению библиографии по Русскому Северу по таким темам, как «Пётр Великий на

Севере», «Шпицберген» и др. В 1914 г. за научно-географическую деятельность в Архангельской и Олонецкой губерниях Русское Географическое Общество присудило Шидловскому большую серебряную медаль имени П.П. Семёнова [14]. После Октябрьской революции А.Ф. Шидловский работал в Академии наук по библиографии Севера. За всю свою жизнь Александр Фёдорович собрал большую библиотеку по северному краю, позднее (с 1936 г.) распроданную по частям.

Статьи других авторов в журнале «Известия» свидетельствуют о широком спектре тематики работ Общества: среди них – публикации по истории, археологии, горному делу, истории русской православной церкви и старообрядческого раскола.

Помимо тематических статей, в каждом номере «Известий» был разделы: «Текущая хроника», «Пути сообщения», «Сельское хозяйство», «Землеустройство», «Лесное дело», «Кооперативное дело», «Врачебное дело», «Рыбное дело», «Торговля и промышленность», «Из текущей жизни Олонецкого края», «Из прошлого Олонецкого края», «Промыслы», «Разные известия», «Письмо в редакцию» и т.д. Наряду с этими материалами в журнале «Известия ОИОГ» регулярно печатались сведения об очень важном направлении деятельности Общества – собирании и пополнении коллекции для своего будущего музея, который, по мысли его организаторов, должен был оживить интерес местного населения к истории и природе родного края.

В Петрозаводске в это время имелся Олонецкий естественнонаучный и историко-этнографический музей, который был открыт в 1871 г. по инициативе губернатора Г.Г. Григорьева. Это был первый и единственный в губернии музей, но в начале XX в. он уже не отвечал возросшим требованиям общественности города. В октябре 1913 г. при Обществе изучения Олонецкой губернии был открыт собственный музей. Его создатели планировали, что он станет ядром для будущего «Романовского музея» губернского земства, так как открытие музея было приурочено к 300-летию Дома Романовых [15]. Музей изначально располагался в трех комнатах губернаторского дома. Затем в 1914 г. ему были отведены еще три теплых и две холодных комнаты, так как по распоряжению почетного члена Общества М.И. Зубовского музею ОИОГ были переданы экспонаты Олонецкого естественнонаучного и историко-этнографического музея, который находился в доме Николаевского приюта для девочек. С передачей в ведение ОИОГ в октябре 1914 г. бывшего Олонецкого естественно-промышленного и историко-этнографического музея музей Общества становится главным в Олонецкой губернии.

После ремонта помещений и размещения коллекций музей сразу не был открыт для широкой публики, так как шло составление подробной описи всех его экспонатов. Однако все желающие, предупредив Председателя правления Общества, могли осмотреть его коллекцию. Открытие музея для всеобщего обозрения произошло в 1915 г. Позднее, в апреле 1917 г., на общем собрании Общества было решено установить определенные дни и часы дежурства членов Правления, «чтобы сделать музей доступным для публики почти ежедневно» [16].

Собирание экспонатов для музея ОИОГ отражалось в регулярных отчетах на страницах «Известий». Особенное внимание уделялось приношениям и дарениям жителей губернии. В журнале был выделен специальный раздел «Пожертвования, поступившие от разных лиц и учреждений в музей ОИОГ». По мере поступления музейных предметов печатались списки новых коллекций. Именно на основании «Известий ОИОГ» можно судить, какие предметы и от кого поступали в фонды данного музея. Все предметы можно разделить на следующие группы: 1) старинные русские и иностранные монеты и ассигнации; 2) предметы церковно-религиозного культа; 3) предметы крестьянского обихода; 4) археологические находки: зубы мамонта, глиняные черепки, каменные орудия труда (топор, наконечники стрел, долото и проч.); 5) предметы оружейного и кузнечного ремесла и медного литья; 6) старинные топографические карты; 7) коллекции образцов горных пород; 8) крестьянская одежда; 9) чучела птиц и гербарии; 10) предметы плотницкого и столярного ремесла.

В музей на протяжении всего его существования поступали старинные русские и иностранные монеты, а также бумажные ассигнации и кредитные билеты. Первые пять медных монет 1727, 1762, 1790 и 1796 гг. принес петрозаводский уездный исправник Ф.Я. Иванов уже в 1913 г. Из этих пяти монет одна была английская с надписью «Georgius III». Тогда же крестьянин Д.А. Флотский подарил музею четыре русских монеты 1762, 1731, 1797, 1800 гг. и одну серебряную монету 1820 г. с гербом польского королевства. В 1914 г. сотрудник ОИОГ А.В. Шлипеков передал в дар музею 24 медных и 1 серебряную монеты, крестьянин деревни Фоминой Пудожского уезда Еремеев – 2 монеты по 2 копейки, А.Ф. Шидловский – одну пятирублевую ассигнацию 1812 г. В 1915 г. Тобольский архимандрит Августин подарил музею старинную серебряную полтину. Кроме того, в музей поступило большое количество мелких медных монет от крестьян Каргопольского и Вытегорского уездов [17].

К самым многочисленным поступлениям относятся предметы церковно-религиозного культа: богослужебные книги, утварь, иконы

и оклады икон, кресты, одежда и облачения священнослужителей и др. Любопытными экспонатами были различные церковные предметы, сделанные из дерева: резные царские врата; люстра и два старинных киота от притча Толвуйской церкви; старинное кадило от настоятеля Муромского монастыря иеромонаха Меркурия; деревянный подсвечник от пожизненного члена ОИОГ В.Ф. Соболева; нательный крест из часовни д. Маньги от священника А. Крупкина; на престольный крест с изображениями святых от священника Ильинского прихода С. Баженова [18].

В музей ОИОГ приносили изделия медного литья: иконы, кресты, чаши, потиры, диски, звезды, дарохранительницы, складни, лампадки. Все они поступали из разных уголков Олонецкой губернии – из д. Бесоносовской Пудожского уезда, от притча Горно-Шелтозерского прихода Петрозаводского уезда и т.п.

Особый интерес представляют предметы старообрядческой общины Выга. Большой вклад в пополнение данной коллекции музея сделали члены ОИОГ Н.Д. Герест, В.И. Иванов и Д.В. Островский. В.И. Иванов принес два разрисованных водяными красками изображения основных догматов учения старообрядцев поморского раскола, Дерево рода Андрея и Семена Денисовых с их портретами и изображением внизу Лексинской женской и Выгорецкой мужской киновии. Н.Д. Герест подарил два чертежа монастырей Выговской пустыни. Д.В. Островский передал музею древний служебник эпохи первых пяти русских патриархов (1589–1652 гг.), а также иконное изображение патриарха Никона [19].

Наряду с предметами церковно-религиозного назначения в музей поступали вещи повседневного обихода и крестьянского быта. В самом начале существования музея жители губернии сразу принесли семь деревянных форм для печатных пряников, а также скалки, прялки, ковши, ловушку на медведя. В собрании музея появились также ажурный деревянный столик местной работы, модель деревянной бороны, старая двухколесная телега со сплошными дощатыми колесами. Музейные работники стали собирать образцы традиционной одежды олонецких крестьян. В 1913 г. музею подарили старинный русский сарафан из серебряной парчи, шелковый шугай, бархатный кокошник, вышитый блестками. В 1914 г. в музей поступили манжеты для мужских рубашек, жемчужный кокошник, капор, газовый пояс, кокошник из бус, несколько женских головных уборов (сороки), атласная жилетка. Также музею были подарены старинные женские медные серьги.

Исследователи отмечают тот факт, что экспонаты в этот период поступали часто целыми коллекциями. Одной из первых поступила кол-

лекция старообрядческих памятников, среди которых особенно примечательны изображения водяными красками вождей поморского раскола. От крестьян Мелентьевской волости Каргопольского уезда была получена большая коллекция разнородных предметов, среди них – рукописные книги и женские головные уборы, от крестьян села Ладва – сразу 5 форм для печатных пряников.

В 1913–1917 гг. росли фонды музея, особенно увеличивалось собрание фотографий, что объяснялось развитием фотоискусства в России. Также в музей поступали карты различных частей Олонецкой губернии, например, карты Олонецкого, Петрозаводского, Повенецкого, Пудожского уездов, озера Сандал и его окрестностей. От священника А. Малиновского была получена старинная карта Онежского озера.

А.Ф. Шидловский был инициатором собирания писем участников I Мировой войны, и это стало новым направлением в деятельности музея, открыло интерес к рассказу о конкретном человеке, простом действующем лице истории. Сам А.Ф. Шидловский передал в музей карты, открытки, рукописи, образцы горных пород и минералов, денежные знаки и даже найденные в Вятской губернии зубы мамонта. И поскольку музей самым тесным образом связан был с Обществом, есть основания для вывода, что на этом этапе зародилось и другое направление в его деятельности – научно-исследовательское [20].

Таким образом, в комплектовании фондов музея ОИОГ принимали участие представители всех социальных групп населения Олонецкой губернии – как члены Общества, чиновники, интеллигенция, священники, земские деятели, учителя и врачи, так и простые крестьяне. Как правило, почти все принесенные предметы имели большую научную и историческую ценность. Работники музея ко всем дарителям относились с уважением и должным вниманием, что нашло отражением на страницах «Известий ОИОГ».

К сожалению, Общество изучения Олонецкой губернии существовало недолго. Вскоре после Октябрьской революции Общество было распущено. Причиной роспуска явились, очевидно, «подозрения новой власти в нелояльности к ней руководства организации» [21]. Вместе с закрытием Общества в апреле 1918 г. прекратил свое существование и краеведческий музей ОИОГ, но его деятельность заложила определенные основы музейной фондовой работы в Петрозаводске и Карелии в целом, а собранная коллекция исторических памятников стала базой для создания современного Карельского Государственного краеведческого музея.

Литература и источники

1. Петрозаводск: хроника трёх столетий. – Петрозаводск, 2002. – С.188.
2. Вербовская Н.В. Губернская периодическая печать как источник комплектования фондов Карельского государственного краеведческого музея // Краеведение и музей. – Петрозаводск, 1992. – С. 13-23.
3. Капуста Л.И. Из истории музейного дела в Карелии // Краеведение и музей. – Петрозаводск, 1992. – С.5-12.
4. Григорьев С.В. Биографический словарь. – Петрозаводск, 1973. – С.242.
5. Устав Общества изучения Олонецкой губернии. – Петрозаводск, 1912. – С.3.
6. Там же. – С. 4.
7. Филимончик С.Н., Гольденберг М.Л. История Петрозаводска: учебное пособие – Петрозаводск, 2003. – С. 119.
8. Очерки истории Карелии. – Петрозаводск, 1957. – Т.1. – С. 363.
9. Панова Н. Петрозаводск на старых открытках // Краевед Карелии. – Петрозаводск, 1990. – С. 54.
10. Известия ОИОГ. – Петрозаводск, 1913. – Т.1. – №1. – С.1-9.
11. Там же. – Петрозаводск, 1914. – Т.3. – №1-2. – С.1-10.
12. Там же. – Петрозаводск, 1915. – Т.5. – №2-3. – С.81-96.
13. Там же. – С.147-148.
14. Григорьев С.В. Указ. соч. – С. 242.
15. ИОИОГ – Петрозаводск, 1914. – Т.4. – №8. – С.155.
16. ИОИОГ. 1917. – Т.9. – №1-3. – С.77.
17. ИОИОГ. 1913. Т.1. №3. С.207-208; 1914. Т.3. №4. С.244-245; Т.4. №6-7. С.128-129; Т.4. №8. С.176; 1915. Т.5. №2-3. С.158.
18. Там же. 1913. Т.1. №3. С.207-208; №4. С.272-273; Т.2. №7-8. С.191-192; 1914. Т.3. №4. С.244-245.
19. Там же. 1913. Т.1. №4. С.272-273; 1914. Т.3. №4. С.244-245; 1915. Т.5. №2-3. С.158.
20. Вербовская Н.В. Указ.соч. – С. 21-23.
21. Петрозаводск: хроника трёх столетий. – Петрозаводск, 2002. – С.189.

Дианова Елена Васильевна

*к.и.н., доцент кафедры отечественной истории
Петрозаводского государственного университета
г. Петрозаводск*

О развитии музейного дела в Карелии в середине 1920-х гг.

В развитии музейного дела в Карелии во второй половине 1920-х гг. большую роль сыграли некоторые местные исследователи Карелии с дореволюционным стажем, которые в 1913–1917 гг. были активными членами Общества изучения Олонецкой губернии (ОИОГ). В начале 1918 г. Общество изучения Олонецкой губернии было распущено, а существовавший при нем музей временно приостановил свою работу. В период революционных бурь, годы гражданской войны и иностран-

ной интервенции многих членов бывшего Общества разметало по разным городам и весям, но отдельные краеведы пережили лихолетье в родном городе, работали в кооперации, в народном образовании, печатали статьи о необходимости изучения родного края. К таким исследователям Олонецкой губернии и Карелии относится известный краевед Виктор Иванович Крылов. В.И. Крылов был директором Карельского государственного краеведческого музея в 1925–1928 гг. После него директором музея стал С.А. Макарьев. Некоторые аспекты их деятельности по изучению Карельской АССР и развитию музейного дела нашли отражение на страницах некоторых публикаций, в частности в монографии «История Карелии с древнейших времен до наших дней» [1]. В данной статье предпринимается попытка рассмотреть деятельность краеведов по восстановлению Карельского музея в середине 1920-х гг., который был преемником Олонецкого естественнонаучного и историко-этнографического музея, созданного в 1871 г. по инициативе губернатора Г.Г. Григорьева, а с 1913 г. находившегося в ведении ОИОГ. В 1918 г. музей был закрыт, а в 1925 г. он возобновил свою работу.

В.И. Крылов был уроженцем Костромской губернии. После окончания Казанской духовной академии в 1900 г. приехал в Петрозаводск. С этого момента вся жизнь В.И. Крылова связана с Олонецким краем, Карелией. Сначала он был преподавателем в Олонецкой духовной семинарии и женском епархиальном училище в Петрозаводске. Затем с 1906 г. В.И. Крылов перешел на педагогическую работу в Петрозаводскую учительскую семинарию, где вел историю и географию.

В 1913 г. было создано Общество изучения Олонецкой губернии, оно издавало свой журнал «Известия Общества». В.И. Крылов как член ОИОГ был в числе авторов этого издания, его перу принадлежат интересные статьи о Петрозаводске и Карелии [2].

В мае 1917 г. В.И. Крылов вступил в партию народной свободы (кадетскую) и был включен в бюро Петрозаводского отделения этой партии. После опубликования декрета СНК «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». В.И. Крылов вместе с некоторыми другими учителями Петрозаводска выступил в защиту православия и с критикой декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви, в результате чего весной 1918 г. он был уволен с занимаемой должности [3].

Занимаясь общественной работой, еще в 1917 г. В.И. Крылов стал одним из самых активных деятелей олонецкой кооперации. Работа в Петрозаводском союзе кооперативных товариществ и Олонецком губернском союзе кооперативов в 1918–1924 гг. позволила В.И. Крылову вести культурно-просветительскую и издательскую деятельность. Бла-

годаря старанию В.И. Крылова стал выходить в свет журнал «Олонецкий кооператор», ставший важнейшим источником по истории кооперативного движения и культурно-просветительской работе в Олонецкой губернии.

В журнале «Олонецкий кооператор» большое внимание уделялось краеведческой тематике. В разделе «Библиография» В.И. Крылов рассказывал о книжных новинках по краеведению. Так, в одном обзоре печати он цитирует высказывание известного педагога-краеведа Е. Звягинцева: «Всякая школа должна подготавливать учеников к жизни. Нужно использовать школьную жизнь, детские интересы и учебные занятия с тем, чтобы разрыхлить в учащихся почву для посева кооперативных знаний, идей и навыков». «Разрыхление детских душ» можно проводить на уроках. Нужно также поощрять совместное создание школьных музеев и проведение экскурсий на артельных началах».

В другом номере журнала В.И. Крылов знакомит читателей с книгой Е.Н. Клетновой «Изучение родного края» (М., 1918) и приводит выдержки из этой книги: «Изучение родного края должно быть положено в основу воссоздания нашей родной культуры. Нам нужно не только познать себя, но и тщательно изучить свой родной уголок: изучить каждую травинку, каждое деревце, каждый ручеек, холмик своего родного края» [4].

Размышляя о будущем Олонецкого края, В.И. Крылов высказывал мысль о том, что для возрождения народного хозяйства Карелии необходимо знать ее природные богатства. Освоение края возможно только при его всестороннем изучении. В 1920 г. в журнале «Олонецкий кооператор» была опубликована статья В.И. Крылова «Нужно исправить ошибку». В этой статье он заявляет о том, что «ликвидация Общества изучения Олонецкой губернии была ошибкой. Созданное в 1913 г. ОИОГ собрало довольно большую библиотеку, имело музей, издавало свой журнал. При наличии достаточных средств и при лучшей организации оно могло бы успешно развивать свою деятельность и далее, но к великому прискорбию, в начале 1918 г. оно было закрыто. Вместо него не было создано другого, аналогичного ему учреждения. Родной край не изучается». «Между тем спрос на труды по изучению Олонецкого края, — замечает В.И. Крылов, — громадный. При воссоздании промышленности в крае появится еще большая потребность в краеведческой литературе». В.И. Крылов категорически заявил: «Нужно что-то сделать, чтобы заполнить пустое место. Необходимо возродить общество. Нужно исправить ошибку. И чем скорее, тем лучше» [5].

Вслед за статьей В.И. Крылова в этом же номере журнала предлагалось создать Бюро по изучению Олонецкого края при Олонецком

губернском союзе кооперативов. Здесь же была опубликована программа деятельности кооперации «К изучению Олонецкого края»: текущий сбор материалов о жизни, промыслах, естественных богатствах края; анкетирование, экспедиции, обследование края со специальными заданиями; соби́рание старых рукописных и печатных материалов по истории, экономике, этнографии, геологии края; создание библиотеки и архива по краеведению; издание краеведческих материалов; устройство краеведческого музея, сбор экспонатов для него [6].

Переход к нэпу изменил положение в стране. 1920-е гг. характеризуются как «золотое десятилетие» развития краеведения. Сложившиеся благоприятные условия для возрождения краеведческого движения по всей стране. В июне 1923 г., благодаря усилиям местных краеведов и интеллигенции, было организовано Общество изучения Карелии, ставшее своего рода преемником ОИОГ. Краеведы Петрозаводска и Карелии уже давно говорили о необходимости восстановления общества изучения края, объясняя это двумя причинами – богатейшим прошлым Олонецко-Карельского края и восстановлением народного хозяйства.

Вот что писал член бывшего ОИОГ Л.Г. Гершанович: «В годы коренной ломки быта, лихорадочного строительства и непрерывных страданий в борьбе с контрреволюцией и голодом было не до «старушки истории». В данный же момент, когда все внимание приковано к культурному, планомерному, продуманному и хозяйственному строительству, необходимо заняться основательным изучением края, его прошлого и настоящего и пробудить к ним интерес. Лишь хорошо изучив прошлое и, в частности, его человеческие судьбы, нам легче усвоить настоящее и правильное построить его промышленное будущее, его хозяйственные перспективы. Работы в таком краеведческом направлении – непочатый край» [7].

В состав правления Общества изучения Карелии вошли как старые краеведы с дореволюционным стажем Л.Г. Гершанович, В.И. Крылов, так и представители советских и партийных органов А.Н. Лесков, Ф.Е. Поттоев, М.Н. Заводовский. В 1924 г. число членов Общества изучения Карелии насчитывало около 80 человек, а наиболее активные исследователи и знатоки Карелии ботаник А.А. Бернацкий и геолог, уроженец Карелии В.М. Тимофеев стали его почетными членами. В.И. Крылов, будучи членом правления Общества изучения Карелии, занимался информационно-издательской деятельностью. При поддержке карельской кооперации были изданы сборники «Известия общества изучения Карелии» [8].

При активном содействии Общества изучению Карелии в январе 1925 г. произошло открытие Карельского областного музея. В местной

печати было сделано объявление о режиме работы музея. Он был открыт для посетителей с 6 января 1925 г. по вторникам, четвергам, субботам и воскресеньям с 11 часов утра до 3 часов дня. С момента открытия музея его директором по предложению Наркомата просвещения КАССР стал В.И. Крылов. 31 января состоялось очередное заседание Общества изучения Карелии, где был заслушан доклад В.И. Крылова о состоянии музея и его реорганизации на краеведческих началах. План реорганизации заключался в систематизации экспонатов и пополнении слабо представленных отделов музея [9].

В начале 1925 г. на страницах местной печати регулярно давались отчеты о реорганизации Карельского областного музея. В журнале «Вестник Карело-Мурманского края» местный корреспондент писал: «Реорганизация Петрозаводского музея идет полным ходом. Систематическая расстановка экспонатов уже закончена. Все, не имеющие особой ценности, предметы заменены на лежавшие в запасниках коллекции, и музей принял, наконец, вид научного учреждения, чего до вступления на должность нового заведующего местного краеведа В.И. Крылова сказать было нельзя. В музее теперь даются посетителям исчерпывающие объяснения, посещаемость значительно увеличилась» [10].

На страницах «Вестника Карело-Мурманского края» материалы о краеведческой и музейной работе публиковал и директор Карельского областного музея В.И. Крылов: «Музей, представлявший до 1925 г. просто складочное помещение, где «смешались в кучу кони, люди», систематизирован и непрерывно пополняется; положено начало обществу отделу истории революции, заново организованы отделы зоологический, этнографический и т.д. Пополнение музея идет такими быстрым темпом, что музею уже стало тесно» [11].

В.И. Крылов в своих статьях выдвинул две «главнейшие и первоочередные задачи краеведения» на тот период: 1) музейное собирание документов природы и жизни; 2) учет и охрана памятников старины и природы Карелии. Предваряя свои рассуждения, В.И. Крылов привел высказывание наркома просвещения СССР А.В. Луначарского: «Обновленная Россия должна любить и хранить то прекрасное, что создала Россия древняя». Говоря о необходимости собирания памятников прошлого, В.И. Крылов писал о том, что «без этих документов все наши попытки поднять богатейший край Карелии будут бесплодны». Собранные материалы, по мысли В.И. Крылова, должны быть переданы в Карельский областной музей. Каждый краевед должен выполнить эту важную «задачу – *собирать, собирать и собирать*. Даже более того – *спешить собирать*. Краевед должен помнить, что в вихре несущихся событий часы равняются десятилетиям, дни – векам, и что,

если будут упущены эти быстроуходящие дни, ничто не поможет вернуть их, что целые груды предметов, которые лежали бы в краевом музее для просвещения будущих поколений, очутятся в мусоре и хаосе и будут окончательно забыты» [12].

Эту первоочередную задачу могут с успехом выполнять как целые организации и учреждения, так и отдельные лица, интересующиеся природой и судьбой карельского края. В.И. Крылов перечисляет организации, которые, по его мнению, могли помочь Карельскому областному музею, среди них: Карсовнархоз, в ведении которого находились горные разработки; Наркомзем с его отделами охоты и рыболовства; Карлес и Северолес, в руках которых находились лесные промыслы; Карельский союз охотников и Союз работников земли и леса; Хлебопродукт, Госторг, Каронегсоюз и др.

Большие надежды В.И. Крылов возлагал и на отдельных лиц, краеведов, учителей и учащихся карельских школ. Обращаясь к ним, он писал о том, чтобы они не забывали, что «музейное собрание есть вместе с тем и основная краеведческая работа. Карельский областной музей должен был быть самой удачной формой краеведческой работы, предназначенной отразить в себе природу и жизнь нашего края и хранить все их документы, тем более что эту задачу наш Карельский музей за последние восемь лет (в 1917–1925 гг.) не спешил осуществлять» [13].

Призыв директора Карельского областного музея В.И. Крылова к собиранию исторических реликвий и предметов старины нашел отклик среди читателей журнала «Вестник Карело-Мурманского края», о чем свидетельствует статья А. Сомова «Краеведение в Карелии», опубликованная на страницах этого же издания. А. Сомов разделяет мнение В.И. Крылова о том, что «в условиях нашего края очень важным моментом краеведческой работы должна стать работа по собиранию различного рода музейных коллекций и, преимущественно, предметов старины, составление описаний, зарисовка и фотографирование редких произведений архитектуры – одним словом всего того, что плохо охраняемое, постепенно разрушается, гибнет и исчезает для истории и науки» [14].

Журнал «Вестник Карело-Мурманского края» регулярно помещал информацию о пополнении фондов Карельского областного музея. Например, в мае 1925 г. появилось сообщение о том, что отдел живой природы получил «очень хорошие шкурки пушных зверей, чучела лесных животных и птиц (за год с момента открытия музея собрано 120 чучел), всего 200 новых экспонатов, представляющих лесные богатства Карелии». Большинство предметов поступило в качестве по-

жертвований от различных учреждений и государственных органов КАССР, весьма сочувственно относящихся к музейному делу республики [15].

8 июня 1925 г. в республике отмечалось 5-летие образования Карельской Трудовой Коммуны. К этому событию в Карельском областном музее на основе поступивших предметов была устроена национально-бытовая выставка. На выставке были представлены следующие отделы: 1) первый отдел «Общая картина Карелии» – виды водопадов, внутреннее убранство карельской избы, манекены карела и карелки в национальных костюмах; 2) второй отдел охоты – шкуры и чучела зверей и птиц; 3) отдел «Возрождение Карелии» – статистический материал в диаграммах и цифрах; показан рост экономики Карелии за время после Октябрьской революции при Советской власти. На выставке также демонстрировались картина В. Попова «Водопад Гирвас» и портреты А. Андрианова, изделия крестьянских промыслов – кружева заонежских мастериц, изделия из соломы, тивдийского мрамора. Также были показаны коллекции почтовых марок и денежных знаков, старинные иконы и церковные предметы, хранившиеся в запасниках музея [16].

В.И. Крылов также писал о взаимоотношениях Карельского областного музея со школами республики. В связи с краеведческим уклоном школьного образования 1920-х гг. музей стал по сути «учебно-вспомогательным учреждением, в котором наш край представлен почти полностью». Учащиеся школ были наиболее активными посетителями музея. В целом посещаемость музея быстро росла, в 1925–1926 гг. она достигла в среднем до 1500 человек в месяц (при 16 днях посещений). Музей установил бесплатное посещение детям, учащимся, красноармейцам и экскурсантам, для остальных посетителей входной билет стоил 5 коп. По словам В.И. Крылова, «в музей «и стар и млад идет» – школьники и подростки, родители с малолетними детьми, старики. За последнее время в музее чаще стали появляться крестьяне и крестьянки. Музей постепенно становится как бы школой краеведения, и около него группируется весьма значительный контингент лиц, которых мы вправе назвать «друзьями музея» [17].

Во второй половине 1920-х гг. Карельский областной музей стал центром краеведческой работы в крае. Музей установил прочную связь со многими центральными научными учреждениями. Каждая научная экспедиция, прибывавшая в Карелию из Москвы или Ленинграда, увязывала свою работу с Карельским музеем. Музей оказывал большую помощь в организации экспедиций, например, летом 1926 г. большая помощь была оказана фольклорной экспедиции под руко-

дством московского профессора Ю.М. Соколова. При активном участии музея и его директора В.И. Крылова с 1926 г. в Петрозаводске при Наркомпросе КАССР стала действовать Комиссия по охране памятников старины, искусства и природы на территории Карелии.

Карельский областной музей долгое время был единственным музеем в Петрозаводске и во всей Карелии. В то же время широкое развитие краеведческой работы требовало создание музеев или музейных уголков и в уездах Карельской республики. В журнале «Вестник Карело-Мурманского края» был напечатан призыв «Создавайте музей!», но конкретных шагов по созданию музеев в других городах и уездах Карелии пока не было сделано. Слишком малы были силы краеведов на местах. Краеведческие кружки в Кемь, Кандалякше, Медвежьегорске, Пудоже, Тивдии были слабыми, и существование их было формальным [18].

В.И. Крылов был директором Карельского областного музея до последних дней своей жизни. В.И. Крылов умер 10 июля 1928 г. Всесоюзный журнал «Краеведение» напечатал некролог памяти В.И. Крылова. На печальное событие откликнулись и местные издания «Красная Карелия», ежегодник Карельского государственного музея «Карелия» и др. [19].

Многогранная общественная деятельность В.И. Крылова принесла большую пользу народному просвещению, краеведению, музейному делу Карелии. После него директором Карельского областного музея стал выпускник Ленинградского университета С.А. Макарьев, выходец из крестьянской семьи прионежских вепсов [20].

Приход нового директора С.А. Макарьева в Карельский областной музей совпал с выходом специального постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 20 августа 1928 г. о музейном строительстве. Это постановление давало указания по углублению и развитию музейного дела в РСФСР, что означало участие музеев в научно-исследовательской работе, более широкое обслуживание культурно-просветительских потребностей трудящихся масс, приближение деятельности музеев к запросам школьного и профтехнического образования и массовому просвещению. Также определялась чрезвычайно важная значимость музея в изучении производительных сил края, содействии музею интенсивному росту индустриализации страны, развитию сельского хозяйства, кустарных промыслов и в целом социалистическому строительству.

В области культурно-исторической постановление отмечало необходимость и особую важность изучения революции, рабочего движения и быта трудящихся, особенно национальных меньшинств. Кроме

того, подчеркивалась необходимость участия музеев в работе по укреплению обороны Советского Союза [21].

В это время Карельский областной музей имел три отдела: культурно-исторический, промышленно-экономический и естественно-исторический. 4-й художественный отдел находился в свернутом виде, поэтому произведения живописи, изделия из мрамора, бронзы, хрусталя, фарфора, коллекция нумизматики и икон не были представлены на выставках.

С.А. Макарьев продолжил работу по собиранию музейных предметов. Как и его предшественник, первый директор В.И. Крылов, он считал, что «трудно и даже невозможно научно изучить настоящее, не изучив, хотя бы элементарно, прошлого. Нельзя строить новый культурный быт, не зная условий и путей развития и оформления старых бытовых особенностей. Параллельно с выявлением современного быта и краевой истории должен проходить учет, охрана и собирание памятников старины и искусства» [22].

На протяжении всех лет существования музея его фонды постоянно пополнялись. Так, если в 1918 г. в музее числилось около 6 тысяч экспонатов, то в 1940 г. уже насчитывалось почти 40 тысяч. С 1913 г. музей занимал 10 комнат в губернаторском доме (после революции 1917 г. – здание КарЦИКа). В 1929 г. музей получил здание закрытого Александро-Невского собора. Эта церковь была построена на средства рабочих Александровского завода в 1826–1831 гг. [23]. С расширением деятельности музея изменился и его статус, он был переименован в Карельский государственный музей. Так была открыта новая страница в истории Карельского краеведческого музея.

Таким образом, можно сказать, что развитию музейного дела в середине 1920-х гг. в Карелии способствовала активная деятельность местных краеведов, первых руководителей Карельского областного музея В.И. Крылова и С.А. Макарьева.

Литература и источники

1. Григорьев С.В. Биографический словарь. Естествознание и техника в Карелии. Петрозаводск, 1973. С.132; История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С.334, 348, 571, 572; Савватеев Ю.А. Полузабытое имя: (К 100-летию со дня рождения С.А.Макарьева) // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 1995. Вып.3. – С.3-18.
2. См.: Крылов В.И. Первые дни революции в Петрозаводске // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1917. Т.9. №№1-3.
3. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – С.348.
4. Олонецкий кооператор. 1920. №4-5. С.48; №2.- С.42.
5. Там же. №4-5. – С.17.

6. Там же. – С.19.
7. Известия Общества изучения Карелии. – 1924.- №1. – С.5.
8. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – С.571.
9. Вестник Карело-Мурманского края (ВКМК). – 1925. – №3.- С.23; №5. – С.25.
10. Там же. №9. – С.28.
11. Карело-Мурманский край (КМК). – 1926. – №21. – С.21.
12. ВКМК.1925. – №14.- С.9-10.
13. Там же.
14. Там же. 1925. – №35. – С.11.
15. Там же. №13. – С.33.
16. ВКМК. 1925. – №13.- С.33; История Карелии с древнейших времен до наших дней. – С.572.
17. Там же; КМК.- 1926. – №21.- С.21.
18. Там же; ВКМК. – 1925. – №20-21. – С.10.
19. Краеведение. 1928. Т.5. – С.510; Карелия. Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. – Петрозаводск, 1928.- С.142.
20. История Карелии с древнейших времен до наших дней. – С.572.
21. Макарьев С.А. Карельский музей (Очередные задачи музейной работы в АКССР) // КМК. 1928. – №10-11. – С.21.
22. Там же.
23. Историко-краеведческий музей КАССР: краткий путеводитель. – Петрозаводск, 1957. – С.4.

Корнева Лариса Владимировна

*к.и.н., доцент, зав. кафедрой теории и истории культуры
Хабаровского государственного института искусств и культуры
г. Хабаровск*

Дальневосточные музеи в историческом и культурном пространстве региона

Статья посвящена просветительной и образовательной деятельности дальневосточных музеев в формате исторического развития региона. Автор анализирует опыт участия дальневосточных музеев в историческом образовании школьников и студентов, в привитии им интереса к культурным ценностям коренных народов Приамурья, развитие различных видов музейных коммуникаций, способствующих формированию регионального самосознания, воспитанию патриотизма, гражданской ответственности и культуры, развитие межкультурного диалога в пространстве края и в АТР.

Первые музеи российского Дальнего Востока, созданные при научных обществах, сначала играли в системе отдела и отделений ИРГО важную роль своеобразных хранилищ и лабораторий для исследователей края. К 80–90-м гг. XIX века на территории Дальнего Востока Рос-

сии была сформирована основная сеть комплексных (краеведческих) музеев, в состав которой вошло восемь музеев. Музеи, открывшиеся в Нерчинске (1886), Владивостоке (1890), Благовещенске (1891), Хабаровске (1894), Кяхте (1894), Чите (1895), Александровске-на-Сахалине (1896), Петропавловске-Камчатском (1910) заявили о себе как о существенном факторе общественного развития, средстве сохранения историко-культурного наследия, без которых уже не мыслилось развитие науки, культуры, просвещения [1].

Эти музеи были представлены отделами, отражавшими природу, экономику и культуру молодого осваиваемого края и сопредельных территорий. К 1917 г. сеть музеев распространилась на все областные и ряд уездных городов российского Дальнего Востока: в крае функционировало восемь музеев, составивших девятую часть от общего числа местных музеев комплексного типа, действовавших в это время в России. По численности музеев и богатству их коллекций российский Дальний Восток не уступал многим центральным регионам [2].

Спецификой музейного дела Дальнего Востока России было использование музеев в целях оказания практической помощи переселенцам в хозяйственном освоении края, ведении научно-просветительной и образовательной работы среди населения. Из учреждений, занимавшихся сначала собиранием предметов и образцов, учетом и хранением экспонатов, музеи постепенно превратились в организации, смысл деятельности которых состоял в передаче исторической, научной и культурной информации [3].

Использование собранного в музеях материала в образовательных и воспитательных целях привлекло к организации и деятельности в них местную интеллигенцию, особенно учительство. Преподаватели народных и городских училищ, гимназий и прогимназий Приамурского края рассматривали музеи как научные и культурно-просветительные учреждения, несущие знания о вновь присоединенных территориях в народные массы, воспитывающие у учащихся любовь к родине, влияющие на развитие местной экономики. По принятым уставам дореволюционных музеев местного края, в круг их деятельности входило распространение экономических, географических и исторических знаний, ознакомление населения с памятниками истории и культуры, организация публичных лекций и бесед, временных и постоянных выставок, научно-образовательных экскурсий по достопримечательным местам края и т.д. [4].

Видный музейный деятель, ученый и писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев стоял у истоков организации последовательного изучения региона в начале XX века. Он ставил качество работы с

посетителями, их историческое просвещение и образование в прямую зависимость от уровня научного описания музейных предметов, целостности и научности экспозиции. Во второй период работы В.К. Арсеньева в Хабаровском музее (1924–1926 гг.) с целью лучшего усвоения исторического материала в экспозициях появились развернутые пояснительные тексты, плакаты, схемы, карты, модели, рисунки и фотографии. Именно он, пожалуй, больше, чем его славные предшественники, уделял внимание развитию музейно-экскурсионной деятельности, понимал специфику музейной экскурсии в естественноисторическом музее [5].

Однако к концу 1920-х гг. XX в. музеи, как и другие учреждения культуры, все чаще начинают рассматриваться как «проводники политического просвещения», «политико-просветительные комбинаты», «мощное орудие политической и просветительной работы». Произошла замена просветительной модели музея на политизированную.

Учитывая популярность музеев среди населения как средства досуга и одновременно формы получения новых знаний, агитпропотдел Далькрайкома ВКП (б) выдвинул идею превращения музейных учреждений в мощное идеологическое оружие, в своего рода политический инструмент, с помощью которого можно быстро перестроить мировоззрение людей.

Так, на заседании Ученого совета Владивостокского государственного музея 30 января 1929 г. было утверждено положение о Владивостокском музее, где было высказано мнение о том, что музей «не есть собрание редкостей, он является пропагандистской школой для широких масс» [6].

Тем не менее, следует отметить, что дальневосточные музеи в 20–30-е гг. XX в. «были единственными учреждениями, которые вели систематическую научную работу, особенно по сбору образцов как естественно – исторического, так и культурно-исторического порядка» [7].

Музеи, созданные в процессе освоения и изучения края, продолжали оставаться центрами культурной коммуникации, повышая общеобразовательный и культурный уровень трудящихся, используя лекционные и выставочные формы работы, распространяя естественноисторические знания, знакомя с уникальной природой территории. Вновь открывшиеся экспозиции рассказывали об историческом прошлом присоединенных к России территорий, героической борьбе дальневосточников в годы Гражданской войны, социалистических преобразованиях в крае.

Особенностью музейного строительства на Дальнем Востоке России в 1930-е гг. было значительное расширение музейной и краевед-

ческой сети в селах и поселках на базе уже существующих краеведческих пунктов и культбаз. Деятельность дальневосточных музеев в этот период характеризуется, с одной стороны, подчинением их жизни, всех форм работы идеологии советской системы ее жесткому контролю, а с другой стороны, сохранением жизнеспособности музейного организма, следованию сложившимся просветительным традициям, дальнейшим формированием музейного собрания Дальневосточного края.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. внесла существенные изменения в систему управления, организации и политико-просветительной деятельности государственных музеев, в том числе и дальневосточных. В связи с требованиями военного времени и в соответствии с распоряжениями Наркомпроса РСФСР научно-исследовательская деятельность значительной части дальневосточных музеев была сосредоточена, в основном, на изучении местных ресурсов, истории своего края, а также истории Великой Отечественной войны. Наиболее распространенными темами научно-исследовательской деятельности дальневосточных краеведческих музеев были природоведческие. Большинство музеев занималось выявлением природных ресурсов и возможностью использования их как дополнительных источников сырья для промышленности, здравоохранения, обеспечения местного населения продовольствием и т.д.

Уже с первых дней Великой Отечественной войны перед работниками дальневосточных музеев стала задача показа в экспозициях и на выставках текущих военных событий. Хабаровский краеведческий музей, подчинив свою деятельность, в том числе и образовательно-воспитательную, задачам военного времени, в основном занимался выставочной и политико-просветительной работой, направив все внимание на «усиление массовой работы вне стен музея» [8].

Тематика выставок раскрывала возможности местных сырьевых ресурсов, достижения местной промышленности и сельского хозяйства. Так, в 1943 году из 72 подготовленных ХККМ выставок только 12 работали в музее. Из 60 выставок, побывавших на 84 выставочных площадках края, наиболее значимыми стали «Местные сырьевые ресурсы Хабаровского края и использование их в промышленности», «Медная промышленность края», «Режим экономии – закон военного времени» [9].

Несмотря на все сложности военного времени, Приморский областной краеведческий музей поддерживал связь с научно-исследовательскими и опытными станциями края, участвовал в экспедициях ДВ Базы АН СССР. Научные сотрудники музея приняли непосредственное участие в работе Краевого съезда врачей, подготовив тематиче-

скую выставку «Лекарственные растения Уссурийской тайги» [10]. В 1944 г. при музее открываются для учащихся 9-ой и 28-ой средних школ города Владивостока зоологический и ботанический кружки, которые возглавляют научные сотрудники музея. Вместе с детьми они занимаются сбором и изучением материалов по истории заселения Приморской области, о ратных и трудовых подвигах земляков. Совместно с Институтом усовершенствования учителей подготовлен и размещен в журнале «Юный краевед Приморья» материал из истории края [11].

Наиболее интенсивно и результативно выявление и изучение уникальных дальневосточных ресурсов проводилось музеями, где работали опытные специалисты, привлекались местные краеведы. Одной из важнейших задач дальневосточных музеев, позволявших своевременно развернуть стационарные и передвижные выставки военной направленности, а также политико-просветительную и патриотическую работу среди местного населения и военнослужащих, являлось комплектование материалов, отражавших героическое сопротивление народа и ударный труд в тылу, учет и выявление всех местных ресурсов, дико-растущих лекарственных и витаминных растений.

Начиная с 1950-х гг. наметились тенденции децентрализации, деидеологизации во всех областях жизни страны – политической, экономической, культурной и т.д. Процесс этот, как известно, шел неровно, сопровождался периодическими возвратами к авторитарным принципам. Самосознание музейного дела – его теория – зафиксировала представления о музее, оставшиеся от 1930–40 гг.: музей воспринимался как институт, подчиненный интересам государства. Это подход в музееведении был назван институциональным».

В 1950 г. Хабаровское Бюро Крайкома ВКП (б) отмечало, что «работа музеев края поставлена неудовлетворительно, имеются серьезные ошибки и недостатки. Экспозиции во многих музеях составлены непродуманно, не соответствуют требованиям марксистско-ленинской науки и не дают правильной оценки отдельным историческим событиям. В некоторых музеях (Хабаровском, Николаевском-на-Амуре, Петропавловском-на-Камчатке) экспонируются материалы, неправильно отображающие историю и советскую действительность нашего края. Политически неправильно освещается политика русского царизма на Дальнем Востоке, в том числе, Боксерское восстание и Русско-японская война. Не отражается агрессивная роль американского и английского империализма в интервенции против СССР. Советские отделы в некоторых музеях оформлены крайне плохо: нет материалов, отражающих развитие экономики и культуры края, в особенности развитие рыбной, лесной промышленности и сельского хозяйства. В работе

музеев имеет место кустарщина, многие экспонаты оформлены небрежно, безграмотно, не имеют пояснительных текстов» [12].

В связи с этим Бюро Крайкома ВКП (б) обязало «Нижне-Амурский, Камчатский обкомы и обком ВКП (б) ЕАО, Чукотский, Корякский округкомы ВКП (б), Комсомольский и Магаданские горкомы ВКП (б) усилить контроль за идейно-политическим содержанием работы музеев, утвердить тематико-экспозиционные планы музеев и принять меры к перестройке и коренному улучшению их работы, добиваясь большего активного участия музеев в деле коммунистического воспитания трудящихся» [13].

Тем не менее, этот период в истории музейного дела нельзя оценивать только критически, поскольку он, несмотря на все издержки партийного руководства деятельностью музейных учреждений, характеризуется формированием разнообразных образовательно-воспитательных форм работы с аудиторией с целью более глубокого изучения истории родного края. Государство по-прежнему оставалось одним из главных и заинтересованных инвесторов в развитии отечественной музейной сети. Представляет интерес «Стенограмма межобластного совещания-семинара руководителей и научных музейных работников», состоявшегося в городе Хабаровске 28 июля 1955 года. В этом дальневосточном форуме приняли участие 50 музейных специалистов из 22 музеев всех профилей Дальнего Востока, а также научные сотрудники Управления музеев МК РСФСР и Научно-исследовательского института музееведения. Речь шла об обновлении экспозиций, разработке новых форм научно-просветительной работы, обмене опытом между дальневосточными музеями по всем направлениям деятельности, о необходимости подготовки научных кадров для музеев в Москве [14].

На совещании рассматривались вопросы воздействия музейной экспозиции на посетителей различных социальных и возрастных групп, другие формы научно-просветительной деятельности. Идеологические мотивы имели доминирующую позицию, в качестве субъекта деятельности по-прежнему предполагалось государство и музей как его институт, посетители же неизменно рассматривались как объект воздействия.

В культурно-просветительной работе дальневосточных музеев в 1970-е гг., как и во всех отечественных музеях, преобладала ленинская и военно-патриотическая тематика. Основными формами музейной работы с посетителями – экскурсии, лекции, ленинские уроки, встречи с ветеранами войны и труда, массовые мероприятия. (15). Так, в связи с подготовкой к 50-летию ВЛКСМ и к 100-летию со дня рождения Ленина

вся работа Комсомольского городского краеведческого музея «была направлена на выполнение взятых социалистических обязательств по достойной встрече двух юбилейных дат. В своей повседневной работе коллектив музея руководствовался постановлением ЦК КПСС «О повышении роли музеев в коммунистическом воспитании трудящихся». Особое внимание уделялось пропагандистско-массовой работе, направленной на воспитание молодёжи в духе боевых и трудовых традиций, расширению пропаганды краеведческих знаний» [16].

Начало 1970-х – конец 1980-х гг. является очень важным периодом в жизни отечественного музея. Эти годы характеризуются возросшим уровнем образованности посетителей, и перед музейными работниками встает проблема повышения информативности экспозиций, выставок, всей научно-просветительной работы музея.

Общественная и научная значимость музея определялась всегда его экспозициями, не столько количеством, сколько их качеством. Именно с введением Приморским областным краеведческим музеем в научный оборот фондовых коллекций, никогда раньше не выставлявшихся, значительно увеличило количество посетителей [17].

В 1990-е годы с особой остротой музейными работниками, общественностью Дальнего Востока ставится вопрос о предназначении, цели и смысле деятельности, о социальных функциях музея.

В современном региональном музее приоритетной задачей становится не только умение показать прошлое территории как факт, вписывающийся в единый историко-культурный процесс развития страны, но и «как неповторимое, невоспроизводимое в других региональных условиях явление» [20]. Экспозиции дальневосточных краеведческих музеев, посвященные истории хозяйственного освоения, изучения и заселения дальневосточного края, его самобытной культуре требуют новых концептуальных замыслов и решений.

В связи с этим, ежегодно в крупных культурных центрах Дальнего Востока России на базе старейших дальневосточных музеев проводятся, уже ставшие значительным явлением в научной жизни региона, зональные и всероссийские научные конференции (Арсеньевские, Гродековские, Кузнецовские, Новиковские и др. чтения), как форма привлечения к изучению культурного и исторического наследия дальневосточного региона.

Тенденции современного развития общества, науки, культуры определяют наличие ценностного аспекта в образовательном процессе, что обуславливает и постановку новых задач коммуникативной деятельности музеев. При этом актуальным становится вопрос об освоении новых способов включения личности в диалог, который обогащен

разными способами постижения бытия, об освоении индивидом историко-культурного пространства, что позволило бы ему осознать себя в качестве субъекта культуры, т.е. постичь свое место в культурнотворческом процессе [18].

Изменения в образовательной и культурно-просветительской политике музеев дальневосточного региона стали результатом их возрастающей открытости обществу и новой роли музея как культурного центра и инструмента социальной адаптации. Выставочная деятельность музеев региона по-прежнему является одной из самых значимых форм музейной коммуникации, традиционной формой образовательно-воспитательного процесса, сохранившего историческую устойчивость [19].

Сформировавшаяся к началу XXI века дальневосточная сеть музеев всех профилей и видов подчиненности представлена более чем 420-ю музейными учреждениями, из которых более 150 музеев, согласно Федерального закона «О музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации» являются государственными. Большая часть из них представляет группу музеев Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ. В основном, это краеведческие и художественные музеи. Распределение их по дальневосточному региону неравномерно. Неравноценны по количеству и значимости музейные коллекции, что связано с особенностями заселения и хозяйственного освоения Дальнего Востока России, формированием культурной среды и рядом других причин.

Образовательные возможности дальневосточных музеев, благодаря их многогранности и уникальности, обеспечиваются спецификой музейных предметов – подлинных памятников материальной и духовной культуры, составляющих основу всей музейной деятельности и музейной среды.

На состоявшемся в Хабаровске в сентябре 1998 года под эгидой Совета Европы международном семинаре, посвященном вопросу преподавания истории в поликультурном обществе и пограничных территориях, рассматривалась проблема использования музейных коллекций в образовательных концепциях разных стран. И в качестве положительного примера приводился инновационный опыт Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова, в котором просматривается обращение к зарубежным методикам «воспитания наследием». На семинаре был выявлен интересный опыт участия дальневосточных музеев в историческом и эстетическом образовании школьников и студентов, в привитии им интереса к культурным ценностям коренных народов Приамурья [20].

С середины 90-х годов прошлого века дальневосточные музеи активно осваивают новые технологии, затрагивая в своей деятельности социокультурные проблемы города и региона, межкультурной коммуникации и культурной самоидентификации местного многонационального сообщества. Большое значение музей придает развитию межкультурного диалога в пространстве края и в АТР.

Так, Приморский государственный объединенный музей им. В.К. Арсеньева (ПГОМ), является неотъемлемой частью духовной и культурной жизни общества, в полной мере востребован приморским сообществом и активно интегрируется в межкультурный и в межцивилизационный диалог в АТР.

Музей перерос рамки локального краеведческого музея. Он успешно вписывается в изменившуюся внутреннюю и внешнюю социокультурную среду в контексте коренных изменений геополитической и геокультурной ситуации в АТР. На протяжении более десяти лет ПГОМ им. В.К. Арсеньева концептуально разрабатывает и практически осуществляет проект новой модели открытого музея, «широко распахнутого в Азиатско-Тихоокеанский регион». В его структуре создан и успешно развивается Международный музейно – выставочный центр (ул. Петра Великого). В музейном пространстве проходят основные события Биеннале визуальных искусств стран АТР, проводятся международные конференции и выставки, собираются и публикуются материалы русских и российских диаспор за рубежом, отрабатывается модель экспозиций, построенных на основе современных технологий международного уровня.

Необходимо отметить, что дальневосточные музеи имеют сегодня значительный потенциал не только социально-культурного, но и стратегического ресурса Тихоокеанской России как фактор укрепления российских основ в АТР – регионе, в котором славянская цивилизация «не принимается как равная ни одной из местных традиций».

Таким образом, государственные, муниципальные и общественные музеи российского Дальнего Востока всех профилей к началу XXI столетия приобрели значение «культурной нормы», значительно расширили сферу их влияния на общество, стали средством формирования регионального самосознания, историко-культурными центрами исторического и эстетического образования и просвещения, каналами культурной коммуникации.

Литература и источники

1. Корнева Л.В. У истоков музейного дела на Дальнем Востоке России (1884–1917 гг.)/Л.В.Корнева – Хабаровск: ХККМ им. Гродекова Н.И., 2002. – С.112.

2. Там же. С.151.
3. Там же.
4. Корнева Л.В. Из истории научно-просветительной деятельности музеев Дальнего Востока России (1890–1917гг.) / Л.В.Корнева // Музеи на рубеже веков: Материалы научно-практических конференций, сост. в гг. Хабаровске и Москве в 2000 г., Москва, 2001. – С. 203.
5. Корнева Л.В. Просветительная и образовательная деятельность дальневосточных музеев в формате исторического развития региона / Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. Научно-теоретический журнал 3 (7) Хабаровск, 2005. – С.115.
6. Корнева Л.В. Краеведческое движение на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. XX в. и роль музеев в нем / Л.В.Корнева // Духовная жизнь Дальнего Востока России: Материалы региональной научно-практической конференции (Хабаровск, 24–26 октября 2000 г.) / ГАХК. – Хабаровск, 2000. – С.118.
7. Там же.
8. Корнева Л.В. Некоторые аспекты деятельности дальневосточных музеев в годы ВОВ 1941–1945 гг. / Культурологические исследования в Сибири. – Омск: ООО «Издательский дом «Наука», 2005. – 2 (16). – С.142.
9. ГАХК, Ф.741, Оп. 2, Д., 2, Л. 3.
10. Керчелаева Н.Б. Завещано: сохранить и преумножить / Н.Б.Керчелаева / Юбилейный альбом к 110-летию ПГОМ им. В.К.Арсеньева. Владивосток, 2000. – С. 54.
11. Там же.
12. ГАХК, ф. Р.-1690, Оп.3, Д. 36, Л.45–47,63–65.
13. ГАХК, ф. Р.-1690, Оп. 3, Д. 134. Л.56.
14. ГАХК, ф. Р.-1690, Оп. 3, Д. 101. Л.34–39.
15. ГАХК, ф. Р.- 1689, Оп.1, Д. 33, Л.116.
16. Там же.
17. Корнева Л.В. Выставочная деятельность – одна из основных форм музейной коммуникации / Л.В.Корнева // Музейная коммуникация: Материалы научно-практической конференции музейных работников, состоявшейся в (г. Самаре 24–28 сентября 2001 г.), Москва, 2002. – С. 249 – 253.
18. Корнева Л.В. «Роль региональных музеев в коммуникации исторических знаний» / Л.В.Корнева / ХГПУ, Рег. Науч. конференция Историческая наука и проблемы современного образования: Сборник научных трудов. Хабаровск, ХГПУ, 2004 г. – С.182–185.
19. Там же.
20. Корнева Л.В. Использование музейных коллекций в образовательной практике вузов / Л.В.Корнева // Современные технологии в высшем профессиональном образовании: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Хабаровск, ДВГУПС, 2004. – С.105–108.

Пьянкова Татьяна Алексеевна
заведующая отделом этнографии
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар

Из истории строительства этнографических экспозиций и выставок Национального музея Республики Коми

Этнографическая экспозиция – одна из самых значимых в музее исторического или краеведческого профиля. Она представляет «лицо» народа, его традиционную духовную и материальную культуру.

С момента основания нашего музея этнографическая тематика занимала одно из центральных мест в его экспозиционно-выставочной деятельности. Один из основателей музея А.А. Цембер в письме в Усть-Сысольскую уездную управу ходатайствовал об открытии в городе «этнографического и Археологического музея» (цитата приведена с сохранением орфографии оригинала). Именно этнографические экспонаты стали началом музейного собрания (Журнал Усть-Сысольского уездного земского собрания 42 очередной сессии 1911 г. и докладов Управы с приложениями. – Усть-Сысольск, 1912. – С. 723–724). В настоящее время этнографическая коллекция НМРК насчитывает более 13000 предметов. В музейном собрании содержатся материалы, характеризующие все этнографические группы народа коми, русское старообрядческое население бассейна р. Печоры. С 90-х годов XX века началось комплектование фонда родственных финно-угорских народов.

Созданные за время существования Национального музея РК выставки и экспозиции по этнографии народа коми наглядно показывают эволюцию взглядов и подходов музейных этнографов.

В первой постоянной экспозиции музея, созданной в 1926–1927 гг., этнографии был посвящен ее второй отдел, который назывался «Отдел быта Коми народа» (Вульферт, 1927, с. 38). Он занимал центральный зал верхнего этажа музейного здания. Экспозиция была посвящена жизни коми народа. «Для получения более ясного представления о его жизни, предметы его обихода были подразделены сообразно его занятиям на рыболовные, охотничьи принадлежности, орудия производства и домашнюю утварь...» (Вульферт, 1927, с. 39). Из этой цитаты следует, что экспозиция строилась по тематическому принципу. Самостоятельное место в ней занимали экспонаты, посвященные этнографии детства и жизни северных коми и ненцев. Экспозиция сопровождалась научно-вспомогательными материалами. «На стенах этого зала, соответственно упомянутым подразделениям, помещены для большей наглядности, картины изображающие: коми-рыбака, коми-охотника,

замшевый завод, вид жилища коми-крестьянина, самоеда» (Вульферт, 1927, с. 39).

В 1929 г., судьбоносном для населения СССР, в журнале «Коми му» выходит программная статья Г. Шипуновой «Историко-революционный, с.-хозяйственный и промысловый под'отделы музея» (Коми му, №23–24, 1929, с. 67–69), посвященная реорганизации краеведческого музея в Коми АО. В ней предлагается разделить музейную экспозицию на три основных отдела: естественно-исторический, общественно-экономический и историко-культурный. В общественно-экономический отдел входили подотделы сельского хозяйства и промыслов, в историко-культурный – историко-революционный подотдел. «Все отделы должны быть связаны общей целью – выявлением истории культуры края» (Шипунова, 1929, с. 67). Суть подобной реорганизации музея заключалась, сообразно установкам партии и правительства, в необходимости отразить революционное движение в Коми крае, во-1-х, а, во-2-х, через экспозиционный показ развития промыслов и сельского хозяйства показать перспективы социалистического пути политического и экономического развития Коми АО. В подобной структуре этнографические материалы теряли в экспозиции самостоятельное значение и были призваны отразить те или иные стороны советского строительства («Вопросы советского строительства во многом отношении совпадают с краеведческой работой по общественно-экономическому отделу и этнографическому...»), развития промышленности и сельского хозяйства. В то же время нельзя не отметить, что в статье Г. Шипуновой, впервые в коми музееведении, излагаются принципы системного подхода к строительству экспозиции. Так, например, развитие сельского хозяйства края она предлагает показывать в неразрывной связи с его природно-климатическими условиями, характеристика промыслов должна включать в себя все этапы от добычи сырья до сбыта готовых изделий и т.д. (Шипунова, 1929, с. 67–69). Этнографические материалы становились частью соответствующих разделов экспозиции. В настоящее время подобный подход частично реализован в экспозиции отдела истории НМРК.

В 1970–1980-е гг. происходит переосмысление значения этнографических материалов в экспозиционно-выставочной работе. Во многом благодаря инициативе директора музея А.Д. Качаловой, создается целый ряд выставок коллекционного и тематического показа экспонатов, характеризующих традиционную духовную и материальную культуру народа коми:

* «Светлый Север» (1977 г., коллекционный показ предметов узорного ткачества, экспозиционеры – художники – М.А. Безносикова,

Н.Н. Копылова; выставка впервые открылась в г. Воркуте. Со II половины 1990-х годов выставка работает как тематическая, представляющая женские ремесла, она дополнена предметами ткачества, повседневной праздничной одежды, поясами, кружевами, узорным вязанием);

▪ «Поющее дерево» (1977 г., коллекционный показ предметов с резьбой и росписью по дереву, экспозиционеры – художники – Н.Н. Копылова, В.Г. Пасынков. Выставка впервые демонстрировалась в выставочном зале Владимиро-Суздальского историко – архитектурного музея-заповедника);

▪ Историко-этнографическая выставка – 1974 г., посвящена культуре и быту ижемских коми (экспозиционер И.Н. Шарипкова, г. Сыктывкар);

▪ «Современное декоративно-прикладного искусство Коми АССР» (1978 г., представлены работы народных мастеров республики);

▪ «Тропюю северных оленей» (1982 г., коллекционный показ меховых изделий с орнаментальными композициями. Авторы – Титова Н.В., Копылова Н.Н. Пашнин И.Х. Михейченко А.С. Были представлены коллекции КРКМ, музеев г. Воркуты г. Инты. Впервые открылась в г. Вологда);

▪ «Народное искусство коми» (1981 г., выставка приурочена к Дням культуры Коми АССР в Москве. Авторы – Титова Н. В., Копылова В.Н. Впервые показана в музее Декоративно-прикладного искусства г. Москва);

▪ «Народное и современное декоративно-прикладное искусство Коми АССР» (1983 г. Авторы – Титова Н.В., Самойлов А.В. Выставка подготовлена к Дням культуры Коми АССР в Ловечском округе НРБ);

▪ «Народная одежда коми» (1984 г., автор – Титова Н.В., г. Сыктывкар);

▪ «Традиционное и современное декоративно-прикладное искусство Коми АССР» (1986 г. Авторы Титова Н.В., Волоскова С.В. Самаринова Е.С. Выставка подготовлена к Дням культуры Коми АССР в Карельской АССР г. Петрозаводск).

Особой удачей в выставочной деятельности НМРК в 1970–80-е гг. стала большая экспозиция «Древнее и традиционное искусство народов Северного Урала», созданная к VI Муждународному конгрессу финноугроведов (1985 г.). Выставка создана на основе этнографических коллекции Коми и Удмуртского республиканских краеведческих музеев, Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, Коми-пермяцкого, Ханты-Мансийского окружных музеев, Воркутинского, Интинского, Печорского краеведческих музеев. Авторы – Тито-

ва Н.В., Зеновская В.П., Уткина И.М., художник Явшиц В.П. создали археологические и этнографические разделы, отражающие жизнь древних и современных обитателей финно-угорского мира. Традиция подобных выставок была продолжена в 1990-е гг., когда были созданы выставки «Народное искусство коми» (1994 г., г. Ижевск, как раздел выставки народное искусство финно-угров); «Искусство глины» (1995 г. Авторы Титова Н.В., Мишарина Л.В.) – коллекционный показ керамики. Этнографические коллекции из фондов музея, характеризующие культуру и быт народа коми стали самостоятельным разделом «Традиционная культура коми» выставки «Коми ЭКСПО», экспонировавшейся начиная с 1997 г. в Финляндии, Венгрии, Белоруссии, Кирове, Москве.

Итогом переосмысления значения этнографической составляющей для экспозиционно-выставочной деятельности музея стало создание экспозиции «Культура и быт народа коми. Конец XIX – начало XX вв.» (Авторы Н.В. Титова, В.П. Зеновская, художник В.П. Явшиц), построенной в 1987 г. в здании, восстановленной для этих целей, Свято-Вознесенской церкви. В основу ее был положен комплексно-тематический принцип подачи материала. Культуру и быт народа коми предполагалось раскрыть в семи темах: «Поселения и жилища», «Традиционная одежда коми», «Семья», «Праздники и развлечения», «Народные знания», «Религиозные верования», «Народное искусство». Во введении к экспозиции авторы показали начальный этап формирования коми этноса, стремясь тем самым «подвести посетителя к наиболее полному и целостному восприятию основного материала». Экспозиционеры стремились выдвинуть на первый план народное искусство, творчество. Они намеренно отказались от показа основных хозяйственных занятий коми этноса, так как, по их мнению, эта тема была достаточно полно отражена в экспозиции отдела истории (Титова, Зеновская, 1987, с.6–13). Подобный принцип построения и экспозиции и подачи материала был вполне закономерен и логичен с точки зрения методологических установок музейной науки того времени. Он соответствовал тематике научных исследований в области этнографии. В экспозиции, в соответствии с поставленными задачами, были достаточно полно отражены быт и культура народа коми. Она вызвала большой интерес у посетителей, получила положительную оценку специалистов.

Следующей по времени и развитию идеей создания этнографических экспозиций и выставок в нашем музее были долговременные выставки «Из жизни старого Усть-Сысольска» и «Семейный быт и духовная культура народа коми» (экспозиционеры Т.А. Пьянкова, О.Н. Волокитина, художник С.К. Михайлов). Основная цель выставок – познакомить современников с образом жизни горожан и сельских

жителей Коми края в конце XIX – начале XX вв. В ходе работы над созданием выставок возникла идея представить задуманное через наиболее яркое событие в жизни обитателей Усть-Сысольского уезда – Георгиевскую ярмарку. Это позволило создать единый экспозиционный ансамбль, в котором были объединены такие темы как хозяйственные, ремесленные и торговые занятия жителей края, отражены их религиозные представления, культура и быт горожан, представлены через участие в ярмарке различные этнографические группы коми. Особый колорит выставке придавало то, что она была построена в здании-памятнике истории и архитектуры – бывшем торговом доме купцов Дербеневых. Именно музейная экспозиция помогла художественному руководителю ансамбля «Асья кыя» В.П. Морозову в создании образа «народного музыкального спектакля» «Усть-Сысольские святки» (Красное знамя. 18 ноября 1994 г.). Следует также отметить, что тема Георгиевской ярмарки, впервые поднятая сотрудниками музея, получила развитие в наши дни. Георгиевскую ярмарку ежегодно в конце августа проводит Торгово-промышленная палата республики.

Выставка «Семейный быт и духовная культура народа коми», размещенная в соседнем зале, строилась по тематическому принципу. Центральной в ней стала тема коми крестьянской свадьбы, знаменовавшая собой создание новой семьи, продолжение жизни народа. Вокруг этого центрального комплекса были размещены такие комплексы как «Семья и воспитание детей у коми», «Баня и народные способы лечения», «Народные верования, связанные с промысловой деятельностью», «Праздники и развлечения народа коми», «Народное искусство коми», характеризующие традиционную духовную культуру коми этноса. По сути, вышеназванные выставки стали предтечей современной этнографической экспозиции музея.

В 1995 г. в отделе этнографии была построена временная выставка «Изьватас – коми-ижемцы» (экспозиционеры Т.А. Пьянкова, О.Н. Волокитина, художник Л.В. Мишарина), являвшаяся исследованием одной из этнографических групп коми музейными средствами. Авторы стремились отойти от принципа обычного систематического показа культуры и быта какого-либо народа, подразумевавшего следующую последовательность: история происхождения этноса, основные занятия, жилище, бытовая утварь, одежда, народное искусство, праздники, обряды, верования. Была сделана попытка рассмотреть взаимодействие коми-ижемцев с природой, почувствовать и отразить процесс, движение жизни (Волокитина, 1997). Структурно выставка состояла из двух частей: 1. Из истории заселения бассейна р. Ижмы (основа – археологические материалы) и 2. Традиционная культура ижемских коми

– способ взаимодействия с природой Севера, включавшая в себя пять тем, а именно: «Ижемцы и лес», «Ижемцы и река», «Ижемцы и тундра», «Природа и культурные традиции сел и деревень», «Отражение взаимосвязей с природой в народном искусстве ижемцев».

Выставка была построена в соответствии с существующим в науке взглядом на природопользование, когда за основу раскрытия темы берется классификация природных зон и рассматривается, что человек берет для себя от природы в каждой из этих зон. На первом плане по-прежнему оставался показ материальной культуры народа. Правда, в связи со спецификой жизненного уклада ижемцев, на выставке выделены два комплекса, отражающих мужскую (связанную с оленеводством, охотой и рыболовством) и женскую (связанную с воспитанием детей, домашними ремеслами, приусадебным хозяйством) субкультуру. Подобное представление традиционной ижемской культуры было осуществлено в нашем музее впервые. Открытие выставки вылилось в грандиозный праздник коми-ижемцев.

Следующим шагом в поиске новых средств отражения духовного мира народа в музейной экспозиции стала выставка «Пути мифов – пути народов: отражение мифологической картины мира древних коми в декоративно-прикладном искусстве», созданная в 1997 г. (экспозиционеры И.Н. Котылева, О.Н. Волокитина, художники А.В. Самойлов, Н.П. Бурдаев). Основой выставки стала идея о возможности музейными средствами через предметы народного искусства реконструировать картину мира предков коми, их языческое мировоззрение. Авторы стремились также раскрыть, как древние языческие представления наших предков отразились в современном искусстве. Идея выставки раскрывалась через три темы: «Вещь как космос», «Произведения современных художников – поиск пути к единству с миром предков и Природой», «Мифологическая картина мира предков коми». Последняя тема являлась центральной во всей выставке и подразделялась на девять комплексов-мифологем. Главная цель авторов показать мифологическую картину мира народа коми, его богатую духовную культуру была достигнута. Посетители могли убедиться, как много могут рассказать простые узорные «бабушкины» рукавички о культуре своего народа. На выставке была проведена огромная научно-просветительская работа (тематические экскурсии, игры-экскурсии, музейные праздники). Выставка носила новаторский характер, получила восторженные отзывы, была удостоена Государственной премии Республики Коми. В то же время духовное было выделено из контекста жизни. Стремление показать все материалы, которые раскрывают данную тематику, привело к тому, что выставка была перегружена

экспонатами. Кроме того, она была рассчитана на организованного посетителя, специалистов и была труднопонимаема для одиночных посетителей (обилие материалов, незначительное количество поясняющих текстов).

Экспозиция НМРК «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла...» представляет собой попытку с новых концептуальных позиций осмыслить и показать народную культуру коми. При разработке проекта экспозиции авторы (Т.А. Пьянкова, О.Н. Смирнова, В.Б. Липин, художники А.В. Самойлов и Н.П. Бурдаев), учтя все достижения и упущения предыдущих экспозиций и выставок, исходили из принципа единства духовного и материального в культуре народа коми. Эта, казалось бы простая как мир, истина была положена в основу всей работы творческого коллектива. При этом авторы стремились уйти от традиционного показа духовной и материальной сторон традиционной культуры по разделам. По замыслу они должны были переплестись в экспозиции в единую нить, раскрывающую жизнь народа через обряды жизненного цикла.

Приступая к созданию экспозиции, авторы исходили из того, что музей является целостной системой, которая может полноценно функционировать при условии единого научно-художественного решения всего пространства здания от экспозиции до дизайна подсобных помещений.

В ходе строительства авторский коллектив стремился создать новый музей с такой экспозицией, которая оставалась бы актуальной на протяжении длительного периода и была бы постоянно востребована зрителями. При этом ее сказочный образ должен был сделать ее необычной и особенно привлекательной для детей – основных посетителей музея. Естественно, мы хотели, чтобы экспозиция способствовала поддержанию и развитию культуры коренного населения нашей республики. При этом мы рассматривали культуру коми как самобытную, выросшую как часть финно-угорской и шире – мировой культуры, отражающей общечеловеческие ценности.

Стержнем нашей работы стало исследование вечно живой и неподдающейся разумным объяснениям темы – взаимодействие двух «космических начал» – мужчины и женщины. Проблема эта всеобъемлюща, потому что как люди относятся друг к другу в семье, также они строят свои отношения с природой, обществом и Богом.

Народ коми, чей опыт стал ядром нашего проекта, коренное население республики. Жизнь в суровых условиях Севера требовала огромного труда и напряжения. Выжить можно было, лишь сохраняя в душе радость, любовь и благодарность за все, что дарит мир человеку.

Это умение сконцентрировалось в незатейливых на первый взгляд сказках, былинах, песнях и легендах о любви. Те же живительные чувства, знания воплотились в самых разных бытовых предметах, ныне музейных экспонатах. Каждый предмет – это сгусток энергии людей ее создавших. В каждом комплексе предметов проявляется своя сказка или песня, намечается новый поворот сюжета, а все вместе сплетается в живую ткань экспозиции. Именно поэтому, впервые в практике музейного строительства в Республике Коми, в основу условно-сценических комплексов, раскрывающих обряды жизненного цикла, были положены легенды, мифы, предания и сказки народа коми.

Комплексы в экспозиции выстраиваются по принципу охотничьего путика – тропы, на которой охотник-колдун, главный герой сказок коми, ставит ловушки на зверей и птиц. В экспозиции путик – это жизненный путь пары, отражающий через повороты «судьбы» основные обряды жизненного цикла. Для каждого такого обряда есть свой комплекс под названием «Любовные игры», «Свадьба», «Рождение детей», «Охотничьи угодия», «Дом полная чаша», «Святочные гадания». В экспозиции путь сказочный, поэтому герои попадают даже в потусторонний мир предков. На этом пути в героях сочетаются православная вера и языческие чувства, показываются быт и хозяйственные занятия народа коми.

Для охотничьего путика характерны замкнутость и повторяемость. В замкнутый круг может превратиться цикл жизни рода и любого человека. Поэтому на каждом повороте путика герои стоят перед выбором повернуться лицом к неизвестному и разорвать круг или продолжить движение до полного истощения.

В целом путешествие по сказочному пути и есть та древняя формула со-творения: отпустить прошлое, сковывающее движение и развитие, преодолеть страх смерти, встать лицом к лицу с настоящим, действовать, накапливать опыт, мастерство, чтобы раскрыть свои потенциальные возможности, истинное наследие своей человеческой и одновременно божественной природы.

Новаторский характер экспозиции выражается в том, что авторы подходят к музею как к живому опыту и в настоящем, превращающем мудрость и знания предков в мощь и силу будущих поколений, открытому и доступному каждому жителю России.

В ходе строительства экспозиции были использованы три группы методов:

I. Традиционные:

1. Метод систематического показа применяется в первую очередь в комплексе открытого показа фондов. Ряд коллекций пред-

ставлен в других комплексах: коллекции колыбелей, традиционной глиняной посуды, веретен, солонок-уточек, домотканых холстов, коллекция народной одежды и др.

2. Ансамблевый метод используется для создания центрального комплекса «Дом – полная чаша», где показан традиционный дом максимально соответствующий действительности. Этот же метод применяется в комплексе «Дети – новые ростки крестьянской жизни» для создания образа своего рода домашнего святилища у коми – бани, а также в комплексе «Мужчина в своих охотничьих угодьях» для более полного представления об образе жизни коми охотников.

3. Комплексно-тематический метод использован для выражения основной идеи экспозиции, разработки ТЭП.

II. Методы, вошедшие в мировую практику в последние десятилетия:

1. Для создания образа экспозиции сделан сценарий по мотивам фольклора народа коми.

2. Комплекс «А жизнь продолжается...» спланирован по методу работы экспозиции открытого доступа, где посетители сами смогут попробовать, как в старину ткали, пряли, гладили белье, работали с берестой.

III. Экспериментальный метод, не имеющий аналогов в Республике Коми:

Авторами разработана и претворена в жизнь экспериментальная программа по работе с детьми «Дерево счастья». Суть ее в том, что один из классов Национальной гимназии вместе с сотрудниками музея на равных принимал участие в строительстве экспозиции от ее проектирования и до открытия.

Все значительные события в своей жизни коми крестьяне сопровождали в прошлом особыми обрядами и ритуалами, которые определяли весь жизненный путь человека – от рождения до самой смерти. О светлых праздниках, о событиях имевших сокровенный смысл для жителей коми края на рубеже XIX – XX столетий рассказывают разделы нашей экспозиции:

1. Коми в семье финно-угорских народов в прошлом и настоящем;
2. Выбор пары в традициях народа коми;
3. Свадьба. Заповеди духовного благополучия рода.
4. Материнская любовь в культуре коми. Дети – новые ростки крестьянской жизни.
5. Мужчина коми в своих охотничьих угодьях.

6. Дом – полная чаша. Духовные традиции крестьянской семьи.
7. Празднование Рождества Христова у коми в конце XIX – начале XX вв. Смерть – завершение жизненного цикла. А жизнь продолжается ...
8. «Мир предков» в коми народном искусстве.
9. Круг Светлых Праздников – православные праздники в традиционной культуре населения края. Этот раздел экспозиции находится в стадии разработки.

Проведенный анализ экспозиционно-выставочной работы музея по этнографической тематике позволяет прийти к выводу о том, что опыт построения музейной выставки или экспозиции всегда уникален и создаст возможность для дальнейшего развития. Современная экспозиция стала закономерным итогом кропотливой работы по представлению музейными средствами традиционной культуры коми народа на протяжении многих десятилетий. По сути, задача отразить жизнь коренного населения нашей республики была поставлена уже при строительстве первой экспозиции музея. На различных этапах истории музея эта задача решалась по-разному – от простого показа предметов, характеризующих культуру и быт коми в экспозиции 1920- годов до комплексного раскрытия темы в экспозиции «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла в конце XIX – начале XX вв.» через взаимодействие двух «космических начал» – мужчины и женщины, жизненный путь которых стал отражением жизни всего народа.

Литература и источники

1. Волокитина О.Н. О принципах построения музейной экспозиции на опыте выставок НМРК «Изъватас» и «Пути мифов – пути народов // Музеи и краеведение: тр. НМРК. – Вып. 2 – Сыктывкар, 2000. – С. 9.
2. Вульферт В. Областной Коми музей // Коми му. №12, – Усть-Сысольск, 1927. – С. 38-39.
3. Добрынина Г. В Усть-Сысольске ...святки, правда, на филармонической сцене. – Красное знамя. 1994 г., 18 ноября.
4. Журнал Усть-Сысольского уездного земского собрания 42 очередной сессии 1911 г. и докладов Управы с приложениями. – Усть-Сысольск, 1912. – С. 723-724.
5. Титова Н.В., Зеновская В.П. Пояснительная записка и тематическая структура экспозиции «Культура и быт народа коми. Конец XIX – начало XX вв.». – Сыктывкар, 1987 – С.6-13 // Научный архив НМРК. №2581.
6. Шипунова Г. Историко-революционный, с.-хозяйственный и промышленный под'отделы музея // Коми му. – №23-24, – 1929, – С. 67-69.

Мамонтова Инна Васильевна
заведующая Домом-музеем И.П. Морозова
г. Сыктывкар

**«С именем вождя...»:
концепция и опыт работы над выставкой
«История одной награды: орден Ленина»**

22 января 1966 года в жизни Коми АССР и ее жителей произошло знаменательное событие: Указом Президиума Верховного Совета СССР Коми республика была удостоена высшей правительственной награды – ордена Ленина. В Указе, подписанном председателем Президиума Верховного Совета СССР Н. Подгорным и секретарем Президиума Верховного Совета СССР М. Георгадзе, значилась короткая формулировка: «За успехи, достигнутые трудящимися республики в хозяйственном и культурном строительстве».

Это историческое событие в жизни Коми АССР и стало основой выставочного проекта под названием «История одной награды: орден Ленина». Выставка разместилась в филиале Национального музея РК, в Доме-музее И.П. Морозова и открылась в августе 2006 года, в дни празднования 85-летия государственности Республики Коми.

Дом-музей для экспонирования выставки был выбран не случайно. Иван Павлович Морозов на протяжении 22 лет (1965–1987 гг.) возглавлял Коми партийную организацию, являясь по существу прямым руководителем республики. Все три ордена на знамени Коми АССР были присуждены ей в годы работы И.П. Морозова на посту Первого секретаря Коми Обкома КПСС: в 1966 году было награждение орденом Ленина, в 1971 – орденом Октябрьской революции и в 1972 году республике был вручен орден Дружбы народов.

Одной из основных целей выставки «История одной награды: орден Ленина» стало отражение роли и значения государственной награды для советского человека-труженика. На примере показа трудового пути трех кавалеров ордена Ленина автор постарался приблизить современников к пониманию мировоззрения «человека советского типа».

Наградами испокон веков оценивались боевые и трудовые подвиги людей. В СССР трудовые награды присуждались чаще, чем все остальные, они имели особую значимость для каждого советского человека. Трудовые награды являлись символами почета и уважения, предметом гордости и стимулом к дальнейшей ударной работе.

Особое место в этом ряду принадлежит ордену Ленина – высшей награде советского государства, учрежденной постановлением Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР 6 апреля 1930 г.

Хочется отметить, что основной чертой советского образа жизни являлся коллективизм. Именно это качество неустанно воспитывалось у детей и взрослых советской страны. Сплоченность, взаимовыручка, сопереживание общего дела – вот качества присущие советскому человеку. Для стимулирования коллективистских отношений, советская наградная система предполагала присуждение наград, как отдельным гражданам, так и целым коллективам, учреждениям, республикам, краям и населенным пунктам.

К середине 1960-х гг. восемнадцать из двадцати автономных республик бывшего Советского Союза уже имели подобную награду, а некоторые, в частности Башкирия и Кабардино – Балкария, уже получили ее дважды.

Орден Ленина за №340175, присужденный Коми республике в 1966 году, по истине, был заслуженным и долгожданным, даже несмотря на то, что содержание Указа о награждении было традиционно стандартным: «За успехи, достигнутые трудящимися республики в хозяйственном и культурном строительстве».

Орден Ленина на знамени республики явился оценкой пути, пройденного ее жителями за четыре с половиной десятилетия. Это была награда за тысячи тонн сверхпланового печорского угля, ухтинской нефти и газа, за миллионы кубометров строевого леса, за новостройку – воркутинскую шахту Юнь-Яга, интинскую шахту №15, строящийся Сыктывкарский ЛПК, железную дорогу Микунь-Кослан и многое другое.

На торжественном собрании в честь награждения Коми республики орденом Ленина, которое состоялось в Сыктывкаре 24 января 1966 г. в здании Музыкально-драматического театра (снесено в 2006 г.) выступил Первый секретарь Коми обкома КПСС И.П. Морозов. В своем докладе он сказал: «Еще не так давно о нашем крае знали только по богатствам леса, пушнины, по сильным морозам и свирепой пурге. Сегодня символом республики являются уголь, нефть, газ, фанера, пиломатериалы, строевой лес, сырье для химической промышленности. Продукция Коми республики идет в 67 областей, 14 союзных республик нашей страны, а также в 18 зарубежных стран, в том числе Англию, Финляндию, Болгарию, Кубу, ОАР (Объединенные Арабские республики – И.М.), Швецию, Монголию и другие государства... Объем промышленного производства за годы семилетки (1959–1965 гг. – И.М.) увеличился в полтора раза. Добыто сверх плана более 3 миллионов тонн угля. Выросло свыше 40 новых промышленных предприятий... Большие изменения произошли в сельском хозяйстве: заготовки картофеля возросли в 4 раза, овощей – в 5 раз, мяса – на 68, молока – на 83 процента» [1].

Важным отличием государственной политики и наградной системы страны Советов явилось то, что учреждение и присвоение наград, как правило, производилось в годы больших юбилейных событий. Это могли быть юбилеи В.И. Ленина, памятные даты страны или ее субъекта. Поэтому вполне объяснимо, что трудовые достижения Коми Автономной Советской Социалистической Республики были отмечены наивысшей правительственной наградой в год ее 45-летия. К тому времени в республике уже насчитывалось несколько десятков кавалеров ордена Ленина.

Первое награждение жителей республики этим орденом произошло в годы Великой Отечественной войны. 15 сентября 1943 года газета «Правда» опубликовала Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями 126 передовых строителей Северо-Печорской магистрали, 12 из которых были удостоены ордена Ленина [2].

В суровое для страны время правительство не забывало отмечать трудовые подвиги тыловиков. В 1944 году за успешное выполнение заданий правительства по освоению Ухтинского района и добыче нефти, газовой сажи и специальной продукции 210 работников Ухтинского комбината НКВД СССР были награждены орденами и медалями СССР, в том числе орденом Ленина награждены коммунисты С.Н. Бурдаков, И.И. Косолапкин, комсомолец И.А. Липин [3].

Следующее вручение высокой государственной награды состоялось в мае 1945 года, когда вся страна отмечала великую Победу над фашистскими оккупантами. Четверо работников комбината «Воркутауголь» с гордостью прикрепили к лацкану пиджака орден Ленина.

В 1946 году государственности Коми республики исполнилось 25 лет. И конечно, в этот год были отмечено рекордное число тружеников Коми АССР – 161 человек, 13 из которых получили орден Ленина. В год своего 30-летия, в 1951 г., в Коми АССР число кавалеров ордена Ленина выросло еще на 25 человек.

В 1947 году кавалером ордена Ленина стал В.Я. Попов за открытие Воркутинского месторождения высококачественного угля. В настоящее время идет много споров по поводу того, что награда оказалась незаслуженной. В частности, писатель-журналист А.П. Мурзин, который более двадцати лет проработал сотрудником центральной газеты «Правда», неоспоримо доказал, что открытие по праву принадлежит выдающемуся ученому Г.А. Чернову. Александр Павлович обратился к Президенту Российской Федерации с прошением об отмене ошибочного Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 декабря 1947 г. о награждении В.Я. Попова орденом Ленина [4]. К сожалению, не

всегда награды присуждались только героям, перевыполнившим план и победителям социалистических соревнований. Но такие случаи были крайне редки. Данный пример только еще раз доказывает, насколько до сих пор важна и значима для человека советского времени достойная моральная оценка его труда, пусть даже запоздавшая на полвека.

Всего за период с 1943 по 1965 год высшей награды СССР было удостоено около 100 тружеников Коми республики, в том числе 10 Героев Социалистического Труда, которые наряду с золотой медалью «Серп и молот» получали и орден Ленина. Среди них: лесоруб В.Ф. Смолев, буровой мастер В.В. Ульныров, каменщица Р.Д. Изьюрова и др.

Вручение ордена Ленина Коми республике состоялось 23 июля 1966 года в здании Музыкально-драматического театра, где присутствовало 330 человек. Правительственную награду прикрепил к знамени республики член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Дмитрий Степанович Полянский.

Поздравить трудящихся республики со знаменательным событием приехали наши соседи из Московской, Ленинградской, Кировской, Пермской, Мурманской, Архангельской областей и Карелии. Все руководители делегаций, которые присутствовали на торжествах, вручили Первому секретарю Коми областного комитета КПСС И.П. Морозову поздравительные адреса от трудящихся своих областей, а также памятные подарки. Среди них: бронзовая скульптура «Ленин в Разливе» от ленинградцев, мотопила «Дружба-6» от пермской делегации и модель рыбопромыслового траулера – подарок мурманчан.

В те праздничные дни звания Герой Социалистического Труда были удостоены еще 5 человек. Среди них: В. Бухтин – директор шахты «Октябрьская», летчик Л. Злобин, геофизик М. Прохоров. Золотые медали «Серп и молот» и ордена Ленина они получили также из рук первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Д.С. Полянского.

Всего в 1966 году звания Герой Социалистического Труда были удостоены 14 человек и 138 получили высшую правительственную награду – орден Ленина. В том же году к ордену республики добавился орден Ленина комбината «Воркутауголь», полученный им в мае.

Третье, и последнее, коллективное награждение орденом Ленина состоялось в мае 1967 года. Его получил совхоз «Сыктывкарский» «За большие успехи в развитии сельскохозяйственного производства» [5]. Последнее награждение тружеников Коми АССР состоялось в 1986 году по итогам выполнения планов 11-й пятилетки.

К сожалению, нет точных данных общего количества награжденных орденом Ленина в республике. В наградном отделе Главы РК на этот счет самые противоречивые сведения (от нескольких десятков до не-

скольких сотен). Можно лишь предположить, что высокой правительственной награды было удостоено около 1000 жителей РК, некоторые из них – многократно. Так, Первый секретарь Коми Обкома КПСС И.П. Морозов был кавалером трех орденов Ленина (1966 г., 1971 г., 1974 г.), а герой выставки И.Н. Ситкарев получил эту награду дважды.

В настоящее время в Сыктывкаре проживает 21 кавалер ордена Ленина и 7 Героев Социалистического Труда.

Конечно, истории известны факты формального отношения к присуждению государственных наград. Не секрет, что зачастую «сверху» спускались планы на количество награждаемых. В процентном соотношении определялись национальность, статус, партийность и профессия тех, кого следует наградить. Но, несмотря на этот факт, большинство государственных наград, несомненно, были заслуженными, и это нисколько не умаляет подвига людей, которые своим трудом доказали право быть отмеченными высокой наградой.

Литература и источники

1. Из доклада Первого секретаря ОК КПСС И.П. Морозова на торжественном собрании 24 января 1966 г.// Красное знамя. – 1966, 25 января.
2. Дорогой борьбы и побед. Хроника Коми областной организации КПСС. – Сыктывкар, 1982. – С 142.
3. За новый Север. – 1944, 16 декабря.
4. Молодежь Севера. – 2006, 20 апреля.
5. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 мая 1967 г.

Уткина Ида Михайловна

*научный сотрудник отдела фондов
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар*

Мир предков в музейном пространстве (из опыта строительства выставки открытого показа фондовых коллекций)

7 мая 2002 года с участием ученых КНЦ УрО РАН, преподавателей вузов, общественности города, представителей средств массовой информации, в рамках экспозиции «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла в конце XIX – начале XX веков» состоялось открытие зала «Мир предков в традиционном искусстве коми». Строительство было осуществлено на средства гранта Президента Российской Федерации «От прошлого к настоящему»

Перед исполнителями проекта (руководитель И.М. Уткина) стояла задача сохранить основную концептуальную линию авторского замысла экспозиционеров Т.А. Пьянковой, О.Н. Смирновой, В.Б. Липина и завершить экспозицию показом уникальных этнографических коллекций, хранящихся в фондах НМРК. Для реализации поставленной задачи был использован принцип коллекционного показа в музейном пространстве. Предполагалось представить одну из самых разнообразных коллекций этнографических предметов из дерева, которые насчитывает более 5 тысяч экспонатов, характеризующих традиционную культуру коми-зырян на рубеже двух столетий. До недавнего времени большинство из них находились в тесных хранилищах и были недоступны для посетителей.

Прежде чем рассматривать структуру экспозиции, хотелось обратить внимание на художественное и цветовое решение зала, который имеет свои особенности. Во-первых, потолок, стены и пол окрашены краской темно-бордового цвета, который является разновидностью красного. Широко известен тот факт, что красный цвет всегда имел магическое значение: в языческие времена соотносился с такими понятиями, как огонь и солнце, в христианстве красный цвет являлся символом красоты и пробуждения. Следовательно, цветовое решение зала имеет тесную связь с духовными традициями коми-зырян и приближает посетителя к пониманию многих вопросов, связанных с традиционным мировоззрением наших предков.

Центральную часть зала занимает многоярусная четырехгранная конструкция, выполненная из натурального дерева, которая предназначена для показа основных коллекций: прялок, швеек и веретен. Ее конструктивное решение обусловлено количественным показом предметов, связанных с производством нити. Данная конструкция позволяет объединить под одним пространством более 100 предметов и в конечном итоге представляет дерево, кроной которого являются лопасти прялок. Верхняя часть конструкции завершается геометрической фигурой в виде квадрата с продолжающимися сторонами, которая, по древним представлениям коми, имела значение солнца и была широко распространена в традиционном ткачестве. Нижняя часть конструкции представляет собой небольшой выступ, предназначенный для показа женских орудий труда, связанных также с производством нити.

Следует заметить, что данная конструкция, предназначенная для коллекционного показа, имеет нестандартное решение в силу ряда причин. Ее многоярусное строение обусловлено своеобразным подходом в показе коллекции прялок, основой которого является активное вовлечение посетителя в экспозиционное пространство. Ее местона-

хождением становится центральная часть зала, что и позволяет обойти конструкцию вкруговую. Таким образом, монотонный просмотр, присутствующий длительному продвижению воспринимающего взгляда по одной и той же плоскости, в данном случае преодолен.

Главные цветовые акценты зала нацелены привлечь внимание посетителей к наиболее ценным коллекциям, которые составляют основу этнографического собрания НМРК. Конструктивное и художественное решение зала приближает посетителя к пониманию многих вопросов, связанных с традиционным мировоззрением наших предков. Любой самый обыденный предмет, представленный в открытом показе, дает представление о степени развития материальной и духовной культуры этноса, в данном случае коми-зырян.

Кроме того, экспозиционная площадь зала разбита по аспектам жизнедеятельности деревенского коллектива, использованы такие приемы показа, как интерьерные «уголки». В экспозиции присутствует крестьянская мебель и мебель городского типа конца XIX – начала XX веков с использованием ее для показа и хранения отдельных, особо ценных коллекций из дерева: солонок, шкатулок, веретен, ложек и т.п.

Следующий этап работы был связан с научной проработкой наиболее ценных коллекций, ранее хранившихся в запасниках, которые предполагалось представить в открытом показе. Для этой цели были привлечены Акты приема, Инвентарные книги НМРК и работы известных исследователей по традиционной культуре народа коми: А.С. Сидорова, К.Ф. Жакова, Н.П. Налимова, В.Н. Белицер, Л.С. Грибовой, Г.Н. Климовой, В.А. Семенова, Д.Н. Конакова и др.

По мнению ряда исследователей, культура любого народа обладает не только социальной, но и мощной природной основой, формирующейся во взаимодействии человека с окружающей средой. Традиционный мир коми-зырян был также органично связан с природным окружением. *«Древний зырянин, живя в лесу и находясь от него постоянно в полнейшей зависимости, поневоле должен был и благоговеть и трепетать перед ним. Лес давал ему защиту от врага, доставлял ему пищу, одежду и кров. Зырянин любил его, преклонялся перед ним, как перед силой питавшей и гревшей его»*. Эти строки, актуальные и сегодня для понимания многих вопросов традиционной культуры народа коми, существовавшей на рубеже двух веков, принадлежат писателю В.П. Засодимскому, побывавшему в Коми крае в конце XIX века. В связи с этим является бесспорным тот факт, что становление традиционной культуры любого народа обусловлено в большей степени средой обитания, о чем также свидетельствует коллекции фонда дерева НМРК.

Особое внимание в коллекционном показе уделено собранию прялок (печкан), швеек (вурсян станок), веретен (чёрс). Процесс прядения у многих народов символически переосмыслился и был соотнесен с нитью жизни – судьбы, и всем тем сложным кругом представлений, в основе которого лежала идея вечного круговорота.

Символическое значение прялки заложено в самой ее конструкции. По традиционному мировоззрению мастер уподоблял прялку мировому древу, где лопасть, ножка и донце соответствовали верхнему, среднему и нижнему миру Вселенной. Отсутствие единого типа лопасти прялки дает представление о сложных этнических процессах, проходивших на территории Коми края.

Языческое и христианское мировоззрение нашло свое проявление в сюжетах резьбы и росписи прялок. При всем обилии изобразительных и резных мотивов наиболее часто на прялках встречаются зооморфные символы. Культ коня, игравшего незаменимую роль в хозяйственной жизни людей, нашел широкое отражение в сюжетах мезенской росписи. Солнечный всадник на крылатом огненном коне в окружении деревьев, зверей и птиц должен был выполнить функцию хранителя дома, семьи. Кроме того, по мнению многих исследователей, культ коня имеет прямую связь с представлениями о плодородии, о чем указывают коньковые подвески, найденные в женских захоронениях.

Особый интерес представляют прялки с изображением резной женской фигуры в окружении двух младенцев. Проблематику данного символа можно предположительно соотнести с Верховным божеством – Золотой бабой (Зарни Ань), символизирующей плодородие и благополучие у коми. Интересен тот факт, что все эти прялки принадлежат роду Торлоповых из с. Прокопьевка Сыктывдинского района.

Среди многочисленного собрания прялок особую группу составляют прялки так называемого «вишерского» типа, хотя степень их бытования охватывает селения нижней Вычегды. На них прослеживается тесная взаимосвязь языческих и христианских символов: изображение солярной символики и православного креста. Обращает на себя внимание многообразие изображения солнца – это может быть круг, квадрат, ромб, многоярусная окружность. Нередко эти геометрические фигуры сплошь заполнены трехгранно – выемчатой резьбой.

Солнечный культ также имеет свое продолжение и на прялках, бытовавших в Прилузье. По мнению ряда исследователей, существует многогранная интерпретация солнечного культа – «неспокойное солнце», когда розетка имеет неровные очертания; «утреннее солнце», когда солярные знаки расположены в верхней части лопасти; «вечернее солнце» – солярные знаки расположены в нижней части лопасти;

«дневное (сильное) солнце» – солярный знак имеет крупное изображение и расположен по центру. Солярная символика широко разработана на прялках с верхневычегодской росписью. По всей видимости, она сохраняет роль оберегов и несет в себе сложную смысловую нагрузку языческих времен.

Анализируя сюжеты расписных и резных прялок, следует отметить, что в их резьбе и росписи широко представлен образ мифопоэтического мирового дерева. Согласно данным П. Сорокина, изучавшего культуру коми в начале XX века, человек произошел от «соединения дерева с травой». Одушевление деревьев в прошлом, видимо, было характерно для мировоззрения древних коми. Об этом свидетельствуют не только фольклорные данные о «живых» деревьях (ловья пу), но и прялки, на лопасти которых изображены деревья. На одной из прялок Сысольского района (н/в 2287/1) в верхней части лопасти с использованием контурной резьбы изображены три дерева, напоминающие ели, которые свидетельствуют о том, что культ деревьев сохранился у коми до начала XX века. На прялке из с. Тойма Удорского района дерево изображено в зеркальной проекции. Следует предположить, что суть данного изображения сводится к мысли: что сверху, то и внизу. Говоря другими словами: что на земле, то и под землей. Очень часто у коми жизнь человека идентифицировалась с жизнью дерева, характеризуя кого-либо было принято сравнивать его с тем или иным деревом.

О культе водоплавающей птицы рассказывает коллекция солонок – уток (сов доз). В идеологии всех финно-угорских народов этот культ занимал важное место в системе представлений о происхождении мира. Величайший памятник народного эпоса карел «Калевала» начинается с рассказа о том, как именно из яйца был создан мир. Высокохудожественными особенностями наделен обрядовый ковш (КП 5707), с шестью утиными головками, который изготовлен в середине XIX века мастером В. Корниловым из села Пучком Удорского района. Вся утварь, изготовленная из дерева, древесной коры и корней, имела в первую очередь чисто практическое назначение. Однако в отдельные, с точки зрения коми крестьянина важные моменты жизни, почти каждый из этих предметов превращался из вещи утилитарной в вещь символическую. Многие из них в силу устойчивых традиций приобретали обрядовый статус, который сохранялся на протяжении нескольких десятилетий. Зооморфные мотивы получили широкое развитие в украшении жилища (охлупень), в украшении деталей ткацкого стана (набилки) и резной обрядовой посуды (ковши, братины).

Часть культуры северных коми – ижемцев, представлена коллекцией резных деревянных шкатулок, которые декорированы трехгранно-

выемчатой резьбой. Архаичная техника резьбы, разработка ею солярной символики указывает на древность связей коми с русским населением. Все шкатулки имеют разнообразную форму: прямоугольник, квадрат, многогранник, большинство представляют цельную основу, все грани которых орнаментированы резьбой. Шкатулки использовались для хранения мелких предметов рукоделия.

Коллекция крестьянской мебели дает представление о традиционном интерьере конца XIX – начала XX веков. В быт коми крестьян стала входить городская подвижная мебель: шкафы, буфеты, стулья, кресла. Процесс замены вещей традиционного крестьянского быта происходил постепенно, не вызывая внутреннего сопротивления людей. Изменившиеся условия жизни, новые мировоззренческие идеи, проникавшие в деревенскую среду, меняли и предметный мир деревни. В показе участвуют три шкафа из разных районов, стол, скамейка, стулья разной конструкции.

В начале XX века убранство жилых помещений пополнилось часами и зеркалами. В традиционной духовной культуре коми зеркало является символом отражения и удвоения действительности. Пограничный характер зеркала закрепил представление о нем, как об опасном предмете, обращение с которым требовало осмотрительности. Поэтому естественно, что в быту у коми, в обрядовой практике с зеркалами связывался ряд запретов. Нельзя было смотреться в зеркало ночью, когда активизируется нечистая сила. Чтобы расположить к себе девушку, парень мог подарить ей расписную прялку или трепало с врезным зеркальцем или зеркальным осколком. Согласно народным поверьям, дарить обычное зеркало – плохая примета, поскольку образ «бытового» зеркала в народных представлениях имеет чаще всего негативные характеристики. В свадебной обрядности зеркало наделялось любовной и брачной символикой. После венчания молодые смотрелись в одно зеркало, это означало их единение. Такой отбор является отражением реальной ситуации XIX – первой четверти XX века. Бытовая культура коми деревни в этот период времени была слабо подвержена влиянию культуры центральной части России. Новые для жителей деревень городские предметы быта стали проникать в крестьянский быт в начале XX века. В первую очередь в быт входили не столько предметы нужные в хозяйстве, сколько демонстрирующие самодостаточность семьи – состоятельность, прочное положение в деревенском обществе.

Интересная система этических традиций у коми сложилась в коллективной трудовой деятельности. В крестьянском сознании она приобрела форму регламентации мужских и женских занятий. Символический лес, состоящий из трехрожковых вил и граблей, дает представление о гармонии человека и природы. Стремление сделать свой инвен-

тарь, орудия труда наиболее прочными, пригодными к длительному употреблению при наименьшей затрате средств, выработало у крестьянства совершенно исключительное умение использовать для этого естественную форму дерева, об этом и многом другом рассказывает комплекс, характеризующий хозяйственную деятельность коми.

Таким образом, представленные в зале экспонаты рассматриваются в контексте всей экспозиции «Традиционная культура народа коми в обрядах жизненного цикла», которые дают возможность поистине оценить значимость каждого предмета в отдельности и составить вещественный мир крестьянской семьи в конце XIX – первой четверти XX веков. Они (предметы) позволяют посетителю увидеть «вещь в культуре», понять образ осознания и восприятия окружающей среды наших предков, или по образному выражению Ю.М. Лотмана, «увидеть историю в зеркале жизни». Следует отметить, что экспозиция зала «Мир предков в традиционном искусстве коми» широко используется в научно-просветительной деятельности как самостоятельная структура для раскрытия ряда тем: «Мифы и легенды коми», «Духи покровители», «Мезенская и пижемская роспись», «Традиционная обработка дерева у коми», – которые являются востребованными среди учащихся и студентов учебных заведений г. Сыктывкара.

Литература и источники

1. Белицер В.Н. Очерки по этнографии народа коми. – М.: Наука, 1958.
2. Грибова Л.С. Декоративно – прикладное искусство коми. – М.: Наука, 1980.
3. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. Проблемы семантики. – М.: Наука, 1975.
4. Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар, 1990.
5. Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М.: Наука, 1982.
6. Жеребцов Л.Н.. Хозяйство, культура и быт удорских коми в XVIII – начале XX века. М.: Наука, 1972
7. Коми-зыряне. Историко-этнографический справочник. Сыктывкар, 1993.
8. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми. Окружающий мир. Пространство и время. Сыктывкар, 1996.
9. Климова Г.Н. Текстильный орнамент коми. – Сыктывкар, 1984.
10. Лимеров П.Ф. Мифологема судьбы в контексте представлений о загробном существовании у коми// Европейский Север: Взаимодействие культур в древности и средневековье. – Сыктывкар, 1995.
11. Мировоззрение финно-угорских народов. – Новосибирск, 1990.
12. Мифология коми. – М.- Сыктывкар, 1999.
13. Плесовский Ф.В. Свадьба народа коми. – Сыктывкар, 1968.
14. Семенов В.А. Традиционная духовная культура коми-зырян. Ритуал и символ. – Сыктывкар, 1991.

15. Традиционная культура народа коми. – Сыктывкар, 1994.
16. Христианство и язычество народа коми. – Сыктывкар, 2001.
17. Шарапов В.Э. Береза и ель в мифологических представлениях коми. Уральская мифология. – Сыктывкар, 1992.
18. Шарапов В.Э. Некоторые секреты привораживания: (о символике и психологии традиционной любовной магии у коми). – Сыктывкар, 1997.

Ларукова Раиса Ивановна

*заведующая отделом культурно-образовательных программ
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар*

Культурно-образовательная деятельность Национального музея Республики Коми по сохранению традиций народа коми

Современное общество придает большое значение культурному наследию, играющему весомую роль в его духовном развитии, нравственном становлении. Сегодня мы живем в стремительно меняющемся мире.

Это очень видно и на посетителе музея, который за последние годы заметно изменился. Во-первых, он «помолодел» (сегодня Национальный музей РК дети посещают с пяти лет); во-вторых, сегодня посетитель идет в музей не только для того, чтобы увидеть хранящиеся в нем памятники, но и ждет какой-либо культурно-образовательной программы.

Значительно в последние годы возрос интерес наших посетителей не только к материальной, но и к духовной культуре народа коми – обрядам, обычаям, праздникам, устному народному творчеству. Все больше посетитель стремится к приобретению практических навыков в прядении, ткачестве, обработке бересты, обучении народным играм, танцам, песням и т.д.

Думается, что этому способствовало и принятие ряда законов Республики Коми: «О государственных языках» (16 июля 2002 г.), закона об образовании (1993 г., новая редакция 2003 г.), в частности статья 8 закона – о Государственных образовательных стандартах начального общего, основного общего, среднего общего образования в Республике Коми и национально-региональном компоненте.

Чтобы соответствовать запросам посетителей, коллектив НМРК ежегодно расширяет, вводит новые формы культурно-образовательной деятельности.

Так, действующая программа «Мир музея», имеющая многоуровневую структуру, охватывающая возрастные периоды от воспитанников детского сада до учащихся старших классов, не единственная. Кроме нее, научными сотрудниками музея разработаны и действуют программы «Я познаю мир» (для детей с ограниченными возможностями), программа работы с пожилыми людьми, студентами Высшего педколледжа культуры №1 им. И.А. Куратова, Республиканского колледжа культуры им. В.Т. Чисталева и др. В настоящее время разработана программа «Руководитель школьного музея» (двухгодичный курс) для студентов Коми Государственного педагогического института.

Занятия, входящие в эти программы, знакомят посетителей не только с музеем и его экспонатами, элементами музейной культуры, но и дают представления о культуре, этнологии страны, в первую очередь Коми края, ведь знакомство с обрядами и обычаями – мощное средство национального воспитания, объединяющего людей не только географически, но и исторически.

Дошкольникам и школьникам 1–4 классов познакомиться с богатым миром коми народной культуры помогают такие экскурсии и игры занятия, как «Баня парит – баня правит», ведь баня у коми в прошлом была связана с разными необычными поверьями и полезными знаниями, сохранившими свое значение и в наши дни.

Увидеть старинную одежду, разобраться из чего состоял коми народный костюм, для чего нужны яркие узоры на одежде, какие цвета коми крестьяне считали самыми красивыми – на эти и другие вопросы ребята находят ответы во время игры-занятия «Какую одежду носили прежде?»; научиться делать куклу-скруточку, «берегиню детского сна», услышать и запомнить старые колыбельные песни, соприкоснуться с добротой и мудростью народной помогает игра-занятие «Кукла мала – всем детям мила», поиграть в старинные игры на улице можно на экскурсиях «Делу время – потехе час», «Коми народные игры». Тематика подобных экскурсий в музее разнообразна, во время их проведения идет приобщение посетителя к национальной культуре, а это важный воспитательный момент.

Познакомить посетителей с традициями, дать возможность осознать свои национальные корни – одна из задач музея, для выполнения которой мы используем разные формы работы, в том числе и студийные занятия. Так, на базе Дома-музея И.П. Морозова (одного из отделов НМРК) проходят студийные занятия под руководством Фефило-

вой Н.В. по трем направлениям: плетение из бересты, лепка из слоеного теста, бисероплетение.

Приоритетным направлением культурно-образовательной деятельности НМРК является работа с семьей.

В выходные дни в музее работают для родителей с детьми: экологический лекторий «Окно в природу» (на базе отдела природы); клуб выходного дня «Дом любви и добра» (на базе отдела этнографии); мамы с дочками могут посещать курс «Традиционное рукоделие коми женщин» по программам:

- «Плетение и ткачество традиционных поясов коми» (продолжительность курса – 4 месяца);
- «Ткачество на ткацком стане» (продолжительность курса – 3 месяца);
- «Изготовление традиционных кукол-скруток» (продолжительность курса – 2 месяца). Руководит этими курсами научный сотрудник отдела этнографии НМРК – Фалалеева Т.Б.

Театрализация, диалог с посетителем, игровые методы, использование исследовательских приемов – все это привлекательно не только для детей, учащихся, но и молодежи, взрослых. В связи с этим, в музее проводятся уже несколько лет подряд музейные праздники, ставшие востребованными: «Рождественские посиделки»; «Святки»; «Пасха в крестьянском доме»; «Госпожа – честная масленица»; обрядовая свадьба после ЗАГСа; «Ош чуалан лун» (День медведя); «Мойдан шор» (Ручеек сказок) и др. Ежегодно тематика праздников расширяется. Такие праздники пробуждают у участников интерес к устному народному творчеству, уважение к предметам и материальной культуры народа коми.

Историк В.О. Ключевский писал: «...отнимите у современного человека этот трудно нажитый скарб обрядов и обычаев... и он растеряется... и будет принужден начать все сначала».

Чтобы этого не произошло, музеи должны продолжать работу по сохранению коллективной памяти, преемственности поколений.

Жданова Лилия Раиковна
хранитель фондов геологического музея им. А.А. Чернова
Института геологии Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар

Использование экспозиций геологического музея им. А.А. Чернова для расширения кругозора в области естествознания у школьников

Более тридцати лет в Сыктывкаре существует в составе Института геологии Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук геологический музей им. А.А. Чернова.

В настоящее время в основном фонде музея насчитывается около 450 монографических и выставочных коллекций, содержащих 125 000 единиц хранения. Ежегодно происходит поступление новых образцов и коллекций от сотрудников института.

Первая музейная экспозиция была сформирована в 1978 г. к двадцатилетию Института и занимала площадь около 50 м². К настоящему моменту экспозиционная часть музея значительно расширена и составляет около 350 м². Экспонаты демонстрируются в семи выставочных залах: минерально-сырьевых ресурсов, минералогии, самоцветов, эволюции и развития жизни на Земле, литологии, петрографии, истории геологических исследований на территории Республики Коми. В экспозиции выставлены геологические образцы, собранные только в нашем регионе. В каждом зале для формирования целостной картины материала используется свой ключ. Например, в зале минерально-сырьевых ресурсов – это электрифицированная карта полезных ископаемых Республики Коми и сопредельных территорий, в зале минералогии – кадастр минеральных видов северо-востока Европейской части России, а в зале самоцветов сейчас имеется электрифицированная карта камнесамоцветного сырья региона.

Об истории геологических исследований в Коми крае, о деятельности видных геологов, внесших заметный вклад в изучении геологии региона, повествуют материалы вводного зала.

В зале «Полезных ископаемых» посетителей знакомят с уникальным сочетанием разнообразных видов минерального сырья Республики Коми.

Знакомство с минеральным миром, с разнообразием его форм и окрасок возможно в зале «Минералогии» и зале «Самоцветов». А в залах «Литологии» и «Петрографии» демонстрируются образцы магматических, метаморфических и осадочных горных пород.

История жизни от простейших одноклеточных организмов до высокоорганизованных позвоночных животных раскрывается в зале «Строения земной коры и эволюции органического мира».

Геологический музей им. А.А. Чернова является академическим учреждением. Выставки изначально рассчитаны на строго научный, исследовательский уровень представления информации, но, тем не менее, с самого начала деятельности музея самыми многочисленными посетителями являются студенты и школьники. На основе действующей экспозиции разработаны различные варианты экскурсий, адаптированные по определенным возрастным группам и областям знаний.

В настоящее время для школьников обычно проводятся тематические экскурсии «Полезные ископаемые Республики Коми» и «Развитие жизни на Земле». Но при этом, если экскурсия «Полезные ископаемые региона» проводится для учеников среднего звена, то основной акцент делается на формирование у детей осознанного восприятия целостности окружающего мира, а для старшеклассников подчеркивается природоресурсная направленность экономики региона и на связанные с этим экономические и экологические проблемы. По предварительным заявкам организуются и более узкоспециализированные экскурсии. Например, «Образование и применение горючих полезных ископаемых», «Роль алюминия в жизни человека», «Биоэнергетическая сила камня» и другие. Региональный акцент фондовых музейных материалов дает возможность учителям более наглядно и зрелищно проводить краеведческую работу с детьми, а палеонтологическая экспозиция дает возможность дополнить школьный курс визуальным материалом по учебной программе. Например, уже несколько лет в сотрудничестве с учителем биологии гимназии им. А.С. Пушкина ежемесячно организуются короткие специализированные беседы после прохождения учащимися определенной темы по ботанике, зоологии или биологии.

На базе музея проводятся общеобразовательные лекции по геологическим дисциплинам для студентов кафедры геологии физического факультета СГУ, кафедры географии Коми государственного педагогического института и ряда кафедр Лесного института. Кроме того, музей является постоянной базой для занятий со слушателями Малой академии Коми НЦ по специальности «геология» для старшеклассников.

Имеющиеся в музее возможности для образовательной деятельности еще далеко не исчерпаны.

**Роль школьных музеев в воспитательной работе,
в развитии познавательных интересов
и творчества школьников**

В современный период обновления общества, демократизации и развития гласности, когда усиливается интерес к истории своей страны, своего края – малой Родины, создание школьных музеев, изучение и обобщение методики работы в них, разнообразие форм поисковой и массовой работы приобретают актуальное значение. Однако следует признать, что школьные музеи, которые особенно бурно создавались в 1960–1980 гг., в настоящие дни переживают не лучшие времена. Только в нашей Ухте постепенно были закрыты или утрачены по другим причинам музеи в школах №13, №2, №10, в школе-интернате №1 (теперь №5) комсомольский музей и др.

Ученые-краеведы называли музеи «памятной книгой человечества». Действительно это «книга памяти», ведь в школьных музеях (в витринах, на стендах, в фондах) сосредоточены подлинные документы, предметы и вещи-реликвии истории, собранные учащимися во время походов и экскурсий, многолетней поисковой работы, встреч с участниками Великой Отечественной войны, ветеранами труда, с известными нашими современниками. Музей хранит память прошлого и передает ее как эстафету новым поколениям молодежи, поддерживает и развивает связь поколений.

Вторая особенность музеев, как «памятной книги», заключается в том, что ее «язык» не похож на язык книг. «Язык музея» – это и внешний вид, содержание, и цель документа, вещи, подлинника-первоисточника информации. Он ярко, доказательно и убедительно рассказывает посетителям о событиях прошлого, помогает воссоздать его, воскрешает дела и поступки людей.

В данном докладе автор ставит цель на конкретных примерах показать:

1. Какие музеи и большие выставки удалось создать автору в Ухте и какова их роль в развитии творческих интересов учащихся.
2. Трудности и проблемы в работе школьных музеев и в краеведении на современном этапе

В период работы в ухтинских школах: №10, а затем в №16, мне удалось организовать два школьных музея и четыре большие выставки. Однако приходится констатировать, что не все из перечисленного

руководители школ постарались сохранить, о чем можно только искренне сожалеть.

В средней школе №10 были созданы Ленинский зал и музей истории школы. Ленинский зал размещался в рекреации второго этажа, здесь проводились различные массовые мероприятия общественно-политического характера: линейки, митинги и др. Несколько учащихся 8–10 классов добровольно изъявили желание стать экскурсоводами по Ленинскому залу, они самостоятельно подготовили тексты бесед, которые были обсуждены в лекторской группе и после замечаний дополнены и доработаны. Затем мы поработали над речью и дикцией экскурсоводов. Хорошими экскурсоводами стали Мокроусова Люда (10 класс), Корчагина Ирина (8 «в» класс), Беличев Владимир (10 класс), Чистякова Ольга (8 «в» класс), Морозова Лена (8 «в» класс) и др.

По заявкам классных руководителей и учителей начальных классов экскурсии по ленинской тематике проводились в этом зале в течение 1979–1983 гг. Когда началась перестройка, Ленинский зал посчитали ненужным и все стенды убрали. А ведь можно было, изменив концепцию выставки, переделать его в зал «Истории России и Республики Коми», расположив на выставочных стендах новые материалы и изменив названия некоторых стендов. Так, в СШ №10 бесследно пропал многолетний труд учащихся и учителя, которые совместно собирали, подбирали материал и оформляли Ленинский зал.

В 1988 г. администрация СШ №10 попросила помочь создать музей истории средней школы. Автор решила расширить рамки музея – включить в экспозицию восьмилетнюю школу №10, после закрытия которой, средней школе передали не только номер, но и наглядные пособия, книги из библиотеки, и некоторые учителя перешли работать в нашу школу.

За летние каникулы с учительницей математики А.Ф. Лалетиной спланировали все стенды. На завершающем этапе нам помогла методист Национального музея РК Н.Н. Андреева. В сентябре стенды были оформлены, и в День учителя в октябре 1988 г. музей был торжественно открыт. Сразу был создан Совет музея из 10 учащихся, разбили их по желанию на группы: работа с фондами, поисковая работа в Ухте, переписка, экскурсоводы, оформители и т.д. Материалы школьного музея успешно использовались для развития познавательных интересов учащихся, творческой и гражданской активности.

В зимние каникулы 1989 г. у нас в музее побывали болгарские учителя, и это послужило толчком для включения в тематику экскурсий беседы о советско-болгарской дружбе. Ученики 5 «б» класса наладили переписку с учащимися одной из школ Болгарии. В 4 «а» классе после

экскурсии дети разговорились: те, кто побывал с родителями в Болгарии, отметили бережное отношение к памятникам и могилам наших солдат, обилие цветов в городах, чистоту улиц. Наташа Деревянко рассказала о цветах в Сочи и цветочных часах, предложила во дворе нашей школы посадить цветы. Перемышленникову Веру волновала засоренность речки Чибью, она сказала, что ее можно очистить силами учащихся нашей школы, что мы и сделали со старшеклассниками по окончании учебного года.

Знания и навыки, приобретенные в школьном музее, поисковой, лекторской работе, умение намечать план работы, план беседы и т.д. — оказались полезными в дальнейшей учебе, а затем и в трудовой деятельности. Когда мы решили назначить первым экскурсоводом Олю Шумилову, ее мать, воспитательница детского сада, возразила: «Что она может, чему научиться? Когда стоит вот так, потупив глаза, и не смеет взглянуть на публику». Мы ее научили и говорить, и показывать в ходе беседы на стенды и вещественные экспонаты, и смотреть в глаза слушателей — она стала отличным экскурсоводом!

Музейные экспонаты могут изучать и понимать дети разных возрастов. Малыши любили после экскурсий смотреть альбомы, искать на фотографиях свою учительницу, класс, себя, своих друзей, позвонить в наш памятный колокольчик. Став постарше, они приходили в музей на разные практические работы (клеили конверты для хранения фотографий, оформляли альбомы, лепили из пластилина рыцарское и русское войско, оформляли в вестибюле уголок в день памяти Алексея Свирчевского, погибшего в Афганистане). Некоторые ребята помогали делать генеральную уборку. Так что работа в музее находилась всем.

Наш музей все годы участвовал во Всесоюзной неделе «Музей и дети». Члены Совета выступали с докладами о своей работе в школе на семинарах, во Дворце Культуры на 2-ой городской конференции общественных и школьных музеев, в Сыктывкаре в Национальном музее РК на республиканской конференции. Получили немало благодарностей и грамот.

В 1995 г. я перешла работать в школу №16, и музей в СШ №10 прекратил свою деятельность: в большом учительском коллективе не нашлось учителя, который бы принял эстафету и продолжил хорошо организованное дело. Стенды были демонтированы и хранятся (если они хранятся) в разных местах. Так пропал и этот труд по созданию школьного музея.

Когда в 90-ые годы началась подготовка к V Республиканской краеведческой конференции 1993 г. «Научные экспедиции и исследования Коми края», приуроченной к 150-летию Печорской экспедиции

1843 г. А.А. Кейзерлинга и П.И. Крузенштерна, в моем архиве накопилось уже много разнообразного материала по этой экспедиции и ее участникам. Пять фотографий и карту маршрута экспедиции мне передал наш краевед П.Г. Сухогузов, но больше всего я получила от правнуков П.И. Крузенштерна – д.г.н. Евы Пернедер (Берлин) и Герека Крузенштерна (Краков), праправнука брата адмирала Эверта Крузенштерна (Геттинген), а также из Таллинского государственного исторического музея. Решила оформить к конференции передвижную выставку «150 лет Печорской экспедиции 1843 г.» для городского историко-краеведческого музея, договорилась с директором М.И. Кузнецовой. Подготовила экспозиционные планы на 7 стендов, подобрала фотографии, определила названия стендов, составила тексты. Выставка была оформлена художником на больших легких планшетах, но, к сожалению, сотрудники музея не привезли ее на конференцию в Сыктывкар, как мы договаривались. Уже после конференции я провела по этой выставке в городском музее несколько экскурсий для учащихся средней школы №10 и сотрудников музея, а затем составила текст экскурсии для штатных экскурсоводов музея.

Выставка эта постоянно востребована, она экспонировалась также для участников IV ухтинской городской научно-практической конференции «Исследования Ухтинского района и Коми края» в апреле 2003 года. Кроме того, по этой выставке состоялся один из основных докладов конференции.

С приходом на работу в среднюю школу №16 руководство школы вновь поставило задачу создания у них школьного музея. Сначала мы со школьным художником оформили и торжественно открыли в 2000 г. выставку «Знай историю своей школы», которая размещается в фойе II этажа. Здесь на 18 стендах отражена история школы со дня ее открытия в 1991 г. Экспозиция начинается с редкого снимка: коллектив учителей на крыльце 20-й школы. Это объясняется тем, что здание школы №16 к началу учебного года не было закончено, поэтому несколько месяцев пришлось заниматься в помещении соседней средней школы №20. На отдельных стендах показано: открытие школы; учебные кабинеты и мастерские; переход на базисный учебный план; первые шаги (о первоклассниках); «учитель, перед именем твоим...»; победители городских и республиканских олимпиад; ими гордится школа (серебряные и золотые медалисты); экология; внеклассная работа; краеведение; спортивные успехи и т. д.

В школе сложилась хорошая традиция: в День знаний, 1 сентября, проводить в выставочном зале линейку учащихся 10-х классов, знакомить их с успехами школы за последние годы и одновременно давать

задания на период обучения в 10–11 классах по сбору разнообразных материалов для создаваемого школьного музея. Весной, 25 мая, здесь проводится второе большое мероприятие для старшеклассников – последний звонок для учащихся 9 и 11 классов. После поздравлений директора школы, классных воспитателей и учителей, подведения итогов за учебный год, классы сдают фотографии, альбомы о своем классе, где запечатлены самые яркие моменты школьной жизни, праздников и уроков, собранные книги и т.д. Затем они идут в свои кабинеты на классный час, потом все выпускные классы отправляются во Дворец культуры на «Праздник последнего звонка». Такая организация последнего звонка запомнится выпускникам на всю жизнь.

Кроме того, в помещении выставки в конце каждого триместра (наша школа работает по триместрам) собираются классы по параллелям для подведения итогов по успеваемости, посещаемости и трудовым делам, проводится награждение учащихся – победителей городских и республиканских олимпиад. Директор школы Е.Ю. Тутолмина именно здесь начинает свое первое собрание с родителями первоклассников. Она знакомит их с историей школы. Затем родители переходят в классы, где им представляют учителей, которые будут обучать их детей, и подробно рассказывают о режиме дня.

В настоящее время закончено оформление (кроме подиумов и двух стендов) школьного музея историко-краеведческого направления, часть стендов показывают историю нашего города Ухты, начиная от истории ухтинской нефти и нефтяного промысла Федора Прядунова; Экспедиции Гулага 1929 г., создания промышленности и поселка Чибью и кончая улицами нашего города, которые носят имена известных людей. Между стендами размещаются большие черно-белые фотографии исторических зданий Ухты в прошлом, а вверху над ними в огромной удлинённой раме – цветные фотографии современных зданий и памятников архитектуры. Другая часть стендов посвящена нашей Республике Коми, где отражена жизнь и занятия коми народа в прошлом; школа и образование до революции; ученые, писатели и поэты.

Здесь приводится и состояние грамотности населения Коми края. С подачи историков советского периода принято считать, что коми народ до революции, живший в дремучих лесах сурового Севера, был отсталым, забитым и почти сплошь неграмотным. Однако результаты экспедиции Рума в начале XX века, которые использовал и известный социолог П.А. Сорокин, позволили сделать вывод, что коми народ по числу грамотных занимал в огромной Российской империи третье место, после немцев и евреев. Мы использовали эти сведения на стенде о школе.

Завершается экспозиция «Красной книгой Республики Коми», где показаны охраняемые растения и животные, населяющие наш Север. Осталось оформить стенды «Наша Республика – край несметных богатств» и «Сыктывкар – столица республики, центр промышленности и культуры», которые придется разместить в коридоре.

В школьном музее проводится разнообразная работа с учащимися по экологии и краеведению. Здесь работает кружок по экологии (руководитель Шашина Л. В.), клуб любителей кошек и собак для воспитания любви к «братьям нашим меньшим» (Попова Р.Л.), проведено много бесед в связи с 260-летием первого нефтепромысла в России Ф.С. Прядунова (Шашина Л. В.), к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне беседы об учителях ухтинских школ – участниках войны (Попова Р.Л.). Шашинной Л.В. подготовлены экскурсоводы из учащихся по отдельным темам; Поповой Р.Л. оформлено несколько альбомов по ее предмету и внеклассной работе, а также сочинений учащихся по истории и культуре коми народа. Учащиеся готовятся к олимпиадам, урокам, берут литературу и т. д.

С открытием на улице Ленина «Выставочных залов истории газовой отрасли промышленности РК» мы установили с ними тесную деловую связь. Хочется от души поблагодарить коллектив сотрудников, которые оказали мне большую помощь в скерокопировании ряда материалов для изготовления наглядных пособий к урокам истории Коми края, а затем и для школьного музея. С их стороны мы всегда встречали понимание и поддержку.

В 2005 г. после одного из педагогических советов учительский коллектив в полном составе пошел на экскурсию в Выставочные залы, а после этого по специально составленному расписанию побывали в них все классы нашей школы. Впечатление осталось незабываемое! Содержательная экскурсия научного сотрудника М.П. Горбачевой, огромные цветные фотографии памятных мест Ухты, макеты, электрифицированная карта газовых месторождений с зажигающимися лампочками и разные действующие приборы с трассы газопровода – все это надолго запечатлелось в памяти учащихся. Кроме того, учащиеся познакомились здесь с известными краеведами нашего города. Следует отметить, что «Выставочные залы...» единственный в Ухте выставочный комплекс, в котором показана история краеведческого движения в нашем городе: оформлены специальные стенды, показаны темы исследований ухтинских краеведов, собраны фотографии, книги, написанные В.П. Надеждиным, А.Н. Козулиным, Ф.М. Трубачевым, В.П. Потопицыным, П.Г. Сухогузовым, Л.Г. Борозинцом, Р. Поповой и др. В ближайшее время появятся на стендах фотографии молодых

краеведов, которые продолжают дело, начатое старшим поколением. Вернувшись в школу, ученики еще несколько дней под впечатлением увиденного и услышанного обсуждали разные вопросы, которые узнали на экскурсии. Я считаю, что такая экскурсия играет большую роль в воспитании у учащихся гордости за наш город нефти и газа – нашу Ухту, за людей, которые строили город и создавали его промышленность.

И, наконец, четвертая выставка. В 2006 г. школе №16 исполнилось 15 лет. К первому сентября, Дню знаний, за весну и лето мы оформили выставку на 5 стендах, посвященную этому событию. На стендах отразили: I – Этапы развития школы, II – Они были первыми, III – Наши учителя, IV – Учебная работа, V – Воспитательная работа. Второй стенд «Они были первыми», рассказывает об учителях, которые работали в школе с момента ее открытия и внесли большой вклад в ее развитие, в становление учебной и воспитательной работы с учащимися. Однако этот стенд был оформлен раньше – вместе со стендами музея, поэтому он обтянут материалом одного цвета с музейными стендами. Предстоит переоформить его под цвет выставочных стендов. Выставка «Нашей школе 15 лет» размещена в вестибюле первого этажа – она красиво смотрится и пользуется огромной популярностью. Постоянно около нее толпятся учащиеся, рассматривают и внимательно читают родители, а также все посетители нашей школы.

Замечания и предложения по краеведческой музейной работе:

1. Просить директора музея истории просвещения СГУ М.И. Бурлыкину присылать в школьные музеи основные публикации исследований по истории просвещения РК, изданные музеем.
2. До сих пор в школьных музеях проблемой является возрастной состав Совета музея. Кого привлекать лучше: старшеклассников или учащихся младших классов? Старшие работают быстрее и самостоятельно, младшие много раз переспрашивают, мало успевают, но относятся к делу с большим интересом и ответственностью (В СШ №10 ушли из Совета две девочки 8 «б» класса, сказали: «неинтересно»). Вероятно, лучший выход – это вырастить из малышек хороших деятелей музейной работы. Если кто-то отсеется, останутся самые верные и надежные.
3. На семинарах директоров, завучей и организаторов внеклассной работы необходимо разъяснить, чем музей отличается от выставки, кто и при каких условиях присваивает ему звание музея.
4. Очень жаль, что бесследно пропадет труд учителей-энтузиастов, которые годами, не жалея своих сил и времени, на общественных началах, собирали экспонаты и создавали школьные музеи. Мне кажется, нужно через Министерство народного образования разъяснить по школам, что закрыть школьный музей можно только в исключитель-

ном случае, причем с разрешения УНО и районного или городского краеведческого музея, а все экспонаты следует передать по акту в государственному музей. Экспонаты школьных музеев не должны пропадать, они, как и прежде, должны служить обществу

5. До сих пор в музеи передаются сотни фотографий, на которых не сделана запись легенды, что крайне затрудняет работу руководителей школьных музеев, которые ходят по кабинетам, и выясняют, кто и что изображено на данных фотоснимках. Надо принять всем за правило: сделал снимок, запиши, что и когда снято на нем.

6. Подготовка к городским, республиканским олимпиадам осуществляется в основном путем подготовки 1–3 учащихся. Накануне городских олимпиад по краеведению и экологии необходимо проводить внутришкольные олимпиады с массовым охватом учащихся и одновременно готовить команду будущих призеров.

Носова Вера Поликарповна

*директор историко-мемориального музея им. А.В. Журавского
с. Усть-Цильма*

Роль Усть-Цилемского историко-мемориального музея А.В. Журавского в формировании гражданского сознания и культуры памяти

Академик Д.С. Лихачев, как бы подводя итоги своей жизни, сказал: «Вне культуры существование человечества на планете лишается смысла» [1]. Понятие культура вмещает в себя очень многое, и музеям отводится здесь огромная роль. В современном обществе музеи занимают особое место.

Наш музей работает уже более 40 лет и коллектив сотрудников, опираясь на системность в работе с аудиторией, целенаправленно ставит перед собой задачу формирования гражданского сознания и культуры памяти.

Село Усть-Цильма скоро будет отмечать свой замечательный юбилей – 465 лет. Как сказал В.И. Чупров, доктор исторических наук, наш земляк: «Много на свете городов, с которыми Усть-Цильме никогда не сравниться ни богатой биографией, ни внешним обликом. Но это место единственное на земле...» [2]. И именно здесь «в результате сложного этнического процесса сформировалась своеобразная этническая группа русского народа – «устыцилема», обладающая особым неповторимым говором, специфическими чертами культуры, быта и совокупностью других особенностей отличающих их от соседних народов» [3].

Музей А.В. Журавского уже около 15 лет занимается сбором материалов по родословным Чупровых, Дуркиных, Носовых, Тороповых, Поздеевых и др. Знать и почитать свою родовую легенду – одна из заповедей устьцилем. Много необычных и интересных историй узнали мы в ходе наших исследований. Так, среди однофамильцев, со временем стали прибавляться к фамилиям и именам прозвища, которые играли адресную роль и содержали оригинальные и своеобразные характеристики ветвей рода.

Среди Чупровых родовые клички были не так многочисленны, как в других фамилиях. Нам известны родовые клички: «Пирохиных», «Беляны», – эта кличка объясняется тем, что дети часто рождались светловолосые.

В 1992 году к 450-летию села Усть-Цильмы в музее А.В. Журавского был проведен вечер «Сколько нас, какие мы?». В «Платежнице» с Пустозерских дозорных книг назван двор «Киприяко Михайлова сына Чупра» тот, от которого затем произошла фамилия Чупров [4].

На вечере были представлены родовые легенды Чупровых. На выставке декоративно-прикладного искусства участники вечера познакомились с удивительно талантливыми творениями Чупровых.

Назову лишь некоторых известных людей по фамилии Чупровы с необычной биографией, а выяснилось это в процессе работы по сбору родословных. Так, Устинья Корниловна Чупрова, 1875 года рождения, умела хорошо готовить и работала несколько лет у А.В. Журавского на опытной станции, где занималась приготовлением пищи. Первым поселенцем деревни Абрамовской на Пижме был Чупров Абрам из д. Чукчино. Вера Николаевна Чупрова – обладательница прекрасного редкого голоса может запеть любую из старинных традиционных устьцилемских песен. Она является руководителем фольклорного коллектива «Лапушки» Детского центра «Гудвин». Егор Афанасьевич Чупров был большого роста и крепкого телосложения, он ходил в бурлаках на Печоре.

В истории нашего края была такая трагическая страница, как самоожжение в Великопоженском скиту на Пижме в 1743 году. Из г. Архангельска вышел отряд для «съесу и взятия потаенных раскольников», отряд остановился в Усть-Цильме и взял три человека понятых и среди них был Василий Чюпров (в те годы фамилия еще писалась через ю). Ему Василию было доверено подняться на ремнях в Часовню староверов, подать им «Увещательную грамоту» архиепископа г. Архангельска. И три часа Василий Чюпров вел со старообрядцами беседу, увещевал их не сжигаться» [5].

Большой материал был собран и о Носовых, здесь четко прослеживаются клички: Петрушкины, Иванковы, Левкины, Огрушины и другие.

Несколько слов о Носовых – Левкиных. Прозвище «Левкиных» идет в этом роду от Леонтия Тиранова, который в начале XVIII века поселился на берегу ручья и поныне называемого Левкиным. Изба, которую он построил, простояла 90 лет, потом на этом месте было построено еще два дома. Родовому месту Левкиных около трехсот лет.

Почему же Тирановы – Левкины превратились в Носовых-Левкиных. Одна из дочек этого рода Анастасия вышла замуж за Осипа Петровича Носова. Братьев у нее не было, было лишь три сестры. Вот с той поры и стали Левкины носить фамилию – Носовы.

Среди Носовых есть много замечательных людей. Об их судьбах было рассказано на вечере «Мы из рода Носовых», который проходил в музее А.В. Журавского. На вечере представители Носовых показали свои знания, хорошо отвечая на вопросы игры-викторины по теме «Твоя родословная».

Подобные вечера были проведены как итоговые мероприятия по фамилиям Гороповых, Дуркиных и Поздеевых. Для дошкольников проводятся занятия «Древо рода твоего». По выставке «Твоя родословная» проведены уроки для учащихся 7–9 классов. Все вечера и уроки, по отзывам посетителей, произвели огромное впечатление. Было высказано много пожеланий о продолжении научно-исследовательской работы в этом направлении. На мероприятиях по этой тематике в 2005 году приняли участие более 400 человек.

Музей А.В. Журавского имеет тесную связь с людьми, которые изучают родословные своих семей и обобщают эти материалы. В фонды нашего музея передали свои работы: Вокуева Татьяна Дмитриевна /г. Москва/, Носова Татьяна Александровна /г. Санкт-Петербург/, Чупров Иван Прокопьевич /г. Сосногорск/, Чупров Михаил Яковлевич /г. Москва/. Имеются хорошо составленные родословные и в частных коллекциях в Усть-Цильме.

Коллектив музея А.В. Журавского большое внимание в своей работе уделяет формированию гражданского сознания у подрастающего поколения. Уже долгое время мы работаем по программе для дошкольников «Музей и дети». Они становятся участниками праздников, которые широко отмечаются в нашем районе и связаны они с традициями и обычаями нашего края: «Рождество в музее», «Широкая масленица», «Пасха». В сценариях таких праздников обязательно есть игры, шутки, поговорки, связанные с каждым из перечисленных праздников. У всех народов ремёсла – универсальное средство разви-

тия человека в умственном, нравственном и эстетическом плане. На занятиях дети знакомятся с видами декоративно-прикладного искусства, музыкальными инструментами. Так, на занятии «В мире волшебных звуков» они с помощью компьютера познакомились с различными музыкальными инструментами и услышали волшебные звуки гуслей, арфы и т.д. Уже более пяти лет при историко-мемориальном музее А.В. Журавского работает фольклорно-этнографический коллектив «Нареченька». Руководит этим коллективом И.Н. Поздеев – выпускник Сыктывкарского училища искусств. Игорь Николаевич занимается изучением и сбором материалов о быте, обычаях и традициях Усть-Цилемского района, а также записью песен: рекрутских, игришных, посидочных, горочных. Коллективом «Нареченька» подготовлены и успешно поставлены программы: «Посевная», «Гостьба на Петров день», «Уходили на фронт устьцилёма», фрагменты «Свадьба» и «Усть-Цилемская горка». Все эти программы подготовлены с сохранением исторической достоверности, лексики устьцилём, одежды. Фольклорно-этнографический коллектив принимает участие в районных мероприятиях, праздниках, народных гуляниях «Горка». Так, программа «Уходили на фронт устьцилёма» была показана на вечерах в дни празднования 60-летия Победы в Великой Отечественной войне, а этом году в День памяти и скорби 22 июня в Доме народно – традиционной культуры на вечере «Вспомним всех поимённо».

С помощью родителей дети собирают материал о своей родословной и рисуют сюжеты из жизни их предков для занятия «Родословная моей семьи». Ко Дню Победы они с интересом познакомились с выставкой «Наши Герои» и стали участниками игры «Кто быстрее соберёт посылку на фронт».

В Короворучейской средней школе с успехом прошёл вечер «Ещё не всё известно о войне». При помощи экспонатов семиклассники переносятся в период военного времени, они узнают о героизме и мужестве наших земляков, защитниках Москвы, Ленинграда, Сталинграда, участниках битвы на Курской дуге. Затем они слушали рассказ Е.И. Денисенковой, бывшей преподавательницы этой школы, о том, как её семья жила в годы войны на территории, оккупированной фашистами. И в заключение вечера ребята узнали о подвигах наших земляков – Героев Советского Союза, а также о том, как жил наш район, выполняя лозунг: «Всё для фронта, всё для Победы!».

У каждого поколения, входящего в мир, есть нравственный долг беречь то, что создано предыдущими поколениями. Память о прошлом – звено между настоящим и будущим. Из этой памяти мы черпаем опыт, который предостерегает нас от ошибок, даёт силы и вселяет веру.

Литература и источники

1. Музейная педагогика в XXI века. Мир музея. – 2005. – №3. – С. 27.
2. Чупров В.И., Сметанин А.Ф., Попов А.А. Усть – Цильма – край Печорский. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991. – С.4.
3. Рожкин Е.Н., Габов П.В. Историко-культурное общество «Русь Печорская» на этнокультурной карте Республики Коми. В кн. Традиционная культура Усть-Цильмы. Материалы республиканской научно – практической конференции.- Усть-Цильма, 2005. – С.9.
4. Семикова В.И. Сколько нас? Какие мы? – «Красная Печора», 1992, 1 февраля.
5. Чупров В.И. и др. Усть-Цильма – край Печорский. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991. – С.15.

Сажина Ирина Николаевна

*научный сотрудник Ухтинского историко-краеведческого музея
с кабинетом-музеем А.Я. Кремса
г. Ухта*

К 25-летию юбилею городского историко-краеведческого музея г. Ухты

Вопрос о создании краеведческого музея в г. Ухте общественность поднимала давно. В начале 70-х гг. неоднократно на страницах местной газеты «Ухта» печатались публикации с просьбой открыть краеведческий музей к 30-летию города [1]. Историко-краеведческий музей был открыт спустя 10 лет в одном из красивейших мест по улице Мира на высоком живописном берегу реки Ухты. И вот уже 25 лет принимает своих посетителей в его главе с бессменным директором Марией Ивановой Кузнецовой.

Подводя итоги 25-летней деятельности, необходимо рассказать об истории создания музея.

Начало жизни музея положило решение Исполкома ухтинского Городского Совета за №170 от 22 мая 1980 года «Об организации городского историко-краеведческого музея на общественных началах» [2].

Музей временно разместился в деревянном одноэтажном здании 1935 года постройки, сегодня это исторический памятник Ухты. Одним из жителей дома с 1935 по 1950 гг. был почётный буровой мастер, один из первопроходцев Севера, «Ухтинец века» – И.И. Косолапкин (память о знаменитом нефтянике хранит мемориальная доска). Позже, в этом помещении находился производственный трест «Коминфетегеофизика». В 1980 году дом по улице Мира 56 реконструировали под музей.

Подготовку к открытию направлял координационный совет из 10 человек – Почётные граждане Ухты – Л.Н. Новосёлова [3], В.Н. Ми-

шаков [4], ветераны освоения Севера – В.П. Надеждин [5], В.А. Семёнов, В.И. Свиридов, А.И. Терентьев [6] и др.

К 60-летию образования СССР в капитально отремонтированном здании общей площадью 252 м². 22 августа 1981 года состоялось торжественное открытие историко-краеведческого музея с единственной на тот момент экспозицией «Геология и полезные ископаемые Тимано-Североуральского региона». Она характеризовала полезные ископаемые – горючие, руды металлов, химическое и техническое сырьё, строительные материалы и др.

Экспонаты для первой экспозиции были подарены предприятиями «Ухтанефтегазгеология», Ухтинской геологической экспедицией (УГРЭ), Печорским заповедником, НШУ «Яреганефть».

4 июля 1983 г., в связи с всесоюзной профилизацией музеев, вышло постановление Совета Министров Коми АССР о переименовании музея в музей «Нефти и газа» [7].

В 1983 г. филиалом музея «Нефти и газа» становится кабинет-музей А.Я. Кремса, доктора геолого-минералогических наук, Героя Социалистического Труда, Почётного гражданина г. Ухты.

Фонды музея росли, и к середине 80-х гг. XX в. вопрос о необходимости строительства пристройки стал очевидным. К 1 января 1986 года число экспонатов основного фонда составляло 12 320 ед., научно-вспомогательного – 4 000 ед. На экспозициях находилось 8 757 экспонатов [8]. Строительство пристройки шло 2,5 года. К концу 1989 г. был выполнен основной объём отделочных и ремонтных работ. В подвальном помещении общей площадью 255,98 м². разместилось фондохранилище, над ним, на 518,1 м². [9], залы под экспозиционно-выставочную деятельность. Накопленный опыт работы, фонды музея вновь сделали актуальным вопрос о его профиле.

22 марта 1988 г. по инициативе директора М.И. Кузнецовой было проведено совещание общественности по вопросу «генеральной линии развития государственного музея «Нефти и газа». На нём присутствовали представители: Городского комитета КПСС – В.И. Суханова, секретарь, Ф.А. Ремпель, инструктор; горисполкома – Л.В. Колоскова, референт председателя; преподаватели УИИ [10] – О.С. Кочетков, доктор геолого-минералогических наук, профессор, Л.Г. Борозинец, тогда заведующий отделом истории КПСС; преподаватель школы и создатель музея «Природа Земли» К.Ф. Седых и др. По итогам совещания из 24 присутствующих 20 проголосовали за установление первоначального названия музея как историко-краеведческого [11].

В середине 90-х к городскому историко-краеведческому музею на правах филиалов были присоединены 2 бывших ведомственных музея –

это Музей Ярегских нефтешахт (пос. Ярега), посвящённый освоению уникального месторождения тяжёлой нефти шахтным способом, и Музей трудовой и боевой славы завода «Прогресс», организованный в середине 50-х на базе Радиевого производства в посёлке Водный. Летом 2005 года к музею был присоединён ещё один ведомственный музей предприятия «Ухтанефтегазгеология» (был открыт в 1971 г.), в котором собрана уникальная коллекция минералов и горных пород СССР.

Основу любого музея составляют фонды. По итогам 2005 г. общее число предметов основного фонда, с учётом 4-х филиалов музея, составляет 45 555 ед. хранения, предметов научно-вспомогательного фонда – 27 650 ед. хранения [12]. Важную часть занимает сбор экспонатов о выдающихся людях города – геологах, нефтяниках, руководителях крупнейших предприятий, участниках Гражданской и Великой Отечественной войн, тружениках тыла, деятелях науки, искусства, спорта и многое другое. Например, личный фонд Р.А. Васильева содержит фенонаблюдения по Ухтинскому району за 50 лет, фонд А.И. Терентьева, председателя «Комитета за спасение Печоры», сопредседателя Ухто-Печорского общества «Мемориал», поэта – заключённого Ухтижемлага Н.А. Володаского, участника Великой Отечественной войны А.Г. Дуркина, коми писателя, известного в финно-угорском мире Б.Ф. Шахова, геолога В.П. Потолицына и др. Значительную часть фонда составляют фотонегативная коллекция, сформированная на базе личных собраний ведущих фотографов города: фонд В.П. Надеждина, фонд В.А. Семёнова, А.С. Мансурова, И.А. Адамсона и др. Находки из Эшмесской пещеры (святилища X–XI вв.) – «идол», наконечники стрел, бронзовые и серебряные украшения и др. – положили начало формированию археологической коллекции музея. В 90-х гг. XX в., благодаря деятельности археологического кружка «Ермак» под руководством Т.А. Федотовой, поступило около 9 тысяч единиц, основная часть – следы камнеобработки, изделия из кремня, орнаментированная керамика из разрушенных памятников в городской черте.

Каждая коллекция, поступившая в фонды музея, обладает своим лицом, неповторимым обликом. Коллекции дают полную и объективную картину пройденного исторического пути, освещают в комплексе все вопросы и стороны нашей жизни.

Одним из направлений в работе музея является научно-исследовательская деятельность по изучению материальной и духовной культуры общества на базе имеющихся фондов. И как результат – это создание экспозиций, выставок.

На сегодняшний день в историко-краеведческом музее 5 постоянно действующих экспозиций: «Геология и полезные ископаемые Тимано-

Североуральского региона» (1981 г.), «Флора и фауна г. Ухты и пригородной зоны» (1982 г.), «Этнография народов Севера» (1991 г.), «С чего начиналась Ухта» (1991 г.), «Преемственность поколений» (1990 г.).

Большую помощь в создании отдела живой природы оказала заместитель директора по науке Московского научно-исследовательского института культуры Наталья Рудольфовна Павлова. Благодаря ей, зал флоры и фауны оформлен по принципу Красной книги. Музейные экспонаты этого зала – подлинные предметы, такие как: чучела животных, птиц, гербарий растений. Чучела изготовлены таксидермистами Печоро-Ильчского заповедника, настоящими профессионалами своего дела, что подтверждают естественные, натуральные позы зверей, птиц. Над экспозицией работали такие художники как: В.А. Семёнов, И. Милуевне, бывший главный художник города С.П. Никифоров и др.

Этнографическая коллекция формируется с 1982 года. Ядро её составили предметы материальной культуры народа коми, переданные краеведом города П.Г. Сухогозувым. В 1991 г. к 70-летию Республики Коми была открыта экспозиция «Этнография народов Севера» (коми и русского). Она включала в себя: национальную одежду коми, предметы домашнего быта, орудия охоты, рыболовства и др. В 1996 г. директору историко-краеведческого музея М.И. Кузнецовой удалось организовать экспедицию и побывать на родине бурового мастера А.П. Якимова [13] в деревне Выемково Архангельской области, где сохранился его дом и многие личные вещи. Вещи, безвозмездно переданные вдовой, в качестве экспонатов дополнили экспозицию раздела этнографии.

Историю города освещает постоянно действующая экспозиция «С чего начиналась Ухта». Она включает в себя археологию, досоветскую и советскую историю (30–40-е гг.)

В 1990 г. в связи с празднованием 45-летия Победы была построена экспозиция «Преемственность поколений», которая освещает события Гражданской, Великой Отечественной войн, участие ухтинцев в конфликтах Афганистана.

В экспозициях «С чего начиналась Ухта», «Преемственность поколений» хранятся уникальные экспонаты, такие, как первая карта Тиманского кряжа, одна из первых геологических карт России, составленная А.А. Кейзерлингом и П.И. Крузенштерном в 1843 г.; дневник из блокадного Ленинграда медстатистика госпиталя Нины Обуховой-Духовской и др.

В 2003 г. был проведён сбор экспонатов по основным промышленным предприятиям – «Ухтанефтегазгеология», «Тимано-Печорский научно-исследовательский центр», «Севергеофизика», «Лукойл-Ухтанефтегаз», НШУ «Яреганефть», «Печорнипинефть», УСМН (Ух-

тинские Северные Магистральные Нефтепроводы), «Севергазпром», УМЗ, завод «Прогресс» и др. – для создания новой экспозиции «Промышленность г. Ухты на современном этапе», торжественно открытой к 60-летию города. Сегодня научными сотрудниками проведена большая работа – разработана концепция, собран материал, составлен тематико-экспозиционный план – по подготовке строительства новой выставочной экспозиции «Учёные Ухты в годы Великой Отечественной войны».

Итог выставочной деятельности за 2005 г – 23 выставки (для сравнения в 2000 г. – 16 выставок) – стационарных и передвижных. Например, к 60-летию Победы персональные выставки «Военные нагрудные знаки» (А.В. Сакина), «Советские самолёты Второй мировой войны» (Л.Г. Решетникова); выставка по декоративно-прикладному искусству мастера В.Д. Кустова. С интересом воспринимается аудиторией темы, повествующие об ухтинцах, тех, кто трудом вписал свою страничку в историю Ухты, её развитие: «80 лет заслуженному геологу РСФСР М.М. Артамонову», «Ветеран Великой Отечественной войны – А.П. Якимов», «Жизнь и деятельность А.Г. Дуркина» [14] и др.

Просветительские возможности музея значительно расширяют передвижные и выездные формы работы, приуроченные к дням: коми культуры, города, учителя, защитников Отечества, окружающей среды и мн. др.

Сотрудники музея оформляют выставки не только в музее, но и выполняют заказы города по подготовке выставок, например, посвящённых юбилею Бориса Евдокимовича Щербины (по заказу Газпрома), к 70-летию нефтеперерабатывающего завода и др.

Одной из основных функций музея является образовательно-воспитательная. Экскурсии по экспозициям, выставкам, а также по внемузейным памятникам истории и культуры – важная форма научно-просветительской работы с посетителями, которым весь штат музея придаёт большое значение, уделяя внимание не только коллективным, но и одиночным посетителям.

Экскурсии не ограничиваются экспозиционными залами. Комплексные экскурсии по городу (автобусные, пешеходные) сочетают рассказ с показом памятников и памятных знаков: «Стела первопроходцам», памятный знак ухтинцам, погибшим на фронтах ВОВ, памятные знаки скважины №1 – первого советского нефтепромысла и скважины №5 – первооткрывательницы промышленной нефти Севера, памятник А.С. Пушкину и др.

Видеоэкскурсии также имеют место в просветительской работе музея.

С целью привлечения «молодого» посетителя – воспитанника детского сада, школьника, студента – разработаны музейные экскурсии в соответствии с учебными программами.

На базе историко-краеведческого музея в 2001, 2004 годах были разработаны многоуровневые образовательные программы с учётом возрастных особенностей для детей дошкольного и младшего школьного возраста по разделам: «Этнография народов Севера», «Флора и фауна г. Ухты и пригородной зоны». Программы освещают определённый круг вопросов, связанных с историей, материальной и духовной культурой народов коми, разнообразием животного и растительного мира, ландшафтом республики. Например, домашняя посуда и утварь, ознакомление детей с процессом прядения изо льна, знакомство с героями коми сказок, обитателями рек, озёр, лесов и др. Проекты способствует формированию нравственных чувств, эстетическому, экологическому, патриотическому воспитанию, прививают чувства любви к родному краю. Практикуется договорная система с детскими садами и школами о систематических занятиях на базе музея.

На основе разработанных программ с целью приобретения учащимися знаний по истории, этнографии, флоре и фауне родного края, в экспозициях проводятся музейные уроки по темам: «Город, в котором я живу», «Герб г. Ухты», «Внешний вид и устройство коми избы», «Птицы лесов» и т.д.

Распространённой формой образовательно-воспитательной работы музея, охватывающей многочисленную аудиторию, являются лекции. Они организуются как в помещении музея, так и с выездом в учебные учреждения города. Так, в 2006 в День защитника Отечества, сотрудники музея посещали СШ №2 и СШ №10 с лекциями о ухтинцах, погибших во время войны в Афганистане: Сергее Иванове, Алексее Свирчевском, Сергее Головине. На лекциях зачитывались личные документы, письма с фронта, демонстрировались фотокопии наградного материала, фотографии.

Историко-краеведческий музей проводит Международный день музеев, День Победы, Всероссийскую неделю «Музей и дети» и мн. др. В Дни памяти жертвам политических репрессий сотрудники традиционного участвовали в проведении митингов.

Особое место в деятельности музея занимают военно-патриотические мероприятия. В 80–90-е гг. ежегодно в День Победы 9 мая в экспозициях музея встречались учащиеся школ с ветеранами Великой Отечественной войны, тружениками тыла, жителями блокадного Ленинграда: Н.И. Дутовой, Ф.М. Трубочёвым, Ф.И. Сухановым и др. Сегодня организуются встречи с ветеранами войн в Афганистане, Чечне. Для дошкольников и учащихся школ проводятся «уроки мужества», например, «Огненный солдат – Дмитрий Бушуев», «Памяти героев Великой Отечественной войны» и др.

В музее оказывают помощь учащимся, учителям, сотрудникам предприятий и организаций в подготовке рефератов, курсовых и дипломных работ. Ежегодно студенты исторических факультетов университетов и институтов проходят музейную практику. Например, на базе фондов музея ученица СШ №10 Марина Канева написала творческую работу «Свет памяти...», посвящённую В.П.Надеждину. Эта работа была отмечена жюри всероссийского конкурса.

Разнообразные формы, методы работы влияют на главную оценку деятельности музея – его посещаемость. За четверть века музей посетило более 400 тысяч человек. В 1995 г. Ухтинский музей занял первое место по республике по количеству экскурсий на одного научного сотрудника [15]. В 2005 году прочитаны 47 лекций, проведены 372 экскурсии, 43 массовых мероприятия, в которых участвовали 1226 человек [16]. В настоящее время штат историко-краеведческого музея насчитывает 6 человек.

В тесном контакте идёт работа с общественными организациями: Советом ветеранов города, Обществом изучения Коми края, методическим объединением историков и географов народного образования, методическим объединением по дошкольному воспитанию, обществом «Мемориал», общественной организацией «Комитет за спасение Печоры», комитетом «Матери против наркотиков». Музей поддерживает связи с семьями героев войны и труда, теми, кто помогал и помогает музею: проводит Дни Памяти, поздравляет с праздниками, юбилейными датами.

Во главе с историко-краеведческим музеем уже 25 лет действует на общественных началах методическое музейное объединение города. Несколько раз в год проводятся семинары, которые являются базой для профессионального роста руководителей и сотрудников музеев. Благодаря деятельности объединения проводится большая работа по созданию общегородского музейного фонда, составляются списки наиболее уникальных предметов, хранящихся в ведомственных музеях.

Популяризации способствуют средства массовой коммуникации. Открытие новых выставок, экспозиций, массовые мероприятия освещаются на страницах городских газет «Ухта», «НЭП+с», в информационных выпусках новостей Ухтинского ТВ, радиостанции «Европа плюс». Доклады сотрудников на научно-практических конференциях публикуются в краеведческих, городских и республиканских сборниках: «Научные экспедиции и исследования Коми края», «Музеи и краеведение», «Известия общества изучения Коми края», «Исследования Ухтинского

района и Коми края» и др. Музейные фонды активно пропагандируются не только на выставках, но и в книгах: «А путь наш далек и долог. К 65-летию сейсморазведочных работ в Республике Коми» (2005 г.), Книга Памяти «Труженики тыла Ухтинского района» (2005 г.), «В судьбах – истории вехи: 70 лет НПЗ [17]» (2004 г.); а также в документальных фильмах «Дорога на Север» (ОАО «НК Лукойл», ОРТ), «Моя Ухта» (фильм был снят при совместной работе МУП «Ухтинское телевидение» и научного сотрудника музея О.Д. Гриценко к 60-летию города).

В настоящее время музей испытывает большие затруднения в финансировании, так как оно не производится ни по одной статье, кроме коммунальных услуг. Не выделяются средства для пополнения фондов, для закупки нового оборудования, для обновления стационарных экспозиций, для публикаций и т.д. Остро стоит необходимость в отношении нового капитального здания с большими экспозиционными площадями, так как до сих пор музей располагается в деревянном здании, построенном в 1935 г.. На данный момент все сотрудники музея оказались вне социальной государственной программы: улучшение жилищных вопросов, отсутствие путёвок и др. Всех музейщиков города волнует вопрос о низкой оплате труда – это является причиной текучести кадров.

В 2006 г., в связи с реорганизацией, проведённой управлением культуры, историко-краеведческий музей с кабинетом-музеем А.Я. Кремса вошёл в состав муниципального учреждения «Музейное объединение» на правах головного учреждения [18].

За 25 лет деятельности наш музей стал одним из культурно-просветительских центров города Ухты. Сотрудники продолжают разрабатывать новые формы и методы работы, при которых музей становится местом, где человек не только приобретает знания, но и воспринимает накопленный исторический опыт, усваивает эстетические и нравственные ценности.

Литература и источники

1. Зыкин В. С чего начинается Родина. // «Ухта», 20 мая 1972 г.; Козулин А. Письмо в редакцию. // «Ухта», 13 июля 1972 г.
2. УИКМ. Паспорт на участок строительства историко-краеведческого музея. Л.1.
3. Новосёлова Л.Н.(1919–1998) – секретарь ухтинского горкома КПСС, заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР. // А.Н. Козулин. На ветвях истории. – С.418.
4. Мишаков В.Н. (1912–1990) – родился в с. Матохино Курской обл. В 1940 г. окончил Московский горный институт. Был направлен в распоряжение Ухтижемлага НКВД. С 1940 по 1958 г. работал на инженерно-технических руко-

водящих должностях Ухткомбината. С 1958 г. нач. нефтешахтного управления, 1960–1969 гг. – нач. ухтинского нефтегазового комбината. Участвовал во внедрении уклонно-скважинной системы разработки нефтяных шахт. Один из инициаторов создания на базе Ярегского титанового месторождения горно-обогатительного предприятия, один из активных участников разработки и внедрения на шахтах термического способа добычи нефти. Автор и соавтор 8 изобретений. В 1971 г. присвоено звание «Почётный нефтяник», в 1977 г. «Лауреат гос. премии СССР» и др. / В.Н. Мишаков. Автобиография. // УИКМ. П. №2; Ф.Куклин, секретарь Ухтинского Горкома КПСС. Характеристика на тов. Мишакова В.Н.// УИКМ. П. №2.

5. Надеждин В.П. (1912–1990) – родился в д. Ивановка Тамбовской губернии в семье приходского священника. Работал в художественной мастерской г. Мичуринска. В 1941 году по доносу и осужден по статье 58-10 ч. 2 на 10 лет лишения свободы и отправлен в Ухтижемлаг. Был организатором первой фотографии в Ухте. Один из первых исследователей ухтинского нефтяного района // И.В. Воронцова, Е. Зеленская «Ж читателю»// В.П. Надеждин. Колыбель российской нефти. Ухта, 2005 г. С. 4.

6. Терентьев А.И. (1926–1993) – родился в с. Краснобор Ижемского района. Выпускник Сыктывкарского сельхозтехникума, агроном. Участник ВОв. В 1959 г. был одним из организаторов совхоза «Извайльский». В 1969 г. возглавил гидрохимлабораторию Ухтинской территориальной Госводоинспекции. Благодаря ему, введено в эксплуатацию более 100 водоохраных объектов, в том числе 77 очистных сооружений, сокращён сброс загрязнённых вод, улучшилось гидрохимическое состояние вод на реках Ижма, Ухта. С 1989 г. организатор и первый председатель общества «Мемориал», с 1991 г. – председатель Общественного Комитета спасения Печоры. Автор более 300 статей в городских, республиканских, союзных газетах и журналах. Звания: «Почётный гражданин г. Ухты» (1993), «Ухтинец XX века»(2000) и т.д. //УИКМ. Фонд Терентьева А.И.

7. Протокол совещания общественности г. Ухты по вопросу генеральной линии развития государственного музея «Нефти и газа». От 22 марта 1988 г. //УИКМ.

8. УИКМ. Стат. отчёт Музея «Нефти и газа» с кабинетом А.Я. Кремса за 1985 г.; Справка о результатах проверки работы Ухтинского городского музея «Нефти и газа» от 15 мая 1986 г.

9. УИКМ. Отчёт о состоянии научно-исследовательской деятельности в историко-краеведческом музее г. Ухты с кабинетом-музеем А.Я.Кремса. 1995 г.

10. УИИ – Ухтинский индустриальный институт.

11. УИКМ. Протокол совещания общественности г. Ухты по вопросу генеральной линии развития государственного музея «Нефти и газа» от 22 марта 1988 г.

12. Стат. отчёт Историко-краеведческого музея с кабинетом-музеем А.Я.Кремса за 2005 г.

13. Якимов А.П. (1924–1983) – геолог. Окончил Кокандский нефтяной техникум (1947). Участник ВОв. С 1947 г. работал в объединении «Коминнефть» техником, инженером, директор конторы бурения, нач. производств. отдела. Участвовал в освоении Верхнее-Ижемского пром. района, Западно-Тэбукского, Пашнинского, Усинского, Возейского и др. нефтяных месторождений. Организатор внедрения турбинного бурения, наклонно-направленного способа проходки скважин и др. технических новшеств. Награждён орденом Ленина (1971), 2 орденами Трудового Красного Знамени (1959, 1966), орденами Красной Звезды (1945), Славы 3-й степени (1944). Звания: Герой Соц. Труда (1971 г.), Заслуженный работник народного хозяйства Коми АССР (1965 г.), Почётный нефтяник (1969 г.) //Энциклопедия РК. Т. 3. – Сыктывкар, 2000. – С. 350.
14. Дуркин А.Г. (1908–1994) – родился в с. Усть-Ухта. Участник гражданской войны. Участник ВОв. Партийный работник, подполковник запаса, краевед. Награждён: орденами Отечественной войны 1-й (1944) и 2-й (1945) степеней, орденом Красного знамени (1945), медалью «За боевые заслуги» (1945), орденом Чехословацкий военный крест 1939 г., в 1986 г. присвоено звание Почётный гражданин г. Ухты. По его инициативе в с. Усть-Ухта был открыт историко-краеведческий музей, открыты мемориальные доски, в т.ч. первому коми – лётчику П.А. Истомину. Инициатор открытия «Памятного знака» воинам с. Усть – Ухта, погибшим в годы ВОв (1977) // УИКМ. Фонд Дуркина А.Г.; В.Хозяинов. Громкая слава Усть-Ухты. Ухта, 2004 г.
15. УИКМ. Справка по результатам проверки работы историко-краеведческого музея Ухты Министерством культуры РК от 09. 02. 1996 г.
16. УИКМ. Стат. отчёт историко-краеведческого музея с кабинетом-музеем А.Я. Кремса за 2005 г.
17. НПЗ – Нефтеперерабатывающий завод.
18. Устав Муниципального учреждения «Музейное объединение» муниципального образования городского округа «Ухта». Ухта, 2005.

II. Региональные исследования как основа музейной деятельности

Морозов Борис Николаевич

к.и.н., старший научный сотрудник

Института славяноведения Российской Академии наук

г. Москва

Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI в.

Миссия Стефана Пермского по христианизации Коми края в конце XIV в. сопровождалась созданием новой письменности – пермской азбуки. Это событие, ставшее важным явлением не только для истории культуры нового многонационального Российского государства на Востоке Европы, но, безусловно, и мировой культуры, вызывает пристальное внимание и споры ученых. Исследование новой письменности осложняется крайне малым количеством дошедших до нас ее памятников. Кроме текста на известной иконе Троицы зырянской, создание которой связывается с деятельностью самого Стефана, следующий образец древнего коми алфавита и языка, давно введенный в научный оборот, сохранился в рукописи Номоканона (свода церковных правил) 1510 г., то есть появился уже более чем через сто лет после создания древней коми письменности [1]. Сам этот факт, имеющий важное значение в плане сохранения стефановского наследия, мог трактоваться неоднозначно – пермская азбука использовалась уже в XV в. московскими книжниками как тайнопись [2], а точное место создания рукописи 1510 г. не было указано (можно было только предположить, что она была написана в пределах Вологодско-Пермской епархии, центром которой в это время была Вологда).

Находка в недавнее время двух других рукописей, написанных писцом Номоканона 1510 г. – Васюком Гавриловым сыном Поповым (он указал и свое коми прозвище – Кылдашев), позволяет по новому взглянуть на проблему бытования древней коми письменности. В этих рукописях – Псалтыри 1517 г. [3] и близкому по содержанию к Номоканону 1510 г. Сборнику 1511/1512 г. [4] указано на точное место их создания – «у Великого чудотворца Николы». Но если в первом случае далее пояснено – «на Вычегде на Лене» – то есть, имеется ввиду Никольский монастырь на вычегодском погосте Лена – регионе древнего расселения

народа коми; то во втором случае указано «у Великого чудотворца Николая на Лале», что требует дополнительных комментариев.

Ученым была известна и более древняя рукопись со стефановским письменами – Сборник поучений Исаака Сирина, имеющая точную дату написания – 1485 г. [5] Эта рукопись, однако, связывалась с Великим Устюгом, поскольку в 1491 г. она принадлежала некоему иноку Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря [6]. Но место написания ее в 1485 г. указано точно – Усть-Вымь, и именно эта рукопись является древнейшим памятником письменности, созданным на территории Республики Коми, содержащим древние образцы языка коми народа. Между тем, она не упоминается ни в одном современном справочном издании, нет и воспроизведений ее записей древнепермской азбукой. Это кажется странным, поскольку текст записи писца данной рукописи – «диакона Гаврила сына Лукина» – с указанием на наличие в нем слов, написанных пермской азбукой «возможно, на одном из диалектов языка коми», приведен в публикации М.С. Федотовой, сделанной на основе ее выступления в Сыктывкаре на международной конференции 1996 г. памяти Стефана Пермского [7]. Правда, в данной публикации не было специально подчеркнуто, что местом написания рукописи 1485 г. является Усть-Вымь – центр Пермской епархии, а по старой ошибочной традиции указано, что «рукопись монастырская» [8].

Сохранившиеся грамоты Пермской епархии конца XV в. позволяют нам сделать редкое для книжности этого времени в целом отождествление писца рукописи сочинений Исаака Сирина 1485 г. с конкретным историческим лицом. Согласно жалованной грамоте великого князя Ивана III пермскому епископу Филофею на Вымские и Вычегодские земли в Усть-Вымском городке в 1490 г. на епископском дворе жил «дьякон владычен благовещенской Гаврило» [9]. Нет никаких сомнений, что это он пять лет назад писал книгу с уникальными записями на коми языке древнепермскими буквами. Теперь, после изучения ряда рукописей, переписанных Васюком Гавриловым сыном Поповым-Кылдашевым в 1510-е гг. можно выдвинуть гипотезу, что он был сыном писца устьвымской рукописи 1485 г. – дьякона Гаврила Лукина. Именно в этой среде высокообразованных представителей местного населения (их с полным правом можно назвать интеллектуалами, учитывая особый сложный состав текстов создаваемых ими сборников) более чем сто лет сохранялась традиция стефановской древней коми письменности.

Требует специального исследования и известная в литературе рукопись XV в. сочинений Григория Синаита, также содержащая записи древнепермскими письменами [10]. Сама рукопись Григория Синаита относится ко времени близкому к Стефановскому – второй четверти XV в. (что подтвердили и современные археографы) [11]. Записи эти изучались еще в 1930-е гг. А.С. Сидоровым. Труды этого выдающегося коми-ученого в большей части остались неопубликованными, и его наблюдения о языке этих записей отразились лишь в небольшой статье вышедшей в 1948 г. [12]. В.И. Лыткин, публикуя в 1962 г. части неизданного труда А.С. Сидорова, продолжил его работу по переводу записей на данной рукописи и впервые сделал их факсимильное воспроизведение [13], но окончательный текст их перевода был опубликован им в 1980 г. в «Истории коми литературы» [14]. Теперь мы можем поновому прокомментировать текст первой записи и предположить, что упомянутый в ней владелец рукописи Григория Синаита дьяк Гаврило, ушедший «на Прилук в затворники» – тот же устьвымский епископский дьякон Гаврило Лукин – отец Васюка, прозвище которого Кылдашев (Кылдас'эв), приведенное в Номоканоне 1510 г., было как раз использовано В.И. Лыткиным для перевода данной записи и означает по его мнению «Дьяков». В записи, очевидно, указан вологодский Спасо-Прилуцкий монастырь как место пострижения дьякона Гавриила, в дальнейшем он стал иеромонахом Спасо-Каменного монастыря, о чем пишет его сын Васюк в записи в Псалтыри 1517 г.

В последнее время московские ученые выявили еще ряд неизвестных ранее рукописей конца XV – начала XVI в., содержащих отдельные записи древнепермским письмом. Большинство из них используют пермскую азбуку для транслитерации славяно-русских слов, то есть как тайнопись, но не все записи расшифрованы и вполне могут содержать и слова на коми языке. Ведь и указанные писцы рукописей 1510 и 1485 гг., написанных в Коми крае, также использовали древнепермский алфавит для транслитерации (устьвымский дьякон Гаврило даже зашифровал свое имя с помощью глаголицы). Комплексный палеографический анализ (изучение почерков и водяных знаков бумаги) может связать и вновь выявленные так и ранее введенные в научный оборот рукописи с записями пермской азбукой с известными теперь нам книгами, созданными коми-писцами.

Очевидно, связан с устьвымским книгописным центром и комплект рукописных Служебных миней последней четверти XV – первой половины XVI в., вложенный в середине XVI в. вологодско-пермским епи-

скопом Алексием в Николаевский-Выксинский монастырь близ Череповца, в одной из них есть древнепермские письма [15]. Было бы заманчиво связать с этим комплектом и древнейшую рукопись, хранящуюся в Национальном музее Республики Коми – Служебную минию за ноябрь конца XV – начала XVI в. – ее полууставное письмо и киноварная вязь близки по типу (но не тождественны) с письмом Сентябрьской мини, принадлежавшей епископу Алексию [16].

Для успешного решения всех поставленных вопросов изучения бытования древнепермской письменности как в Коми крае, так и за его пределами, изучения средневековой книжной культуры региона в целом (достигшей особенно высокого уровня в конце XV – начале XVI в. [17]) нужна комплексная программа по исследованию и изданию данных памятников (в том числе факсимильному изданию коми текстов). Она нуждается в поддержке на государственном уровне [18].

Литература и источники

1. Рукопись хранится в Государственном историческом музее в Москве (ГИМ, Отдел рукописей, Собрание графа А.С.Уварова, №81) и давно известна исследователям XIX-XX вв. древнего коми языка и азбуки (П.Д.Шестаков, П.И.Савваитов, Г.С.Лыткин, В.И.Лыткин и др.). Находящиеся в ней тексты, написанные буквами, созданными Стефаном Пермским, неоднократно воспроизводились в различных научных и популярных изданиях. Последнее наиболее подробное описание рукописи с фотокопиями ряда ее листов см: Мазуринская Кормчая. Памятник межславянских культурных связей XIV-XVI вв., М., 2002. В этом описании, проведенном Е.В.Беляковой, впервые указано, что писец Кормчей 1510 г. использовал пермскую азбуку также и для нумерации тетрадей рукописи.
2. См.: Некрасов И.С. Пермские письма в рукописях XV в. Одесса, 1890; Сперанский М.Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929. – С. 72-78.
3. Об этой рукописи, хранящейся в Российском государственном архиве древних актов в Москве (РГАДА, ф. 381 – Рукописный отдел Библиотеки Московской Синодальной типографии, №222) см.: Морозов Б.Н. Новое о древнепермской письменности в Коми крае в начале XVI века // История, современное состояние, перспективы развития языков и культур финно-угорских народов: Материалы III Всероссийской научной конференции финно-угроведов (1-4 июля 2004 г., Сыктывкар). Сыктывкар, 2005. – С. 140-144. С обнаружения при составлении Каталога рукописных книг XVI в., хранящихся в РГАДА, ранее неописанной данной рукописи началось изучение нами данной темы.
4. Рукопись хранится в Отделе рукописей Библиотеки Российской Академии наук в Петербурге в составе собрания Архангельской семинарии, под №5. Ее краткое описание с воспроизведением записи «Васюка попова сына Гаврилова

вычегжанина» было приведено в вышедшей недавно книге М.В.Корогодиной «Исповедь в России в XIV-XIX веках. Исследование и тексты» (СПб., 2006. С. 343), но не указано, что Васюк использовал пермскую азбуку для нумерации тетрадей рукописи, также как в 1510 г.

5. Рукопись хранится в Санкт-Петербургском институте истории РАН в собрании Н.П.Лихачева, под №360. См.: Розов Н.Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. – С. 133, 138. (дата рукописи указана 1486 г.); Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР (для Сводного каталога рукописных книг, хранящихся в СССР). М., 1986. – С. 74. №269.

6. В приведенной в книге Н.Н.Розова «Библиогеографической карте-схеме России XV в. – Места происхождения и некоторые пути миграции сохранившихся книг» (с. 141-142) данная рукопись занимает крайнее северо-восточное место среди всех пунктов – Великий-Устюг, но в действительности должна была быть помещена еще восточнее – в Усть-Вымь.

7. Федотова [М].С. Ранняя русская рукописная традиция Постнических слов Исаака Сирина (XIV – начала XVI в.) // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. II. С. 295.

8. Также при повторной публикации описания усть-вымской рукописи 1485 г. М.С.Федотова, сославшись на работу Н.Н.Розова, не прокомментировала его неверное указание на Великий Устюг, как место создания книги (Федотова М.С. К вопросу о славянском переводе постнических слов Исаака Сирина (по рукописям XIV – начала XVI вв.) // ТОДРЛ. СПб., 2000. Т. 52 С. 502).

9. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. М., 1964. – С. 312.

10. Рукопись хранится в Отделе рукописей Библиотеки Российской Академии наук в Петербурге в составе Основного собрания под №17. 9. 11. Ранее она принадлежала П.И.Савваитову. См.: Срезневский В.И., Покровский Ф.И. Описание Рукописного отделения Библиотеки имп. Академии наук. Пг., 1915. Т. 2. – С. 56-60; Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в. – С. 167. №1551.

11. См.: Сидоров А.С. Коми письменность эпохи раннего феодализма // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедческих наук. Л., 1948. Вып. 2. – С. 240-242.

12. А.А.Турилов, проводивший проверку описания рукописи для «Предварительного списка», подтвердил ее раннюю датировку.

13. Сидоров А.С. Новые памятники древнекоми письменности (С комментариями, подстрочными примечаниями и заключением В.И.Лыткина) // Вопросы финно-угорского языкознания (к 70-летию чл.-корр. АН СССР Д.В.Бубриха). М. – Л., 1962. – С. 178-182.

14. Лыткин В.И. Древние памятники коми письменности // История коми литературы. Сыктывкар, 1980. Т. 2. – С. 14-15.

15. Ныне четыре миней из этого 12-ти томного комплекта хранятся в Ярославском музее-заповеднике (см.: Лукьянов В.В. Краткое описание коллекции рукописей Ярославского областного краеведческого музея. Ярославль, 1957. –

С. 207, №836, 837; С. 209, №848, 851. Предварительный список славяно-русских рукописных книг XV в. С. 202, №2018; С. 203, №2042; С. 258, №2771. Сведениями об этих рукописях и наличии в них записей дренепермской азбукой мы также обязаны А.А.Турилову.

16. См. воспроизведение одного листа из Служебной сентябрьской миней, ныне хранящейся в Ярославском музее-заповеднике: Соболевский А.И. Палеографические снимки с русских рукописей XII-XVII веков. СПб., 1901. №XXI. Последнее воспроизведение Служебной ноябрьской миней см.: Раритеты. Памятники истории письменности земли Коми из собрания Национального музея Республики Коми / Сост И.Ю.Моисеева. Сыктывкар, 2006. Вып. 1 (комплект из 12 открыток)/ №4.

17. См.: Морозов Б.Н. К изучению книжной культуры Коми края // Духовная культура Севера: Итоги и перспективы исследования. Материалы конференции (2-4 ноября 1999 г.) К 10-летию научной деятельности Проблемной лаборатории фольклорно-археографических исследований Сыктывкарского университета. Сыктывкар, 2002. – С. 96-97.

18. Еще в конце 1980-х гг. учеными Археографической комиссии и Библиотеки Академии наук совместно с коллегами из Сыктывкарского университета была разработана и начала осуществляться программа научного описания памятников древней письменности Республики Коми. В вышедшем в 1989 г. вып. I Каталога-путеводителя «Памятники письменности в хранилищах Коми АССР» были описаны рукописные книги XVI-XIX вв. из собрания СГУ. Тогда же был подготовлен к печати следующий том описания рукописей, хранящихся в Национальном музее Республики Коми, но его попытка издания в середине 1990-х гг. не увенчалась успехом. Теперь, при активном содействии нынешнего руководства музея, этот том снова готовится к печати. При окончательном редактировании описаний и изучении новых рукописей, поступивших в НМРК за последние годы, автором этих строк были сделаны важные научные наблюдения. Так, в Синодике Усть-Вымской Благовещенской церкви, основная часть которого датировалась нач. XVIII в., были обнаружены листы, датированные на сто лет ранее – 1610-ми гг. А поминальные службы, переписанные на этих листах, восходят к еще более раннему времени Пермской епископии – в них поминаются не цари, а «князья наши» (следует вспомнить, что писец древнейшей коми книги 1485 г. Гаврила Лукин был дьяконом этой епископской Благовещенской церкви). Именно этот Синодик теперь должен считаться древнейшей рукописью, созданной на территории Республики Коми и хранящейся в ее Национальном музее. Не меньшие открытия ожидают нас при комплексном изучении рукописного наследия Коми земли, хранящегося в федеральных хранилищах. Волею судьбы, очевидно его значительная и ценнейшая часть (в том числе списки стефановской азбуки), собиравшаяся с середины XIX в. в Усть-Сысольской библиотеке, в конце того же столетия была передана в Публичную библиотеку в Санкт-Петербурге (ныне Российская Национальная библиотека) и растворилась в ее фондах. Выявление и описание этих рукописей также должно стать частью общей программы.

Котылев Александр Юрьевич

кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии
Коми государственного педагогического института
г. Сыктывкар

Типы святости создателей российской национальной идеи (Сергий Радонежский, Стефан Пермский, Епифаний Премудрый)

Общепризнанно, что многие православные святые были видными деятелями культуры, однако эту сторону их деяний нередко рассматривают отдельно от религиозного подвижничества, предполагая, очевидно, отсутствие жесткой связи между ними. Однако представляется, что такое разделение носит искусственный характер: сама сущность свершений подвижника, его «святость» имеет не только религиозное, но и культурологическое выражение. В этом случае под святостью понимается ментальное, идеологическое, практическое воздействие, оказываемое личностью и поступками святого на социокультурную систему, воплощенное в конкретных событиях и артефактах. Для практики канонизации святых, установившейся в нашей церкви, характерно причисление к лику не только за собственно подвижничеством, но и за вполне земные практические деяния. Так в святые попал целый ряд правителей. Благодаря тому, что доминирующее в отечественной историографии как дореволюционного, так и советского времени политизированное направление отдавало предпочтение именно им, за ними была закреплена слава многих свершений, в том числе принадлежащих совсем другим людям.

Значительный перекокс в политическую сторону наблюдается сегодня и при изучении возникновения и развития российской национальной идеи. Зацикленные на действиях власти, ученые связывают ее возникновение с концепцией Третьего Рима, обосновавшей возникновение относительно централизованного государства. Помимо того, что здесь ощущается материалистический, марксистский подход: вначале собираются земли под единой властью, а затем рождается соответствующая теория, – данное допущение грешит абсолютизацией роли государства. Между тем не следует забывать, что Россия является, прежде всего, *страной*, а затем уже той или иной системой управления этой землей. Соответственно искать создателей российской национальной идеи следует среди тех, кто своими мыслями и поступками предопределил возникновение России как особой страны, задал основные направления ее формирования и развития. Эти люди или совсем не обладали властью, или воспринимали ее весьма специфически.

Подлинное их влияние на современников и потомков определялось личностным и творческим авторитетом, очевидной самостоятельностью, независимостью действий и суждений от сильных мира сего, нередким подчинением последних своим идеям.

Возникновение российской национальной идеи органично связано с формированием всей системы национальной культуры, что, по мнению авторитетных знатоков ее истоков, происходит в XIV столетии [1]. Характерно, что социокультурный подъем затронул в это время весь православный мир [2], следовательно, и создание концепции национального строительства не может рассматриваться как исключительно внутреннее дело Руси. Возникший в последние годы интерес к историческим событиям XIV века вновь характеризуется военно-политическим перекосом; многие предпочитают забывать о том, что квинтэссенцией этой эпохи был не выход войск на Куликово поле, а проявление личностного отношения к миру. Начальной формой, выразившей это отношение, была святость [3].

Первым из исследователей, кто выделил трех церковных деятелей, определивших направление движения Московского государства, был, по-видимому, В.О. Ключевский, указавший на особую роль митрополита Алексия, Сергия Радонежского и Стефана Пермского [4]. Алексей был введен в этот список по праву видного государственника, кроме того, он, по мнению Ключевского, был представителем «старого киевского юга», что создавало картину полноты представления прошлого, настоящего и будущего России. Следует, однако, заметить, что вклад Алексия в формирование идеологии русского государства вовсе не однозначен. Нет достаточных оснований считать его, например, «вдохновителем Куликовской битвы», а некоторые ученые высказывают сомнение и в том, что Алексей был фактическим правителем Владимирского княжества в малолетство Дмитрия Ивановича [5]. На роль представителя юго-западной Руси Алексей не подходит совсем, поскольку именно при нем русская митрополия была разделена надвое. Этот раскол, предвещавший будущее вхождение русских земель в разные страны, был с большими усилиями на время преодолен приемником Алексия митрополитом Киприаном [6]. Сыграв определенную роль в процессе обособления северо-восточной Руси, митрополит Алексей, несомненно, способствовал укреплению внутренних связей на этой территории и усилению власти великого Владимирского князя, закреплению этого титула за московскими князьями. Однако подлинным создателем общероссийской идеи следует считать Сергия Радонежского, который частично поддерживал Алексия, но видел ситуацию шире и глубже, явно выходя в своих объединительных планах за

пределы узкополитических задач. Не случайно, сразу после смерти Алексия, Сергей встал на сторону объединителя русской митрополии Киприана, фактически выступив против ставленника московского князя Митяя/Михаила [7]. Один только этот факт дает нам надежный ключ к пониманию тех масштабов, которыми мыслил Сергей Радонежский.

Предложивший убедительный подход к реконструкции основной идеологии Сергия Радонежского Павел Флоренский показал, как религиозный догмат может стать основой для культурных и социальных выводов [8]. Догмат о троичности ипостасей христианского Бога веками был в центре внимания богословов, актуализируясь во время переходных периодов. На Руси в XIV веке образ Троицы становится праздничной иконой первого дня Пятидесятницы [9]. Данное нововведение в русской литургической практике («литургический сдвиг», по выражению Павла Флоренского) и возросшая символичность самого образа, достигшая своего пика в знаменитом произведении Андрея Рублева, связывается с кругом последователей Сергия Радонежского. Именно по инициативе этого святого на Руси начинают активно строиться храмы в честь Троицы. Есть основания полагать, что она становится символом Единства народов, заселяющих Русскую землю, но, очевидно, что Сергием имелась в виду не столько территория, заселенная «русским народом» (это понятие тогда не было в ходу), сколько вся Православная земля. Ее полиэтничность на северо-востоке была утверждена другим выдающимся святым – Стефаном Пермским, крестителем коми-зырян, создателем Пермской епархии, пермской азбуки и богослужения на коми языке.

«Епифаний (то есть, конечно, сам Стефан, идею которого выражает биограф) смирил себя и свое национальное сознание перед национальной идеей другого – и сколь малого – народа. Только теперь религиозное обоснование национальной культуры, завещанной Нестором Руси, получает свой глубокий национальный смысл» [10].

Актуальность образа Троицы для Стефана Пермского и его непосредственных последователей подтверждается наличием иконы «Зырянская троица» с пермской надписью, исполненной, по преданию, самим святителем [11]. Праздник Пятидесятницы был важен для Стефана, поскольку в ветхозаветной истории он обозначал дарование избранному народу закона, а в новозаветной – сошествие на апостолов Святого Духа, в результате чего они обрели способность проповедовать на разных языках [12]. Связь этих событий с троичным догматом позволяет говорить о наличии в кругу Сергия/Стефана теознотологической концепции, базирующейся на принципе «нераздельности и неслиянности», как высшем выражении онтологической сущности миро-

здания [13]. В свете данной концепции крещение Перми предстает не механическим расширением пределов русской земли, но актом, призванным изменить ее организацию и сущность: заключением союза между народами перед лицом Бога, который выступал в качестве посредника и высшего выражения единства. Идея сохранения культурной самобытности отдельных народов в рамках единой православной страны, выдвинутая Стефаном Пермским в развитие апостольской теории Константина/Кирилла [14], не противоречила базовой концепции Сергия Радонежского, но была ее естественным продолжением. Однако именно находка этого недостающего компонента позволила перейти от идеи Руси к идее России как полиэтнической, многоязычной, поликультурной страны.

Очевидно, что оба выдающихся русских святых XIV века создали взаимосвязанные теории обустройства Русской православной земли, но действовали они независимо друг от друга и использовали разные методы. Позднейшая попытка троицких монахов зачислить Стефана в непосредственные ученики и последователи Сергия не имеет под собой исторических оснований. Отмечая значительную близость позиций двух видных деятелей, мы должны отдавать себе отчет, что здесь имеют место разные типы социокультурного творчества, личностной реализации, святости. Разница подчеркивается несхожестью текстов Житий при том, что они были созданы одним автором, современником героев Епифанием Премудрым. Если мы имеем возможность сегодня говорить об исторических образах и деяниях Сергия и Стефана, то в основном благодаря произведениям этого замечательного писателя и мыслителя, оставившего нам также достаточно полное описание мировоззрения людей того социокультурного круга, из которого вышли два святых. Многочисленные сетования на многословность Житий работы Епифания, витиеватость их стиля и недостаток конкретных фактов свидетельствуют не столько о качестве этих произведений, сколько о несоответствии их позднейшим историческим схемам и позитивистским методам работы с источниками.

Культурная судьба двух Житий была неодинакова. Если повествование о Стефане дошло до нашего времени практически в первоначальном, авторском варианте, то жизнеописание Сергия подверглось серьезным изменениям уже в XV веке. Огромная популярность святого потребовала создания более краткого и простого варианта Жития. Епифаниевское произведение подверглось переработке известным агиографом Пахомием Логофетом (Сербом). В результате начальная редакция до наших дней не дошла. Тем не менее, большинство исследователей полагают, что переработка была осуществлена достаточно

бережно и все основные факты, описанные Епифанием, были сохранены в новой редакции [15].

Первое различие между Сергием и Стефаном связано уже с их происхождением. Дело здесь не только в том, что они, как справедливо заметил Ключевский, представляют разные регионы страны: великорусскую середину и новый финско-русский север [16], но и в том, что они были выходцами из разных социальных слоев. Несмотря на все свое стремление создать новую реальность в отдалении от мира, Сергей так и не смог до конца разорвать родовые отношения, связывающие его с боярской средой (хотя это прямо предписывалось монастырским уставом Василия Великого) [17]. Стефан происходил с периферии русского мира и был незнатного происхождения. Нет никаких сведений, подтверждающих его связи с родственниками после ухода в монастырь. Лишенный какой бы то ни было поддержки со стороны влиятельной родни, Стефан мог изначально рассчитывать только на собственные силы. Не случайно его возвышение показалось современникам неожиданным, приведя одних в возмущение, а других в восторг.

Оба святых, будучи монахами, по-разному начинали свой путь. Имея возможность пойти по уже готовой дороге и поселиться в одном из состоявшихся монастырей, Сергей ушел с братом в необжитый лес, упорно оставаясь в удаленном от людских поселений месте даже после того, как брат его покинул [18]. Стефан избрал для пострига один из самых известных в стране монастырей, расположенный в старейшем городе северо-востока Руси, прославленный как центр культурной интеллектуальной жизни. Разница между двумя монастырями заключалась не только во времени возникновения, но в самом образе жизни насельников. Сергей, вначале сам, а затем с присоединившимися к нему монахами, проделал путь от крайнего отшельничества до аскетического общежития. Григорьевский Затвор в Ростове был, несомненно, особожительным монастырем, члены общины в котором имели минимум обязанностей и максимум свободного времени для индивидуальных занятий. Иначе Стефан бы никак не успел за проведенные там годы проделать необходимую для его миссии подготовительную работу. Очевидно, его семье удалось найти средства для внесения необходимого взноса, обеспечившего равноправное существование и досуг для ученых занятий.

Оба святых были, по-видимому, людьми независимыми, не искавшими проторенных путей, но проявилось это личностное качество в их судьбах различно. Сергей упорно избегал вовлечения в церковную иерархию. Долгие годы он не стремился даже к постригу, затем не спешил придать своему монастырю официальный статус, сторонился,

пока это было возможно, власти над монахами, решительно отказался от занятия каких-либо церковных должностей сверх игуменской. Стефан проявил свою самостоятельность в выборе вначале оригинальной сферы интеллектуальной деятельности, а затем нового для русской культуры (и редкого для православия в целом) вида подвижничества. Создание новой письменности, перевод на коми язык целого ряда текстов, вовлечение в орбиту православной цивилизации целого региона, заселенного рядом народов, сделали Стефана Пермского уникальной фигурой не только отечественной, но и мировой культуры.

Сергий и его ближайшие последователи были пустынножителями; даже создавая общежительные монастыри, они делали это как бы нехотя, стремясь максимально отделить их от мира (этому и служили слабоосвоенные просторы Севера). В то же время Сергий никогда не терял из вида всю страну. Выводимое из ее состава монастырское пространство должно было стать идеальной моделью организации жизни всей русской земли. Культивируемое в монастырском уединении братство предназначалось для утверждения в качестве образца всечеловеческого общежития. Стефан, идейно и пространственно двигаясь в том же направлении, имел в виду распространение цивилизации сразу по целому региону, обустривая его по православному образцу, охватывая своей деятельностью целый народ и меняя его образ жизни правилам, представлявшимися ему идеальными. Если для Сергия объединение и духовное преобразование Руси выражалось изменением ее качества, то для Стефана духовный рост был неотъемлемо связан с количественным возрастанием размеров страны и ее народонаселения.

Сергий явно предпочитал физический труд интеллектуальному: в своей обители он был земледельцем, дровосеком, плотником, мукомолом, швецом, сапожником, пекарем, поваром [19]. Стефан во время осуществления своей миссии тоже должен был брать в руки топор, чтобы разрушать языческие капища и строить церкви. Однако основным его занятием всегда оставалась книжность, дополняемая иконописью. Не топору, но Слову и образу отводил святитель главную роль в преобразовании мира, представляемому как вдохновенно-разумно-художественный континуум.

Сергий упорно отказывался от власти митрополита [20], и даже необходимостью руководить монахами своей обители, по-видимому, тяготился [21]. Своим поведением он сознательно принижал земную власть, и светскую, и церковную. С князьями, епископами и митрополитом он общался на равных. К атрибутам власти он относится подчеркнуто презрительно, противопоставляя нарядам сильных мира сего свое убогое одеяние, отвергая попытки сделать из него «златоносца».

Стефан становится епископом и правителем целого региона. Он входит в церковную иерархию и правящую элиту, благодаря собственным заслугам, и занимает в них исключительное положение, которое особо отмечается Епифанием в разных местах Жития [22]. Нам неизвестно личное отношение Стефана к власти, косвенно о пренебрежении ею свидетельствует подчеркнутое бескорыстие святителя, очевидно, что на определенном этапе своей деятельности он уже не мог отказаться от возвышения, если не хотел гибели плодов своего труда.

Сергий описан в житии как личность мистическая, существующая между мирами, творящая чудеса [23]. Он творит на границе культуры в постоянной готовности преодолеть ее рамки. В любой момент его поведение может перерасти в антикультурное, что понимают окружающие, избегая навязывать ему свое представление о мире. Все чудесное в житии Стефана вполне укладывается в план земных свершений. Все сверхъестественные деяния приписаны ему задним числом в народных и церковных легендах. Характерно, что даже в совместном чуде общения двух святых на расстоянии, все сверхобычное остается на доле Сергия, поскольку именно он «услышал» произнесенное вдали благославление и ответил на него.

Соответственно в лице этих двух деятелей мы имеем два вида культурного творчества, «умного делания», монашеского служения, личностной религиозности, святости.

Специфика подвижничества Сергия Радонежского может быть выражена понятием *«миропреображающая отстраненность»*. Символом этого принципа деятельности может служить способ выполнения святым дипломатических поручений: отправляясь наставлять в миролюбии очередного князя, подвижник всегда передвигался исключительно пешком [24]. Принципиальный отказ от транспортных средств подчеркивал максимально возможную непринадлежность миру культуры, выступление посла от имени Бога, а не людей. Не отказываясь от возможности совершенствовать мир, Сергий полагает, что это можно сделать только из отделенного от мира идеально устроенного места, само существование которого становится мощным фактором преобразования мироздания. Такое место органично порождает Троицкую идеологию объединения Руси как православного мира, проникнутого присутствием Бога, основанного на братском единении, мистического и бесконфликтного.

Своеобразие того социокультурного вида личности, который персонифицирует Стефан Пермский, заключается в интеллектуальной активности, направленной на преобразования мира и переходящей затем в активность духовную. Символом этого образа действия может служить описание разрушения святителем языческого святилища: *«И оп-*

роверже требища их, и боги их раскопа, и Божию силою нарочитую их кумирницу зажже и пламенем запали ю» [25]. Предав огню главное святилище коми, Стефан садится рядом, дожидаясь пока соберутся разгневанные язычники, и погружается в молитву. Этот переход от активного продуманного внешнего действия к пассивному ожиданию, наполненному сосредоточенным общением с Богом и выражает специфику данного типа личностного поведения. Ее модель устойчиво воспроизводится на протяжении всего жизнеописания. Уникальность же личностей каждого из святых образуется не столько благодаря индивидуальным качествам конкретного человека, сколько за счет чрезвычайной редкости их социокультурных свершений, отделенных от прямых аналогов столетиями истории.

С точки зрения культурной воплощенности оба святых оказываются в значительной зависимости от своего жизнеописателя. Большая вовлеченность Стефана в процесс непосредственного культурного творчества компенсируется его периферийностью. Большинство творений первого Пермского епископа бесследно растворились за прошедшие столетия в мутных водах российской истории, а образ его устойчиво воспроизвели, помимо Жития, только мифологизированные предания. Епифаний Премудрый, следовательно, взял на себя роль фиксатора идей и событий жизни наиболее выдающихся мыслителей своего времени, что свидетельствует о высоком уровне развития исторического сознания.

Спорным является вопросом о том, что важнее для развития культуры: придумать какое-то нововведение, осуществить какой-то поступок или описать их в совершенном тексте, тем самым сделав фактом бытия и достоянием многих поколений потомков. Личностные свершения Епифания Премудрого не получили оценки в виде канонизации, но без них мы бы не имели достаточного представления о деятельности выдающихся святых начального столетия российской истории. Мы почти ничего не знаем о жизни самого Епифания; не пытаясь скрыть свое авторство, он не стремился и к огласке фактов собственной биографии [26]. В отличие от Сергия и Стефана, Епифаний почти полностью «растворился» в культуре своего времени, в собственных выдающихся произведениях, в творениях великих современников. Его авторское отношение к творчеству героев Житий может быть символизировано примером, взятым из его послания к тверскому архимандриту Кириллу. Описывая свое знакомство с *«преславным мудрецом, философом зело искусным, книги изографом опытным, среди иконописцев отменным живописцем»* Феофаном Греком, Епифаний рассказывает, как он попросил того написать красками изображение *«великой*

этой церкви, святой Софии в Царьграде». Обозначив невозможность изобразить сколько-нибудь полно знаменитый храм, Феофан «написал наскоро храмовидное изображение по образу сущия церкви». Этот символический рисунок становится образцом для многих московских иконописцев. «После всех решился и я, – сообщает Епифаний, – как изограф, написать его в четырех местах ... четыре храма и четырех евангелистов написал» [27]. Есть основания полагать, что отношение агиографа к идеям и поступкам святых было подобным тому, которое он обозначил к рисунку Феофана Грека. Епифаний, очевидно, проникся замыслами великих современников, в значительной степени «присваивал» их себе, принимал посильное участие в их осуществлении и распространении не покидая собственной кельи, вооруженный пером и пергаменом. Данная переимчивость и впечатлительность, подчиненность творчества оформлению деяний других людей вовсе не помешала проявиться в произведениях Епифания ярко выраженному личностному началу. Создавая свой вариант «плетения словес», выстраивая события жизни своих персонажей, идейно и художественно организуя свои тексты, исследователь и писатель оказал не меньшее влияние на формирование российской культуры, чем его именитые герои. Как «создатель святых», Епифаний стал полноправным участником процесса кристаллизации российской национальной идеи. Придавая ей словесную плоть и личностное выражение, он навсегда закрепил в культуре момент ее возникновения в изначально чистом, незапятнанном грязью и кровью виде.

Литература и источники

1. Лихачев Д.С. Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого (к. XIV – н. XV вв.). М., 1962. – С. 12-18.
2. Лихачев Д.С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России // Лихачев Д.С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. – С. 44-55.
3. Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. Русь и Византия в эпоху Куликовой битвы. Л., 1978. – С. 11-12.
4. Клибанов А.И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1996. – С. 74.
5. Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства // Жизнь и житие Сергия Радонежского / Составление, послесловие и комментарий В.В. Колесова. М., 1991. – С. 263-264.
6. Скрынников Р.Г. Святители и власти. Л., 1990. С. 20-23.
7. Борисов Н.С. Церковные деятели средневековой Руси XIII-XVII вв. М., 1988. – С. 80-90.
8. Прохоров Г.М. Повесть о Митяе. – С. 50-82.
9. Флоренский П. Троице-Сергиева лавра и Россия // Жизнь и житие Сергия Радонежского. – С. 275-282.

10. Озолин Н. «Троица» или «Пятидесятница»? // *Философия русского религиозного искусства XVI – XX вв. Антология*. М., 1993. – С. 376-381.
11. Федотов Г.П. *Святые Древней Руси*. М., 1990. – С. 137.
12. Шестаков П. *Святой Стефан, первосвятитель пермский*. Казань, 1868. – С. 77-85.
13. *Христианство: Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 2.* – С. 420.
14. Успенский Л. *На путях к единству?* // *Философия русского религиозного искусства.* – С. 355-357.
15. Котылев А.Ю. Социокультурное значение образа и деяний святителя Стефана Пермского в свете исторических аналогий // *Памяти равноапостольного Стефана. К 610-летию св. Стефана Пермского: материалы расширенного заседания Ученого совета Национального музея Республики Коми. Сыктывкар, 2006.* – С. 22-29.
16. *Памятники литературы Древней Руси. XIV – XV века*. М., 1981. – С. 571-572.
17. Ключевский В.О. *Указ. соч.* – С. 264.
18. Борисов С.Н. *Сергий Радонежский*. М., 2004. – С. 33, 115, 191, 249-250.
19. *Житие Сергия Радонежского // Памятники литературы Древней Руси. XIV – XV века*. М., 1981. – С. 294-299.
20. Клибанов А.И. *Указ. соч.* – С. 59.
21. Прохоров Г.М. *Повесть о Митяе.* – С. 51.
22. Федотов Г.П. *Указ. соч.* С. 145-146.
23. Епифаний Премудрый. *Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский*. СПб., 1995. – С. 163-167, 242-253.
24. Там же. – С. 148-150.
25. Борисов С.Н. *Сергий Радонежский.* – С. 104-112.
26. Епифаний Премудрый. *Житие Стефана Пермского.* – С. 100.
27. Прохоров Г.М. *Равноапостольный Стефан Пермский и его агиограф Епифаний Премудрый // Святитель Стефан Пермский*. СПб., 1995. – С. 39-41.
28. *Письмо Епифания Премудрого к Кириллу Тверскому // Памятники литературы Древней Руси. XIV – XV века*. М., 1981. – С. 446-447.

Морозова Елена Ивановна

*зав. отделом истории Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар*

**«Каждому городу иметь утверждённый герб ...»
(к вопросу об истории геральдики городов
и районов Республики Коми)**

Символы России – неотъемлемые атрибуты государственности и суверенитета, отражающие социальное лицо эпохи, его традиции, миропонимание, отношение к власти и т.д. Символика включает в себя понятия – герб, флаг, гимн, награды (символы почета и уважения). В данной статье мне бы хотелось затронуть лишь одну из составляющих

символики – геральдику, познакомить с историей городского герботворчества в России и Коми крае с конца XVIII века и по сегодняшний день.

Слово «герб» произошло от немецкого «erbe» – наследство. Точную дату появления герба назвать нельзя. Считается, что впервые гербы нашли применение в крестовых походах XI–XIII вв., когда для лучшей ориентации крестоносцы частью своего снаряжения сделали изобразительные знаки, отличающие своих воинов от противника. Чаще всего отличительный знак помещался на рыцарском щите (отсюда щит – важнейший компонент герба). Постепенно гербы становятся признаком благородного происхождения, знаком, свидетельствующим, что его владелец занимает особое, привилегированное положение в обществе.

Городские гербы возникли в средние века. Герб города, так же как и любой герб, представлял собой, прежде всего, отличительный знак – особые фигуры и символические изображения. В исследованиях историков он рассматривается как символ городского самоуправления, в нем видят выражение юридических прав и привилегий.

В Русском государстве городские гербы как символ муниципальной автономии появились лишь в XVIII в. с появлением такого учреждения, как герольдмейстерская контора (создана в 1722 г.), в обязанность которой вменялось составлять гербы. Именно с этого времени создание городских гербов становится делом государственной важности.

Интересно само определение герба, принятое герольдмейстерской конторой в XVIII веке: «Герб – символическое изображение, составленное на основании точных законов и утвержденное верховной властью».

Подавляющее число гербов появилось в 1780-е гг., во время переустройства губерний. 21 апреля 1785 г. была опубликована «Грамота на права и выгоды городам Российской Империи», один из пунктов которой гласил: «Каждому городу иметь утвержденный герб и в оный герб употреблять рисунки исторические, экономические и территориальные особенности города».

Первым гербом в Коми крае стал герб Усть-Сысольска, получившего статус уездного города в 1780 году. Этот герб нам хорошо знаком. Составленный герольдмейстером, действительным статским советником А.А. Волковым, герб Усть-Сысольска полностью соответствовал законам геральдики, выработанным в течение нескольких веков. В верхней вольной части герба был герб Вологодской губернии, в состав которого входила большая часть Коми края. В нижней части герба был медведь, лежащий в берлоге – символ предусмотрительности и силы. Объяснение этому следующее: «...В знак того, что такого рода зверей в окрестностях сего города находится довольно».

В 1858 г. указом Николая I началась разработка проектов новых гербов уездных городов Российской империи. Новый проект герба г. Усть-Сысольск лишь в верхней части напоминал о том, что большая часть Коми края входила в состав Вологодской губернии. В нижней части был не просто медведь в берлоге, а «рычащий черный медведь с красными (червленными глазами) и красной пастью, вылезаящий из берлоги». По данным Ф.Ф. Князева, постоянного члена геральдического общества России, жителя г. Сыктывкар, проект герба был утвержден высочайшим указом Николая II еще в 1914 г., однако до властей Коми края указ почему-то не дошел. Возможно, причиной тому стало начало Первой мировой войны. С этого момента процесс герботворчества в России заметно замедлился, но не прекратился. И быть бы в г. Усть-Сысольске новому гербу, не случилось событий 1917 г.

Ничего не известно о том, предпринимались ли попытки принять новый герб г. Усть-Сысольска (с 1930 г. – Сыктывкар) в 1920–1960-е гг. На этот вопрос можно ответить только после работы в архивах. Процесс активного создания гербов в Коми АССР возродился в 1970–1980 гг. Именно тогда появляются гербы городов: г. Сыктывкар (1978), г. Ухта (1979), г. Воркута (1971), г. Инта (1982), Печора (1983). Они утверждались местными городскими советами.

Первым городом, который обзавелся собственным гербом в советский период, была Воркута. 20 апреля 1971 г. на сессии Воркутинского горсовета был утвержден проект герба, автором которого был художник, Заслуженный деятель искусств Коми АССР Н.Л. Жилин.

В основное поле гербового щита заполярного города был помещен символ шахтеров – черное с серебряной окантовкой изображение копра над шахтой и угольным терриконом. Главная фигура герба – серебряный северный олень в прыжке.

И хотя сегодня на улицах Сыктывкара можно увидеть совершенно другой герб Воркуты, в уставе города, зарегистрированном в Государственном Совете Республики Коми, описывается именно этот герб. Остается лишь удивляться тому, что власти г. Воркута, многократно посещающие столицу, не обращают внимания на огромные изображения искаженного герба своего города.

Следующим городом, получившим новый герб, был Сыктывкар (1978 г.). Проект герба выполнил Заслуженный художник РСФСР В.В. Поляков. Автор использовал нетрадиционную форму щита с контурами национального орнамента в нижней его части. Герб, с точки зрения рядового обывателя, получился очень красивым. Здесь были и цвета государственных флагов РСФСР и Коми АССР, контуры национального орнамента, а также характерные природные достопримеча-

тельности: ель – символ лесного богатства окрестностей города и две скрещивающиеся нити на щите, указывающие на местоположение города в устье реки Сысолы при впадении в Вычегду. В центре щита – медведь, вышедший из берлоги, как олицетворение разбуженного и преображенного края. Специфику города отражают и современные символы, возникшие в советское время. Так, ель помещена в обрамлении зубчатого колеса, как упоминание о развитии лесной промышленности в городе.

Герб другого северного города – Инта – был утвержден исполкомом Интинского городского совета народных депутатов 24 марта 1982 года. Автор проекта – А.А. Байрамов. Инта – шахтерский город, поэтому на гербе в правом нижнем углу склон террикона – символ угледобывающей промышленности. Географическое положение Инты характеризуют олень и северное сияние. Символом истории города, представленным на гербе Инты стала стилизованная водонапорная башня.

Однако по постановлению Государственного Совета Республики Коми от 3 ноября 2003 г. герб, прослуживший городу свыше 20 лет, стал называться эмблемой. Все дело в изображении водонапорной башни – старейшего городского сооружения. По мнению специалистов, символ Инты нельзя считать гербом в полной мере. Геральдические законы не позволяют упоминать конкретные архитектурные строения.

Даже олень у интинцев с точки зрения геральдических законов «неправильный»: по правилам геральдики все живые существа должны изображаться обращенными в правую сторону, т.е. влево от зрителя.

Гербы городов, созданные в советское время – это, прежде всего, показатель определенного развития города и символ своего рода городского суверенитета, отличительный признак самостоятельной территориальной единицы. Они отражают географическое расположение города, наличие в нем тех или иных предприятий, национальный орнамент, стилизованное изображение богатств края и т.д. Так, в описании герба г. Ухта, утвержденного исполкомом Ухтинского городского совета Народных депутатов 20 сентября 1979 г. (автор – Г.И. Куракин) присутствуют ель – образ лесных богатств и деревообрабатывающей промышленности, буровая вышка – означающая развитие в Ухте нефтегазовой промышленности и геологии, бело-голубая раскрытая книга – символ культуры и просвещения и черный мастерок, символизирующий труд строителей. Голубая полоска коми национального орнамента подчеркивает принадлежность города к Коми краю, напоминает о реке Ухте, от которой произошло название города.

Пожалуй, самый абстрактный герб у г. Печоры (автор – В.С. Худяев). На нем множество символов. Его центральная компози-

ция расположена на красном и голубом фоне. Ломаная стрела – символ энергетики (ТЭЦ – градообразующее предприятие), крыло напоминает о транспортных магистралях. Контур дерева в середине означает тайгу и деревообрабатывающую промышленность.

Отвечали ли гербы 1970–1980 гг. правилам геральдики, принятым еще в XVIII веке? Большой частью – нет. Незнание законов геральдики привело к тому, что на сегодняшний день правильными можно считать лишь единицы гербов. Вместе с тем, гербы наших городов, принятые решениями горсоветов в 70–80-х гг. XX в. никто официально не отменял и не запрещал их к использованию, и пока геральдическая комиссия при Президенте РФ не издаст такой закон, они все-таки должны считаться гербами, а не эмблемами.

Общественная жизнь 1980–1990-х гг. была напрямую связана с распадом СССР и парадом государственных суверенитетов. В новой России наша республика приобретает большую самостоятельность. Было очевидно, что вопросы о национальной эмблематике, о гербах и флагах становится важным элементом общественного сознания и политической культуры общества.

Федеральный закон 1995 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» определил новую структуру административно-территориальных образований России. Если до 1917 г. гербы жаловались только городам, то в Российской Федерации появился новый субъект права – муниципальное образование (МО). Иногда МО является крупным городом, в других случаях в МО входит территория, которая включает в себя районный город или поселок и всю сельскую округу. Это давало толчок для разработки новых гербов муниципальных округов, не имеющих исторической символики.

Современный герб – свидетельство возросшей роли городов и районов в хозяйственной и культурной жизни региона, развития местного самоуправления, возрождения исторического самосознания, интереса к историческим и культурным традициям.

29 октября 1993 г. был утвержден новый герб столицы Республики Коми. Автором его на это раз стал А.И. Неверов – известный в республике скульптор, автор многих памятников в Сыктывкаре.

Герб выполнен в традициях пермского звериного щита. Художник сохранил нетрадиционную форму щита образца 1978 г. и возвратил главный символ герба Усть-Сысольска – спящего медведя. Новый его смысл на гербе Сыктывкара: медведь – талисман, хранитель традиций города, оберегающий ростки новой жизни – их символизирует елочка. Над головой медведя – элемент национального орнамента (шондiban) – солнце. Диагональные полосы обозначают слияние двух рек, а так же

ассоциируются с северным сиянием. Геральдический щит герба 1993 г. белого цвета – символ чистоты, снега. Диагональные линии повторяют цвета флага РК. Медведь и орнаменты золотого цвета – символ богатства, процветания, солнца.

Изображение символа столицы Коми Геральдический Совет России не утвердил, т.к. на гербе Сыктывкара присутствовало изображение официального флага Коми, что противоречило закону республики «О государственном флаге», в котором сказано, что «флаг не может использоваться в качестве геральдической основы или элемента других флагов, гербов и эмблем». Кроме того, как считают некоторые исследователи, медведь на гербе А.И. Неверова сходен с изображениями на древних пластинах и бляшках, где медведь изображен в жертвенной позе, а не в берлоге.

Художнику было предложено создать новый вариант герба столицы. В отличие от предыдущего изменилась цветовая гамма нового герба. Появился серебряный цвет (елочка, звезда). Белый цвет сменился на сине-зеленый – цвета государственного флага. В центре щита изображен золотой медведь – покровитель Коми края, охраняющий серебряную елочку.

12 июля 2005 г. в администрацию Совета МО «Город Сыктывкар» пришло официальное извещение о включении герба города в Государственный геральдический регистр Российской Федерации. Гербу столицы Коми был присвоен регистрационный номер 1885.

Еще в 1992 году в г. Усинске прошел конкурс на лучшую символику этого северного города. За основу герба города Совет МО «Город Усинск» решил принять работу П.В. Карпова. Герб был утвержден решением девятой сессии Совета Муниципального образования от 30 марта 2000 г.

Герб имеет форму щита. Зеленый фон щита символизирует лесные богатства территории. В центре герба на зеленом поле щита изображен чум оленевода на фоне северного сияния. Внизу щита изображена нефтяная вышка, которая как бы находится внутри чума. Данная композиция отображает исторический факт – исконным занятием населения на территории муниципального образования было оленеводство, затем на территории развилась нефтяная отрасль. Название города «Усинск» наверху герба выполнено с учетом географического расположения города – окончание букв шрифта имеют острые углы.

В это же время проводился конкурс проектов герба еще одного северного города Сосногорск. В нем участвовали художники и граждане Сосногорска. Удачных работ было немного. Поэтому Совет МО «Город Сосногорск» утвердил эскиз герба В.В. Котова. Это произошло

4 декабря 2003г. После некоторых изменений герб Сосногорска 21 сентября 2004 г. внесен в государственный геральдический реестр России.

Покровителем города был выбран глухарь – основная промысловая птица сосновых боров, одна из самых величественных и сильных. Автор проекта окрасил тотем в золотой цвет и посадил на золотую ветку. Слияние двух рек – Ижмы и Ухты обозначается серебряным цветом – символом благородства и чистоты. Наличие красного, зеленого и синего цветов символизирует и наличие газоперерабатывающего производства в этом районе, и красоту природы, процветание и стабильность региона.

На сегодняшний день лишь два города в нашей республике не имеют своих гербов или символов – это Вуктыл и Емва. Однако процесс создания и изменения гербов продолжается и, возможно, что в ближайшее время Советами Муниципальных образований этих городов будут приняты проекты новых гербов, в которых найдут отражение история, городские традиции, славное трудовое прошлое, и города получат новый герб.

С развитием экономической самостоятельности районов и усилением местного самоуправления возросла и значимость районных гербов. В настоящее время в нашей республике гербы имеют 4 района из 12: Троицко-Печорский, Сыктывдинский, Усть-Вымский, Удорский.

Одним из первых герб района приняли на Выми. Герб Усть-Вымского района был утвержден 10 марта 1999 г. на сессии районного Совета. Его автором является художник Ю.И. Абанов. Герб состоит из большого и малого геральдических щитов красного и золотого цвета. Женская личина («Зарни Ань») в обрамлении четырех лосиных голов является явным подражанием гербу Республики Коми. Слияние рек Вымь и Вычегда обозначено вилообразным крестом. Смысл герба можно объяснить так: главное – это продолжение рода и процветание родной земли, при поддержке сильной и благородной власти. Герб Усть – Вымского района довольно красивый и торжественный, но в нем не чувствуется специфики района. С точки зрения истории, предметы пермского звериного стиля мало присущи району, ставшему еще в XIV веке оплотом христианства в Коми крае.

Исходя из того, что геральдика – элемент культуры, обозначающий уровень развития общественных отношений, а герб – связующее звено между поколениями и народами, я думаю, нужно более серьезно подходить и к эксплуатации государственных символов республики.

Удорская серебряная лисица – символ, имеющий давнюю историю. Еще во времена Ивана Грозного на большой государевой печати среди 26 изображений территорий, входящих в состав Российского государства был символ Удории – серебряная лисица. В советское время эти

сведения были утеряны. Исторический символ был возвращен району благодаря краеведу А. Логинову. Проект герба был принят решением Совета МО «Удорский район» 24 декабря 2004 г. и затем был утвержден на комиссии Госсовета РК. Герб представляет собой геральдический щит черного цвета с изображением серебряной лисицы с красным языком и глазами. Правая передняя лапа лисицы поднята, пушистый хвост также. Согласно значению цвета в сборнике П.П. Винклера, черный цвет – символ печали, благоразумия, смирения.

Символом Троицко-Печорского района был принят лось, в знак того, что в лесах водится такой зверь, имеется лосеферма Печоро-Ильчского биосферного заповедника. Рога лося являются символом солнечных лучей, считаются мощным народным оберегом, талисманом от всякой нечисти и прикрепляются либо перед входом в избу, либо внутри жилища. В верхней вольной части герб Республики Коми, свидетельствующий о том, что район входит в состав Республики Коми.

В 2004 г. решили разработать районный герб власти Сыктывдинского района. На гербе было задумано запечатлеть тотемное животное, которому поклонялись древние сыктывдинцы. После опросов старожилов выяснилось, что родовым тотемом когда-то в здешних краях был сизь – дятел. Автор проекта герба – Народный мастер России В.Л. Горопов отверг этот вариант. В итоге символом Сыктывдинского района стал мудрый филин. Проект герба был принят Советом МО «Сыктывдинский район» 29 декабря 2004 г.

Зеленый филин, на груди которого четыре веерообразно расходящиеся лосиные головы без рогов: две обращены косвенно вправо, две – косвенно влево, держит в лапах согнутый колос. В верхней части герба – три ели – символ лесных богатств территории. Отличает герб Сыктывдинского района от всех имеющихся гербов городов и районов золотая районная корона. В 2005 г. герб Сыктывдинского района был внесён в Государственный геральдический реестр Российской Федерации.

Сопоставив историю развития геральдики в России и Республики Коми можно сделать вывод о том, что их основные этапы развития совпадают. Особенностью современной символики в нашей республике можно считать довольно широкое использование образов пермского звериного стиля, обращение к древней истории и культуре народа коми, что весьма оправдано и согласуется с основными направлениями национальной политики Республики Коми.

Геральдика в современной России и в нашей республике превращается в актуальную общественную дисциплину, отображающую качественные изменения в политическом устройстве государства и общественном сознании его граждан. Это живая система, она изменяется и

развивается. Сохраняются исторические гербы и создаются новые. Герб – это не только законодательный знак, но и памятник истории, передающийся из поколения в поколение. «Читая» герб, о нас будут судить современники – земляки, российские или иноземные гости, наши потомки. Они оценят, как мы относились к своей Родине.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: создание герба города или района – дело граждан, живущих в нем, любящих и знающих его историю. Какие бы эмблемы ни составляли герб – главное, чтобы они находили отклик в сердцах его жителей. Только тогда герб, как символ города или района, выполнит свое предназначение.

Литература и источники

1. Антипина Е. Сосногорск «узаконил свой герб» // Республика. 22 декабря, 2004.
2. Арсеньев Ю.В. Геральдика. Лекции, прочитанные в Московском Археологическом институте в 1907–1908 гг. – М, 1908.
3. Борисов И.В. Родовые гербы России. – М, 1997.
4. Бюллетень Геральдического совета при Президенте Российской Федерации. – М, 2005
5. Васькин В.В. Двуглавый орёл в истории государства Российского. – Саратов. – 2001.
6. Винклер П.П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. – М, 1990.
7. Геральдика Республики Коми. – Сыктывкар: Изд-е НМРК, -1996.
8. Голованова М.П. Герб, флаг, гимн России. – М, 2003.
9. Государственный гимн России // Красное знамя. 10 января, 2001.
10. Государственный герб СССР. – М: Искусство. – 1950.
11. Государственные символы Республики Коми // Парма. – 1994. – №1-2.
12. Лакиер А.Б. Русская геральдика. – М, 1990.
13. Николаева А. Серебряная лисица – символ Удоры // Республика. 1 февраля, 2005.
14. Оборин В.А. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь. – 1988.
15. Ревнивцев М. Гербы наших городов (о гербах Сыктывкара, Воркуты, Ухты, Печоры, Инты) // Красное знамя. 18 июня, 1988.
16. Сивкова А. У гимна республики будет и «начинка» // Республика. 15 марта, 2005.
17. Соболева Н.А. Старинные гербы Российских городов. – М, 1985.
18. Она же. Гербы городов России. – М, 1998.
19. Она же. Создание государственных гимнов Российской империи и Советского Союза // Вопросы истории. – 2005. – №2.
20. Соболева Н.А., Артамонов В.А. Символы России. – М, 1993.

Лобанов Дмитрий Алексеевич
секретарь Геральдической комиссии Пермской области
г. Пермь

Земельная геральдика в символике Русской Императорской армии XVIII – нач. XX вв.

В последние годы в отечественной историографии уделяется большое внимание истории военной символики Российской империи. Однако взаимосвязь земельной геральдики и военной символики изучена, по нашему мнению, недостаточно. Целью настоящей статьи является обобщение имеющегося в нашем распоряжении объемного, но разрозненного материала об использовании земельных гербов в униформе, знаменах и знаках отличия Русской Императорской армии на протяжении XVIII – нач. XX столетий.

Традиции военной символики Русской Императорской армии были заложены в эпоху Петра Великого. Тогда же впервые в военной символике стали использоваться элементы земельной геральдики. В первую четверть XVIII века это, прежде всего, касалось знамен.

Первые известные нам знамена, на которых присутствуют изображения земельных гербов – знамена лейб-гвардии Преображенского полка полученные им при преобразовании его, в 1695 году, из потешного в действующий. Тогда полк получил 1 белое и несколько (по числу фузелерных рот, вероятно 15) черных знамен. В 1700 году они были заменены новыми, такого же вида, только с прибавлением, на черных, надписи: «Anno Domini 1700», вместо прежней, означавшей 1695 год. Белое знамя представляло из себя четырехугольное полотнище, с узкой, золотою бахромой, имело высоту по древку 3 1/2, а в длину 4 1/2 аршина. В центре полотнища было помещено коричневое изображение двуглавого орла, с коронами на головах, держащего, в правой лапе, обнаженный меч, увитый лаврами, и имеющий латинскую надпись: «*Rex asculata sunt Psalma 84*»; на груди орла был изображен черный круг, с 26 гербами Российских княжеств и городов [1]. Несомненно, что в нач. XVIII века, при отсутствии отечественной геральдической традиции, изображение на знамени восходит к изображению большой государственной печати. Система военной символики в это время еще формируется, и первые знамена преображенцев стоят обособленно среди других образцов знамен петровской эпохи, в которых использование земельной геральдики имело четкую систему.

В 1708 году Петр I, дабы навсегда связать полки созданной им молодой регулярной армии с Русской землей, повелел именоваться им не

по именам своих командиров, а по названиям русских земель. С этого времени гербы городов и территорий, соответствующих названиям полков Русской армии, стали помещать на ротных знаменах. Необходимо отметить, что земельные гербы помещались на ротных знаменах только армейских полков, знамена гвардии имели общероссийскую или, как это было во время Прусского похода, христианскую символику. Полковые знамена армейских полков также имели общероссийскую символику.

Первые образцы знамен с изображением земельных гербов были изготовлены в 1712 году. Они представляли собой полотнища различных цветов шириной 2 аршина 15 вершков, длиной 3 аршина 7 вершков (драгунские знамена изготовлялись меньшего размера и обшивались узкой бахромой), в крыже которых помещалось изображение соответствующего названию полка земельного герба [2].

Общезвестно, что при создании регулярной армии Петр Великий ориентировался на европейские (прежде всего шведский) образцы. В частности, при создании системы комплектования армии царь-реформатор многое позаимствовал из шведской «системы индельты», системы поземельной воинской повинности. В этой связи интересно отметить, что при сравнении знамен шведской армии периода Северной войны и русских знамен обр. 1712 года, явно прослеживается заимствование русскими у шведов общего принципа размещения символики общегосударственной и земельной [3].

Традиция размещения на армейских знаменах земельных гербов, основанная Петром Великим, окончательно оформилась к 1731 году, когда был создан так называемый «Гербовник Миниха» и просуществовала до конца столетия. С 1727 года земельные гербы стали изображаться и на полковых знаменах.

В течение XVIII столетия были утверждены следующие образцы знамен и штандартов, на которых помещались земельные гербы:

1. ротное знамя фузелерных полков обр. 1712 года,
2. ротное знамя драгунских полков обр. 1712 года,
3. ротное знамя пехотных полков обр. 16 февраля 1727 года,
4. ротное знамя драгунских полков обр. 16 февраля 1727 года,
5. полковое знамя пехотных полков обр. 11 ноября 1727 года,
6. ротное знамя пехотных полков обр. 11 ноября 1727 года,
7. полковое знамя драгунских полков обр. 11 ноября 1727 года,
8. ротное знамя драгунских полков обр. 11 ноября 1727 года,
9. полковое знамя пехотных полков обр. 1731 года,
10. ротное знамя пехотных полков обр. 1731 года,

11. полковое знамя драгунских полков обр. 1731 года,
12. ротное знамя драгунских полков обр. 1731 года,
13. полковое знамя пехотных полков обр. 1763 года,
14. ротное знамя пехотных полков обр. 1763 года,
15. полковой штандарт карабинерных полков обр. 1763 года,
16. ротный штандарт карабинерных полков обр. 1763 года,
17. полковое знамя пехотных полков обр. 1780 года,
18. ротное знамя пехотных полков обр. 1780 года.

Знамена образца 1727 года были только утверждены, но не существовали в реальности [4].

Кроме того, изображения земельных гербов помещалось на фурьерских значках – флажках, обозначающих месторасположение частей [5].

Земельные гербы исчезли со знамен регулярной армии в царствование императора Павла I, который, повысив статус знамен, придав им наконец-то значение полковых святынь, а не просто амунических вещей, как то было в предыдущие царствования, заменил земельную символику на воинских регалиях общеимперской. С тех пор, и до 1917 года на знаменах Императорской армии присутствовали только те земельные гербы, которые являлись неотъемлемыми атрибутами герба Российской империи, в частности Московский герб на груди двуглавого орла, а на знаменах обр. 1881 и 1900 годов и гербы земель входящих в состав Российской империи на крыльях орла. Исключение составляли финские части, на знаменах которых в царствование Александра II помещался герб Княжества Финляндского [6].

В эпоху Отечественной войны 1812 года, на короткое время, земельные гербы вновь появляются на боевых знаменах, но не регулярной армии, а частей ополчения, созданного для борьбы с нашествием «двунадесяти языки». Известны знамена Костромского и Нижегородского ополчений, на которых были помещены гербы земель, в которых они формировались [7]. Интересно, что знамена ополчений 1812 года использовались дружинами Государственного ополчения во время Первой мировой войны 1914–1917 годов [8].

Помимо знамен, земельная геральдика использовалась и в элементах униформы и снаряжения Русской армии. Существуют предположения, что земельные гербы изображались на офицерских знаках армейских полков еще в царствование Петра I [9]. Но наибольшее распространение это получило в период с 1731 по 1763 год. В упоминаемом выше «Гербовнике Миниха» была предложена стройная система полковых гербов, разработанных на основе земельной геральдики. Изображения полковых гербов помещались на офицерских знаках, патронных сумах и лядунках чинов Русской армии до 1763 года, когда

было повелено изображать полковые гербы только на знаменах и полковых печатях [10].

Со времени Павла Петровича на предметах униформы и снаряжения регулярной армии, как и на знаменах, присутствовали только те земельные гербы, которые являлись неотъемлемой частью герба Империи. Исключение составляли лейб-гвардии Литовский полк в царствование Александра I и части Отдельного Литовского корпуса в период 1818 – 1831 годов, в символике которых на груди двуглавого орла помещался щит с литовским всадником [11].

Элементы земельной геральдики использовались и в униформе ополчения 1812 года. Например, на киверах офицеров Рижских биргерских рот помещалось изображение герба Риги [12]. Впрочем, униформа и знамена ополчения 1812 года разрабатывались и утверждались местным начальством, некоторые части ополчения создавались по инициативе отдельных лиц, которые устанавливали форму одежды и знаки различия по своему вкусу, и говорить о какой-то системе в ополченческой символике 1812 года не имеет смысла. Наличие или отсутствие земельной геральдики в униформе и знаменах ополчения 1812 года обусловлено различными, очень часто случайными причинами.

В XIX и нач. XX столетия в военной символике России господствовала общеимперская геральдика. Однако, в Русской армии всегда читались заветы ее державного основателя императора Петра Великого, и полки армии всегда чувствовали связь с теми землями, имена которых они носили. В конце XIX века появляется мода на различные жетоны и значки воинских частей. К началу XX века полковые нагрудные знаки становятся официальными символами полков Русской армии. Примечательно, что рисунки знаков разрабатывались самими офицерами и только потом утверждались верховной властью. Очень часто основой полковых знаков становились земельные и городские гербы [13].

Кавалерийские полки Русской армии имели отличительные значки, которые изготавливались из ткани и крепились на пики возле наконечника. По расцветке значка можно было определить полк, а когда-то и номер эскадрона в полку. В нач. XX века появились неуставные значки, которые использовали на маневрах, реже в боевых условиях для определения местоположения своей части. Неуставные значки утверждались, как правило, приказом по полку. Широкое распространение такие значки получили во время гражданской войны в возрожденных в рядах белых армий старых кавалерийских полках. Иногда в таких значках использовалась и земельная геральдика, в частности на значке Ахтырского гусарского полка был изображен герб Ахтырки, а у нарвских гусар – герб Нарвы [14].

На протяжении более чем двухсотлетнего существования Русской Императорской армии на ее знаменах, предметах униформы и снаряжения, полковых знаках, фурыерских и кавалерийских значках присутствовали гербы русских земель. В зависимости от идеологических установок, вкусов царствующего монарха, военной европейской моды использование земельной геральдики в военной символике России имело различные формы, могло сводиться до минимума, но никогда не исчезало окончательно, так как являлось продолжением традиций Петра Великого и всегда подчеркивало неразрывную связь армии и Русской земли.

Литература и источники

1. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Т. II .
<http://www.listvinoleg.nm.ru>
2. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Т. II .
<http://www.listvinoleg.nm.ru>
3. Васильев А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. №1. 1992.
4. Историческое описание одежды и вооружения Российских войск, с рисунками, составленное по Высочайшему повелению. Т. II-IV .
<http://www.listvinoleg.nm.ru>
5. Леонов О. Ульянов И. Регулярная пехота 1698-1801. М., 1995.
6. Леонов О. Ульянов И. Регулярная пехота 1855-1918. М., 1998; Ульянов И. Регулярная пехота 1801-1855. М., 1996.
7. Русская армия 1812-1814. М., 2000.
8. Шевяков Т. Пархаев О. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX вв. М., 2002.
9. Васильев А. Пехота шведской армии Карла XII под Полтавой // Орел. №1. 1992.
10. Соколов В.А. Вексиллологический справочник по флагам Российской Империи и СССР. Т.1. М., 2002.
11. Молло Е. Офицерские нагрудные знаки. Париж, 1959; Ульянов И. Регулярная пехота 1801-1855. М., 1996.
12. Русская армия 1812 года. Набор открыток. Выпуск 3. М., 1989.
13. Андоленко С.А. Нагрудные знаки Русской армии. Париж, б/д.
14. Воронов А.В. Некоторые особенности обмундирования и полковых значков кавалерии периода Гражданской войны 1918-1920 гг.// Доброволец. №1(3). 2004; Шевяков Т. Пархаев О. Знамена и штандарты Российской императорской армии конца XIX – начала XX вв. М., 2002.

Из истории возникновения первых городских ярмарок на Европейском Севере России

К началу XIX в. на Европейском Севере России существовало двадцать городов. Из них шесть городов – Архангельск, Вологда, Великий Устюг, Сольвычегодск, Тотьма и Шенкурск – приобрели статус города еще в XV-XVI вв. В конце XVIII века в ходе административных реформ 1775–1796 гг. статус города получили: Усть-Сысольск, Холмогоры, Кола, Вельск, Красноборск, Кадников, Лальск, Мезень, Никольск, Онега, Грязовец, Пинега, Яренск [1].

Согласно Городовому положению 1785 г. в каждом городе полагалось учредить «одну ярманку или более, смотря по обстоятельствам и удобствам» и назначить для ярмарки время и сроки проведения [2]. Однако в конце XVIII в. ярмарки существовали не во всех городах Европейского Севера России, причем независимо от того, когда был учрежден город: в XV-XVI вв. или же в конце XVIII в.

«По новости города» не было ярмарок в Кадникове, Никольске и Вельске. Купцы и мещане Кадникова, несмотря на выгоды географического положения города – «при больших дорогах в Вятку, Устюг, Архангельск, Вельск, Шенкурск, Холмогоры и Тотьму» – торговли, «кроме съестными домашними припасами и другими мелочами в общежитии потребными», не проводили [3]. О Никольске в указе Екатерины II об учреждении в нем города значилось, что «торг обывателей сего города весьма умеренный, ярманок не бывает». Только в декабре и январе в Никольск из Устюга и Архангельска приезжали купцы, которые скупали говяжье сало, хлеб и мед, и по началу навигации весной на барках отправлялись по реке Юг к Архангельску [4].

Вельск принадлежал к числу древнейших северных городов: о селении в устье Вели, принадлежащей Новгороду, упоминается еще в 1147 г.; после 1385 г. Вельск упоминается в числе усадеб Важской области. В середине XVIII в. Вельск был уже хорошо населенным посадом, однако из-за сильного пожара, уничтожившего более половины Вельска, многие его жители переселились в Верховажский посад. С 1780 г., когда Вельск получил статус города, он «начал расти и жизнь в нем стала оживленнее» [5]. В 1793 г. «по новости города» ярмарок еще не было, но проводились небольшие однодневные торжки 18 января, 9 июня и 1 сентября, на которых торговали «мелочными шелковыми и

нитяными товарами, и приезжают несколько из окольных мест с харчевыми припасами» [6].

Несмотря на давнее происхождение и большую роль в истории торговли Европейского Севера России, к началу XIX в. не существовало ярмарок в Тотьме, Шенкурске, Холмогорах, Мезени и Онеге.

Тотьма потеряла былую славу еще в XVIII из-за закрытия сибирского тракта, так что «живые души» перестали «переходить и переезжать чрез город», и торговля тотемских купцов с другими городами постепенно угасла. Многие состоятельные купцы покинули город и нашли «применение своим капиталам» в крупных промышленных центрах России [7]. В конце XVIII в. в Тотьме происходили только небольшие торговые съезды зимой по воскресным дням, на которые приезжали крестьяне из окрестных деревень «с хлебом и другими нужными к питанию и домоводству произведениями». В целом торговля купцов и мещан Тотьмы заключалась в продаже «съестных припасов, и частию мелочных шелковых, нитяных и других товаров» [8].

В Шенкурске, «едва ли не древнейшем из всех городов» Архангельской губернии, основанном на месте Чудского городка «деятельными и промышленными новгородцами», к началу XIX в. ярмарочной торговли не велось. В прошлом Шенкурск, «укрепленный природою пункт», являлся центром Важского края, и еще со времени основания он был сделан новгородцами «складочным местом» пушных товаров, которые в изобилии добывались в окрестных лесах. Однако уже с конца XVII в. этот город не представлял практически никакого интереса в торгово-промышленном отношении [9].

Холмогоры, одно из древнейших поселений Европейского Севера, еще в XV-XVI вв. славились «великолепием храмов, многолюдством и богатством жителей», были хорошо укреплены и даже обнесены глубоким рвом [10]. Однако со времени возникновения Архангельска и перевода в него областного управления, Холмогоры потеряли свое торговое значение, а существовавшая в них Никольская ярмарка была переведена в Большой Погост, который впоследствии стал называться Пинега [11].

Города Мезень и Онега находились в самых северных районах Европейского Севера России. В XIV-XVII веках эти поселения играли важную роль во внутренней торговле края. В устье р. Мезени еще в XIV-XV вв., «во время новгородского владычества» проводилась крупная меховая ярмарка, на которую приезжали торговцы со всего Печорского края и из Сибири. Через эту местность проходил и сибирский тракт. Завоевание Сибири в XVI в. и проведение туда прямого пути, падение торговли в Холмогорах и возникновение самостоятель-

ных торговых центров на Печоре (с. Ижма) подорвали Мезенскую торговлю пушниной [12]. До XVIII в. выгодами географического положения пользовалась Онега: торговый путь от Каргополя до устья реки Онеги был одной из важнейших жизненных артерий на Севере, по которой перевозились соль, рыба, хлеб, иностранные товары. Торговое значение Онеги и ее заграничная торговля были подорваны запрещением Петра Великого вывозить через беломорские порты какие-либо товары, кроме леса и предметов морских промыслов [13]. Со второй половины XVIII в. торгово-промышленным профилем района стала рубка и сплав леса. В целом, к началу XIX в. особой роли в торговой жизни Европейского Севера России, Онега и Мезень не играли и сведения о проводившихся в них ярмарок в «Словаре учрежденных в России ярмарок и торгов», изданном в конце XVIII в., никаких не приводится [14].

О точном времени зарождения ярмарок в остальных городах Европейского Севера России известно очень мало. Еще во второй половине XIX в. современники, пытаясь восстановить дату учреждения наиболее старых и известных ярмарок края, лишь заключали, что свое начало ярмарки ведут «по крайней мере ... далее памяти старожилов» [15].

Архангельская ярмарка хотя и была официально учреждена вследствие прошения поморов только в 1844 г., однако существовала, вероятно, уже с давних времен. Архангельск, первоначально называвшийся Новые Холмогоры, был основан в 1584 году «по велению царя Федора Иоанновича» на мысе, располагавшемся на месте урочища «Пур-Наволок» вследствие интенсивных торговых связей Севера с Англией и Голландией [16]. Приблизительно с этого времени в Архангельске начинает функционировать ярмарка, возникшая вследствие сочетания «большого предложения» (в конце лета заканчивался рыболовный сезон и необходимо было в массовом количестве сбывать скоропортящийся товар) и «большого требования» (по причине сурового климата и неплодородных почв, не позволявших поморам заниматься хлебопашеством, возникала острая необходимость закупки на целый год хлеба, припасов и предметов ремесел) [17]. Уже в XVII в. ярмарка в Архангельске имела всероссийское значение, так как внутренняя торговля на ярмарке активно сочеталась с внешней [18].

До середины XVIII в. официально учрежденной ярмарки не было и в Вологде. В то же время торговая деятельность велась в городе очень интенсивно, особенно в середине зимы, так как к этому времени сюда прибывали товары с осенней Архангельской ярмарки и с юга со всей России (впоследствии в Вологде была учреждена ярмарка именно зимой в январе месяце). Привозимые товары предназначались для вывоза

за границу через Архангельск и «зимовали» в Вологде до весны [19]. О торговой значимости Вологды свидетельствует тот факт, что на протяжении XVII в. путь через нее в другие города был очень людным [20]. Дату официального учреждения ярмарки установить не удалось. В 1865 г. полицейское управление Вологды указывало, что ярмарка в городе существовала еще до 1796 года [21]. Другие данные свидетельствуют о том, что ярмарка в Вологде проводилась ранее 1786 г. В указанном году вологодский генерал-губернатор Алексей Петрович Мельгунов перенес сроки уже существовавшей в Вологде ярмарки с 25 ноября по 5 декабря на время с 6 января по 1 февраля по причине бывающей в конце ноября – начале декабря распутицы, вследствие которой иногородние торговцы часто не имели возможности вовремя приехать на ярмарку [22].

Длительную историю имеют ярмарки в Грязовце. Первое упоминание о Грязовце относится еще к первой половине XVI в., когда в жалованной грамоте Ивана Грозного Корнильево-Комельскому монастырю среди поселений Комельской волости упоминается Грязивитской починок. Впоследствии название этого населенного пункта писалось по-разному – Грязницы, Грязлевицы, Грязовицы. Выгодное географическое положение поселения на оживленной дороге из Москвы на Север и в Сибирь привело к тому, что уже в XVII в. оно было преобразовано в село, а в XVIII в. являлось богатым торговым населенным пунктом [23]. Уже в XVI-XVII вв. при Корнильево-Комельском монастыре проводилось две ярмарки, сведения о которых были зафиксированы в монастырских грамотах: «в Корнильево монастыре торговать на два праздника в году по два дни; на Веденьев день Пречистыя Богородицы, да на Антоньев день, а в монастырской их вотчине селе Грязлевицах торговать по понедельникам и пошлину собирать со всяких чинов людей в Корнильев монастырь на свечи и на ладон» [24]. Кроме того, в Грязлевицком селе издавна проводилась Петровская ярмарка. После того, как в 1780 г. Грязовец получил городской статус, Введенская и Антоньевская ярмарка были переведены из монастыря в город. В 1793 г. в «Описании городов Вологодского наместничества с их округами» значилось, что в Грязовце проводилось три ярмарки – «в Петров день, Введение и в конце марта». Ярмарки длились 3–4 дня и «собирали народа» от четырех до шести тысяч человек, среди которых – приезжавшие из разных с городов купцы и окрестные крестьяне [25].

Пинега, до 1780 г. называвшаяся Волоком или Большим погостом, была выбрана для учреждения в ней города в силу ее большого торгового значения и проведения в ней двух ярмарок – Никольской (Николаевской) и Благовещенской. Никольская ярмарка еще в XVII-XVIII вв. была

переведена в Большой погост из Холмогор, так как тот «представлял больше удобств для торговли, отстоя ближе от Запечорского края», чем был весьма важен в торгово-промышленном отношении как крупный меховой рынок [26].

В 1781 г. в «Академических известиях» была опубликована информация о существовавших в России ярмарках [27]. Из городов Европейского Севера России упоминались только Архангельск, Красноборск (тогда еще Красноборское село) и Лальск.

Красноборск, вероятно, возник еще до XVII в. В 1680 г. по указу Федора Алексеевича он был передан во владение Соловецкому монастырю, а в 1780 г. был преобразован в город. По данным «Академических известий», к этому времени в Красноборске уже проводилась небольшая ярмарка, на которую приезжали купцы из разных российских городов «с мелочными товарами» [28]. В 1798 г. ярмарку эту хотели закрыть, однако по указу Вологодского губернского правления от 4 октября за №3981 она была оставлена «на прежнем положении» [29].

Лальск был основан новгородцами во второй половине XVI в. Через Лальск проходил путь из Великого Устюга в Усть-Сысольск, а в XVIII в. – еще и сибирский тракт. Однако в целом в истории края Лальск особой роли не играл [30]. В конце XVIII в., по данным «Академических известий», в Лальске проводилось четыре торжка: 6 декабря, 18 января, 25 марта и в начале июня [31].

В «Историческом описании Российской коммерции», изданном уже в 1786 г., список городов Европейского Севера России, где бывали периодические торги, расширился. К Красноборску и Лальску прибавились Яренск, Грязовец (село Грязовицы), Усть-Сысольск и Сольвычегодск.

Яренск был основан в 1636 г. До этого времени с. Яренск находилось за р. Кижмалою, однако из-за близости к нему рек Вычегды и Яренги, приводившей к частным наводнениям, его жители вынуждены были переселиться на более безопасное место [32]. По данным 1786 г. В Яренске с 18 по 23 января проходил небольшой торг «разными мелочными товарами», на который приезжали купцы из Великого Устюга, Вологды и Сольвычегодска [33]. В XIX в. этот торжок получил статус ярмарки, которая проходила также с 18 по 23 января и называлась Афанасьевской.

По данным «Исторического описания Российской коммерции», в Грязовце в конце XVIII в. торговля происходила ежедневно: «всякой день торгуют съестными припасами для проезжающих», а «для мелочного торгу» был учрежден торжок по понедельникам. О проведении в

городе ярмарок, несмотря на существование таковых, сведений не приводилось [34].

О ярмарке в Усть-Сысольске в «Академических известиях» 1781 года сведений не было [35]. Однако уже 1786 году в «Словаре учреждений в России ярмарок и торгов» значилось: «бывает ярмарка ноября с 26 число по 29 число; скупают купцы у промышленников мягкую рухлядь» [36]. О времени появления в Усть-Сысольске ярмарки пытались выяснить еще во второй половине XIX в., однако из-за пожара, случившегося в 1812 г. в городских присутственных местах, все соответствующие документы были уничтожены [37]. Данные современных исследований свидетельствуют, что еще с конца XVII в. в Усть-Сысольке в ноябре – декабре проходила Георгиевская ярмарка. Уже в первой половине XVIII в. жители Усть-Сысольска (тогда он назывался Усть-Сысольским селением) «обладали большими средствами и вели обширную торговлю»; тогда же была учреждена еще одна ярмарка – Васильевская, проводившаяся с 1 по 10 января [38]. Ее обороты были невелики и не шли ни в какое сравнение с Георгиевской: в лучшие годы они едва превышали 2 тыс. руб., а обычно составляли 400–600 рублей. Георгиевская ярмарка, согласно «Экономическим примечаниям Генерального межевания по Усть-Сысольскому уезду» 1784 года, проходила с 26 ноября по 1 декабря. На нее приезжали купцы из Устюга, Яренска, Сольвычегодска, Лальска и торговали мануфактурными товарами, чаем, сахаром; закупали у местных купцов и крестьян продукты промыслов: меха, кожи, рыбу [39].

Издавна крупным торговым центром был Сольвычегодск. Он был основан, согласно летописям, в XIV в. жителями древнего Чернигова, находившегося в трех верстах от Сольвычегодска. По преданию Чернигов являлся важным «торговым местом», жители которого вели торговлю с Сибирью задолго до ее покорения Ермаком. По одним источникам, переселение черниговцев было вызвано сильным пожаром, вследствие которого поселение выгорело [40]. По другой версии, берег, на котором стоял город был сильно размыт Вычегдой, вследствие чего жители были вынуждены искать новое, более безопасное место жительства [41]. Сам Чернигов, как указывали летописи, был населен «народом вольнопришедшим, большею частью из Великого Новгорода, и из других Российских городов и сел, а частью польскою Литвою» и «состоял во владении новгородцев» в составе Пермской пятины [42]. В XV в. Сольвычегодск уже был оживленным торговым центром и поддерживал торговые связи с новгородцами, холмогорцами, чердынцами и северо-восточными «азиатскими» народами: удорцами, самодами, сибирцами, вогуличами, зырянами или пермяками и прочими,

пушными товарами, кожами разных зверей и юфтью [43]. Жители Сольвычегодска долгое время держали в тайне «от других городов русских» один из важнейших своих «источников обогащения» – торговые отношения с Сибирью [44]. В XVI в. в Сольвычегодске уже была сосредоточена торговля мехами, солью и другими товарами. Известна была проводившаяся в Сольвычегодске единственная в России меховая («соболиная») ярмарка, на которую съезжались московские и новгородские купцы, холмогорцы, чердынцы и «других городов», а также азиаты, татары и другие «окрестные народы» [45]. Однако с закрытием сибирского тракта в XVIII в. и прекращение деятельности известных в городе промышленников Строгановых привели к постепенному упадку Сольвычегодска и снижению его торгового значения [46]. Согласно «Словарию учрежденных в России ярмарок и торгов», к 1789 г. в Сольвычегодске проводилась одна ярмарка [47]. К началу XIX в. в Сольвычегодске проходило уже две ярмарки – Введенская и Прокопьевская. Возникновения этих ярмарок было вызвано тем, что население уезда издавна привыкло собираться в Сольвычегодске «для молитвы» 8 июля в день поминовения Святого Прокопия Устюжского и 21 ноября по случаю храмового праздника во Введенском монастыре. Народ «конечно не приходил сюда с пустыми руками и приносил избытки своих произведений», что и положило начало Прокопьевской и Введенской ярмаркам [48].

В 1786 г. были учреждены две ярмарки в Великом Устюге. Устюг, основанный выходцами из Великого Новгорода еще до XII в., в древности располагался на пути «в таинственную Биармию и Пермью», благодаря чему эта «колония» вскоре усилилась, и уже «с первых времен своей известности» Устюг носил «прозвание» Великого. В дальнейшем экономическому развитию Устюга способствовало установление торговых связей с Сибирью. Однако сибирская торговля Устюга косвенно привела и к упадку города, так как «молва о богатствах Сибири увлекла значительную часть здешних жителей в Тобольск и Иркутск»; от частых переселений город начал постепенно пустеть. С закрытием старого сибирского тракта в XVIII в. торговое значение Устюга еще более снизилось [49]. В связи с изданием в 1785 году Городового положения, согласно которому в каждом году полагалось проводить одну и более ярмарок, решением городского магистрата Великого Устюга 21 января 1786 г. в городе были учреждены две ярмарки: с 1 по 10 июля и с 5 по 10 декабря [50]. Эти ярмарки продолжали функционировать и в XIX в. и назывались соответственно Прокопьевская и Никольская [51].

В 1789 г. в России был издан «Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов» [52]. Информация в нем о периодических торгах в

Грязовце, Красноборске и Яренске, Усть-Сысольске и Сольвычегодске по сравнению с предыдущими изданиями не изменилась. Относительно Лальска было сказано, что здесь уже проводились не торжки, а ярмарки (в тех же числах, что и торжки), на которые приезжали купцы из Великого Устюга с «разные мелочными товарами» и окрестные крестьяне, привозившие на продажу сукна, холсты, овчину, меха и продукты [53]. Среди ярмарок Великого Устюга в «Словаре...» значилась одна только Прокопьевская, причем однодневная: она проходила 8 июля. По данным «Словаря...», на Прокопьевскую ярмарку в основном приезжали крестьяне Устюжского уезда «с своими приготовлениями» [54].

Таким образом, к началу XIX в., несмотря на предписание закона, ярмарки проводились не во всех городах Европейского Севере России, среди них: Никольск, Кадников, Мезень, Онега, Тотьма, Холмогоры, Шенкурск. О времени зарождения ярмарок и торжков в других городах точных сведений не имеется. Наиболее уверенно можно говорить о появлении ярмарок в Архангельске с конца XVI в., в Усть-Сысольске – с конца XVII в., а в остальных городах – с конца XVIII в.

Литература и источники

1. Миронов Б.Н. Русский город в 1740-е – 1860-е гг. Л., 1990. С.38.
2. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи. 21 апреля 1785. // ПСЗ-1. Т. XXII. – СПб., 1830. №16187.
3. Иноходцев П. Описание городов Вологодского наместничества с их округами. // Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов на разные годы. СПб., 1793. С. 321-322.
4. Баева Е.В., Баев И.И., Гомзилов Н.И. Историческое путешествие по городу Никольску конца XVIII – начала XX в. // Никольская старина: исторические и этнографические очерки. Вологда, 2000. С. 156.
5. Вельск // Городские поселения в Российской империи. Т. 1. СПб, 1860. С. 334; К познанию родного края // Ежегодник Вологодской губернии на 1912 г. Вологда, 1911. С. 20-21; Пушкирев И. Описание Вологодской губернии. Т. 1. Кн. 4. СПб., 1846. С.102; Справочная книжка Вологодской губернии на 1853 год. Вологда, 1854. С. 90-91; Справочная книжка для Вологодской губернии на 1855 г. С.31-32.
6. Иноходцев П. Указ. соч. С. 305-306.
7. Шелгунов Н.В. Провинция: [о Тотьме] // Русское слово. – 1865. №2. – с. 55-56; Соболев И.А. Тотьма: Очерки истории города и района. Архангельско, 1987. С.22, 46-50.
8. Иноходцев П. Указ. соч. С. 298-299, 303..
9. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 г. Архангельск, 1864. С.119-120.
10. Описание пути от Петербурга через Вологду в Архангельск и обратно, чрез Петрозаводск. СПб., 1858. С.61; Торгов А.Я. Деловой спутник по Северному краю и верхнему Поволжью. Ярославль, 1911. С.65-66.

11. Чубинский П.П. Обзорение главнейших ярмарок Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1865 год. Кн. 2я. – Архангельск, 1866. С.236.
12. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып.1. Северная лесная полоса. СПб., б.д. С.11.
13. Там же. С.7.
14. Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов // Новый и полный географический словарь Российского государства или Лексикон. Ч. 5. С-Т. М., 1789.
15. ГАВО. Ф. 14. Оп.1. Т.2. Д.2408. Л. 12-13.
16. Описание пути от Петербурга... С.63-64; Торгов А.Я. Указ. соч. С.25.
17. Чубинский П.П. Указ. соч. С.209-210.
18. Чунтулов В.Т., Кривонова Н.С., Чунтулов А.В., Тюшев В.А. Экономическая история СССР. М., 1987. С.32.
19. Веселовский А. Старинные русские ярмарки (XVI и XVII в.в.). К истории русских ярмарок на Севере. (Краткая историко-экономическая заметка) // Кооперация Севера. – 1923. – №4. – С. 89-90.
20. Колесников П.А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века. К вопросу об эволюции аграрных отношений в русском государстве. Вологда, 1976. С.54
21. ГАВО. Ф. 14. Оп.1. Т.2. Д.2408. Л.1.
22. ГАВО. Ф. 14. Оп. 1. Т.1. Д. 252. Л.8-9.
23. Вологодские губернские ведомости. – 1839. – 21 янв. – №4. С.28; 1852. – 20 декабря. – №51. С.583-584; Грязовец. Вологда, 2000. С.1-2; Грязовецкий район: история – современность – взгляд в будущее. Вологда, 2000. С.1-3; К познанию родного края. С. 32.
24. Вологодские губернские ведомости. – 1838. – 17 дек. – №51. С.409.
25. Иноходцев П. Указ. соч. С. 313-314.
26. Пинига // Городские поселения в Российской империи. Т. 1, СПб, 1860. С. 30-31; Чубинский П.П. Указ. соч. С.236.
27. О ярмарках в России // Академические известия на 1781 г. Ч. 7. СПб., 1781.
28. Там же. С. 458.
29. ГАВО. Ф. 14. Оп.1. Т.2. Д.2408. Л. 58.
30. К познанию родного края. С. 10-11; Пономарев И. Сборник материалов по истории г. Лальска Вологодской губернии. Т. 1 (1570–1800). Великий Устюг. 1897. С. 8-9; Торгов А.Я. Указ. соч. С.118.
31. О ярмарках в России. С. 583.
32. Опыт описания Вологодской губернии Николая Брусилова. СПб., 1833; К познанию родного края. С. 26; Пушкарев И. Указ. соч. С.118; Справочная книжка Вологодской губернии на 1853 год. С. 93-94.
33. Чулков М. Историческое описание Российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего. Т. 6. Кн. 4. М., 1786. С. 175.
34. Там же. С. 70.
35. О ярмарках в России.
36. Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов. С. 113.
37. ГАВО. Ф. 14. Оп.1. Т.2. Д.2408. Л. 45.
38. К познанию родного края. С. 15.

39. Рогачев М.Б. Столица зырянского края. Очерки истории Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX вв. Сыктывкар, 2006. С.65-66.
40. Пушкарев И. Указ. соч. С.106.
41. Вологодская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2. Ч.3. СПб., 1850. С. 379.
42. Вологодские губернские ведомости. – 1855. – 2 июля. – №27.
43. Там же.
44. Вологодская губерния // Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.2. Ч.3. СПб., 1850. С. 379.
45. Вологодские губернские ведомости. – 1855. – 2 июля. – №27; К познанию родного края // Ежегодник Вологодской губернии на 1912 г. Вологда, 1911. С. 23-24.
46. К познанию родного края. С. 23-24; Вологодская губерния. С. 379; Справочная книжка Вологодской губернии на 1853 год. С. 92-93.
47. Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов. С. 101.
48. ГАВО. Ф. 14. Оп.1. Т.2. Д.2408. Л. 11.
49. Вологодская губерния. С. 375; Справочная книжка Вологодской губернии на 1853 год. С. 91-92.
50. Грамота на права и выгоды городам Российской Империи. 21 апреля 1785. // ПСЗ-1. Т. XXII. – СПб., 1830. №16187.
51. ГАВО. Ф. 14. Оп.1. Т.2. Д.2408. Л. 3-4.
52. Словарь учрежденных в России ярмарок и торгов.
53. Там же. С. 59.
54. Там же. С. 113.

Шориков Владислав Витальевич
кандидат исторических наук
г. Тверь

Отношения местного и пришлого населения Чукотки во время советского строительства конца 20-х – начала 30-х гг. XX века.

В конце двадцатых годов XX века Советское правительство приступило к решению задачи административного устройства территории Крайнего Севера России. 10 декабря 1930 года было принято постановление о национальном районировании Крайнего Севера, по которому на Чукотке создавалось шесть районов: Анадырский, Чукотский, Марковский, Чаунский, Восточно-Гундровский и Западно-Гундровский, объединенные с составе Чукотского национального округа.

На протяжении 1931 и 1932 годов основные силы местных организаций ВКП (б) направлялись на создание оргкомитетов, проведение районных съездов Советов и выборов районных исполнительных комитетов. Итоги подводились на Первой Чукотской окружной партий-

ной конференции 19-22 апреля 1932 года и Первом Чукотском окружном Съезде Советов 22-26 апреля 1932 года в Анадыре [1]. Среди достижений называлась перевыборная компания, предшествовавшая съезду Советов. Во время ее проведения на территории округа был избран 81 Совет, в том числе 19 впервые. Историками советского периода поддерживалась версия, что «...первый съезд Советов Чукотки практически завершил долгую и трудную работу по национальному районированию. На съезде был избран Чукотский окружной исполнительный комитет во главе с чукчей Тегрынкеу. Малые народы полуострова получили национальную государственность в виде национального округа» [2].

Высокий уровень задач, стремление к изменению социально-экономической ситуации на Чукотке, большой объем работы, проделанной представителями новой власти, не вызывает сомнений. Но, так ли безупречны были результаты советизации и что за люди претворяли в жизнь идеи и решения центральных органов власти СССР на местах? Рассмотрим этот вопрос на основании недоступных ранее материалов о работе органов Советской власти Чаунского района Чукотки.

19 ноября 1933 года на первой сессии Чаунского райисполкома с докладом «О предстоящих задачах по советизации района» выступил Н.Ф. Пугачев (стилистика сохранена). Вот некоторые факты: «...прошлый год с парходом из Анадыря, сюда были присланы работники по организации райисполкома, это тт. Косицин, Чернышев, Кругляк и Морозов... Партия и Советская власть поручила им вести работу по советизации района, а что они делали этот год? Поручали зарплату, пьянствовали, насиловали чукчанок, варили самогон и спорили о том, где лучше власть, в Америке или СССР. А, чукчи смотрели на них как на представителей советской власти и говорили между собой: «О, новая власть плохая, плохо делает». ...т. Козлов, его округ прислал секретарем РИКа (имеется в виду райисполком), а что он сделал? Все время пьянствовал, насиловал женщин, да к тому же еще изнасиловал и пятнадцатилетнего парнишку, чукчу Вальгыргина. Все присутствующие об этом знают, потому что Вальгыргин рассказал об этом всем чукчам... Т. Кругляк был послан инструктором РИКа и партторгом, но его дела вы знаете. Он вообще ничего не делал, кроме того, что пьянствовал и ныл, ...он допился до того, что зацинговал, его в Рыркарпий (поселок) зав. факторией Винидиктов арестовал и посадил в склад, а ночью ... приятели Кудрявцев и Кругляк с винчестеров стреляли в дом через стены Винидиктову. ...две пули попали в подушку, а его не убили» [3].

Итак, пьянство, насилие, разбой. Неудивительно формирование среди местного населения негативного отношения к новой власти.

Следует учитывать гигантскую территорию округа и малочисленность местного населения. Так в 1938 году территория Чукотского национального округа составляла 735 тыс. кв. км, а население – 18 390 человек, из которых 6 651 вели кочевой образ жизни. Приезжих насчитывалось всего 3 020 человек (приблизительно 18 процентов), чукчей 12 102, эскимосов 1 280 человек [4]. Слухи о бесчинствах представителей новой власти быстро распространялись среди чукчей, обрастали выдумками и преувеличениями, доказать потом обратное было весьма нелегко. К тому же новая власть затрагивала одну из наиболее чувствительных сторон жизни местного населения – торговли. Смена ассортимента основных предметов торговли (оружие, боеприпасы, чай, табак, соль, спички и т.п.) с американских на советских производителей, и так проходила нелегко. Но, процесс еще усугублялся «субъективными факторами». Вот пример из доклада того же Н.Ф. Пугачев: «Теперь пару слов о т. Соболеве (заведующий факторией). ... говорят тт. Товрат, Кулан, Кайпо (чукчи) и другие, что вы им разъяснили, что ... новая власть плохая, и что мы запретили давать чукчам спички и другие продукты. И вот т. Укульхин говорит, что он думал даже стрелять в нас. Вот вы здесь выступите и скажите, кто вам давал такую установку, почему вы организовываете чукчей против райисполкома и райкома, почему вы, беседуя с чукчами, говорите, что американский купец Свенсон [5] лучше, чем советская власть, почему вы хвалите американские товары и губите наши советские товары? Теперь о т. Бурматове. Все дефицитные товары он отпускал женщинам-чукчанкам только при условии половых сношений. Ведь об этом же все знали и только смеялись и наслаждались позорными делами Бурматова» [6]. Подобные «дела» представителей новой власти и проводимая коллективизация вызывали сопротивление местного населения. В конце тридцатых годов были убиты председатели сельсоветов с. Яндогай Аттуги, села Инчоун Йинайго [7]. В 1938 году группа крупных оленеводов, имевших до 4-5 тысяч оленей, сгруппировалась в системе Чаунского водораздела и блокировала работу Чаунской культбазы. Они не давали обучать детей в школе и саботировали все решения местных органов власти [8]. Бедность местных Советов и малая изученность территории не способствовали эффективности работы. Так только в 1937–1940 годах работники землеустроительной экспедиции Наркомата земледела РСФСР обследовали Чаунский, Чукотский и Восточно-Тундровский район, подготовили проекты первичного землеустройства и рекомендации по наиболее рациональному ведению хозяйства в районах [9]. А вот перечисление имущества Чаунского райисполкома в 1933 году: в одной комнате шириной два с половиной метра и длиной

три метра располагался райком, райисполком, библиотека и профсоюз. В п. Певек имелось 3 домика и 1 землянка, «... на Биллингсе один домик из разбитой шхуны. На Рыркарпии 2 домика, да станция полярная. Значит, наша задача снарядить нарту и все радиogramмы в округ и край отвезти в Рыркарпий и предать. До Рыркарпия 500 километров, но другого пути нет». Бюджет района составлял 142 277 рублей» [10].

Таким образом, вышеуказанные факты демонстрируют сложности реального становления системы Советского управления на Чукотке. Местное население и сами приезжие исполнители указаний центральной власти часто не понимали их сути. Суть же искажалась, с трудом накладываясь на специфические условия Севера. Несмотря на победные рапорты, формирование органов Советской власти на Чукотке затянулось и реально завершилось в наиболее отдаленных районах только к началу сороковых годов.

Литература и источники

1. Центр хранения современной документации Магаданской области. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2. Л. 111-127.
2. История Чукотки с древнейших времен до наших дней. / Под. Ред. Н.Н. Дикова. М., 1989. С. 192.
3. Из личного архива Гребнева И.А. Гребнев И.А. работал в военной прокуратуре войск МГБ «Дальстроя» с 1951 года. Свою деятельность завершил в 1975 году в должности первого заместителя прокурора Магаданской области. Автор ряда книг и статей о судьбах лиц, незаконно репрессированных в 1930-е – 1950-е годы.
4. См.: Экономическое и культурное развитие Советской Чукотки: Тематический обзор. Магадан, 1960.
5. Американский предприниматель Олаф Свенсон действовал на территории Чукотки до 1929 года. Конфликт между иностранцем и Советской властью начался в 1923 году, когда Наркомвнешторг наложил арест на товары Свенсона и заставил его уплатить за собранную им пушнину по ценам, указанным Наркомвнешторгом. Первые советские товары были доставлены на Чукотку в навигацию 1924 года пароходом «Память Ленина», что и положило начало вытеснению иностранных торговцев. (См.: Флеров В.С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. Томск. 1964. С.157-158. История открытий и освоения Северного морского пути. Т.3. Ленинград. С.266-267.
6. Из личного архива Гребнева И.А.
7. Центр хранения современной документации Магаданской области. Ф. 355. Оп. 4. Д. 18а.Л. 10.
8. Центр хранения современной документации Магаданской области. Ф. 355. Оп. 4. Д. 18а.Л. 10.
9. См.: Экономическое и культурное развитие Советской Чукотки: Тематический обзор. Магадан, 1960.
10. Из личного архива Гребнева И.А.

*Купряшина Татьяна Борисовна,
заместитель директора по научной работе
Муромского историко-художественного музея
г. Муром*

*Смирнов Юрий Михайлович,
старший научный сотрудник
Муромского историко-художественного музея
г. Муром*

Современные региональные исследования в Муромском историко-художественном музее

Сегодняшние границы Муромского района определены 17 августа 1944 года, когда была сформирована Владимирская область, в которую и вошел Муром [1], в очередной раз поменяв административное подчинение. В основу территориально-административного размежевания была положена экономическая целесообразность – такая, какой ее видело правительство страны в конце войны [2]. В результате деления часть земель по правобережью Оки, в течение многих веков входившая в область влияния Муромы, оказалась переданной в Горьковскую область. Таким образом, были административно нарушены исторически сложившиеся хозяйственные и культурные связи Муромского края. Это, конечно, повлекло за собой усложнение и без того довольно запутанного изучения истории региона. Многократное переподчинение Муромы [3], за тысячу лет превратившегося из столицы княжества в уездный город, привело к тому, что его история изучалась фрагментарно, как правило, в контексте истории других регионов, где ему уделялось незначительное внимание. В лучшем случае, это были упоминания [4]; в норме – полное игнорирование [5]. Едва ли стоит заострять внимание на том, что в годы советской власти систематических профессиональных исследований по истории Муромы практически не велось; по разным причинам ею занимались местные краевед-любители со всеми вытекающими отсюда последствиями: недостаточной репрезентативностью работ, слабой источниковедческой базой, несовершенным легендированием, отсутствием научного аппарата. Уровень их публикаций, осуществлявшихся, как правило, в городской периодической печати или местных многотиражах, значительно уступал основательности работ дореволюционных краеведов.

Тенденция к тематическому изучению муромской истории наметилась в самом конце восьмидесятых годов прошлого века. Прежде всего, здесь следует отметить несколько десятков статей о муромских святынях О.А. Суховой, вылившихся в опубликованную монографию «Иконы

Мурома» [6] (к работе над ней были привлечены и другие сотрудники музея) и две подготовленные к публикации книги. Тема муромских святынь в настоящее время оказывается изученной наиболее полно. Исследования Т.Б. Купряшиной были связаны с жизнью и деятельностью А.С. и П.С. Уваровых, заложивших основы российской археологии [7]. В.Я. Чернышев занимался изучением купеческого Мурома [8], а Е.И. Сазонова – быта горожан XIX в. [9]. Тогда же стали появляться и работы сотрудников музея, в которых рассматривалась история музея и формирования музейных коллекций [10]. Первой, и пока единственной, попыткой изложения целостной истории города и округа является написанная в 2001 году коллективом музейных сотрудников по заказу Управления образования «История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века» [11]. Главной трудностью при работе над этим учебным пособием была лакуарность имевшихся в распоряжении авторов исследований и невозможность работы с архивными материалами, т.к. они хранятся в архивах других городов – Москвы, Санкт-Петербурга, Владимира, Нижнего Новгорода и др.

В 1995 году, после значительного перерыва, музеем была проведена этнографическая экспедиция. Эта экспедиция отличалась от тех, что проводились в музее в прежние времена. В ранние годы работы музея основное внимание обращалось на археологические разведки. Поскольку проводивший их И. Богатов, долгое время работавший директором музея, страстный археолог-любитель, открытого листа не имел, то вместе с детьми из археологического кружка он проводил визуальное обследование местности, собирал подъемный материал, фиксировал обнаруженные памятники. В семидесятые годы, когда музей был филиалом Владимиро-Суздальского музея заповедника, проводились совместные закупочные экспедиции, но, по воспоминаниям сотрудников, заинтересованность в них муромских музейщиков была невелика. Так что проведенная в 1995 году поездка была, по сути, первой полномасштабной закупочно-этнографической экспедицией музея. Работая по левобережью р. Оки, за пределами современного Муромского района, т.к. решили повторить маршрут экспедиции Г. Масловой, работавшей здесь в двадцатые годы [12].

В последующие годы трудности с финансированием заставили искать новые формы организации экспедиций. В 1998 году на правах постоянно действующей экспедиции и обучающего органа при музее был создан Детско-юношеский научный краеведческий центр (ДЮНКЦ), концепция которого на несколько лет определила полевые исследования. В условиях провинциального города с ограниченным доступом детей и юношества к гуманитарной научной информации

создание ДЮНКЦ позволило значительной группе учащихся приблизиться к современным проблемам гуманитарных наук, а также экологии и социального проектирования.

Центр ставил перед собой следующие цели: приобщение детей и молодежи к археологической, этнографической и охранно-экологической работе, сбору вещевых коллекций и фактического материала, камеральной и научной обработке музейных предметов; получение начальной профессиональной подготовки по ряду гуманитарных дисциплин (история, археология, этнография, фольклор, краеведение, музееведение, библиотековедение, архивоведение и т. п.); освоение навыков научно-исследовательской работы (написание рефератов, докладов, статей, участие в научно-практических семинарах и конференциях); патриотическое воспитание; привлечение студентов и учащихся на археологические раскопки и в этнографические экспедиции в период летних каникул; обеспечение комплектования коллекций МИХМ; приобретение навыков жизни в полевых условиях и освоения некоторых приемов и методов выживания в экстремальных условиях; разработка и освоение историко- и эколого-туристических маршрутов. Таким образом, ДЮНКЦ предполагал проведение в регионе полного цикла профильной исследовательской деятельности – от полевых изысканий до юношеских научных конференций и подготовки научно-популярных изданий. Под осуществление проекта музей получил свой первый грант – грант Президента Российской Федерации.

На время учебного года музейным сотрудникам пришлось переквалифицироваться в преподавателей и методистов, а летом 1999 года восемь членов ДЮНКЦ вошли в состав закупочно-этнографической экспедиции. В круг своих интересов экспедиция включала сбор музейных предметов и проведение фольклорно-этнографических исследований. Экспедиция продолжила работу по маршрутам Г. Масловой, но теперь уже на правом берегу Оки и опять же на территории, ныне не входящей в состав Муромского района. Неожиданно оказалось, что участие школьников в работе экспедиции приносит неоспоримые преимущества: местные жители охотнее идут на контакт, с удовольствием отвечают на вопросы и гораздо охотнее расстаются с вещами, которые заинтересовали музейщиков, причем, очень часто даже категорически отказываются брать за них деньги. В результате коллекции музея значительно пополнились, а также был собран интересный фактический материал [13].

В том же году по инициативе Муромского историко-художественного музея было создано Региональное отделение Ассоциации музеев России «Музеи Нижней Оки», объединившее провинциальные музеи Владимирской, Ивановской, Нижегородской и Рязан-

ской областей – городов Ардатова, Арзамаса, Вязников, Выксы, Горховца, Касимова, Коврова, Кулебак, Навашина, Муром, Павлова, Сарова, Шуи. Важной особенностью РО АМР «Музеи Нижней Оки» является его привязанность не к административному региону, а к культурному пространству, включающему смежные территории, входящие сейчас в несколько областей, но имеющие традиционные исторические, культурные и экономические связи. Деятельность Содружества должна способствовать сохранению и развитию культурно-исторической целостности этой территории. Эта целостность рассматривается, в частности, как общее информационное поле культуры и науки, научных и образовательных контактов, общее поле изучения и сохранения объектов наследия и связанной с ними культурно-исторической среды. Условная страна Содружества получила название Окландия, обзавелась собственным «правительством», территориальными картами, а, главное, музеи получили возможность совместного действия в рамках исторически сложившегося культурного региона. Сам процесс объединения был достаточно трудоемким, однако его преимущества сказались сразу же, подтвердив девиз Содружества: «Врозь – осколки, вместе – сокровищница».

Уже летом 2000 года был получен следующий грант Президента РФ на проведение Детской научной школы-лагеря «Три кита». По сравнению с предыдущими экспедициями, деятельность лагеря была расширена и количественно, и по направлениям работы. Проект осуществлялся на территории Муромского района, но в нем уже принимали участие и сотрудники музея «Саровская пустынь» вместе с группой школьников. Базировались в лагере отдыха «Ясный». Всего работало 47 детей и 18 музейных работников и специалистов. «Китами» были три основных направления работы: этнография, археология и туризм (под туризмом понималось обучение детей навыкам жизни в полевых условиях и поведения в экстремальных ситуациях). За лагерную смену рабочие группы проходили ротацию, в результате чего каждая группа поработала на этнографических маршрутах, на археологических раскопках и разведках, пожила в полевом палаточном лагере. Собранный материал поступил в Муромский музей.

Проект следующего – 2001 года – получил грантовую поддержку на Пермской ярмарке социальных проектов Приволжского федерального округа. Участие в ярмарке стало возможным именно благодаря сотрудничеству Муромского музея с музеями ПФО. По условиям ярмарки проект был осуществлен на территории Навашинского района Нижегородской области, где базой стал оздоровительный центр «Озеро Свято». Кроме школьников из Мурома и Сарова, уже знакомых с

экспедиционной работой, в лагере собрались школьники из населенных пунктов Нижегородчины. Персонал проекта из 37 человек занимался с 325 детьми. Поскольку с осени 2000 г. к проекту подключилась детская лаборатория «Экокультура» (г. Муром), направления работы расширились за счет экологической составляющей. Сложилась следующие специализации, каждая из которых состояла из нескольких частей: археология (поисковая и экспериментальная – оружейная мастерская), этнография (полевая и экспериментальная – гончарная мастерская), экология (охрана биологического разнообразия природного комплекса оз. Свято, игровая экология, экологический туризм). Кроме этого, было организовано музейное направление – все находки поступали в полевой музей, проходили камеральную обработку, после чего использовались в построении экспозиции, – а также направление по использованию компьютерных технологий в музейном деле. В день перед выездом в лагерь администрация Навашинского района уведомила участников проекта, что детей будет больше, чем запланировано, поэтому срочно пришлось ввести еще одно направление – театр фольклора. В таком виде проект получил название «Под защитой детства».

Основные трудности в работе были связаны с организацией взаимодействия с системой оздоровительного центра. Удивление вызывала заорганизованность, палочная дисциплина, командные методы общения с детьми, рутинность мероприятий, царящих в лагере. Несмотря на все просьбы сократить запланированную лагерную программу, руководство лагеря не захотело переориентировать ее на научную деятельность, тогда как вожатые проявляли большую заинтересованность в столь необычной для них работе.

Проект «Под защитой детства – 2», представленный на Саратовскую ярмарку социальных проектов, представлял собой, по сути, уже апробированную модель. Проходил он летом 2002 года в лагере «Водопръ» Арзамасского района Нижегородской области. Главным его отличием было то, что в работе проекта принимали участие специально отобранные дети со всего Приволжского федерального округа (105 человек). Некоторые из ребят, прошедшие предыдущие экспедиции, но выросшие из «лагерного» возраста, были включены в проект волонтерами. Основными направлениями работы оставались полевая и экспериментальная археология, полевая и экспериментальная этнография. Археологам в этом сезоне удалось поработать на полномерном раскопе мордовских средневековых могильников. Кроме этого, одна группа из экспедиционных сборов создавала музей реальный, а вторая – виртуальный, в Интернете. Для желающих проводились занятия по палеоастрономии. Туристическую подготовку проходили все. Археологи-

экспериментаторы (оружейники) в процессе работы готовили снаряжение для следующего проекта – «Музейный экотранзит», который так же был поддержан на Саратовской ярмарке и проходил сразу после окончания лагерной смены.

Проект представлял собой ролевую игру – экспедицию на специально построенной копии древнерусской ладьи по маршруту Муром – Нижний Новгород. Научная проблематика экспедиции заключалась в реконструкции взаимоотношений общество – природа X – XI веков и сравнении ее с современной системой аналогичных отношений. В проекте принимали участие музейные сотрудники и школьники из Мурома, Арзамаса, Выксы, Павлова, Сарова. Команда ладьи была одета в специально изготовленную одежду а'la X век и вооружена реконструированным оружием того же времени. Параллельно движению ладьи по берегу реки шел автобус с другими членами экспедиции, которые проводили этнографические исследования побережья. На протяжении всего маршрута проводились экологические акции. Во время проведения одной из таких акций – уборки территории на озере Кусторке Павловского района – была обнаружена дюнная стоянка эпохи неолита, а этнографы из села Мещеры привезли подаренные местным жителем А. Н. Герасимовым серебряные монеты XVI века, которые он хранил с 1940 года. Попали они к нему чудесным образом: упали с неба вместе с дождем.

Дальнейшее развитие проектов предполагало, что в 2003 году будет несколько подобных лагерей на территории Нижегородской области, а сам проект превратится в движение «Под защитой детства». Поскольку в таком виде проект требовал огромной административной работы, обеспеченной полномочиями, одному музейному сообществу он был не по силам. Поэтому подготовленный и написанный сотрудниками Муромского музея проект был подан на Нижегородскую ярмарку социальных проектов от администрации полномочного представителя Президента в ПФО. Проект получил грантовую поддержку, но нас, несмотря на все предыдущие заверения, участвовать в нем не пригласили.

Таким образом, в условиях полного отсутствия бюджетного финансирования исследовательской работы, Муромскому музею удалось создать структуры, которые не только позволили проводить исследования, но и попутно способствовать решению важных социальных задач, связанных с организацией познавательной деятельности и активного летнего отдыха детей и молодежи. Выработанная модель весьма мобильна, при необходимости может быть дополнена или сокращена и, что весьма существенно, может «с колес» работать на любой территории. В отличие от школьных моделей краеведения, ставка делается не на усвоение какой-то суммы фактов по истории края, а на развитие

навыков профессиональной работы, поиск этих фактов и их дальнейшую обработку. Кроме того, одним из результатов проекта можно считать то, что Муромский музей и ряд других музеев Содружества получили оргтехнику, экспедиционное оборудование, приобрели огромный опыт и пополнили свои коллекции. Достаточно сказать, что в начале восьмидесятых годов в фондах Муромского музея было всего два вышитых полотенца. Сегодня их около двухсот.

Еще одним важным механизмом, не только активизирующим работу местных историков, но и позволяющим привлечь к муромской истории квалифицированных исследователей из других регионов, является проведение научной конференции «Уваровские чтения» [14]. Конференция проводится с 1990 года в память о создателе Императорского археологического общества графе А.С. Уварове и его жене П.С. Уваровой, ставшей председателем общества после смерти мужа. Их имение Карачарово сейчас находится в черте Мурома. Именно в этом имении А.С. Уваров нашел первую в средней России палеолитическую стоянку. Как и археологические съезды, проводившиеся Уваровыми, «Уваровские чтения» проходят раз в три года. Для каждой конференции определяется тема, проблематика которой по тем или иным причинам интересна для изучения истории Мурома. Таким образом, на каждой конференции не только пополняется база исследовательских данных, но и выявляется контекст, позволяющий определить место локальной истории Мурома в общеисторическом процессе [15]. Конференция, имеющая официальный статус конференции муниципального музея, стала по сути международной: Шестые Уваровские чтения, проходившие в 2005 году, собрали более ста ученых из семи стран.

Литература и источники

1. Ведомости Верховного Совета СССР. – 1944. – 17 авг. – С. 4.
2. Брыкин В. А. Реорганизация административно-территориального деления РСФСР в 1944 году на примере Горьковской, Ивановской и Владимирской областей // Уваровские чтения – VI. – В печати.
3. См. об этом: Большакова Н. В. Церковное строительство Ивана Грозного по пути следования его войска в Казань в 1547–1552 гг. // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003; Смирнов Ю. М. «Русский» Муром: Очерк этнодемографических контактов за тысячу лет // Этнодемографические процессы на Севере Евразии. – Москва-Сыктывкар, 2005. – С. 87.
4. См., например: История Владимирского края. Учебное пособие для школ. – Владимир, 2001. – С. 8, 12, 15, 16, 18; Родина М. Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. – Владимир, 2004.
5. Например, Мазур А. А. Русский город XI – XVIII вв. Владимирская земля. – М., 2006. То, что Муром в этой работе не упоминается, вполне объяснимо: официально он вошел в состав Владимирской земли только в XVIII в.

6. Сухова О. А. и др. Иконы Муром. – М., 2004.
7. Купряшина Т. Б. Родословное древо Уваровых // Уваровские чтения. – Муром, 1990; она же. Усадьба Уваровых в Карачарове // Архитектура и строительство России. – 1991. – №2. – С. 12-13; она же. Коллекция из имения А. С. и П. С. Уваровых Карачарово в Муроме // Очерки истории русской и советской археологии. – М., 1991; она же. Семейные портреты // Муромский сборник. – Муром, 1993. – С. 101-108; она же. Атрибуция семейных портретов из Карачарова // Уваровские чтения – II. – М., 1994.
8. Чернышев В. Я. Московская улица. Прогулки по Мурому (Социально-экономическая история XVII – начала XX вв.) – Муром, 2005.
9. Сазонова Е. И. Дом и усадьба жителя города Муром в XIX в. // Уваровские чтения – V. – Муром, 2003. – С. 202 – 208.
10. Муромский историко-художественный музей. Путеводитель. / Сост. Т. Б. Купряшина. – М., 2003; Купряшина Т. Б. Хроника Муромского историко-художественного музея: 1989–1994 // Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации. – Ярославль, 1997. – С. 313-318; Лукина О. А. От советского музея к историко-художественному (Муромский музей: взгляд изнутри) // Музеи Верхней Волги: Проблемы, исследования, публикации. – Ярославль, 1997. – С. 40-45; Субботина Е. А. Дети в музее (из опыта работы Муромского музея) // Музеи Верхней Волги. – Ярославль, 1997. – С. 50 – 62; Сухова О. А. Коллекция графов Уваровых из Карачарова как основа собрания Муромского историко-художественного музея // Уваровские чтения. – Муром, 1990; Сухова О. А. Этнографическая коллекция И. С. Куликова в собрании Муромского музея: история и судьба // Музеи Верхней Волги. – Ярославль, 1997. 328 с. – С. 63-86; Смирнов Ю. М. Муромский историко-художественный музей // Художественные музеи России. Справочник-указатель. – СПб., 1999. – С. 133-135; Смирнов Ю. М. Интеллигенция, революция, музей (страницы муромской истории) // Рождественские чтения. – Ковров, 2006.
11. История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. Учебное пособие / Под ред. Ю. Смирнова. – Муром, 2001.
12. См.: Уколова М. Г. Этнографическая экспедиция Г. С. Масловой (к вопросу о традиционном костюме Муромского уезда) // Рождественские чтения. – Ковров, 1995. – Вып. II. – С. 109-112.
13. Смирнов Ю. М. Муромский историко-художественный музей: экспедиция 99 // Вестник Ассоциации музеев России. – Выпуск 4, осень 1999. Приложение. – С. 52.
14. См., например: Смирнов Ю. М. Муромский историко-художественный музей // Вестник Ассоциации музеев России. – Вып. 3. – Лето 1999. – Приложение. – С. 41-42.
15. Уваровские чтения. Тезисы докладов. – Муром, 1990; Уваровские чтения – II. Муром, 21-23 апреля 1993 г. – М., 1994; Уваровские чтения – III. Русский православный монастырь как явление культуры: история и современность. / Материалы научной конференции, посвященной 900-летию муромского Спасо-Преображенского монастыря. Муром, 17-19 апреля 1996 г. – Муром, 2001; Уваровские чтения – IV. Богатырский мир: эпос, миф, история. Муром, 14-16 апреля 1999 г. – Муром, 2003; Уваровские чтения – V. Материалы научной конференции, посвященной 1140-летию г. Муром. Муром, 14-16 мая 2002 г. – Муром, 2003.

Бандура Светлана Владимировна
заместитель директора по науке
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар

Динамика формирования управленческой элиты Коми края в XIX – начале XX веков

В российской исторической науке на протяжении нескольких десятилетий проводятся исследования причин зарождения и этапов формирования российской интеллигенции. Важное место в этих исследованиях занимает освещение профессиональных групп интеллигенции [1]. Однако, принимая в целом во внимание разнообразие видов профессиональной деятельности этого социального слоя, в советской историографии российской интеллигенции управленческая деятельность не рассматривалась в качестве сферы деятельности интеллигенции. Это обстоятельство сужало представление об интеллигенции как о социальном слое, активно задействованном на всех ступенях государственной службы и принимавшем участие в разработке идеологических основ развития общества. В 1990-е годы с изменением парадигмы истории российской интеллигенции значительно расширился круг изучаемых вопросов, среди них не последнее место заняло изучение деятельности различных групп интеллигенции, а именно, церковной интеллигенции и чиновничества [2].

В данной статье рассмотрим динамику формирования интеллигенции, занятой в сфере управления, и остановимся на некоторых аспектах складывания этого социального слоя на территории Коми края в XIX – начале XX века.

На рубеже XVIII–XIX веков отсутствие на территории Коми края учебных заведений ограничивало круг образованных людей до определённой группы лиц, задействованных в системе управления регионом и относящихся к так называемой «управленческой элите». После проведения местных административных реформ 1775–1785 гг. все учреждения и должностные лица на уровне губерний и уездов подразделялись на три основные группы: административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные. В уезде каждое из подразделений имело своего представителя. Так первая группа была представлена земским исправником (капитаном), нижним земским судом и городничим. Вторая группа, связанная с организацией финансово-хозяйственной деятельности в уезде, была представлена казначейством. Судебная система в уезде функционировала через сословные суды: уездный суд – для дворян, городской магистрат – для горожан и

нижняя расправа – для непопомещичьих крестьян. Уездный суд состоял из судьи и заседателей, магистрат – их бурмистра и ратманов, нижняя расправа из судьи и заседателей [3]. В целом уездная администрация включала 10 высших должностных лиц и примерно такое же количество служащих на должностях заседателей, помощников и т.п.

В начале XIX века профессиональный состав государственных служащих расширился. Согласно «Правилам народного просвещения» 1803 года к служащим на административно-распорядительных должностях добавились инженеры, учителя, библиотекари, музейные работники, врачи и др. [4]. Однако в начале XIX века эта категория государственных служащих в уездных администрациях Коми края отсутствовала.

Наиболее образованной частью населения региона являлось духовенство. Так, в начале XIX века более 30% священнослужителей Яренского уезда Вологодской губернии имели семинарское образование [5]. Начиная с 20-х годов XIX века, помимо выполнения прямых церковных обязанностей, священноцерковнослужители были задействованы в системе образования. Обучение детей священноцерковнослужителей при церквях в первой половине XIX века в Коми крае было распространенным явлением. Сведения из рапортов благочинных Усть-Сысольского уезда показывают, что с 1826 г. при всех церквях уезда мальчики, достигшие семилетнего возраста, обучались грамоте [6]. К середине XIX века духовенство занимает важное место в сфере интеллектуального труда. Это связано как с более высоким уровнем грамотности относительно другого населения края, так и непосредственно с профессиональной деятельностью священноцерковнослужителей и выполнением ими функций учителей начальной школы в церковно-приходских училищах.

В середине XIX века на расширение состава людей интеллектуального труда повлияли бюрократизация системы управления на местах и развитие системы народного образования. Количество чиновников росло за счет увеличения должностей практически во всех подразделениях уездной администрации. В 1854 г. в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии насчитывалось 42 государственных служащих. Из них четверо преподавателей уездного училища и один уездный врач составляли малочисленную группу профессиональной интеллигенции. В 50-е годы XIX века система образования была представлена сельскими училищами. В Усть-Сысольском уезде их насчитывалось всего шесть. В них преподавало по одному учителю. Эта группа принадлежала к духовному сословию и не относилась к государственным служащим.

**Динамика численности людей интеллектуального труда
в XIX – начале XX веков (на материалах Усть-Сысольского уезда
Вологодской губернии)**

Период	Численность					
	Государственных служащих (всего)	Из них госслужащих (без сферы образования и медицины)	Профессиональной интеллигенции, имеющей права государственных служащих		Профессиональной интеллигенции, не относящейся к государственной службе	
				Образование	Медицина	Образование
Начало XIX в.	20	20	-	-	-	-
Середина XIX в.	42	37	4	1	6	-
Конец XIX в.	120	97	19	4	86	14
Начало XX в.	149	109	32	8*	238	23

Таблица составлена по: Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – С.158–172; Справочная книжка для Вологодской губернии на 1854 год. – С.79–83; Памятная книжка Вологодской губернии на 1896–1897 год. Часть II. – С.95–100, 15–39; Памятная книжка Вологодской губернии на 1912 год. – С.104–109; Записка члена совета М.М. Латкина в Устьсысольский Уездный Училищный Совет. Приложение к докладу. 6 апреля 1870 года // Ползунов П.П. История Усть-Сысольского городского училища. – С.110–121. Сведения по отдельным школам Вологодской губернии на 1898–1899 гг. Вологда. 1901. – С.78–79, 234–235, 184–187; Систематический сборник постановлений...Вологда. 1899. – С.551, 554, 583, 588; Журналы Усть-Сысольского Уездного земского собрания за 1895 год. Вологда. 1896, ч.3. – С.6; Журналы Усть-Сысольского Уездного земского собрания за 1906 год. Вологда. 1907.- С.243; Бондаренко О.Е. Учебные заведения в Коми крае в конце XIX – начале XX веков. – С. 38.

* В графе обозначены лишь врачи, проходящие по спискам уездной администрации, хотя права государственной службы распространялись и на младший медицинский персонал земских медицинских учреждений в равной мере, как и на учителей земских училищ.

Формирование учительства как группы профессиональной интеллигенции на территории Коми края относится ко второй половине XIX века. Значительную роль в этом процессе сыграли земские органы, в чью компетенцию, начиная с 60-х годов XIX в., входила организация системы народного образования. К концу XIX века увеличилось количество преподавателей, относящихся к государственным служащим. Так, в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии в 1897 г. к категории государственных служащих относилось 20 преподавателей. Кроме того, в сфере образования уезда (в земских, церковно-приходских и школах грамоты) работало 86 учителей. (См. таблицу).

Во второй половине XIX в. на уровне уезда появились должности специалистов в области медицины. Помимо медицинских и ветеринарных врачей к концу XIX в. в системе медицинского обслуживания населения края сформировался штат младшего медицинского персонала (фельдшера, акушерки). На протяжении второй половины XIX и начала XX в. не только появились первые представители этой группы интеллигенции, но и наметилась положительная динамика формирования её на уровне уезда. Так, в Усть-Сысольском уезде Вологодской губернии с 1889 по 1904 г. число младшего медицинского и ветеринарного персонала увеличилось в 1,6 раз.

На протяжении XIX – начала XX вв. в Коми крае шёл процесс формирования слоя людей, чья профессиональная деятельность была связана с государственной службой. Эти люди выполняли управленческие функции в администрации, суде, полиции, вооружённых силах, а также состояли на общественной и сословной службе. По данным Первой Всеобщей переписи населения 1897 года социальная группа чиновников и служащих Коми края составляла 477 человек. К «особого рода» государственной службе относились учебная, воспитательная, медицинская деятельность. Общее число профессиональной интеллигенции в Коми крае в конце XIX века составляло 310 человек, из которых большая доля приходилась на учебную и воспитательную деятельность – 143 человека (46%). Представители профессиональной интеллигенции, занимавшиеся врачебной и санитарной деятельностью, составляли 31% от общего количества профессиональной интеллигенции. В целом, людей, занятых на государственной службе, и профессиональной деятельностью в сфере образования и медицины в конце XIX в. насчитывалось 1244 человека, что составляло 0,7% от общего числа населения Коми края. Из них на Усть-Сысольский уезд Вологодской губернии приходилось 694 человека. В Яренском уезде Вологодской губернии этими видами деятельности занималось 413 человек, в Печорском уезде Архангельской губернии – 137 человек [7].

Анализ динамики численности людей интеллектуального труда показывает, что на протяжении XIX – начала XX вв. произошло значительное увеличение этой категории населения и расширение состава социальных групп людей интеллектуального труда за счет формирования профессиональной интеллигенции, задействованной в сфере управления, образования и медицинского обслуживания населения. На материалах Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии видно, что в начале XIX в. в уезде отсутствовала такая категория населения как профессиональная интеллигенция, к середине века численность её составила 11 человек. В конце XIX в. число людей, задействованных в сфере образования и медицины, превысила 120 человек. К началу XX в. численность группы профессиональной интеллигенции в уезде достигла 300 человек. Здесь же стоит отметить, что рост числа профессиональной интеллигенции происходил на фоне увеличения числа профессиональной интеллигенции, состоящей на государственной службе, и при значительном увеличении (более чем в 7 раз) количества всей «управленческой элиты» уезда.

Определяющим фактором в процессе постепенного формирования на территории региона управленческой интеллигенции из местного населения стало появление учебных заведений, а затем и развитие системы образования на территории Коми края в XIX в. Важную роль в подготовке образованных кадров для сферы управленческой деятельности сыграли духовные учебные заведения Яренско-Устьсысольское духовное училище и Вологодская духовная семинария, где обучались дети не только духовных, но и светских лиц.

Значительная часть выпускников Яренско-Устьсысольского духовного училища продолжала образование в Вологодской духовной семинарии. С 1884 года выпускников духовного училища стали принимать в семинарию без экзаменов, поэтому число окончивших училище фактически совпадало с числом поступивших в семинарию. За период с 1834 по 1871 г. Вологодскую духовную семинарию окончило 100 учеников Яренского духовного училища, уроженцев Яренского и Устьсысольского уездов Коми края. Из них 57% поступили на службу в священнические должности в церкви этих уездов. Преподавательской деятельностью по окончании семинарии стали заниматься 17 человек (30%) из священнослужителей [8]. Занятие преподавательской деятельностью либо совмещали с обязанностями священнослужителей, либо занимались в разные годы одним из этих видов деятельности. Часть окончивших семинарию посвятили себя только педагогической деятельности. Так, уроженец Яренского уезда Иван Егорович Гоголицын, выпускник 1844 года, окончил после семинарии земледельческую

школу и преподавал естественную историю и сельское хозяйство в Вологодской духовной семинарии [9]. Примерно десятая часть учеников Яренского духовного училища, окончивших Вологодскую духовную семинарию в указанный период, поступила на службу в гражданское ведомство. Например, выпускник семинарии 1844 года, сын диакона из Подъяельска Устьсысольского уезда Афанасий Моторин, служил следователем в Устьсысольске [10]. Выпускники семинарии Яков Иванович Кикин (1854 год) и Апполон Журавлев (1864 год) окончили медицинский факультет университета и служили врачами [11].

Большинство из окончивших семинарию учеников Яренско-Устьсысольского духовного училища оставались на службе в Коми крае. Одним из первых выпускников Вологодской духовной семинарии был сын причетника Койгородской Спасской церкви Усть-Сысольского уезда Вонифатий Георгиевич Кокшаров (1810–1880). Он учился в Яренском духовном училище с 1822 г. В 1834 г. по окончании Вологодской духовной семинарии был рукоположен в священники Устьсысольского Троицкого собора. В 1839 году стал протоиереем того же собора. В.Г. Кокшаров с 1834 по 1837 г. состоял учителем Усть-Сысольского приходского духовного училища, а с 1837 г. до закрытия училища в 1867 г. был смотрителем училища [12]. Его сын, Протоген Вонифатьевич Кокшаров, пошёл по стопам отца, но получил уже высшее духовное образование. В 1854 г., окончив Вологодскую духовную семинарию, он поступил в Московскую духовную Академию. После чего служил преподавателем Вологодской, а затем Пермской духовной семинарии. Перейдя на гражданскую службу, состоял начальником отделения канцелярии Обер прокурора Святейшего Синода в чине действительного тайного советника [13].

В Яренско-Устьсысольском духовном училище начинали свою профессиональную деятельность известные общественные деятели Коми края начала XX в. В 1870 г. после окончания Вологодской духовной семинарии в Яренское духовное училище на должность учителя латинского языка поступил Василий Никанорович Городецкий. С 1872 по 1890 г. он преподавал греческий язык. С 1875 г. в течение нескольких лет, за отсутствием преподавателя, исполнял обязанности учителя пения в училище. Кроме того, в течение 1881/82 учебного года безвозмездно преподавал русский язык в третьем классе училища. С 1880 г. Городецкий был назначен членом и делопроизводителем правления Устьсысольского духовного училища. С 1882 г. он являлся членом правления комиссии по заготовке леса для постройки каменного здания духовного училища в Усть-Сысольске. В 1890 году по прошению был уволен с духовно-училищной службы и поступил в миро-

вые судьи Усть-Сысольского уезда. В 1899 г. был назначен земским начальником того же уезда [14]. С 1891 г. В.Н. Городецкий участвовал во всех компаниях по сбору средств на разные благотворительные цели. Несколько лет был председателем Усть-Сысольского уездного попечительства детских приютов Ведомства учреждений императрицы Марии [15].

Появление учебных заведений на территории региона способствовало расширению возможностей в получении образования. Как видно из приведенных данных значительная часть лиц духовного звания по окончании духовных учебных заведений связывала свою профессиональную деятельность с преподаванием и гражданской службой.

В начале XX в. служащий Усть-Сысольского земства В.Ф. Попов отмечал, что «аборигенов края – зырян, как в Устьсысольском, так и в соседнем Яренском уезде, можно встретить на всех поприщах общественно-служебной деятельности». Распространение русской цивилизации на местное население постепенно вело к изменению традиционной культурной среды, быстрее всего это влияние сказывалось на людях, прошедших школу и получивших образование. Народное образование, имевшее русскую почву, неизбежно способствовало изменению менталитета коренного народа. Попов В.Ф. пишет о представителях местной служилой интеллигенции следующее: «...культурный класс зырян ничем почти не отличается – или старается не отличаться – по наружности от такого же класса русских; иногда прямо стыдится своего жаргона, своих национальных черт и по возможности старается скрыть их...» [16].

В конце XIX – начале XX вв. представители местного населения занимали высшие управленческие должности в уездной администрации. В этой связи показательным является послужной список Председателя Яренской уездной земской Управы Николая Васильевича Изюмова. По окончании Вологодской духовной семинарии сын штаб-офицера Н.В. Изюмов четыре года обучался в Санкт-Петербургском императорском университете. В 1886 г., не окончив курса обучения, он поступил на государственную службу и был определен в число канцелярских служащих. В 1890–1895 гг. находился на должностях младшего, а затем старшего помощника правителя канцелярии Вологодского губернатора. За отлично-усердную службу был награжден орденом св.Станислава 3 степени. В 1899 г. Изюмов получил назначение на должность секретаря Вологодского губернского по земским и городским делам присутствия. В 1902 г. был определен в должность председателя Яренской уездной земской управы, в которой прослужил три срока до 1913 г. За период государственной службы поднялся по клас-

сам «Табели о рангах» с XIV (коллежского регистратора) до V (статского советника). Н.В. Изюмов являлся членом попечительных советов Яренской женской прогимназии, городского училища, Яренского уездного училищного совета, членом Яренского отделения Совета Велико-Устюжского Стефано-Прокопьевского братства, Почётным мировым судьёй по Яренскому уезду. За службу был награждён двумя орденами и серебряной медалью и дважды отмечен управляющим Санкт-Петербургским учебным округом. В 1906 г. председатель Яренской земской управы Н.В. Изюмов получил благодарность «за труды по возведению здания для Яренского городского училища», в 1908 году – благодарность «за выдающиеся труды по народному образованию в Яренском уезде» [17].

В конце XIX в. значительное число государственных служащих и профессиональной интеллигенции, занятой в сфере образования и медицины, относилось к коренному народу: коми составляли 44% [18]. Национальность устанавливалась на основании родного языка. В администрации, суде и полиции Коми края служило 199 человек, из них 78 коми (39%), 111 русских (56%) и 10 представителей прочих национальностей (поляки, евреи, малороссы). Общественной и сословной службой занимались 116 человек, из них коми – 74 человека (64%), русских – 42 человека (36%). Преобладали представители коренной национальности и в числе жителей края, состоящих на службе в вооружённых силах: из 161 человека, занимавшихся этим видом деятельности, зырян было 117 (73%). К концу XIX в. представители коренного народа были задействованы на всех поприщах государственной службы. Коми составляли большинство служащих, занятых на общественной и сословной службе и в вооружённых силах (соответственно 64 и 73%). В других видах профессиональной деятельности представители коренной национальности хоть и не были в большинстве, но составляли значительную часть. К титульному народу относилось 32% (69 человек) занятых учебной и воспитательной деятельностью, 40% (39 человек) – врачебной и санитарной деятельностью, 36% (166 человек) – на службе в учреждениях Духовного ведомства [19].

Таким образом, на протяжении XIX – начала XX вв. наблюдалась положительная динамика формирования интеллигенции в Коми крае. Расширение состава этого социального слоя происходило за счет возникновения новых групп интеллигенции, в частности появления профессиональной интеллигенции, деятельность которой была связана с образовательной, воспитательной и медицинской сферой. В конце XIX в. значительное место в категории людей интеллектуального труда занимали представители коренной национальности. Определяющим

фактором в процессе постепенного формирования на территории региона управленческой интеллигенции из местного населения стало появление учебных заведений и развитие системы образования на территории региона. Представители коми народа на рубеже веков состояли на службе в уездной администрации, судебных, полицейских органах. По численности они доминировали на общественно-сословной службе, составляли значительное число профессиональной интеллигенции, занятой в сфере образования, воспитания и медицинской деятельности.

Литература и источники

1. Лейкина-Свирская В.Р. Интеллигенция в России во II половине XIX в. М., 1971; Она же. Интеллигенция в России 1900–1917 гг. М., 1981; Пирумова Н.М. Земское либеральное движение: социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977; Она же. Земская интеллигенция и её роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986; Ерман Л.К. Интеллигенция в Первой Русской революции. М., 1966.
2. Князева О.Р. Российская церковная интеллигенция XIX – начала XX вв.: к постановке проблемы // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: тез. докл. X-й Междунар. науч.-теор. конф. (Иваново, 22-24 сентября 1999). Иваново: ИвГУ, 1999; Соловьев А.А. Религиозно-нравственные искания интеллигенции и православного духовенства в России в начале XX века // Нравственный императив интеллигенции: прошлое, настоящее, будущее: тез. докл. Междунар. науч.-теор. конф. (Иваново, 23-25 сентября 1998). Иваново: ИвГУ, 1998; Савицкий И.В. Провинциальное чиновничество XIX века в России: социо-культурный аспект // Там же.
3. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1960. – С.158-168.
4. Шепелёв Л.Е. Чиновный мир России: XVIII – начало XX века. СПб. 2001. – С.115.
5. Хайдуров М.В. Духовное сословие Яренского уезда в начале XIX века: численность и структура // Занятия, промышленность, духовная и материальная культура населения Вычегодского края: тез. докл. науч. конф. – Сыктывкар, 2000. – С.264.
6. ГУ «НАРК», ф.230, д.12.
7. Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. Вологодская губерния. Тетрадь II. СПб, 1904. – С.168-171, 176-178. Архангельская губерния. Тетрадь I. СПб, 1899. – С.124-125.
8. Вологодские епархиальные ведомости. 1901. – №12. – С.311-315; №15. – С.406-409.
9. Шляпин В. Яренско-Устьсысольское духовное училище // Вологодские епархиальные ведомости. 1901. – №12. – С. 313.
10. Там же. – С. 314.
11. Шляпин В. Яренско-Устьсысольское духовное училище // Вологодские епархиальные ведомости. 1901. – №15. – С. 407-408.

12. Шляпин В. Яренско-Устьсысольское духовное училище // Вологодские епархиальные ведомости. 1901. – №12. – С.311-312; Некролог // Вологодские епархиальные ведомости. – 1880. – №18.
13. Шляпин В. Яренско-Устьсысольское духовное училище // Вологодские епархиальные ведомости. 1901. – №15. – С.406-407.
14. Шляпин В. Яренско-Устьсысольское духовное училище // Вологодские епархиальные ведомости. 1901. – №9. – С.231.
15. Сурков Н.И. Страницы истории социальной работы в Коми крае (1860–1917). Сыктывкар, 1998. – С. 178.
16. История земской школы и первоначального народного образования в Устьсысольском уезде. / Сост. В.Ф.Попов. Устьсысольск, 1911. – С.8.
17. ГУРК «НАРК». Ф.117. Оп. 1. Д.1267.
18. Общая численность людей, занятых на государственной службе и в сфере образования и медицины по материалам Всеобщей переписи населения 1897 года, составляла 1244 человека.
19. Первая Всеобщая перепись населения 1897 г. Вологодская губерния. Тетрадь II. СПб, 1904. – С.168-171, 176-178. Архангельская губерния. Тетрадь I. СПб, 1899. – С.124-125.

***Шарапова Наталья Алексеевна**
сотрудник Национального архива Республики Коми
г. Сыктывкар*

Чиновники полицейских управлений Мезенского и Печорского уездов (вторая половина XIX – начало XX в.)

В системе местных органов власти России большое значение имели полицейские учреждения, выполнявшие весьма широкие функции. В связи с этим научный интерес представляет анализ деятельности уездных полицейских управлений, его служащих.

В Архангельской губернии начало полицейской реформе положил указ Архангельского губернского правления от 20 ноября 1863 г. о закрытии во всех уездных городах губернии городнических правлений и о преобразовании земских судов в уездные полицейские управления в соответствии с «Временными правилами об устройстве полиции» [1]. Согласно «Временным правилам» уезд подлежал ведомству местной полиции, состоявшей из уездного полицейского управления – исправник, помощник исправника, секретарь, столоначальники, регистратор, и исполнительных чиновников, во главе со станowymi приставами (Схема 1). Учрежденное 23 ноября 1863 г. на территории Мезенского уезда полицейское управление подчинялось Архангельскому губернскому правлению [2]. Являясь административно-полицейским органом

власти, полицейское управление ведало уездной полицией. Основными функциями полицейского управления были: предупреждение и пресечение преступлений, охрана общественного порядка и безопасности, надзор за населением, политическими ссыльными. К обязанностям исполнительных чиновников относились: сбор податей и пошлин, наблюдение за выполнением повинностей, составление ведомостей, поимка преступников [3]. Существовавшие при уездных полицейских управлениях статистические отделы вели учет количества населения, крестьянских хозяйств, урожаев, производства промышленных предприятий. «Временные правила» сохранили прежнее деление уезда на более мелкие территориальные полицейские единицы – станы, введенное еще «Положением» 3 июня 1837г. [4].

Ко времени образования уездного полицейского управления, территория Печорского уезда была частью Мезенского уезда Архангельской губернии [5]. В 1861 г. в Мезенском уезде были образованы пять волостей и 13 отдельных сельских обществ на правах волостей: 1-й стан – Дорогорская волость, отдельные сельские общества: Белошельское, Бугаевское, Быченское, Вожгорское, Долгошельское, Койнасское, Лешуконское, Мелагорское, Олемское, Пылемское и Пыское; 2-й стан – волости Красноборская, Мохченская, Пустозерская и Усть-Цилемская, отдельные сельские общества Кедвавомское и Усть-Кожвинское (56 сел и деревень, 22 510 человек, станова квартира приставы в с. Усть-Цильме) [6]. В августе 1868 г. из волостей 2 стана: Кедвавомской, Мохченской и Усть-Кожвинской образован 3-й стан – Запечорский край. В 1878 г. из Мохченской волости Запечорского края выделена Ижемская. С образованием в 1891 г. Печорского уезда к нему отошли волости бывшего Запечорского края: Ижемская, Кедвавомская, Мохченская и Усть-Кожвинская Мезенского уезда и все волости 2 стана – Красноборская, Пустозерская и Усть-Цилемская [7]. Таким образом, в силу существовавшего административно-территориального деления Архангельской губернии, при рассмотрении вопроса о чиновниках полицейского управления Печорского уезда, необходимо также освещение деятельности служащих полицейского управления 2 и 3 станов Мезенского уезда.

Функционирование Мезенского и Печорского уездных полицейских управлений, состав и деятельность его служащих не являлись объектом специального исследования, хотя данный вопрос получил некоторое освещение в научной литературе. В фондах Национального архива Республики Коми и Государственного архива Архангельской области имеются сведения о служащих полицейского управления интересующего нас периода времени. Среди них: фонд Печорского уезд-

ного полицейского управления (Национальный архив Республики Коми, фонд 5), Канцелярии Архангельского гражданского губернатора (Государственный архив Архангельской области, фонд 1), Архангельского губернского правления (ГААО, фонд 4), Мезенского уездного исправника (ГААО, фонд 210), Мезенского уездного полицейского управления (ГААО, фонд 211), Пристава Печорского края Мезенского уезда (ГААО, фонд 234). В указанных фондах отложились следующие документы, содержащие информацию о чиновниках управления: сведения о службе чиновников за разные года, формулярные списки, краткие списки служащих, расходы на содержание. Формулярные списки чиновников полицейского управления имеются за 1865- 1872, 1869- 1870, 1873, 1881, 1884 гг. За 1878, 1879, 1884 и 1885 гг. имеются формулярные списки уездных исправников. Формулярные списки и аттестат представлены также за 1887 г. в «Переписке с Архангельским Губернским Правлением по личному составу уездных полицейских учреждений». Краткие списки чиновников представлены за 1873 г. Важные сведения, отражавшие происходившие в ведомстве изменения, содержатся в циркулярах губернатора, представленные за 1913- 1914 гг.

Схема 1

Наиболее полные сведения представлены в формулярных списках служащих, являвшихся послужными и составлявшихся ежегодно, а также аттестатах, составленных на основании формулярных списков. Формулярные списки содержат достаточно полные сведения о чиновниках: имя служащего, его возраст, происхождение, вероисповедание, семейное положение, чин и должность, полученное образование, передвижение по службе, взыскания и награды.

Одним из важных источников, содержащих сведения о чиновничестве Печорского уезда являются Архангельские губернские памятные книжки. Памятные книжки Архангельской губернии стали издаваться Архангельским губернским статистическим комитетом, в губернской типографии с 1850 г. Однако за некоторые года факт их выхода в свет

не установлен: за 1851, 1853–1859, 1867, 1869, 1871, 1874, 1876, 1879, 1882, 1887, 1889, 1891–1896, 1898, 1900, 1902, 1917 гг. Памятные книжки являлись своего рода информационным изданием и отражали действительную ситуацию в губернии. Нами были проанализированы имеющиеся в распоряжении памятные книжки за 1864–1868, 1870, 1872–1890, 1897, 1899, 1903, 1907–1916 гг.

Информация о чиновниках представлена в изданиях согласно существовавшим на территории Печорского уезда учреждениям и институтам государственной власти. Так, в памятных книжках значатся 100 служащих уездного полицейского управления. Всего в нашем распоряжении имеются данные о 117 чиновниках Печорского уездного полицейского управления. Имеющиеся источники позволяют охарактеризовать их следующим образом.

Информация о происхождении имеется у 46 служащих Печорского полицейского управления. Большинство чиновников происходили из семей военных: обер-офицеров – 17 чел. (37%) и штаб-офицеров – 1 чел. (2%) – всего 18 чел. (49%). 13 чиновников (28%) были выходцами из семей священнослужителей, в том числе из священнических детей 8 человек (17%), из дьяческих детей – 3 чел. (7%), происходивших из «духовного звания» и диаконских детей по 1 чел. – 2% (всего: 2 чел. – 4%). Число выходцев из семей дворян составило 9 человек (20%), один из которых, пристав 2 стана Мезенского уезда Константин Павлович Чабурин, был потомственным дворянином [8]. Двое из служащих (4%) были детьми канцелярских служителей и один – сыном писца (2%). Михаил Иванович Дмитриев, секретарь Мезенского уездного полицейского управления, был из приказнослужителей, а регистратор того же управления, Михаил Александрович Бабушкин – из нижних чинов бывшего казенного солеваренного завода [9]. Константину Георгиевичу Рогачеву, приставу 2 стана Печорского уезда, происхождение которого не известно, за службу было пожаловано звание личного почетного гражданина [10].

Давая оценку социальной принадлежности чиновников Печорского полицейского управления, можно отметить преобладание среди служащих выходцев из семей военных и священнослужителей, что характерно и для полицейских управлений Усть-Сысольского и Яренского уездов, однако, следует отметить, что среди чиновников нет происходивших из крестьян, что отличает социальный состав служащих Усть-Сысольского и Яренского уездов.

Чиновники уездных полицейских управлений за служебные успехи удостоивались различных поощрений. За заслуги перед государством служащие полицейских управлений были награждены: серебряной медалью за защиту г. Севастополя, светло-бронзовой, бронзовой и

темно-бронзовой медалями на Андреевской ленте в память войны 1853 – 1856 г., бронзовой медалью за усмирение польского мятежа в 1863–1864 гг. В числе наград значились также ордена: Св. Анны II, III и IV степеней, Св. Станислава II и III степеней, Св. Владимира IV степени; знак отличия беспорочной службы за XV лет и знак Общества Красного Креста.

Регистратор Мезенского уездного полицейского управления Василий Васильевич Быковский за «энергичную и усердную деятельность по обеспечению продовольствием жителей Запечорского края» в 1868 г. был удостоен благодарности Начальника Губернии. Подобная благодарность была объявлена и мезенскому уездному исправнику Виктору Игнатьевичу Рожижскому [11].

Известны и случаи нахождения чиновников под судом и следствием. Так, в частности, М.А. Бабушкин до определения на должность регистратора Мезенского полицейского управления был предан суду: за сокрытие дел о семейных разделах, ложное донесение, попытку освобождения сына мещанина Дурова от рекрутской повинности, и решением Архангельской Палаты Уголовного и Гражданского Суда оставлен в подозрении [12]. Секретарь Мезенского полицейского управления Михаил Иванович Дмитриев был судим за удержание у самоедина 100 рублей и 7 рублей у жены арестанта, за что был оставлен в подозрении и отстранен от должности с взысканием 14 рублей – суммы в 2 раза превышающей «подарка в 7 рублей», в пользу Приказа Общественного Призрения [13]. Подобное наказание – отрешение от должности с взысканием штрафа – было определено и для В.В. Лисенко, секретаря Печорского полицейского управления, за противозаконные действия по взиманию билетов обывательских станций без платежа прогонов [14].

Таблица 2

**Награды служащих Мезенского
и Печорского уездных полицейских управлений**

Наименование награждения		Количество
Знак	Знак отличия беспорочной службы за XV лет	2
	Знак Общества Красного Креста	2
Крест	Крест ополчения	1
Медали	Серебряная медаль за защиту г. Севастополя	1
	Светло-бронзовая медаль на Андреевской ленте в память войны 1853 – 1856 гг.	2
	Бронзовая медаль на Андреевской ленте в память войны 1853 – 1856 гг.	5
	Бронзовая медаль за усмирение польского мятежа в 1863–1864 гг.	1

Наименование награждения		Количество
	Темно-бронзовая медаль на Андреевской ленте в память войны 1853 – 1856 гг.	9
Ордена	Орден Св. Анны II степени	1
	Орден Св. Анны III степени	1
	Орден Св. Анны IV степени	1
	Орден Св. Станислава II степени.	2
	Орден Св. Станислава III степени.	3
	Орден Св. Владимира IV степени	1

Следует отметить, что в Уставе о пенсиях и единовременных пособиях [15] определялся ряд ограничений для чиновников, находящихся под судом и следствием. Так, в частности, чиновники, оставленные под подозрением, либо приговоренные по суду к наказаниям, связанным с лишением или ограничением прав состояния, исключением из службы и отстранением от должности, лишались права на пенсию, даже в случае освобождения от наказания по Высочайшему милосердию либо Всемилостивейшему манифесту [16]. При этом, «провинившиеся» служащие могли выслужиться и вновь заработать себе пенсию, без учета прежнего срока службы. Кроме этого, чиновник, загладивший отличной и усердной службой проступок, мог, испрашивая в виде награды, получить право на пенсию за полный срок службы, не считая наказания [17].

Немаловажное значение имеет характеристика образовательного уровня служащих. Данная информация имеется у 42 чиновников. 12 человек (29%) окончили духовные учебные заведения, из них: 7 человек (58%) окончили училища, четверо – семинарии (33%) и один из служащих – пристав Печорского края Мезенского уезда Василий Иванович Ульяновский после окончания Архангельской духовной семинарии продолжил обучение в Архангельской духовной консистории [18].

Полицейский надзиратель Константин Прокопьевич Володин и помощник исправника Василий Иванович Смирнов были кадетами Первого штурманского экипажа [19]. Помощник уездного исправника, происходивший из обер-офицерских детей Херсонской области, Василий Степанович Зеленский и уездный исправник, князь Иван Дмитриевич Кропоткин, выходец из дворян, воспитывались в частном учебном заведении [20]. Столоначальник Мезенского полицейского управления Трофим Васильевич Лисенко получил домашнее воспитание [21]. Кроме этого, в светских учебных заведениях образование получили 25 человек (60%), в том числе: в училищах – 17 человек (40%) и восемь (19%) – в гимназии.

Таблица 3

Учебные заведения, в которых обучались служащие Мезенского и Печорского уездных полицейских управлений

Наименование учебного заведения	Название учебного заведения	Кол-во обучающихся
Военные учебные заведения	Первый штурманский полукэкипаж	2
Духовные учебные заведения		
Училища	Архангельское духовное училище	5
	Лысовское духовное уездное училище	1
	Черниговское духовное уездное училище	1
Семинарии	Архангельская духовная семинария	4
Консистория	Архангельская духовная консистория	1
Светские учебные заведения		
Училища	Архангельское уездное училище	7
	Белозерское уездное училище	1
	Золотоножское уездное училище	1
	Конотопское уездное училище	1
	Мезенское 2-хклассное училище	1
	Мезенское уездное училище	2
	Мозырское уездное дворянское 5-классное училище	1
	Холмогорское уездное училище	2
	Шенкурское уездное училище	1
Гимназия	Архангельская губернская гимназия	5
	Могилевская губернская гимназия	1
	Харьковская гимназия	1
	Черниговская гимназия	1
Домашнее воспитание	-	1
Частные учебные заведения	-	2

Информация о доходах чиновников полицейского управления преимущественно содержится в формулярных списках служащих, а также расписаниях о расходах МВД по Архангельской губернии на 1878 и 1879 гг. [22].

Таблица 4

**Содержание городских и уездных управлений
Архангельской губернии**

Статья расхода	1878 г.	1879 г.
Личный состав	51 627 руб.	51 627 руб.
Хозяйственные расходы	20 133 руб. 50 коп.	50 343 руб. 14 коп.
Итого	71 760 руб.	101 970 руб. 14 коп.

Таблица 5

**Расходное расписание
Мезенского уездного полицейского управления на 1879 г.**

Статья расхода	1879 г.
Личный состав	5 727 руб. 72 коп.
Хозяйственные расходы:	7 432 руб. 59 коп.:
1. Хозяйственные расходы	- 2 212 руб. 54 коп.
2. Становым приставам	- 600 руб.
3. Содержание урядников	- 4 260 руб.
Итого	13 159 руб. 113 коп.

Размер содержания согласно имеющимся должностям можно выяснить только на основании имеющихся формулярных списков.

Таблица 6

**Содержание личного состава Мезенского и Печерского
уездных полицейских управлений на 1869 г. (рублей в год)**

Должность	Жалование	Столовые	Всего
Исправник	735	742,50	1477,50
Помощник исправника	490	495	985
Пристав	294	297	591
Секретарь	200	200	400
Полицейские надзиратели	200	200	400
Столоначальник	100	100	200
Регистратор	100	100	200

Канцелярский служащий полицейского управления получал жалование по трудам.

Для выяснения наиболее полных сведений о материальном обеспечении чиновников интерес представляют также списки на производство прибавочного жалования. Согласно «Положению об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях...» [23], в

Мезенском и Печорском уездах, как местностях, пользующихся особыми преимуществами, были следующие условия выплаты прибавок. Выплаты полагались трижды за выслугу пятилетнего срока, выплачивались в размере 25% от суммы жалования [24]. В списке «на производство процента прибавочного жалования за 5-летие» столоначальника Печорского полицейского управления Алексея Куренгина значилось: должность, чин, происхождение, время исчисления срока службы в привилегированных губерниях в классных должностях, сумма оклада по должности и прибавочного жалования, размер испрашиваемого прибавочного жалования. Так, по должности столоначальника, не имеющий чина Алексей Куренгин, при окладе по должности – 187 рублей 50 коп. за пять лет службы, размер испрашиваемого прибавочного жалования составил 46 руб. 87 коп. в год [25]. Пристав 2 стана Печорского уезда Константин Григорьевич Рогачев, претендующий на прибавку к жалованью за второе пятилетие, при окладе 375 руб. по должности полицейского надзирателя, прибавочного жалования за первое 5-летие получал 50 руб. в год., а испрашивал – 187 руб. 50 коп. в год [26]. Приставу Запечорского края Алексею Андреевичу Знаменскому за прослужение второго пятилетия в привилегированном Мезенском уезде прибавочное жалование составило половину оклада – 150 руб. в год [27].

Столоначальником Печорского полицейского управления Михаилом Егоровичем Мелехиным вместе с прошением о назначении пособия на лечение болезни был представлен бланк вопросов, необходимый для разрешения ходатайства. В указанном бланке значились следующие вопросы о просителе: имя, возраст, вероисповедание, звание, плата за квартиру и наличие жильцов, обстановка квартиры, совместно живущие члены семейства и их занятия, материальная обеспеченность детей, средства просителя к существованию, состояние здоровья, последнее место службы, сведения о нравственности и судимости, причины ходатайства о помощи, какого рода помощь необходима, личные замечания обследования и мнение исправника.

Следует отметить, что согласно «Положению об особых преимуществах гражданской службы...» [28], пенсии и единовременные пособия служащим Мезенского и Печорского уездов выплачивались на льготных условиях, с сокращением пенсионных сроков и с увеличением окладов пенсий. Два дня службы считались за три, а размер пенсии возрастал на три подразделения (разряда или степени).

Для выяснения ведения дел в уездном полицейском управлении интерес представляет «копия записки по ревизии Г. Начальником Архангельской губернии Мезенских учреждений в 1869 г. [29]» Исходя из записки, к 1 января 1869 г. в полицейском управлении было 19 не-

оконченных дел и 13 бумаг. В течение года поступило 150 дел и 5 765 бумаг. К концу года неразрешенных осталось 28 дел и 14 бумаг, из которых собственно за управлением – 4. Личные качества, а также распоряжения исправника Рожицкого и его помощника Александровича были признаны удовлетворительными, однако, в остальном были обнаружены недочеты. В числе недостатков работы управления было отмечено: беспорядок архива, неопрятное содержание дел и отсутствие описей. Медленное ведение дел становыми приставами, отсутствие должного контроля исправником их деятельности, редкие выезды исправника и его помощника в уезд, не оказание помощи мировым посредникам в сборе податей. За имеющиеся просчеты должно было последовать взыскание, но, ввиду отсутствия злоупотреблений и жалоб, ограничились замечанием с подтверждением «исправиться».

Таким образом, материалы фондов Национального архива Республики Коми (фонд Печорского уездного полицейского управления) и Государственного архива Архангельской области (фонд Канцелярии Архангельского гражданского губернатора, Архангельского губернского правления, Мезенского уездного исправника, Мезенского уездного полицейского управления, Пристава Печорского края Мезенского уезда), а также губернские памятные книжки Архангельской губернии содержат важные сведения для рассмотрения вопроса о чиновниках Печорского уездного полицейского управления. Имеющиеся источники предоставляют возможность выяснить численность служащих полицейского управления, установить особенности прохождения службы в отдаленном регионе страны и составить характеристику чиновников, с учетом сословной принадлежности, образования и вероисповедания, чина и должностей, получаемых доходов.

Литература и источники

1. Государственный архив Архангельской области (далее – ГААО). Ф.1. Оп.8. Д.790. Л.33-38; Ф.211. Оп.1. Д.3. Л.1-4
2. ГААО. Ф.211. Оп.1. Д.3. Л.3
3. ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.790. Л.33-38
4. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений. М., 1983, С.176.
5. ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.788. Л.20-20 об., 50-50 об.
6. Архангельские губернские ведомости (часть неофициальная). – 1861, №5, С.40-41.
7. Административно-территориальное деление Архангельской губернии и области в XVIII-XX веках. Справочник. Архангельск, 1997., С. 45-49.
8. ГААО. Ф.211. Оп.1. Д.576
9. ГААО. Ф.211. Оп.1. Д.144, 588.
10. Национальный архив Республики Коми (далее – НАРК). Ф.5. Оп.1. Д.2
11. ГААО. Ф.211. оп.1. Д.144

12. ГААО. Ф.211. Оп.1. Д.588. Л.155-166.
13. ГААО. Ф. 211. Оп.1. Д.144. Л.3.
14. ГААО. Ф.211. Оп.1. Д.144.
15. Уставы о пенсиях и единовременных пособиях.//Свод законов Российской империи. Все 16 тт. СПб., 1902. Т.Ш. Кн.2.
16. Там же. Ст.24, 26.
17. Там же. Ст.25, 28.
18. ГААО. Ф.211. Оп.1. Д.552.
19. ГААО. Ф.4. Оп.40. Д.39; Ф.210, Оп.1. Д.231.
20. ГААО. Ф. 211. Оп. 1. Д.552, Д.576, 588.
21. ГААО. Ф.211. Оп.1. Д.144.
22. ГААО. Ф. 211. Оп.1. Д.488.
23. Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также губерниях Западных и Царства Польского // Свод законов Российской империи. Все 16 тт. СПб., 1902. Т.Ш. Кн.3.
24. Там же. Ст. 1, примечание 1 к ст.1; ст. 17-20.
25. НАРК. Ф.5. Оп.1. Д.2. Л.6-7.
26. НАРК. Ф.5. Оп.1. Д.2. Л.29-30.
27. ГААО. Ф.211. Оп.1. Д.144. Л.81.
28. Положение об особых преимуществах... Ст.34-37.
29. ГААО. Ф.234. Оп.1. Д.4. Л.18-19.

Елькин Александр Юрьевич
краевед-исследователь
г. Сыктывкар

Транспортники Коми области в борьбе за восстановление и развитие отрасли (1918-1941 гг.)

Основными транспортными путями Коми области в 1918–1941 гг. оставались грунтовые дороги и судоходные реки. Судоходными для малых торговых судов были Вычегда, Сысола и Печора. Областные дороги государственного значения после революции не ремонтировались и пришли в непроезжее состояние. Дороги местного значения ремонтировались частично на местные средства, частично – путем дорожной повинности, которая проводилась по инициативе самого населения под руководством уездных и волостных исполкомов.

По состоянию на 1925 г. в области дорог местного значения было 2.250 км, что на 378 км больше чем в Усть-Сысольском уезде в 1914 г. [1]. Исключительную роль для южных районов имела линия Усть-Ухта – Усть-Сысольск – Мураши протяженностью в 670 км. Она была признана дорогой государственного значения и эксплуатировалась в течение всей зимы и особенно летом, когда р. Вычегда мелела. По некоторым данным, на каждый кв. км. в области приходилось 0,4 человека.

Вместе с тем, малая плотность населения не позволяла своевременно исправлять дороги посредством дорожной повинности [2].

После создания в 1921 г. Коми Автономной Области многие вопросы, в том числе и развития транспорта, власти могли формулировать и решать на местном уровне. Так, в 1925 г. после доклада Госплана РСФСР, по указу ВЦИК был проведен ряд мероприятий по дорожному строительству. Поощрялось привлечение трудоспособного населения на дорожные работы. В награду им передавался скот, находившийся в районе сельской местности. По данным областного бюджета, расходы на развитие путей сообщения в 1925/26 гг. составили 167.940 руб. В 1926/27 гг. расходы были увеличены до 182.935 руб. (т.е. на 15.000 руб. больше) и составили 5,5% от бюджета области [3].

План первой пятилетки намечал по транспортному строительству постройку в 1928–31 гг. железной дороги Пинюг–Усть-Сысольск (отрезок магистрали Москва–Ухта). Ускоренные темпы строительства обосновывались «необходимостью скорейшего соединения лесных массивов Области с лесопотребляющими районами». Планировалось сооружение Камско-Печорского канала – в 1929–30 гг. после дополнительных изысканий началось составление рабочего проекта. Предполагалось «улучшить» дорогу Усть-Сысольск–Половники–Ухта до автомобильного шоссе вместо гравийной дороги, достроить Якшинскую дорогу, соорудить грунтовую дорогу Ухта–Ижда, начать строительство грунтовой дороги Вочь–Гайна, постройку дорог в «колонизируемых участках» и подъездных путей к пристаням и железной дороге.

Протяженность всех запланированных автомобильно-гужевого дорог составляла 1385 км. Кроме того, предусматривалось улучшение дороги государственного значения Мураши–Усть-Сысольск и трактов областного значения; улучшение судоходных рек путем дноочистительных и дноуглубительных работ, установка опознавательных знаков и усиление речного флота на Печоре и Вычегде до пределов нового грузооборота этих рек. Плановые капиталовложения составили: по железной дороге Пинюг–Усть-Сысольск 23.200 тыс. руб., по водному строительству – 16.282 тыс. руб., по строительству речного флота – 2.832 тыс. руб., по гужевому и автомобильному транспорту – 12.306 тыс. руб. Всего – 54.620 тыс. рублей [4].

Кроме этого, в связи с постройкой линии Пинюг–Усть-Сысольск пятилетка Коми АО предусматривала постройку ряда новых фабрик – целлюлозно-бумажного комбината, трёх лесопильных заводов, завода строительных деталей и т.д. Объекты промышленного строительства были приняты Госпланом. Намечалась реконструкция и расширение существующих промпредприятий, а именно: на Сереговском солева-

ренном заводе – установка 4 новых белых варниц, переоборудование Нювчимского завода, расширение Усть-Сысольского лесопильного завода до трех рам и Печорского лесозавода до шести. Капитальные вложения на промышленность составили 57.284 тыс. руб. Строительство дорог вызвало «большой приток рабочих из-за пределов области», и это диктовало своевременное выполнение завоза товаров торговыми организациями.

Финансирование транспортного строительства проходило непосредственно через ОМЕС. Под руководством Областного Доротдела производился капитальный ремонт и устройство гравийного полотна на Мурашинском тракте государственного значения с расходом в 200 тыс. руб. За счет местного бюджета намечался капитальный ремонт и строительство по трактам областного значения Княжпогост-Турья-Глотова-Кослан, Устьсысольск-Усть-Кулом-Троицко-Печорск, Устькулом-Вочь и др.

В 1926 г. областные органы рассмотрели пятилетний план восстановления Печорского государственного речного пароходства. Он был разработан Управлением Северного госпароходства, которому принадлежали функции управления северными реками. План не удовлетворял требованиям реального хозяйственно-экономического и промышленного развития Печорского края, поэтому Облпланом был разработан новый вариант плана с увеличением провозоспособности к 1931 г.

В первую сталинскую пятилетку создание государственного речного пароходства на Печоре было завершено. На основе постановления Особой Комиссии, созданной для детальной проработки этого вопроса из представителей Управления Центрореки с участием Председателя Коми ОИК Мишарина, был разработан и утвержден договор Коми Обисполкома с НКПС на предоставление Обисполкомом целевого кредита в 200.000 руб. на организацию на р. Печоре самостоятельного государственного речного пароходства. В 1926 г. для приемки пароходства была создана особая Комиссия с участием представителя ОРКИ и Ижмо-Печерского УИКа. Местонахождение Правления пароходства решено было оставить в с. Щельяюр. Правление приняло на баланс все мощности и долги сформированного предприятия [5]. Основными задачами, поставленными перед пароходством, были транспортировка продукции угольной, нефтяной и лесной отраслей Коми АО, развитие которых было поставлено в первую очередь [6].

К концу 1920-х в бассейне Печоры установился стабильный рост лова и переработки рыбы на консервы. Увеличился улов семги 1-го сорта. В условиях речного рыболовства возникали трудности в органи-

зации транспортировки свежей рыбы. Проблемой была большая разбросанность ловецких тоней при невысоких суточных уловах рыбы на них.

В 1920-е гг. стала активно обсуждаться идея строительства порта в бухте Индиго Чешской губы Баренцева моря с последующим транспортным продолжением на территории Коми области. В логиях Северного Ледовитого океана о бухте Индиго упоминалось еще в 1903 г. полковником Дриженко. Его карта точно изображала общее состояние бухты. Однако детального описания ее не было. Описание захода в устье р. Индиги появилось только в 1914 г. в издании Архангельского Общества моряков Торгового флота «Спутник помора» [7].

Зимние рейсы в Индигскую губу начались с 1916 г. и носили экспедиционный характер. В декабре 1916 г. из Архангельска сюда впервые был отправлен ледокольный пароход «Георгий Седов» за олениной и навагой. Он совершил рейс и благополучно вернулся в г. Архангельск. Затем, в послереволюционные годы, за период 1919–1922 г. в январе месяце совершалось до пяти рейсов. Из них три окончились благополучно, в двух случаях – пароходы были затерты льдом. Неудача объяснялась недостаточностью запасов угля и отсутствием средств предотвращения оседания во льдах. Обследования бухты Индиго производились в 1921–22–23 и 24 гг. по заказу Комиссии по новым дорогам при ВСНХ [8].

Организованная в 1923 г. в Индигской бухте Гидрометеорологическая станция подтверждала наличие благоприятного зимнего режима бухты и возможность сооружения в ней порта для потока грузов. По данным 1925 г. в море не было неподвижного льда. Незначительное количество шуги появилось лишь 22 октября, когда Белое море было забито льдами. Последующее изучение показало, что природные условия бухты очень благоприятствуют устройству глубоководного морского порта. Встал вопрос о проведении к порту железнодорожной магистрали Омск–Индиго. Военно-стратегическая защищенность бухты была обоснована близким расположением о. Колгуев, на котором оставляли гарнизон и пограничные катера [9].

Развитие промышленности, создание новых и рост старых промышленных районов выдвигало ряд транспортных проблем, из которых наиболее крупной, а в то же время наиболее трудной являлась проблема Верхне-Камского района [10]. В связи с этим, в 1920-е гг. получил развитие вопрос о соединении Печорского и Камского бассейнов водным каналом. В районе Соликамска были сосредоточены важные производственные мощности. В районе Верхне-Чусовских городков было открыто промышленное месторождение нефти. Соединение охватывало площадь трех речных систем и обеспечивало их

доступность для глубокосидящих судов в течение 5–6 месяцев в году. Прилагался также проект заселения северных земель [11]. Одним из авторов разработки проекта водного соединения являлся вездесущий инженер Е.Г. Иогансон, известный по «индигской проблеме» [12].

Не все запланированные мероприятия Печорского пароходства проходили успешно. Плановая комиссия Области констатировала, что в 1936 г., как и в предшествующие годы, планы перевозок пароходства не выполнялись. Это было связано, прежде всего, с крупными неполадками, плохой постановкой кадровых вопросов, аварийным состоянием флота, задержками тоннажа в процессе погрузки и выгрузки, внеплановыми (случайными) грузами, задержками топливных поставок.

В 1934 г. планы перевозок были выполнены лишь на 47%, в 1935 г. – на 87%, в 1936 г. – на 53%. Число затонов для зимовки судов за три года было сокращено с 34 до 25. В навигацию 1936 г. 1/3 пассажирских судов была выведена из строя, 41% всего флота пароходства оказался в простое. Буксирные пароходы простаивали около 45% всего эксплуатационного времени. Показатель аварийности за 1935–36 гг. увеличился с 73 до 114 случаев! В результате, все это вело к снижению показателей работы пароходства. Нормы плана год за годом росли, но процент их выполнения уменьшался.

Одновременно, как по всей стране, на транспорте был подхвачен лозунг «Борьбы с вредителями!». Как указывается в отчете Облплана по второй пятилетке по Печоре, – «борьбы с мелководьем вредители не только не вели, но и старались сохранить это мелководье, и прикрывали его». Далее приведен пример: «землечерпательные машины в 1935 г. использованы на 28%, в 1936 – на 30%, капиталовложения по улучшению и углублению (реки – А.Е.) в 1934 г. выполнены на 31%, в 1935 – на 54%, 1936 – на 41%». Вывод звучал уже как приговор: «то есть враги искусственно организовывали мелководье за показной сутолокой якобы борьбы с ним». Вредительство искали не только в транспортной сфере. Указывались также факты намеренного «лимитирования в течение уже ряда лет добычи угля» [13].

По показателям 1936 г. себестоимость перевозок на реке стала выше на 34%, чем в предыдущий год. Вновь созданное Печорское Речное Пароходство давало ежегодно «миллионы рублей сверхплановых убытков». Характерной особенностью направленности грузопотоков оставался расчет на вывоз угля и нефти через Печорскую губу и Баренцево море в порт Архангельск.

Поправить положение дел с грузоперевозками призвано было строительство подъездных железнодорожных путей, а также магистралей. В конце 1920-х было запланировано строительство ветки п. Чи-

бью – пристань Усть-Вымь протяженностью 270 км. Для подвоза угля и нефти к глубоководным участкам рек Печоры и Вычегды начали строить «Усинскую железную дорогу» Воркута – Усть-Уса около 450 км. Запуск в эксплуатацию должен был состояться в 1938–39 гг. Планы трассировки проектируемых железных дорог менялись ежегодно [14]. Намеченное строительство железных дорог кардинально изменяло структуру перевозок по Печоре и Вычегде.

К вопросу железнодорожного строительства на севере был обращен большой интерес руководителей новой автономии и национального социума. Вокруг него было множество мнений, и он приобретал все большую политическую окраску: «Коми народ, заброшенный веляниями исторических судеб в Северо-восточный угол Европейского севера, не мог раньше участвовать в решении вопросов его касающихся, потому что никаких юридических прав на это не имел. Как нечто единое и целое, Коми народ стал представлять из себя только после получения автономии, а до этого были только «инородческие» волости разных уездов в разных губерниях. За него все вопросы решались в Вологде, Архангельске и т.д. Рассуждать же Коми народу, как таковому, о «больших» делах было не приказано и потому он или безучастно молчал, или, ничем не интересуясь, ничего не знал» [15].

За 1918–1941 гг. в Коми области было рассмотрено множество проектов железных дорог. Со времен царской России чиновничество и интеллигенция Коми края таили надежду на освоение территории одним из самых удобных и рентабельных видов транспорта. В первые послереволюционные годы самые оптимистичные представители местного населения, верившие в «оживление Севера», выдвигали варианты будущих рельсовых коммуникаций.

В 1918 г. Д.Я. Попов, будучи комиссаром народного хозяйства Усть-Сысольского уезда, предложил проекты железнодорожных линий Вятка – Усть-Сысольск – Ухта и Котлас – Усть-Сысольск [16]. Художник А.А. Борисов продолжал отстаивать свой план «Великого Северного пути» – строительство железнодорожных магистралей Обь – Котлас, Котлас – Сорока, Котлас – Петроград и Котлас – Устюг – Кострома [17].

Были выдвинуты и другие планы магистрального строительства. Среди них был проект линии Кама–Печора–Ухта–Инди́га. Авторы этого проекта предполагали, прежде всего, освоение ухтинских нефтяных месторождений. Нефтяные продукты должны были поступать на волжские и уральские предприятия, либо идти на экспорт через морской порт, который предполагалось устроить в Инди́гской бухте. Оспаривая проект А.А. Борисова, авторы Камо – Печоро – Инди́гского проекта приводили доводы о выгоде компактности значительно

более короткой трассы, чем трансмагистральные пути на запад к Мурманскому и Архангельскому портам [18]. Внимание значительного числа государственных и общественных деятелей привлекал вариант транспортировки ухтинских нефтяных богатств в центральный район России посредством строительства железной дороги Москва–Ухта [19]. Все эти замыслы создания коммуникаций вызывала к жизни идея освоения богатств, наличие которых выявлено многочисленными экспедициями [20].

Коми область в основном поддерживала проекты железнодорожных линий Петропавловск–Индиго, Кама–Печора и Москва–Ухта, стремясь, таким образом, замкнуть коммуникации на район устья Печоры и Индиго. Размер предполагаемых грузов района тяготения менялся с планомерным развитием добывающей промышленности области [21]. Как писалось о состоянии железнодорожного вопроса в середине 1920-х, – «Коми область переживает переломный момент в своей жизни. От направления проектируемых железных дорог всецело будет зависеть подыятие культурного и экономического развития края» [22].

Несмотря на появление множества вариантов железнодорожных соединений и активное проведение по ним изысканий, их осуществление откладывалось. Причиной задержки первоначально был хаос Гражданской войны, а затем – финансовые и административные трудности советской республики. Одно из главных мест при рассмотрении центральными органами власти плана строительства северных железных дорог занял проект магистрали Москва–Ухта. В 1919 г. экспедицией инженера Розенталя были проведены изыскания линии. В 1920 г. предварительные инструментальные изыскания произвела экспедиция инженера Матвеева.

Проект железной дороги Пинюг – Усть-Сысольск получил поддержку Коми автономной области в лице областного исполнительного комитета (ОИК), который видел возможность выполнения пятилетнего плана промышленного развития только при условии функционирования этой коммуникации. Решение вопроса о строительстве Пинюг–Сыктывкарской железной дороги приветствовали как важнейшее, «наряду с районированием Северного края и его составной части – Автономной Коми области» [23].

В июне 1929 г. на заседании Госплана СССР был заслушан доклад представителя НКПС М.П. Белоусова, который, проанализировав экономическое обоснование трех вариантов линии Москва – Ухта, пришел к выводу, что «по общим показателям на первом месте стоит Пинюгский вариант... поэтому следует принять (его – А.Е.) и снять изыскательскую группу с Котласского направления». Решение о том, что-

бы «начать постройку в пределах общего для обоих вариантов участка – около 30 км от Усть-Сысольска», было принято в июне 1929 г., когда окончательные изыскания линии все еще не были произведены. Только поздней осенью 1929 г. были закончены геологические изыскания по трассе, которые также не являлись окончательными и требовали дополнительного изучения грунта там, где должна была пройти железная дорога [24]. Строительство железной дороги Пинюг – Усть-Сысольск было возложено на «Севжелдорстрой» во главе с А.И. Слабковичем. Основными участниками строительства стали заключенные Усть-Вымского исправительно-трудового лагеря ОГПУ и вербованные на работу жители Коми области [25].

В феврале 1930 г. НКПС утвердил весь общий план линии протяжением 275 км и передал его Лагерю для постройки. В ходе строительства выяснилось, что при изысканиях использовались «крайне слабо освещающие местность карты», что «большинство элементов этих карт оказались в полной расхожимости с имеющимися в этих лесах особенностями» [26]. Так же, бездарно было организовано снабжение. Строители сталкивались с проблемами доставки оборудования и инструментов, завоза железа и рельс, поставок лошадей. Не удавалось привлечь необходимые профессиональные кадры для проведения инженерных работ. Не говоря уже о нормальных условиях для проживания людей. Случалось, что по ходу работ НКПС несколько раз менял решение о выборе варианта участка. В результате конъюнктурные планы строительства не выполнялись [27].

Строительные работы продолжались до 1931 г. Затем НКПС принял решение о консервации строительства, мотивируя – наличием «весьма жестких финансовых и рельсовых лимитов». На тот момент было затрачено более 10 млн. рублей, выполнено 50% земляных работ, прорублена и расчищена на всем протяжении трасса дороги, построены мосты и искусственные сооружения на 65% [28].

В начале 1930-х у областной элиты все еще были иллюзии о завершении строительства законсервированной дороги Сыктывкар – Пинюг. Несмотря на ходатайства ОИК в центральные органы власти, вопрос о строительстве железной дороги на территории Коми области был отложен до 1937 г. К этому моменту были произведены изыскания линии Воркута – Усть-Уса – Чибью – Усть-Вымь [29].

В октябре 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило план строительства железной дороги Воркута – Княжпогост – Котлас, но без выхода на Сыктывкар. В результате было начато сооружение Северопечорской магистрали, с направлением к Ленинграду. По мнению вышеупомянутого А.А. Борисова, ориентация линии на «северную сто-

лицу» имела целью решить «топливную проблему Ленинграда» посредством ухтинской нефти. В середине 1940-х годов строительство этой магистрали было остановлено на станции Коноша. В 1940 г. в соответствии с постановлениями ЦК ВКП(б) «О строительстве Северо-Печорской железнодорожной магистрали и добыче воркуто-печорских углей» и «О срочном строительстве Кожвинского комплекса» для продолжения строительства линии на участке Кожва-Воркута была создана мощная транспортно-строительная организация «Печжелдорстрой» («Печорстрой») [30].

Итак, предлагавшиеся в 1920–40-е годы проекты железных дорог требовали проведения тщательных технико-экономических изысканий и грамотного сопоставления полученных сведений с условиями строительства и перспективами направления коммуникаций. На практике это не всегда выполнялось вовремя и основательно. Известно о серии более скрупулезных изысканий Центрального управления по сооружению железных дорог НКПС, предпринятых в 1920-е по проектам А.А. Борисова [31].

Примером неудач в составлении проекта и сооружении служил провал строительства железной дороги Пинюг – Сыктывкар. Был осуществлен лишь проект Северо-Печорской магистрали. Осуществление Северо-Печорской магистрали обусловило специфику дальнейшего развития добывающей и производящей промышленности края.

В Вычегодском и Печорском бассейнах в 1920-е гг. по данным областных органов, возникали проблемы со сплавом. Это объяснялось как быстрым темпом развития лесозаготовок, так и вопросами обеспеченности «рабсилой», паровой тягой и пересмотром существующих методов работы. Опыт сплавной кампании 1929 г. показал неудачи сплава. Пополнение топлива буксиром проходило опасно, и аварии не были редкостью. «Дедовский» способ сплава обходился дорого, и его нужно было менять. Были озвучены призывы сокращать расходы при сплаве, сокращать потребности рабочей силы, смягчать недостатки паровой тяги посредством рационализации процесса. Эти мероприятия проводились в 1929–30 гг. [32].

Как известно, в конце 1920-х гг. в Коми АО началось создание «постоянной материально-технической базы лесозаготовок». Транспортная отрасль была в тесном взаимодействии с лесной и составной частью технологического процесса циркуляции леса от лесозаготовителя к состоянию готовой продукции. Поэтому понятна столь высокая озабоченность руководства автономии в увеличении поставок техники. В 1929–30 гг. трестом «Комилес» было получено 20 импортных тракторов, организовано две тракторных базы в Часово и Помоздино [33].

Существовавший способ сплава однорядками до Котласа был постепенно упразднен из-за нерентабельности. Только за 1927–28 гг. трест «Комилес» получил от Госпароходства 37.000 руб. компенсации за утерю леса «по стихийным бедствиям». К убыткам также прибавлялся простой пароходов, потеря древесины и др. Это влияло на повышение тарифа. В 1929 г. «Комилес» за сплав древесины на расстояние от Усть-Сысольска до Архангельска (1065 км) пароходами платил 3,3 коп. за кубофут. По Волжско-Камскому бассейну от Перми до Волгограда (расстояние 3117 км) по тарифу Госпароходства взималось 2,5 коп. за кубофут. Тариф Северо-Двинского бассейна оказывался дороже на 32%.

Процесс совершенствования сплава древесины продолжался и в 1930-е. В записке Севкрайкома в ЦК ВКП(б) «О выполнении лесозаготовок» от 1937 г. отмечалось: «в прошлом году мы не смогли сплавить всего леса и свыше 1500 тыс. куб. м. леса у нас осталась на речках» [34]. Для удешевления стоимости сплава, рационального использования рабочей силы, паровой тяги и ускорения прохождения сплава, транзитный сплав стал проводиться только «лотовками и плотами» [35]. Началось использование молевого сплава древесины [36]. Была развернута агитационная кампания за достижение и перевыполнение плановых обязательств по транспортировке. Известны так называемые «бригады-звучников» – передовые бригады, которые занимались лесозаготовками и лесосплавом и курсировали с одного объекта на другой. Предпринимаемые меры со временем дали ощутимые результаты, и за 10 лет (1921–1931) отмечалось увеличение вывоза древесины за территорию республики почти в 6 раз.

Удельный вес механизированной лесовывозки в 1936 г. составил 6,4%. Механизация погрузочных и трелевочных работ находилась «в зачаточном состоянии». Механизация валки леса отсутствовала вовсе. В результате, несмотря на значительный рост капиталовложений в хозяйство Коми АССР – в 4 раза по сравнению с первой пятилеткой, в том числе и на транспорт, – плановый показатель второй пятилетки по республике выполнен не был [37]. Приходилось выходить из положения путем «продления сроков платной гужевой повинности», то есть – привлечения местного населения для вывоза леса. В этой связи для «оплаты труда» был введен новый термин – «гуждень», означавший показатель работы человека по транспортной «повинности» [38].

В 1937 г. отмечалось некоторое пополнение тракторного парка лесозаготовительных предприятий – количество тракторов увеличилось с 32 в 1932 г. до 117 единиц. В 1938 г. на предприятиях ГУЛАГа Коми АССР было заготовлено 4,54 млн. куб. м. древесины, из них вывезено

было 3,7 млн. куб. м. Древесины [39]. В июне 1940 г. в ходе строительства магистрали Воркута-Коноша на Печоре была построена пристань Канин-Нос, позднее преобразованная в «Печорский речной порт», который охватывал грузы со всего водно-железнодорожного транспортного узла [40].

Проводились планомерные исследования рек и состояния их судоходных условий. В 1926 г. по заданию Архангельского Управления Северного Речного Госпароходства Усть-Сысольское Агентство производило точные промеры расстояний по Сыsole и Вишере [41]. Решались вопросы организации работы и почтовой связи области. В 1926 г. Облплан, по представлению уполномоченного округа связи, признал необходимым установление еженедельного почтового сообщения между с. Якша (Коми области) и с. Нырб (Верхне-Камского округа Уральской области), что после ходатайства перед Северным Округом Связи и было осуществлено. Продолжало функционировать еженедельное почтовое сообщение между Троицко-Печорским и Якшей и т.д. В начале 1930-х между этими пунктами была установлена телефонная связь [42].

Таким образом, в 1918–1941 гг. в Области функционировали грунтовые почтовые, торговые и проселочные дороги, была налажена эксплуатация водных транспортных артерий, началось строительство железных дорог. Пароходства активно строили и приобретали суда различной мощности и водоизмещения, баржи, мотор-лодки. Развивалось судоходство по рекам Северо-Двинского бассейна. В отношении Печоры – в конце 1920-х было создано государственное пароходство, субсидировалось развитие портов.

Местный бюджет содержал за свой счет большинство дорог, включая дорогу государственного значения Мураши-Сыктывкар-Половники-Ухта. Доставка грузов по дорогам осуществлялась посредством тягловой силы лошадей и автомобилями. Использовались деревянные повозки, сани, и различные модели автотранспорта, с грузовыми прицепами. Отмечен рост оборотов грузовых и пассажирских перевозок по сравнению с началом XX в. Благодаря развитию сети в различные уголки края могли доставляться товары первой необходимости – хлеб, соль, спички, вино, сахар, сало. Недостатки транспорта призваны были восполнить разработки водно-энергетических комбинатов, проектов железных дорог, а также начавшееся строительство последних (Пинюг-Сыктывкар и Воркута-Коноша).

Область обладала большими запасами природных богатств и полезных ископаемых – лесами, лугами, угольями, месторождениями нефти, угля, железа, точильного камня, благородных металлов и др.

Проводилось тщательное изучение и строительство новых путей сообщения, в том числе, и развитие судоходства на реках. Водные пути были необходимы для дешевого способа вывоза грузов и ввоза продукции из центральной части России. Экономическое состояние и все серьезные хозяйственные начинания находились в прямой зависимости от состояния водных путей, грунтовых, шоссейных и железных дорог. Стагнация индустриального развития региона сохранялась до тех пор, пока на северные территории не пришла железная дорога.

Литература и источники

1. ГАВО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 3170. Л. 188, 191; Жилинский А.А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Петроград, 1919. – С. 260.
2. Мишарин Е. Наши пути сообщения// Коми му. 1925. – №2. – С. 3-5.
3. Местный бюджет// Коми му. 1926. – №6 (28). – С.49.
4. Модянов А. Перспективы хозяйственно-культурного строительства Коми области в 1929-30 году. (Экономический отдел.)/// Коми му. 1929. – №14(72). – С.18.
5. Пути сообщения. Организация на р. Печоре самостоятельного пароходства// Коми му. 1929. – №1-2 (23-24). – С. 94.
6. ГУ РК «НА РК». Ф.Р.-1010. Оп.1. Д. 28. Л. 47.
7. К вопросу об изыскании бухты Индиго// Коми му. 1926. – №3 (25). – С.47.
8. Порт Индиго// Коми му. 1926. – №8(30). – С.24-25.
9. ГУ РК «НА РК». Ф.Р.-1010. Оп. 1. Д.36. Л.1-12.
10. Андронов В. Проблема Камско-Печорского водного пути// Правда, №115 от 23 мая 1929 г. – С.1; Муравьев Г. Кама-Печора-Вычегда// Коми му. 1929. – №13. – С.17-30.
11. Исследования Камско-Печорского водного пути (Электроплан при Главэлектро ВСНХ СССР)// «Электричество». М.-Л., 1929. – №21-22. – С. 611; Экономический отдел// Коми му. 1929. – №13. – С. 43.
12. Иогансон Е.Г. Отчет о работах партии по исследованию реки Печоры и ее притоков в 1913 г. // Материалы для описания русских рек и история улучшения их судоходных условий. СПб., 1914. Вып.56, С.228-253; Иогансон Е., Разин Н. и Михельсон Л. Проблема Камско-Печорско-Вычегдского водного пути. Комплексные водохозяйственные проблемы СССР: материалы к конференции. М.-Л., 1932. – С.87-116.
13. ГУ РК «НА РК». Ф.Р. –1010. Оп.1. Д. 77. Л. 54.
14. Наиболее характерные разногласия в вопросе железнодорожного строительства на севере// Коми му. 1926. – №7 (29). – С.4-9.; Салтурин С.П. О Пинюг-Усть-Сысольской железной дороге // Коми му. – 1927. – №6-7.; О постройке железной дороги Пинюг-Усть-Сысольска// Коми му. 1929. №7. С. 44-48.; ГУ РК «НА РК». Ф.Р. –3. Оп.1. Д. 1686. Л.2-10.
15. Анофриев И. К проекту взаимоотношений Облсполкомов Северо-восточной области и Автономной области Коми по осуществлению районирования Северного края; И. Прокофьев. Железнодорожные линии Обь-Котлас-Сорокская и Обь-Урало-Беломорская// «Северное хозяйство». 1926. – №4;

- А.Н. Кипарисов. Железнодорожные пути// Северо-Восточная область. 1924. ч. I. – С.304.
16. ГУ РК «НА РК». Ф. Р.- 3. Оп. 1. Д. 1678. Л. 123; Попов Д.Я. Линия Вятка-Усть-Сысольск-Ухта. Экономический доклад к вопросу о железнодорожном строительстве на Севере// Зырянская жизнь. 1918. 27,30 августа, 1,8,12,19,26 сентября, 4, 12 октября.
17. Волбый В.М., Борисов А.А. Великий Северный путь. В.- Устюг., 1929. – С. 9.
18. О проекте великого Северного пути // Правда Севера. 1929. №12. 7 июня. Л. 2.
19. ГУ РК «НА РК». Ф. Р.- 3. Оп. 1. Д. 1676. Л. 1, 11.
20. Природные богатства Коми области// Коми Му. 1929. – №13(71). – С. 34.; Разработки точильного камня на Печоре// Коми Му – Зырянский Край.1926. №10(32). С. 4-7.; О геологических исследованиях в Коми области в 1926 г. // Коми Му. 1926. №6. С. 48. и др.
21. Новоченко В.А. Итоги железнодорожных изысканий в Северном районе. Вологда, 1924.; ГУ РК «НА РК». Ф.Р.-3. Оп.1. Д. 584. Л.2.; Д. 244. Л.76.
22. Мартошев А. Наиболее характерные разногласия в вопросе железнодорожного строительства на севере// Коми му. 1926. – №7 (29). – С.4-9.
23. Модянов А. Там же. С.17.
24. ГУ РК «НА РК». Ф.Р. – 1668. Оп.1.Д.13.Л.8-30.
25. ГУ РК «НА РК». Ф.Р. – 139.Оп.1.Д.590.Л.1.
26. ГУ РК «НА РК». Ф.Р. – 3. Оп.1.Д.1686. Л.37.
27. Морозов Н.А. ГУЛИАГ в Коми крае. 1929-1956. Сыктывкар, 1997. – С.104.
28. ГУ РК «НА РК». Ф.Р. – 870.Оп.1.Д.58.Л.7.
29. Алексей Бенедиктович Бакулин (1899–1939) – нарком путей сообщения с августа 1937-го по апрель 1938-го гг.
30. Дмитриков М.П. Создание единой транспортной системы Коми АССР (1938-1960 гг.). Автореферат... Л., 1986 С.11; Печорское строительство// Элита бизнеса Республики Коми. Сыктывкар, 2001. – С. 166.
31. РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 12. Д. 499. Л. 47.
32. Кучев А. Пути рационализации сплава по Вычегодскому бассейну (Экономический отдел) // Коми Му. 1929.- №14(72). – С. 42.
33. Индустриальное развитие Коми АО в 1920-е// История Коми с древнейших времен до конца XX в. Сыктывкар, 2004. – С. 345.
34. Докладная записка Севкрайкома в ЦК ВКП(б) «О выполнении лесозаготовок» 1937 г.// Советская Лесная экономика. Москва-Север. 1917-1941: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2005. – С. 291.
35. Лотовки (маточные головки – двухворобные с реями и для пароходов одноворобные) камского типа использовались для «самосплава».
36. За Новый Север. 1931. №№22-64.
37. ГУ РК «НА РК». Ф.Р. – 870. Оп.1. Д.241. Л.72-81,84; Сведения об итогах выполнения второго пятилетнего плана по лесной промышленности Коми АССР. 1937 г.// Советская Лесная экономика. Москва-Север. 1917-1941: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2005. – С. 291.

38. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) (1941г.)// Советская Лесная экономика. Москва-Север. 1917-1941: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2005. – С. 291.
39. ГУ РК «НА РК». Ф.Р. – 14. Оп.2. Д.2085. Л8,82.
40. Печорский речной порт// Элита бизнеса Республики Коми. Сыктывкар, 2001. – С.157.
41. Пароходное сообщение// Коми му. 1926. – №3 (25). – С. 48.
42. Известия Уральского Облесполкома. 1926. №43.С. 11.; Почтовая связь // Коми му. 1926. – №3(25). – С.49.

***Бандура Светлана Владимировна**
заместитель директора по науке
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар*

Медицинский персонал Яренского уезда Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века: к истории формирования интеллигенции в Коми крае

В исследовании проблемы формирования социального слоя интеллигенции не последнее место занимает изучение численности и состава профессиональных групп интеллигенции. Одну из профессиональных групп интеллигенции Коми края, процесс формирования которой относится к XIX – началу XX вв., составляет медицинский персонал. В отечественной историографии на материалах Яренского и Устььсыольского уездов Вологодской губернии рассмотрена история становления земской медицины в уездах Коми края [1]. Интересным дополнением к истории земской медицины на окраинных территориях Российской империи являются сведения о самих представителях земской медицины – врачах, фельдшерах, акушерках, входивших в штат уездных земских организаций и стоявших у истоков медицинской службы в регионе.

Статья написана на основе делопроизводственной документации Яренского уездного земства, часть которой составляют списки учреждений и служащих уездного земства, а также формулярные списки медицинских и ветеринарных работников Яренского уезда, хранящиеся в Национальном архиве Республики Коми [2].

На протяжении XIX – начала XX веков складывалась система медицинского обслуживания населения Коми края. В ходе этого процесса формировался медицинский персонал. В середине XIX века в каждом уездном городе Вологодской губернии было по одной больнице. Население Коми края обслуживали Яренская больница – на 6 кроватей, и Устььсыольская больница – на 10 кроватей. Уездные врачи,

служившие при больницах, состояли на государственной службе, при поступлении в которую получали чин коллежского ассесора. До 70-х годов XIX века в Усть-Сысольске служил один уездный врач. Кроме Устьсысольского уезда он обслуживал население соседнего Яренского уезда. В 1850–1860 гг. в Усть-Сысольском и Яренском уездах в должности уездного врача служили Адам Осипович Римашевский, Михаил Николаевич Шмелёв, Григорий Степанович Крылов, Александр Игнатьевич Држевецкий [3].

Медицинский персонал Яренского уезда на момент введения земских организаций состоял из 10 человек: заведующего городской больницей, двух фельдшеров, шести оспопрививателей и одной повивальной бабки. В 1874 г. на службу в Яренский уезд был определен земский врач Г. Сакс [4]. В 1885 г. уезд был разделен на 6 фельдшерских участков. Фельдшера находились в селах Лена, Айкино, Часово, Серегово, Кослан, Важгорт. В Яренском уезде долгое время важной проблемой была нехватка медицинского персонала. В 1874 году уездное земское собрание обратилось в губернское собрание с просьбой «ввиду недостатка фельдшеров в уезде и отсутствия желающих ехать в этот глухой край, назначить в Яренский уезд одного из лиц первого выпуска Вологодской фельдшерской школы». В 1895 году была введена должность второго врача. На неё был приглашен выпускник медицинского факультета Юрьевского университета Вениамин Львович Волк, который все последующие годы прослужил врачом в Яренском земстве [5].

В начале XX в. сельское население Яренского уезда, кроме городской больницы, обслуживали Сереговский и Ёртомский приемные покои. Уезд был разделен на три врачебных участка. Первый участок возглавлял заведующий городской земской больницей Аминонд Павлович Файвилевич, не имеющий чина. Места заведующих обоих приемных покоев первое время оставались вакантны [6]. С 1904 по 1911 гг. в Ёртомском приёмном покое сменилось три врача. Дольше всех – 5 лет – проработала здесь Д.А. Фабрикантова [7].

В 1911 г. медицинский персонал Яренского уездного земства состоял из 84 человек. В уезде действовало две больницы – Яренская на 35 кроватей и Устьвымская на 25 кроватей, лечебница в селе Ертом на 10 кроватей и 3 приёмных покоя в сёлах Шешки, Важгорт и Кослан. Врачами при Яренской городской больнице служили В.К. Писарева и К.Е. Добряков, в Устьвымской больнице – Н.А. Бронников. В лечебнице и приёмных покоях места врачей оставались вакантны [8]. Медицинский персонал Яренской городской больницы состоял из двух врачей, четырех фельдшеров и одной акушерки. В 1909 г. после окончания медицинского факультета Казанского университета городскую

больницу возглавил Константин Евгеньевич Добряков, уроженец г. Яренска. Штат Яренской городской аптеки состоял из провизора, трёх помощников провизора, двух аптекарских учеников и одного упаковщика. В 1911 г. аптеку возглавляла С.К. Писарева-Сандлер. Помощниками состояли М.П. Попова-Кулик, М.П. Сабуров, П.М. Вересов, аптекарскими учениками Е.Н. Одинцова и А.Е. Добряков [9].

Сеть медицинских учреждений охватывала всю территорию уезда. Уезд был разделен на 6 врачебных участков, пять из которых занимали коми-зырянские волости. Сельское население Яренского уезда получало помощь в фельдшерских и акушерских пунктах. В 1911 г. население обслуживало 19 фельдшерских и 20 акушерских пунктов. Из 39 мест фельдшерско-акушерского персонала лишь одно оставалось свободно. Из-за нехватки врачей многие виды медицинской деятельности (лечебная, родовспомогательная, противозидемическая) выполнялись самостоятельно медицинскими фельдшерами. Фельдшерско-акушерский персонал уезда составлял 52 человека. Многие годы в Яренском уездном земстве служили фельдшерами М.В. Голенев, П.К. Журавлев. Штат ветеринарной службы в уезде состоял из врача и ветеринарных фельдшеров. Кроме Яренской ветеринарной лечебницы в девяти сёлах уезда существовали фельдшерские ветеринарные пункты [10].

Важным источником при исследовании темы формирования интеллигенции являются формулярные списки, личные дела служащих. Они оформлялись на каждого служащего по месту работы и характеризовали его по целому ряду социальных и профессиональных показателей: место, дата рождения, пол, возраст, социальное происхождение (указывалось не всегда), чин, размер жалования. Данный источник позволяет выяснить социальные происхождение, продолжительность службы специалиста на одном месте, помогает раскрыть особенности службы профессиональной интеллигенции на Севере.

Рассмотрим данные 80 формулярных списков медицинских служащих Яренского земства, работавших в Яренском уезде с 1907 по 1917 гг. [11]. Из 80 человек медицинского персонала с высшей медицинской квалификацией было 9 человек: 6 медицинских врачей; 2 зубных врача; 1 ветеринарный врач. Младший медицинский персонал состоял из медицинских фельдшеров (29 человек), повивальных бабок (20 человек), ветеринарных фельдшеров (7 человек) и аптекарских работников (13 человек). Значительное число (34 человека) были родом из Яренского уезда Вологодской губернии. Многие являлись уроженцами соседних уездов Вологодской губернии (Устьесольского, Тотемского, Никольского, Сольвычегодского уездов) и близлежащих Архангельской и Вятской губерний. Кроме того, были служащие, при-

бывшие на Север из отдалённых регионов: Костромской, Полтавской, Минской, Псковской губерний [12].

Медицинский персонал Яренского уезда Вологодской губернии в начале XX в. по социальному составу был разносословным. Служащие происходили из крестьян, мещан, дворян, а также семей чиновников, священнослужителей, учителей. Таким образом, часть медицинского персонала относилась к интеллигенции второго поколения. Интеллигенцией второго поколения можно назвать Павла Павловича Тарабукина (1889 г.р.) – медицинского фельдшера Усть-Вымской земской больницы, сына чиновника г. Яренска [13]; Васильеву Елизавету Николаевну (1893 г.р., с. Палевицы Яренского уезда) – акушерку Ипатьевского участка, дочь медицинского фельдшера [14]; Попову Антонину Андреевну (1891 г.р.) – зубного врача Яренского уездного земства, дочь священника Никольского уезда Вологодской губернии [15]; Либровского Павла Александровича (1889 г.р.) – медицинского фельдшера Устьвымской больницы, сына священника Яренского уезда [16]; Ельцова Александра Антоновича (1887 г.р.) – аптекарского помощника Яренской земской аптеки, сына дьякона Кадниковского уезда Вологодской губернии [17]; Амосова Феодосия Алексеевича (1895 г.р.) – медицинского фельдшера Ертомской лечебницы Яренского уезда, сына учителя церковно-приходской школы с. Часово, Яренского уезда [18]; Торкова Павла Алексеевича (1888 г.р.) – медицинского фельдшера Турьинского участка, сына смотрителя Яренской земской больницы, почётного гражданина Алексея Николаевича Торкова [19]. В начале XX в. в Яренском уезде складывались семьи интеллигенции. Среди них чаще встречаются супружеские пары среднего медицинского персонала. В 1913 г. в Шешецком медицинском участке работали Кебка Антон Иванович (1887 г.р., из крестьян Полтавской губ.) – ветеринарный фельдшер и его жена повивальная бабка Пелагея Фёдоровна (в девичестве Щалова) 1892 г.р., из крестьян Яренского уезда. В 1914 г. в устьвымской земской больнице работала супружеская пара Либровских: фельдшер Павел Александрович и его жена Надежда Дмитриевна (в девичестве Акишина 1890 г.р., родом из Яренского уезда). В те же годы в Коквицком медицинском пункте работала супружеская пара Льюровых: фельдшер Алексей Платонович (1890 г.р.) и его жена повивальная бабка Дарья Дмитриевна (в девичестве Пирогова 1887 г.р. из крестьян Никольского уезда Вологодской губернии). В медицинских учреждениях Яренского земства служили супруги Поповы: медицинский фельдшер Николай Дмитриевич (1884 г.р., Холмогорский у. Вологодской губ.) и повивальная бабка Анна Андреевна (в девичестве Подорова, 1890 г.р.,

Яренский у.); супруги Сметанины: Алексей Александрович (1887 г.р., Сольвычегодский у.) – ветеринарный фельдшер Шешецкого участка и его жена Мария Васильевна (в девичестве Волинцева, 1878 г.р., из мещан г. Устюга) – повивальная бабка; супруги Шашевы: Евдокия Александровна (1881 г.р.) – медицинский фельдшер и Григорий Александрович – ветеринарный фельдшер; супруги Покровские: Михаил Степанович (1878 г.р., Яренский у.) – потомственный почётный гражданин, медицинский фельдшер Ертомского приёмного покоя и его жена Юлия Николаевна (в девичестве Иванова) – уездная повивальная бабка [20].

В начале XX в. складывались семьи из представителей интеллигенции, служащих в сфере медицины и образования. В Яренском земстве служили супруги Глотовы: ветеринарный фельдшер Михаил Андреевич (1887 г.р., из крестьян Яренского уезда) и учительница церковно-приходской школы Вера Яковлевна (в девичестве Худяева); супруги Серебренниковы: Константин Иванович (1885 г.р., г. Яренск) – медицинский фельдшер и учительница Валентина Николаевна (в девичестве Байбородина) [21].

В начале XX в. штат старшего медицинского персонала Яренского земства состоял из медицинского, зубного, ветеринарного врачей. Медицинскими врачами в Яренском уезде служили Волк Вениамин Львович (1862 г.р.), Писарева Вера Константиновна (1877 г.р., дочь чиновника г. Вологды) – участковые земские врачи Яренского уезда, Эдель Лейба Гериевна (1881 г.р., Минская губ.) – земский врач Шешецкого участка, Осколков Михаил Андреевич (1888 г.р., Яренский у.) – земский врач Косланского (IV) участка, в 1914 г. – Усть-Вымской земской больницы; Рошаль Сара Лейбовна (1881 г.р., г. Могилёв) – врач Ертомской лечебницы; Рычкова Александра Васильевна (1886 г.р., Яренский у.) – врач Устьвымской больницы [22]. В 1913–1915 гг. в должности зубного врача Яренского земства состояла Прокопович Ариадна Владиславовна (1883 г.р.) [23]; в 1917 году – дочь священника Никольского уезда Вологодской губернии Попова Антонина Владимировна (1891 г.р.) [24]. Ветеринарный врач Сергей Васильевич Шуйский был родом из семьи священника Вологодской губернии и по окончании Вологодской духовной семинарии получил образование в Казанском ветеринарном институте, после чего поступил на земскую службу в Яренский уезд [25].

Таким образом, формирование медицинского персонала Яренского уезда происходило в связи с расширением сети земских медицинских учреждений в конце XIX – начале XX вв. В этот период произошло значительное увеличение числа медицинских служащих, оформилась специализация медицинского персонала по видам деятельности. Ме-

дицинские и ветеринарные врачи, медицинские и ветеринарные фельдшера, акушерки, аптекарский провизор, помощники провизора – основные специализации медицинских служащих уездного земства. Значительное число медицинского персонала являлось уроженцами Яренского уезда и соседних территорий. Уже в начале XX в. начинается процесс формирования династий интеллигенции из местного населения. Основной сферой деятельности этих семей была медицинская служба и деятельность в сфере образования. Сословный состав представителей медицинской интеллигенции не был однородным. Примечательным является тот факт, что часть медицинских служащих Яренского уезда происходила из семей чиновничества, духовенства и учительства, представляя собой второе поколение интеллигенции.

Литература и источники

1. Вайровская С.В. Земство Коми края (1869-1918). Сыктывкар, 2001. – 132 с; Люосева Л.Д. Из истории здравоохранения в Усть-Сысольском уезде // Музей и краеведение. – Вып.2. – Сыктывкар, 2000. – С.109; Она же. Первая аптека // Войвыв кодзув. 2000, №8; Калинин Н.С. Удорская медицина за 100 лет (1870-1970) // Материальная и духовная культура населения европейского севера России в XIX – XX веках: тез. науч.-практич. конф. Часть 1. Яренск, 2003. – С.77-81.
2. ГУ РК «НАРК». Ф.117, оп.1, е.х.1265. л. 1-259; е.х. 1267, л.25-27,65-67; е.х. 1603, л.1-4.
3. Памятная книжка для Вологодской губернии на 1860 год. Вологда, 1860. – С.40-42, 53-61; С.43-45, 53-61; Справочная книжка для Вологодской губернии на 1854 год. – Вологда, 1854. – С.79-83, 129; Памятная книжка Вологодской губернии на 1867-1868 год. – Вологда, 1868. – С.31.
4. Калинин Н.С. Удорская медицина за 100 лет (1870 -1970) // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX – XX веках: тез. науч.-практич. конф. Часть I. Яренск, 2003.– С.77; ГУ «НАРК», ф.117. Оп.1. Д. 17, 163.
5. Политов В.В. Яренск (исторический очерк). Л., 1978. – С.60-63; Сборник постановлений Яренского уездного земского собрания за 1869-1901 год. Вологда. 1904. С.345; ГУ РК «НАРК». ф.117, оп.1. д.1603. л.2; Огарков, А.М. Земская медицина в Яренском уезде// Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX – XX веках: тез. науч.-практич. конф. Часть II. Яренск, 2003.– С.23.
6. Адрес-календарь Вологодской губернии на 1904-1905 год. Вологда, 1904. – С. 133.
7. Калинин Н.С.. Удорская медицина за 100 лет (1870 -1970) // Материальная и духовная культура населения Европейского Севера России в XIX – XX веках: тез. науч.-практич. конф. Часть I. Яренск, 2003. – С.78; ГУ « НАРК». Ф.117. оп.1. д. 1603.
8. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1603. Л. 2-4.
9. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1603. Л.2 об.
10. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1603. Л. 3,4,4 об.

11. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 1-259.
12. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 1-259.
13. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 38-41.
14. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 49-50.
15. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 52-53.
16. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 130-131.
17. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 173-174.
18. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 239-240.
19. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 249-253.
20. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 34-38, 59-60, 62-68, 109-110, 139-140, 246-248.
21. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л. 69-71, 148-149.
22. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л.73-74.102-104,153-154, 187-188, 216-218, 254-255.
23. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л.178-180.
24. ГУ РК «НАРК». Ф.117. Оп.1, е.х.1265. Л.52-53.
25. ГУ РК «НАРК». ф.117. Оп. 1. д.1267, Л.25-27.

Бурлыкина Майя Ивановна

*доктор культурологии, профессор кафедры философии
и культурологии Сыктывкарского государственного университета
г. Сыктывкар*

Академия художеств и Зырянский край

Территориальная близость к центральным районам, недостаточная изученность природных ресурсов, а также этнографических, лингвистических возможностей и т.д. – «terra incognita» – привлекали к Зырянскому краю многочисленных путешественников с незапамятных времен. Летописи сохранили сведения о нем, начиная с IX века.

Планомерные научные исследования края начались с момента создания Петербургской академии наук и университета (1724 г.).

Помимо ученых, в состав экспедиций, как правило, входили художники («рисовальщики»), которые зарисовывали пейзаж, виды селений, бытовые картинки, портреты местных жителей. Эти данные нам удалось выяснить в Российском историческом архиве и архиве Академии художеств.

В XVIII веке в Зырянском крае побывала комплексная экспедиция под руководством адъютанта Академии наук И.И. Лепехина, позднее академика и ректора Петербургского университета. В ходе поездки Иван Иванович и его попутчики посетили ряд зырянских селений – Усть-Сысольск, Ношуль, Объячево, Нювчим, Визингу, Вьльгорт, Шошку, Усть-Вымь, Серегово и т.д. Свои наблюдения ученый зафиксировал в

третьем томе полевого дневника, опубликованном под названием «Дневные записки путешествия доктора из Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 годах» (СПб, 1780).

Членом экспедиции состоял художник Михайло Шалауров, вольнослушатель Академии художеств. Он много общался с местным населением, которое с интересом наблюдало за его работой. Наиболее способные пытались повторять за ним карандашные наброски. Рисунки Шалаурова, а также собранные в экспедиции этнографические материалы, зоологические, ботанические, минералогические коллекции поступили в фонды Петербургской кунсткамеры – первого российского музея.

В дальнейшем в Зырянском крае неоднократно бывали Петербургские ученые различных научных интересов, художники, писатели, промышленники. Среди них детская писательница А.О. Ишимова, профессор Н.И. Надеждин, промышленник-меценат М.К. Сидоров и многие другие.

В числе известных художников, посетивших край, уроженец Сольвычегодского уезда Вологодской губернии А.А. Борисов (1866–1934), творчество которого высоко оценивали художники В.М. Васнецов, И.Е. Репин, Н.К. Рерих и другие. В Академии художеств он учился у И.И. Шишкина и А.И. Куинджи. В декабре 1897 года выехал в экспедицию на Север: путешествовал 9 месяцев, побывал в Большеземельской тундре, на территории Зырянского края. На Мезени А.А. Борисов создал «Этюд с избушками», потонувшими в сугробах снега. В начале 1898 года А.А. Борисов приехал в Усть-Цильму. В путевом дневнике он отметил: «Селение Усть-Цильма, административный центр Печорского уезда, находится на правом берегу реки Печоры, на противоположной стороне устья реки Цильмы. Главные обитатели Усть-Цильмы – староверы. Сеют ячмень. Главный источник жизни – промыслы рыбы». Алексей Александрович считал, что этот населенный пункт ожидает большое будущее – «будет одним из оживленнейших центров Северной России в экономическом отношении». Тем не менее, как художника, село его не привлекло, так как располагалось оно по скучному и однообразному склону к замерзшей реке. В полотне «Селение Усть-Цильма на р. Печоре», написанном 15 марта 1898 года, автором сделан акцент на изображении серого неба и снежной равнины. На втором плане виднеется село с низкими домами, над которыми возвышаются две церкви – одна больше, другая – меньше. К слову сказать, в Усть-Цильме тогда проживало свыше 2 тысяч человек. В селе имелись

телеграф, двухклассное училище, больница. Борисов общался с местным населением. Жители рассказали путешественнику, что по соседству имеется болото, на поверхности воды которого всегда всплывает много керосина – это была прекрасного качества нефть. На это месторождение возлагали большие надежды, рассчитывая, что край оживет и даст огромный толчок всему развитию. Понравился Алексею Александровичу врач господин Солнцев, который «очень любезно снабдил аптечкой». Познакомился А.А. Борисов и с помощником исправника господином Сметаниным. Он дал «всевозможные указания и рекомендации для путешествия далее вниз по р. Печоре».

Годом раньше А.А. Борисова Академию художеств окончил В.М. Андросов (1872–?). Его родителями являлись одесский мещанин Михаил Александрович и Ксения Ивановна. Василий Михайлович окончил 6 классов общеобразовательного училища при Одесской рисовальной школе Общества изящных искусств – был учеником фигурного класса. Вступительные экзамены в Академию художеств сдал на отлично и очень хорошо: арифметика – 5, алгебра – 4, геометрия – 4, тригонометрия – 5, физика – 5. По рисованию А.А. Борисов был принят по головному классу. Во время учебы (1896 год) зачислен в ратное ополчение. Постановлением от 1 ноября 1897 года удостоен звания художника-архитектора с правами: на чин X класса и производства построения. В процессе обучения изучал следующие курсы: история искусств, аналитическая геометрия, высшая математика, начертательная геометрия, архитектурный ордер, перспективы, строительное искусство, вентиляция и отопление, механика и т.д., расчеты: строительные формы, купольного сооружения. После окончания Академии художеств служил в Херсонской казенной палате.

В.М. Андросов стал архитектором двухэтажного кирпичного здания для женской Александринской гимназии в стиле ампир (1913 год) – одного из красивейших зданий Усть-Сысольска. К этому времени в городе насчитывалось около 20 гражданских каменных построек. Первые два каменных дома в два этажа появились в Усть-Сысольске в начале XIX века – типичные провинциальные особняки эпохи классицизма, построенные по «образцовому» проекту. Единственным трехэтажным, с пятигранным выступом в центре, изящных очертаний, был корпус Духовного училища, построенный в 1890 году. Из казенных зданий самой высокой была каланча с 10-метровой восьмигранной башней (1901 год).

В Петербург, начиная с XVIII века, зыряне приезжали на заработки. Девушки охотно принимались в состоятельные семьи в качестве при-

слуги, так как отличались честностью и порядочностью. Часто в российской столице зырянская молодежь получала образование, так как в крае до 1921 года не существовало высших учебных заведений, а средних специальных действовало немного и они не отличались разнообразием – учительская семинария, духовное училище, ремесленная школа. Многие из тех, кто учился в Петербурге, стали в последствии известными людьми, внесли значительный вклад в развитие экономики, науки, культуры, образования не только края, но и страны. В их числе А.В. Холопов (1880–1942), воспитанник Академии художеств, первый зырянский архитектор. Он родился в крестьянской семье в д. Кочпон под Усть-Сысольском, в 1906 году с успехом окончил полный курс наук в училище живописи, ваяния и зодчества Московского художественного общества и получил диплом неклассного художника архитектуры «с предоставлением ему по сему званию права Потомственного Почетного гражданина и с правом производить постройки». В 1907 году поступил в число учащихся архитектурного отделения Высшего художественного училища при Императорской Академии художеств. Александр Викентьевич занимался в мастерской известного русского архитектора профессора Л.Н. Бенуа (1856–1928), который оказал на формирование его творчества значительное влияние. В 1918 году А.В. Холопов возглавил деятельность музея в Усть-Сысольске, с 1921 года преподавал в Зырянском институте народного образования. В 1925 году семья Холоповых переехала в Архангельск, затем в Ленинград. В 1942 году, не выдержав блокадного голода, супруги скончались. Сохранилось около ста графических изображений А.В. Холопова, рисунков, декоративно-прикладных и живописных работ. Основная их часть хранится в Картинной галерее Республики Коми. В их числе – эскизы фигур для Дворцового моста в Петербурге, пейзажи Усть-Сысольска, портреты, эскизы костюмов, проекты зданий и интерьеры. В Сыктывкаре сохранилось здание школы (местечко Кируль), спроектированное А.В. Холоповым.

В 20-е годы XX века в Коми крае побывали два крупных художника-живописца в связи с предстоящей в 1925 году выставке «Жизнь и быт народов СССР», организованной Ассоциацией художников революционной России (АХРР). Один из них – М.Г. Платунов (1887–?), уроженец Вятской губернии, выпускник Академии художеств (1914), заслуженный деятель искусств РСФСР. Михаил Георгиевич проехал по деревням рек Печоры, Ижмы, Усы, Кожим, побывал в геологической экспедиции на Полярном Урале. В его многочисленных пейзажах запечатлена необычайная северная красота тундры, Уральских гор,

быстрых горных речек, маленьких деревень и больших сел. Художник изображал портреты геологов, священников, местных жителей. В своих работах стремился отразить черты характера зырян, которым присущи детская непосредственность, чистота души, любознательность. Платунов сделал множество зарисовок, набросков народных типов. Среди них акварельные портреты «Невеста коми», «Зырянка в национальном костюме», «Ижемка». С большим искусством передает блестящий шелк сарафана невесты и пушистый мех шубки северянки. Портреты кисти художника психологически выстроены. Свои работы М.Г. Платунов неоднократно демонстрировал на различных выставках: в Йошкар-Оле (1943), Лондоне (1943), Варшаве (1946), Москве (1946), Ленинграде (1948, 1958, 1969) и т.д.

Кроме него в Зырянском крае побывал Ф.А. Модоров (1890–1967), уроженец Владимирской губернии, выпускник Академии художеств по классу В.Е. Маковского (1918), член-корреспондент Академии художеств СССР, участник многих выставок. На Севере Федор Александрович написал ряд портретов советских деятелей: председателя Ижемского райисполкома Чупрова, первого представителя власти в Зырянском крае Е.А. Напалкова, первого председателя профсоюзов Коми области Т.Е. Кужбоева (Кузьбожева? – М.Б.), председателя артели в с. Колва И.М. Хатанзейского, делегатки из с. Ижмы Кати Валейской. Им созданы портреты интеллигентов: «Школьный учитель И. Юркин», «Портрет прокурора Михайлова» и других. Особая группа работ – портретные зарисовки с этническими чертами народа: «Ненец», «Портрет батрака», «Ижемка в праздничном наряде». Ф.А. Модоров изобразил также северную природу с его могучими нетронутыми лесами и равнинными далями, необжитой гладью рек: «Река Колва», «Затон Шелья-Юр», «Домик на р. Сысоле», «Мельница». Большую историческую ценность представляет картина «Дом Сумароковых» в Усть-Сысольске, где в 1905–1907 годах проводились собрания политических ссыльных. На основе этюдов и зарисовок Федор Александрович создал композиции: «Праздник 1 мая в селе Колва», «Летний праздник на Печоре», «Съезд советов Ненецкого округа». Картины воссоздают характерные черты жизни и быта народов России. По мнению искусствоведа Л.Н. Самсоновой, Ф.А. Модоров, тогда молодой художник, соединил реалистичную живопись с условной техникой, присущей иконописной манере письма. Люди на его картинах выглядят статичными, как на иконах. Композиция получалась надуманной, в какой-то мере условной. Особенно это видно по работе «Летний праздник на Печоре». В дальнейшем Федор Александрович отошел от этой манеры.

В годы Великой Отечественной войны в Сыктывкар был эвакуирован ряд научных, учебных и культурных учреждений. В городе жили многие известные ученые, педагоги, деятели культуры, в том числе художники. Среди них – художник Г.А. Стронк (родился в 1910 году), выпускник Академии художеств (1939), заслуженный деятель искусств Карельской АССР. Приезд Георгия Адамовича и других профессиональных художников дал возможность поставить вопрос о создании в Сыктывкаре Союза советских художников Коми АССР. Он рассматривался на общем собрании художников, созванном в 1942 году по инициативе зам. начальника управления по делам искусств В.В. Полякова. Соответствующее ходатайство было направлено в Оргкомитет ССХ СССР. Президиум его принял решение об организации Оргбюро ССХ в Коми АССР «в целях развития в Коми АССР изобразительного искусства». Председателем был утвержден В.В. Поляков, членами М.П. Безносков, Г.А. Стронк.

Оргбюро Союза советских художников в Коми АССР в ноябре 1942 года организовало выставку, на которой были представлены работы шести профессиональных художников (из них только Г.А. Стронк имел диплом Академии художеств). В экспозиции демонстрировались этюды, эскизы, несколько плакатов и первые «Агитокна». В феврале 1943 года состоялась еще одна выставка, на которой экспонировалось значительно больше работ: 130 – профессиональных художников и 41 – самодеятельных. Впервые – живопись, станковые графические работы (до этого – в основном графические произведения). Кисти Г.А. Стронка принадлежало живописное полотно «Подвиг Героя Советского Союза Н. Оплеснина».

В числе наиболее ярких представителей зырянского народа второй половины XX века – начала XXI Э.В. Козлов, окончивший Академию художеств (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина) в 1956 году. Энгельс Васильевич – народный художник России и Коми АССР, Лауреат государственной премии Республики Коми. Это редкий по своей интеллигентности человек и высочайший Мастер. Он родился в 1926 году в с. Мылдино Троицко-Печорского района. В 1935 году вместе с семьей переехал в Сыктывкар, где окончил среднюю мужскую школу №12. Одновременно занимался в студии, которой руководил В.В. Поляков. Поступил на исторический факультет КГПИ, перенес сложную операцию, затем уехал в Ярославль, для учебы в художественном училище. С 1949 года проживал в Ленинграде, где учился в художественно-графическом педагогическом училище, затем в Академии художеств. Э.В. Козлов – одновременно

петербургский и коми художник. В 1968 году состоялась его первая персональная выставка в Сыктывкаре – своеобразный творческий отчет перед земляками. Затем прошла еще череда экспозиций: Энгельс Васильевич участник свыше 150 международных (Германия, Польша, Япония, Америка, Франция, Великобритания, Швейцария, Финляндия), всесоюзных, всероссийских, зональных выставок, ряда персональных выставок в Москве, Петербурге (Ленинграде), Сыктывкаре, Инте. Профессор Академии художеств И.Г. Романычева отмечает, что главные творческие удачи Энгельса Васильевича связаны с Коми землей, с ее достижениями и изменениями: «Люди этого края основные герои его произведений. Художник влюблен в них, в суровую, но прекрасную природу. Впечатления Севера являются тем драгоценным источником, который постоянно питает художника». В 60-е годы XX века в Коми АССР прибыла когорта выпускников Академии художеств. Самым известным из них стал Р.Н. Ермолин (1926–2004), народный художник России и Коми АССР, Лауреат Государственной премии Коми АССР, долгие годы возглавлявший Союз художников Республики Коми. Он родился в Ленинграде, в 1941 году был эвакуирован в Коми АССР, в с. Визингу, на родину отца. Участник Великой Отечественной войны. В 1947 году поступил в Ленинградское художественно-графическое педучилище, где познакомился с Э.В. Козловым, с которым его связывали крепкие дружеские отношения на протяжении всей жизни. В 1954 году стал студентом Академии художеств, в 1960 году по распределению приехал в Сыктывкар. В декабре 1990 года Р.Н. Ермолин прислал письмо в Академию художеств, на имя П.Т. Фомина, в котором писал: «Надеюсь, что у Вас все хорошо, хотя сегодня нельзя быть уверенным до конца ни в чем, кроме, пожалуй, собственных убеждений. У нас в Коми не так уж плохо. Правда, редко в речах и в печати слышишь о «культуре и искусстве», в котором почти нет знакомых имен. Ну, Бог с ним, это мы переживали не один раз... Приглашаю Вас ко мне, в деревню летом, в прекрасный Коми край».

Поколение 60-х годов XX века определило пути дальнейшего развития изобразительного искусства Республики Коми. В 1961 году, после окончания факультета графики Академии художеств, приехал в Коми АССР П.А. Быстров (1923–1963). Родился в д. Куклино Калининской области. В 1941 году Павел Александрович попал в оккупацию в г. Красное село при эвакуации в Ленинград. Его вывезли в концлагерь в Германию, откуда был освобожден частями Советской Армии в апреле 1945 года. В 1947–1950 гг. учился в Ленинградском художественно-педагогическом училище. В 1955 г. поступил в Акаде-

мию художеств. Будучи студентом 4 курса, он делал зарисовки в литейном и кузнечном цехах Кировского завода. Был очень трудолюбивым и целенаправленным студентом. Все академические задания по всем дисциплинам выполнял всегда очень серьезно, много упорства и пытливости проявил в работе над композицией и литографией. Его руководителем был профессор А.Ф. Пахомов (мастерская станковой графики). Творческую практику проходил в различных городах Советского Союза: в Златоусте (1956), Львове (1957), Киеве (1958). Дважды был на Братской ГЭС (1959, 1960). Дипломную работу выполнил на тему «Рыбаки Байкала». В 1961 году получил диплом художника-графика. Был приглашен на работу в Коми АССР (письмо зам. министра культуры Коми АССР С. Поповой от 13 февраля 1961 года). В 1963 году трагически погиб. В Сыктывкаре Павел Александрович оставил добрый след, проявил большую энергию и энтузиазм. Им организована эстампная мастерская. Под его руководством занимались известные в будущем коми художники В. Краев, В. Павлов, В. Рожин. На первой выставке П.А. Быстров показал работы, исполненные в различных техниках: автолитографии, офорты на металле и картоне, линогравюры.

В 1964 году Академию художеств окончил Г.С. Старовойтов. Геннадий Семенович родился в 1929 году в с. Шкотово Приморского края. В 1941–1943 годах он находился в эвакуации в Кировской области. В 1945 году Г.С. Старовойтов сдал вступительные экзамены в Ленинградскую среднюю художественную школу при Академии художеств, был зачислен учеником 3-го специального класса и 7-го общеобразовательного класса. В 1959 году Г.С. Старовойтов поступил в Академию художеств. В 1964 году завершил обучение, защитил дипломную работу – эскиз «Рабфак». На него пришла заявка из Сыктывкара от Коми отделения Союза художников РСФСР (председатель Р. Ермолин). Молодого специалиста с супругой Еленой Александровной просили направить в Воркуту, художественную мастерскую. Сейчас Г.С. Старовойтов живет в Сыктывкаре. Является участником многих всесоюзных и региональных выставок.

В 60-е годы XX века Академию художеств окончили график Анатолий Павлович Бухаров (уроженец с. Перевоз Иркутской области), скульптор Вениамин Иванович Смирнов (уроженец Ленинграда), которые также были приглашены на работу в Республику Коми.

В 80-е годы в Сыктывкар приехал выпускник скульптурного отделения Академии художеств Анатолий Иосифович Неверов, вскоре ставший ведущим скульптором республики. Он является автором мно-

гих монументальных произведений, памятных знаков, мемориальных досок, надгробий. В их числе часовня жертвам политических репрессий, памятники «Афганец», «Народный учитель СССР А.А. Католиков», гербы Республики Коми и Сыктывкара и другие. Сегодня его скульптурные композиции являются украшением города. Дочь А.И. Неверова – студентка Академии художеств.

В Академии художеств получили образование некоторые искусствоведы Республики Коми. Первой стала Ф.Л. Попова. Она родилась в Сыктывкаре. После получения среднего образования в 1946–1948 гг. работала помощником художника в драматическом театре. При поступлении на учебу в своей автобиографии в 1948 году Фелицата Леонидовна писала: «С детства я полюбила искусство, занималась рисованием и посещала изостудию. Я давно поставила перед собой цель: посвятить свою жизнь изучению искусства». С 1954 года, после окончания Академии художеств, работала в Сыктывкаре. Сейчас живет в Германии.

Около 40 лет работает в должности искусствоведа в Национальной галерее Республики Коми Элеонора Константиновна Поповцева. В 1962 году она поступила в Академию художеств на факультет теории и истории искусств, в 1967 году окончила его с присвоением квалификации искусствоведа.

Специальность искусствоведа получили в Академии художеств также Л.С. Агошкова, Л.В. Богданова, Л.Н. Самсонова и В.В. Кублицкий, который продолжает работать в республике, а остальные выехали за пределы. В настоящее время в Академии обучается уроженка Коми края Л. Попова.

Таким образом, в процессе исследования удалось выявить фамилии художников и искусствоведов, получивших образование в Академии художеств (Институте живописи, архитектуры и скульптуры им. И.Е. Репина) и творчески связанных с Зырянским краем, Республикой Коми. Многие из них оказали значительное влияние на становление и развитие художественной культуры региона. Тем не менее, следует отметить, что связи края и Академии художеств на протяжении двух веков носят скорее случайный, а не системный характер. Исключением является, пожалуй, период «оттепели» – 60-е годы XX века, когда в Коми АССР прибыл целый десант выпускников Института: живописцы, графики, скульпторы. Однако выпускники архитектурного отделения в регионе после А. Холопова не появлялись ни в советский период, ни после. Этим, возможно, объясняется тот факт, что, например, город Сыктывкар стал терять свое архитектурное лицо, застраиваясь случайными объектами.

Моисеева Ирина Юрьевна
к.и.н., ведущий специалист Аппарата
Государственного Совета Республики Коми
г. Сыктывкар

**Тридцатые годы XX века:
к проблеме формирования массового сознания
и идентичности советского человека**

Массовое сознание – явление чрезвычайно сложное и противоречивое, в нем переплетаются элементы социальной психологии, этические и идеологические установки. Французский психосоциолог Г. Лебон указывал, что масса (толпа) формирует коллективный разум, в ней заложены три принципа: чувство анонимности придает человеку в толпе силу и уверенность; заражение – психологическое состояние, передающееся от одних людей к другим; внушаемость, в толпе люди становятся легко внушаемыми, они беспрекословно выполняют указания фанатических лидеров [1].

Как полагает В.И. Коротаев, в 1930-е гг. сталинскому руководству удалось создать массовую культуру, как бы единую культуру для всех, сцементированную едиными для всех пятилетками, идеей социализма, соцреализмом, массовыми песнями и т.п. Ему удалось и, в известной мере, духовно консолидировать общество, хотя и ценою чудовищных народных жертв. Эта стабилизация оказалась возможной благодаря опоре власти (неважно: преднамеренно или непреднамеренно) на традиционный менталитет: православие, самодержавие и народность трансформировались соответственно в мифологизированное и догматизированное коммунистическое вероучение, в абсолютную власть Сталина, в идею диктатуры пролетариата, а значит – и в идею пролетарской морали [2]. В наивысшей степени духовная консолидация общества проявилась в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Идеология и культура 1930-х гг. были направлены на формирование массового сознания. «Идеалы Октября», сколь бы ни были они утопическими и иллюзорными, воспринимались сознанием миллионов людей как реальные и вполне достижимые. Вместе с тем, человек не мог осознать иллюзорности происходящего, потому что на его глазах происходили гигантские по масштабам изменения, создавалось ощущение огромного взлета, грандиозности преобразований в рамках одного поколения [3].

В 1930-е гг. в СССР сложилась разветвленная система контроля за всеми без исключения источниками информации. Общее число газет в

стране к середине 1930-х гг. возросло до семи тысяч. В Коми АССР к началу войны издавались три республиканские газеты – «За новый Север», «Вӧрлэдзсы» (Лесной рабочий), «Коми комсомолец», 16 районных газет. В лагерях-стройках, дислоцировавшихся на территории Коми АССР, издавалось также большое количество многотиражных газет закрытого типа.

Материалы архивных дел показывают, что население республики (области) нередко больше доверяло центральной прессе, нежели местной: «он (один из жителей республики) упорно утверждал, что в нашей прессе, в частности в газетах Коми, выпускаются только 5% правды, а остальное все ложь, т.е. неправда» [4], «то, что дает местная печать, нам это не нужно, вот, говорит бы, центральная печать, да» [5].

В зоне повышенного внимания цензуры наряду со средствами массовой информации находились основные производители печатной продукции – книжные издательства. Наиболее массовой литературой, которую они выпускали, была партийная продукция. К примеру, в 1938 г. миллионным тиражом вышла книга «История ВКП(б). Краткий курс» под редакцией Ярославского, Кнорина и Пospelова.

ЦК ВКП(б) 14 ноября 1938 г. принял постановление «О постановке партийной пропаганды в связи с выпуском «Краткого курса истории ВКП(б)». Уже 1 декабря 1938 г. бюро Коми обкома ВКП(б) утвердило практические мероприятия по реализации этого постановления, а 20 января 1939 г. в республиканских газетах начали публикацию «Краткого курса» на коми языке.

Монополию на книжные издания имел Госиздат РСФСР. Как отмечает Л.П. Рошевская, к концу 1930-х гг. издательское и типографское дело в республике было налажено. Издавались книги на коми и русском языках. Наблюдался приток необходимых кадров коми и русской национальности, в школы стали поступать новые учебники [6].

Коми государственное издательство, как и другие госиздательства автономных республик, находилось под жестким идеологическим и цензурным прессом. «Формовка нового советского человека» предполагала особенно бдительное отношение к издаваемой в стране детской и юношеской литературе. Данное положение наглядно демонстрирует следующий библиографический список книг, издаваемых КОГИЗ в 1931–1940 гг.:

Пасхалы паньд (Навстречу Пасхе). Сборник для антипасхальных мероприятий для детей. На коми языке. – Сыктывкар, 1931;

Ульянова А.И. Ёллічлӧн челад дырса да школаын велӧдчан војасыс (Детские и школьные годы Ильича. На коми языке. – Сыктывкар, 1931;

Горький М. Мам (Мать). На коми языке. Перевод с русского В. Чисталева. – Сыктывкар, 1933;

Гюго В. Гаврош (Гаврош). На коми языке. Перевод с русского П. Доронина. Для детей младшего возраста. – Сыктывкар, 1936;

Гайдар А. Воженнӧй тайна жылыс малчӧш-кибалчӧш да сычорыд кыв жылыс моjdkкыв (Сказка о военной тайне, о Мальчише-кибальчише и его твердом слове). На коми языке. Перевод с русского У. Поповой. Для детей младшего возраста. – Сыктывкар, 1936;

Кассиль Л. Воj полусса jитор (Льдина-холодина). На коми языке. Перевод с русского К. Туркина. Для детей младшего возраста. – Сыктывкар, 1936. (о смелых героях-челюскинцах);

Островский Н. Кызди калитчӧс стал (Как закалялась сталь). – Сыктывкар, 1937;

Островский Н. Бушковын чужысјас (Рожденные бурей). На коми языке. Перевод с русского И. Изъюрова. – Сыктывкар, 1937;

Серафимович А.С. Чудо (Чудо). На коми языке. Серия «Антирелигиозная художественная библиотека». – Сыктывкар, 1938;

Чкалов В. Мjан лебдылӧмлӧн исторjа (История нашего полета). На коми языке. Для младшего возраста. – Сыктывкар, 1938. (перелет Валерия Чкалова через Северный полюс в Америку состоялся в 1937 г.);

Рыклин Г. Храбрӧй пограничник Карацупа да сьлӧн тӧлка пон Индус жылыс (О храбром пограничнике Карацупе и об Индусе, его умной собаке). На коми языке. Для младшего возраста. – Сыктывкар, 1938;

Экслер И. Хасанса геройяс (Герои Хасана). На коми языке. Перевод с русского О. Размысловой. – Сыктывкар, 1939. (в 1938 г. произошли бои между советскими и японскими войсками на озере Хасан);

Новиков-Прибой А.С. Цусима (Цусима). На коми языке. – Сыктывкар, 1940;

Первенцев А. Володька – партизанскӧй пи (Володька – партизанский сын). На коми языке. Для младшего возраста. – Сыктывкар, 1940;

Савельев Л. Зимний штурмуйтӧм (Штурм Зимнего). На коми языке. Для младшего и среднего возраста. – Сыктывкар, 1940;

Дьяконов Н., Ермолин С. Мужество. Куим серпаса драма. (Мужество. Драма в трех картинах). На коми языке. Для детей. – Сыктывкар, 1940.

Данный перечень книг дает определенное представление о советской книжной культуре 1930-х гг. и развернувшейся в стране идеологической кампании по «очистке библиотек», так как именно такой книжный репертуар сохранился в одной из библиотек республики – библиотеке Национального музея.

Как указывает исследователь А.В. Блюм, Главполитпросвет [7] в 1930-е гг. несколько раз предписывал «провести пересмотр книжного состава всех библиотек и очистить его от идеологически вредной литературы». В политпросветовских инструкциях прямо указывалось, что в рабочих библиотеках достаточно иметь «из стихотворений – Пушкина, Некрасова, Демьяна Бедного, и довольно. Остальных старых и новых, дворянских и буржуазных поэтов достаточно иметь в тех выборках, какие дают хрестоматии и чтещы-декламаторь». В результате проведенных акций библиотечные фонды в стране катастрофически оскудели, сократившись в среднем на 50%.

Активное внедрение «позитивных ценностей» проводилось через серийные научно-популярные издания героической тематики, получившие распространение еще во второй половине 1920-х гг. и в большом количестве сохранившиеся в библиотеках.

Тема войны нашла отражение в брошюрах из серий «Массовая историческая библиотека», «Дешевая историко-революционная библиотека», «Массовая историко-партийная библиотека», «Библиотека красноармейца». Боевому прошлому 1918–1922 гг. посвящена научно-популярная массовая серия «История гражданской войны в СССР», издание которой было начато по инициативе М. Горького [8].

В библиотеке Национального музея Республики Коми сохранились, в частности, книги из серии «Историко-революционная библиотека», выпущенные Коми государственным издательством в 1938–1940 гг.:

Фадеев А. Кыдзи погибнитис Сергей Лазо (Как погиб Сергей Лазо). На коми языке. Для старшего возраста. – Сыктывкар, 1938;

Гарри А. Тамбовской рейд (Тамбовский рейд). На коми языке. Для старшего возраста. Сыктывкар, 1939;

Горький М. Январь 9-ӧд лун (9 января). На коми языке. – Сыктывкар, 1939;

Фурманов Д. Красной десант (Красный десант). На коми языке. Для старшего возраста. Сыктывкар, 1940.

Практически каждая книга в данном и приведенном выше списке книжных изданий снабжена пометой («Для детей», «Для младшего возраста», «Для старшего возраста»). Именно дети и молодежь – «*tabula rasa*» – в 1930-е гг. становится целевой аудиторией для средств милитаристской пропаганды.

В отличие от взрослого читателя, которого нужно было изменять, «переключать», постепенно отвлекая от прежних литературных предпочтений, детского нужно было воспитывать, начиная с «чистого листа», – и для этого нужна была особая литература... В 1931 г. Н.К. Крупская, возглавлявшая Главполитпросвет, назвала детскую

книгу «могущественным орудием коммунистического воспитания». По ее мнению, чем книга лучше написана, тем хуже: «Классовый враг использует художественность в своих целях». Она же предлагала «пересмотреть старую литературу», «осоветить» ее, поскольку пролетарским детям «чуждо» все, о чем думали и к чему стремились «люди класса помещиков» [9].

Любопытным в этом отношении представляется утверждение исследователя А.В. Блюма: примерами для пионера и комсомольца назначены были «наверху» и утверждены три Павла: Власов, Корчагин и Морозов (последнего по причине его нежного возраста всегда называли «Павликом») [10]. Книги о Павле Власове (М. Горький «Мам») и Павле Корчагине (Н. Островский «Кыдзи калітчіс стал») наряду с другими региональными издательствами выпускал Коми ГИЗ. Сведения же о том, как советская школа воспитывала молодежь на героических примерах, в частности на примере Павлика Морозова, содержатся в воспоминаниях Э.Н. Шевелевой, в 1938 г. ученицы сыктывкарской средней школы №2. «...Когда посадили отца, ... мне было десять лет. Мальчишки меня дразнили: «У тебя папа вредитель». Я плакала в темных коридорах. А учительница наша им сказала: «Она не знала, что папа у нее вредитель. Если бы она знала, она бы рассказала все, как Павлик Морозов» [11]. Таким образом, в массовом сознании утвердились мифические героин-символы.

Особая мифотворческая работа развернулась вокруг гражданской войны. Конструированию мифов о гражданской войне в сознании советского общества посвящены работы профессора Южно-Уральского университета И.В. Нарского [12]. Его коллега, доцент О.Ю. Никонова отмечает, что представления о гражданской войне – справедливой, классовой, отечественной (по определению «Краткого курса») – стали элементом самоидентификации советского общества в 1930-е гг. В литературе, киноискусстве, массовой песне был воплощен целый пантеон «народных героев» периода гражданской войны, каждый из которых недвусмысленно предлагал читателю, зрителю или слушателю схему/образ для самоидентификации [13] (кстати, первый детский спектакль детской театральной студии Никитиной – пьеса Матвеевой «Рыжик», состоявшийся в Сыктывкаре 3 января 1937 г., был посвящен гражданской войне – И.М.).

Идея защиты Отечества одухотворялась кинематографистами и литераторами, творившими в духе антиципации (ожидания). Искусство фабриковало привлекательную модель близкой войны, составные части которой укладывались в официальную оптимистическую триаду «малой кровью, могучим ударом, на территории противника». Это был

миф о гуманной, доблестной и созидательной войне [14] (кстати, песня «Если завтра война...» была написана в 1938 г.).

Тема агрессии обозначилась в театральных постановках тех лет. Достаточно перечислить репертуар Коми республиканского драматического театра 1930-х гг., где уже сами названия постановок говорят о военно-патриотической направленности их содержания, во многих названиях спектаклей присутствует также экспрессивно-агрессивная окраска: «Ярость» Яновского, «Красная Армия» в переводе В. Савина, «Вставай в ряды» А. Глебова, «Усть-Куломский бунт» В. Савина, «Командиры пятилетки» Н. Погодина, «Последний решительный» В. Вишневого, «Чапаев» Д. Фурманова, «Шел солдат с фронта» В. Катаева, «Как закалялась сталь» Н. Островского [15].

В 1930-е гг. в государстве сложился и приобрел четкие формы свой собственный, советский милитаризм – комплекс мероприятий, призванных подготовить общество к предстоящей войне, что имело, с одной стороны негативное влияние на общество, однако впоследствии сыграло позитивную роль в условиях будущей войны и позволило СССР победить. На первом этапе милитаризации массового сознания важную роль играл военный опыт прошлого. В начале 1930-х гг. передача военного опыта была закреплена благодаря созданию военно-спортивных организаций. В школах, вузах и на заводах молодежь разучивала новые социальные роли: «стрелков-ударников», «ворошиловских стрелков», «всадников» [16]. Типичным явлением 1930-х гг. в Коми автономной области (АССР) как и в целом по стране стала сдача норм ГТО, военно-спортивные пробеги, марши и игры. Так, в январе 1936 г. состоялся массовый двенадцатикилометровый поход студентов и преподавателей пединститута в противогазах по маршруту Сыктывкар–Вьльгорт–Сыктывкар. 6 марта 1937 г. газета «За Новый Север» в заметке Пешкина «Подготовка к 8 марта» сообщала, что «жены инженерно-технических работников треста «Комилес» интенсивно готовятся к международному женскому дню – 8 марта.... Идет подготовка к сдаче норм на значки ГТО, ГСО, ПВХО» [17]. 30 августа 1936 г. в Сыктывкаре прошла военизированная эстафета «Динамо» по преодолению «газированной» (отравленной) зоны в противогазах, в которой участвовало 160 человек. 23 сентября 1939 г. была проведена учебная химическая тревога в Сыктывкаре. Служащие работали на предприятиях и учреждениях в противогазах.

Следует добавить, что еще в 1927 г. целый ряд спортивно-военизированных организаций был объединен в общесоюзное общество Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиации и химической защите). Уже к концу 1935 г. в стране работало 140 аэроклубов Осо-

авиахима и добровольных спортивных обществ. Примечательно, что свыше 2 миллионов женщин были членами Осоавиахима – они обучались прыжкам с парашютом, противохимической защите, кавалерийскому делу, медицине. Многие женщины оканчивали стрелковые кружки, получая звание инструкторов стрелкового дела [18]. Для гражданского населения обоих полов осоавиахимовские организации стали «местом» приобщения к почетному «делу вооруженной защиты СССР (социалистического отечества)», обучения боевым навыкам и навыкам «соучастия» в защите страны в будущей тотальной войне, «школой» героизма и любви к социалистической Родине, альтернативной (профессиональному спорту) возможностью заниматься спортом и исповедовать здоровый образ жизни [19].

Широкое распространение в 1930-е гг. получили добровольные спортивные общества. В 1937 г. в Коми АССР были организованы добровольные спортивные общества «Учитель», «Водник», «ДСО леса и сплава». В 1938 г. – добровольные спортивные общества «Медик», «Темп» (стройтехникум), «Колос» (школа механизации сельского хозяйства), «Молния» (работники почты и телеграфа), «Энтузиаст» (лесозавод). В 1939 г. в республике было создано добровольное спортивное общество «Большевик», в которое объединились работники советских и партийных организаций, начали проводиться крупные республиканские соревнования по отдельным видам спорта по линии каждого из существовавших в республике добровольных спортивных обществ.

Одним из наиболее значимых элементов массового сознания предвоенного общества стал сформированный социокультурной системой советский патриотизм. Средства массовой информации (радио, газеты, журналы), печатная продукция книгоиздательств и советская школа явились главным рупором в деле воспитания «человека советского типа», для которого приближающаяся война была возможностью продемонстрировать привитые патриотические стандарты.

Идеи здорового образа мысли и жизни, любви к Отечеству и защиты его в случае нападения активно внедрялись в массовое сознание средствами массовой информации. В 1930-е гг. «почетным правом гражданина» стала служба в Красной Армии.

Так, «курсант н-ской части», коми красноармеец И. Тырин 7 ноября 1939 г. в заметке «В моей жизни самые счастливые дни» писал: «28 августа 1938 г. председатель призывной комиссии сказал: «Годен. Я был очень рад – это один из счастливых дней в моей жизни... Я всегда готов защищать родину и считаю это своим священным долгом» [20].

Красноармеец П.С. Сивков, бывший студент Коми пединститута, 23 марта 1941 г. пишет о другом: «... Учения были на побережье Бело-

го моря, в районе г. Онеги. Там были и боевые стрельбы ... Моя специальность старший разведчик ... Из-за того, что все время находимся на холоде, болят ноги, тело покрыто чирьями, этой болезнью болеют многие». Далее на коми языке: «Вообще наша жизнь такова, что все только кричат изо всех сил, всех грозят посадить и судить. Если опоздаешь из города на часа четыре, то сажают на полтора года. Если скажешь слово против, сразу отсылают дневалить на конюшню. Но об этом много писать нельзя» [21]. Чтобы сообщить родным о трудностях и строгостях армейской жизни и вместе с тем обойти препоны цензуры, солдаты писали «запретные строчки» на родном языке.

Призванный на службу после окончания того же института Гений Роялин (настоящее имя – Игнатий Иванович Турышев, родом из с. Палауз) 12 января 1939 г. обращается в дирекцию Коми пединститута с просьбой выслать характеристику об отношении к учебно-производственной и общественной работе, так как думает вступить «в группу сочувствующих ВКП(б)». Одновременно он сообщает, что «как известно... был взят в ряды РККА. И вот мои мечты сбылись. Весело, хорошо жить в Красной Армии» [22].

Исследователь Н. Попович указывает, что «в пропагандистской работе с середины 1935 г. и особенно с 1936 г. все больше усиливаются мотивы советского патриотизма» [23]. Заслуживающими внимания представляются размышления О.Ю. Никоновой о советском патриотизме, которая полагает, что последний играл определяющую роль в сохранении единства, целостности и стабильности советского общества. Советский патриотизм оказался грандиозным «воспитательным» проектом. Проверку на прочность он прошел в годы Великой Отечественной войны и на этом историческом этапе доказал свою жизнеспособность [23].

Из проведенного выше анализа источников и современной научной литературы следует ряд выводов:

1. В предвоенный период активно происходил процесс складывания идентичности советского человека – «сознательного и умелого строителя коммунистического общества». Вся система пропагандистских средств (радио, периодическая печать, печатная продукция книгоиздательств, средства искусства и кинематографии, массовая песня, школьные образовательно-воспитательные программы) были направлены на формирование в массовом сознании идеи «светлого будущего», веры в мудрость вождя и правильность линии партии, что как действительно возбуждало энтузиазм и веру населения, так и одновременно дезинформировало граждан о реальном положении в стране.
2. В 1930-е гг. в государстве сложился и приобрел четкие формы свой собственный, советский милитаризм – комплекс мероприятий,

призванных подготовить общество к предстоящей войне, что имело, с одной стороны, негативное влияние на общество, однако впоследствии сыграло позитивную роль в условиях будущей войны и позволило СССР победить.

3. В массовое сознание, особенно молодежи, внедрялась идея советского патриотизма с его идеалом жертвенности. Служба в Красной Армии для молодых людей расценивалась как «почетное право гражданина». Именно с помощью советского патриотизма на протяжении 1930–1940-х гг. советское «социалистическое» государство превратилось в «высшую ценность», ради которой, подобно национализму, шли на смерть и тяжелые испытания. В результате мощного идеологического прессинга советский патриотизм явился основополагающей чертой общества 1930-х гг. В годы Великой Отечественной войны он наряду с личностным героизмом стал главным источником Победы.

Литература и источники

1. Цит. по: Титов В.Ю. Изучение феномена толпы в социальной психологии, истории и юриспруденции в исследованиях конца XIX–XX вв. // КЛИО. Журнал для учёных. 2004. – 4(27). – СПб.: Нестор, 2004. – С. 65.
2. Коротаев В.И. Судьба «русской идеи» в советском менталитете (20-30 годы). – Архангельск: Поморский международный педагогический университет им. М.В.Ломоносова, 1993. – С. 60.
3. Борисов Ю.С., Курицын В.М., Хван Ю.С. Политическая система конца 20-30-х годов. О Сталине и сталинизме // Историки спорят. Тринадцать бесед. – М., 1988. – С. 276-278.
4. ГУРК «НАРК» (хранилище №1). Ф. р-194. Оп. 1. Д. 1440. Л. 40.
5. Там же. – Л. 48.
6. Роцевская Л.П. Коми книга военного времени (1941–1945 гг.) – Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет, 2005. – С. 6-8.
7. Сокращение «политпросвет» произвело удручающее впечатление на М.М.Пришвина, который расшифровывал его не как «политическое просвещение», а как «политическое просвечивание», считал его «политрентгеном».
8. Никонова О.Ю. Инструментализация военного опыта в СССР в межвоенный период // Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под ред. И.В.Нарского и О.Ю.Никоновой. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 379.
9. Блюм А.В. Указ, соч. – С. 211-212.
10. Там же. – С. 211.
11. Из интервью с Э.Н.Шевелевой // Научный архив Национального музея РК.
12. См. например: Нарский И.В. Конструирование мифа о гражданской войне и особенности коллективного забывания на Урале в 1917–1922 гг. // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сборник статей. – Челябинск: Каменный пояс, 2004. – С. 394-412;
13. Никонова О.Ю. Инструментализация военного опыта... – С. 381, 389.

14. Токарев В.А. Советское общество и польская компания 1939 г.: «романтическое ощущение войны» // Человек и война (Война как явление культуры). Сборник статей / Под ред. И.В.Нарского и О.Ю.Никоновой. – М.: АИРО-XX, 2001. – С. 400-401.
15. Архив Государственного академического театра драмы им. В.А.Савина Республики Коми.
16. Никонова О.Ю. Инструментализация военного опыта... – С. 377-378, 396.
17. За Новый Север. – №35 (751). – 6 марта 1937 г. – С. 4.
18. Иванова Ю.Н. Женщины в войнах Отечества // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. – С. 350.
19. Никонова О.Ю. Военное прошлое России и советский патриотизм: к постановке проблемы // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Сборник статей. – Челябинск: Каменный пояс, 2004. – С. 503.
20. Вёрлэдзсысь. – 7 ноября 1939 г. – С.3.
21. Маркова Г.А. Самое памятное // Приложение к «Вестнику Института геологии». Выпуск 4. – Сыктывкар: Геопринт, 1999. – С. 19.
22. Архив Коми государственного педагогического института. Личное дело Г.И.Роялина.
23. История России. XX век. / Сост. А.Н.Боханов, М.М.Горинов, В.П.Дмитренко и др. – М.: АСТ, 2000. – С. 393.

Рощевская Лариса Павловна

*д. и. н., главный научный сотрудник Научного архива
Коми научного центра УрО РАН
г. Сыктывкар*

Издание книг в Коми АССР в первой половине XX века в контексте этнической политики

Книгоиздание как существенная составляющая этнокультурных процессов отражает политическую динамику в стране и регионе. В Коми крае первая типография создана в 1906 г. печатниками из Великого Устюга Вологодской губернии. До Октябрьской революции 1917 г. в Усть-Сысольске издано до 60 книг, в том числе два сборника сказок на коми языке. Становление советского книгопечатания выразилось в национализации предприятия, создании коми алфавита и шрифта и появлении первых изданий. Организована типография в с. Усть-Цильма. На коми языке в 1921 г. издано десять брошюр, в том числе Конституция РСФСР, буквари коми языка, сборники стихов. На русском языке преобладало издание официальных документов уездного уровня.

Дальнейшее развитие книгоиздания в Коми связано с созданием в 1921 г. национальной автономии. В 1924–1925 гг. в Коми АО функ-

ционировали два «совпартийных» издательства в областном центре и в с. Ижма. Поддержкой национального книгоиздания явилась деятельность в Москве Центрального издательства народов СССР, где в 1924 г. создана коми секция. В 1921–1935 гг. В Москве издано более 150 книг на коми языке, в том числе 18 политико-просветительных, по санитарии, художественных, в том числе три коми авторов.

В 1923 г. облисполком постановил ввести в употребление в учреждениях наряду с русским родной коми язык. Но создание учебников по коми языку затянулось. В плане изданий на 1927–28 гг. учебная литература занимала самое значительное место. В соответствии с политикой коллективизации издательство вело большую работу по поиску коми авторов в деревне.

Несмотря на временный переход на латинский шрифт, существенные изменения произошли в коми издании в 1930-х гг.: построен Дом печати, проведена техническая реконструкция производства и переход на линоформы, значительно увеличилось объемы выпускаемой печатной продукции, во всех 18 районах организованы типографии по выпуску газет, при поддержке Коми создано издательство в Кудымкаре. В 1932–1934 гг. наряду с государственным, действовало специализированное партийное издательство. Продукция издательства в 1937 год составила 458 печатных листов.

В Коми в рассмотренный период были заложены основы для возникновения новых типов изданий. Издавали преимущественно учебники, официальные и партийные постановления, много переводили выступлений И.В. Сталина, складывалась национальная художественная литература. В 1917–1940 гг. издано более 1500 названий, в годы Великой Отечественной войны – около 500. Появились научные труды, производственная литература, которая была преимущественно переводной, кроме оригинальных изданий ГУЛАГа.

Книгоиздательское дело развивалось в едином русле общесоюзных процессов. В многонациональной советской литературе появились произведения коми художественной литературы. Издаваемая в Коми книга была ориентирована преимущественно на местное население и не учитывала громадные демографические изменения, связанные с освоением полезных ископаемых и развитием промышленности, использованием Коми АССР как структуры ГУЛАГа, появлением в Коми АССР эвакуированного населения. Но в масштабах национального региона издательство фактически обеспечивало национальной книгой местное население.

Научные исследования темы «Человек и природа» в коми финно-угорском литературоведении

Тема взаимоотношений человека и природы обсуждалась критиками и литературоведами на протяжении всего XX века, но осмыслялась она по-разному. Кроме того, вопрос о месте природы в жизни человека в течение этого времени рассматривался неравномерно: можно выделить три периода всплеска интереса к нему, три этапа обращения к проблеме человека и природы.

Проблема взаимоотношений человека и окружающей среды привлекла внимание русских писателей Н.И. Надеждина, И.И. Лепехина, А.О. Ишимову, С.В. Максимова, П.В. Засодимского, А.В. Круглова еще в XIX веке. Они добросовестно выполняли взятую на себя миссию описать Европейский Север, жизнь коми народа, его быт, особенности мировосприятия. Авторы оставили интересные дневники путешествий, ценные труды-исследования жизни северного человека, оставили интереснейшую информацию не только о быте и нравах северного типа личности, но и о восприятии ими природы. Для нас вышеперечисленные авторы с их произведениями актуальны, так как нам важно обозначить восприятие идеи влияния на человека природно-климатических условий его жизни. О географическом детерминизме, который предполагает учет влияния географо-климатических условий на национальный характер и национальные эстетические представления, писали русские ученые и писатели (Н. Карамзин, В. Белинский, Н. Гоголь). Позже к ней обратились коми писатели и ученые К.Ф. Жаков, П.А. Сорокин. В контексте названной идеи многие коми авторы признавали зависимость северного типа человека от погодных условий (В. Чисталев, В. Юхнин, И. Торопов, Г. Юшков). В этом пласте исследований можно выделить несколько групп работ, в которых встречаются суждения о теме природы, пейзаже.

1.1. Работы этнокультурологического характера о влиянии природы на национальный характер, уклад жизни и национальные эстетические представления.

В работе К.Ф. Жакова «Этнологический очерк зырян» (1901) одной из основных является мысль о базовом значении природы в жизни зырян. Ключом к позиции автора в этой проблеме является философское понимание места природы в жизни коми человека. К. Жаков выделяет

6 факторов, которые влияют на психический склад народа, обуславливая особенности его менталитета. Первый фактор – природа местности, второй – занятия народа (земледелие, охота), третий – древняя культура народа, четвертый – соматические свойства народа, пятый – культурные влияния соседей, шестой – промышленность [1]. Автор считает, что природа местности, где проживает народ, имеет самое важное значение для его психологии, поэтому он выдвигает этот фактор на первое место и останавливается на нем подробно. Исследователь ставит задачу осмысления законов природного мира, влияния природы на формирование этноса. Далее писатель исследует мироощущение коми, их психологию, делает предположения о характере мирозерцания коми. К. Жаков считает актуальным пантенистическое понимание природы и рассматривает отношения коми к природе не как архаику, провинциализм, а как возможный источник духовной силы современной человеческой личности. По мнению автора, лес, который наполняет почти все пространство, является не только местом охоты, но и источником мистического вдохновения для зырянина. К. Жаков в своем очерке говорит о значении леса в формировании психологии зырян, выделяя основные характерные черты национального типа коми человека: предприимчивость, отважность, космополитичность: «Большие реки развивают отважность и предприимчивость; охота благоприятна для здоровья и развивает смелость и удалство... особенности зырян имеют ту же тенденцию, что и природа местности и охота: они способствуют развитию космополитизма...» [2]. К. Жаков поднимает в работе вопрос об эстетическом восприятии природы зырянами, делая, как кажется, парадоксальный вывод об отсутствии художественности у коми народа. Вот что читаем по этому поводу: «Однообразии пейзажей, однообразии красок и сочетания линий. Все те же низменные берега реки, те же хвой, те же села на холмах над рекою – эти однообразные картины утомляют ваш взор... Звонкие ручьи в лесах, шум деревьев, пение птиц, свист ветров могли развить музыкальные способности, но художественности не на чем развиваться» [3]. Автор работы считает, что окружающая природа играет большое значение в развитии ума и этического чувства: «Относительно этики, мне кажется, что быстро соображающие люди со скорою сменой аффектов более склонны к музыке, чем к изобразительным искусствам. В звуках инструмента легче и быстрее можно выразить свои чувства, тогда как художественные образы созидаются нескоро во времени, и быстрота смены настроений может вредить их цельности...» [4].

Статья П.А. Сорокина «Грезы Севера» (1910) посвящена анализу концепции взаимоотношений человека и природы в художественном

творчестве К.Ф. Жакова. «В творчестве Жакова, – пишет он, – раскрывается тоже своеобразный мир, мир богатый образами, таинственными звуками, окутанный дымкой мистицизма. «Жизнь-сказка». «Жизнь-сон». Все живет здесь: леса шепчут о каких-то тайнах мира, звезды тихо глядят на волнения людей, река прислушивается к горю и радости их, вороны, звери и птицы живут и мыслят. Нити жизни переплетаются в странном причудливом кружеве, охватывают весь мир и поют великий гимн: «Все живет, все одно...» [5]. Автор работы не просто подчеркивает своеобразие эстетического мира К. Жакова, но и отмечает, что писатель в своем творчестве глубоко уловил особенности коми народного характера и тем самым дает нам ключ к прочтению его творчества.

1.2. Работы коми критиков и литературоведов по теме «человек и природа» 1920–1930, 1940–1950, 1960–1980- х гг.

Общественно-историческая ситуация 1920–1930-х годов характеризуется «отрицательным» отношением к природе: оно пронизало научные теории, определило общественную атмосферу, поставило задачу покорения «первой» и строительства «второй» как государственную. Перед коми литературой в эти годы государством была поставлена задача создания образа человека-творца, строителя новой действительности. В общественном сознании укреплялись идеи природоборчества: преобразования природного облика страны, укрепления мощи человека достижениями науки и техники. Перелом по отношению к вопросу о месте природы в жизни человека наметился в 1960-е годы, когда общество начало осознавать опасные последствия утилитарно ориентированного научно-технического прогресса. Это нашло отражение, прежде всего в художественном творчестве писателей, в том числе и коми. В 1960–1980-х годах в творчестве коми писателей возрождается исследование многообразия форм взаимоотношений человека и природы. В это же время стали появляться литературоведческие работы, в которых вновь заговорили об актуальности связей коми человека с природным миром. В исследованиях Н.А. Буриловой «Национальное своеобразие решения проблемы человека и природы в прозе Г.А. Юшкова» [6], «Человек и природа в коми прозе» [7] отмечается воздействие природы на формирование национального мировосприятия, поведения.

1.3. Работы историко-литературного характера о теме природы, об образе природы, видах пейзажа в коми литературе.

В коми литературе тема природы всегда занимала одно из ведущих мест, она не только сохранялась, но и интенсивно развивалась, обогащаясь новыми идеями и художественными открытиями, в критических

же исследованиях литературного процесса она практически не затрагивала. Необходимо заметить, что живая творческая практика коми писателей в 1920–1930-е годы была гораздо богаче ее теоретического осмысления. Статьи о произведениях В.Т. Чисталева, В.А. Савина, В.И. Лыткина, в которых тема природы занимает одно из ведущих мест, опубликованные в журнале «Ордым» (Тропа) за 1926–1930 годы, не содержат суждений о теме природы [8]. В эти годы преобладало критическое отношение к роли пейзажа в литературе. В дискуссии тех лет о месте темы природы в коми советской литературе ставился вопрос, быть или не быть природе в художественном произведении, и «официальный» ответ декларировался как важная идеологическая установка – тема природы преимущественно оценивалась как отражение нежелания авторов изображать социалистическую действительность. 5 сентября 1929 года на заседании бюро Коми обкома ВКП (б) был заслушан доклад председателя правления КАПП «О состоянии коми художественной литературы», в котором обсуждалась и названная проблема: «Поэзияын вөр-ва ошкӧм пыдди лӧсьӧдны высокоидейнӧй революционнӧй поэзия» [9] (В области поэзии вместо воспевания природы создать высокоидейную революционную поэзию). Н. Попов (Жугыль) в статье «О состоянии коми художественной литературы», защищая советскую литературу как выражение нового классового мироощущения, заметил: «Уна коми поэт гижӧ вӧр-ва йылысь: ошкӧны шондіа лун, видӧны лек поводя, либӧ радлӧны «мича садъяс» видзӧдӧгӧн. Миян могъяскӧд татшӧм гижӧдъяс эз лӧсявны и оз лӧсявны» [10]. (Многие коми поэты пишут о природе: хвалят солнечный день, ругают плохую погоду или бурно выражают радость, разглядывая прекрасные сады. С нашими задачами такие произведения не совпадали и сейчас не совпадают). Автор работы называет природоописания «посніторьясӧн» (мелкой темой), говорит о том, что пейзаж для писателя является забавой; по мнению Н. Попова, тема взаимоотношений человека и природы является несвоевременной и, следовательно, в ней нет необходимости. Произведения о природе он считает выпадающими из пролетарской литературы. Е. Колегов в статье «Колӧ сетны пролетариат нога литература» (Нужно создавать пролетарскую литературу) заметно ироничен по отношению к классике: сельская тишина, прелестные уголки, охота, собирание грибов – все это устарело. Критик говорит о неприятии традиционного пейзажа: «Сетам-ог ми лыддӧсьсылы мыйкӧ колана, кыскам – ӧ сылысь интерес, кутам кӧ гижны тшак вотӧм да мӧс видзӧм йылысь. Дерт ог. Либӧ кутам ошкыны вӧр-ваын олӧм. Артмӧ сідз, быттӧ коми мортлы вӧрын овны этшӧм лӧсьыд, бурджыкыс оз и ков» [11]. (Дадим ли мы читателю

что-нибудь полезное, заинтересуем ли мы его, рассказывая ему только о собирании грибов и содержании коровы? Конечно, нет! Либо будем воспевать жизнь на лоне природы. Получается, что коми человеку в лесу жить так хорошо, что лучше и быть не может).

Лишь в 1929 году А.С. Забоев, одним из первых, отозвался добрым словом об образе природы в поэме В.И. Лыткина «Мунӧны» (Идут). Заслугой критика является то, что он поставил перед собой задачу изучить художественную форму произведения. Особое внимание автор уделил рассмотрению образного строя поэмы, ее стиля, подчеркнув, что одним из достоинств произведения является описание природы коми края. Поскольку в поэме большое место уделено природе, критик много рассуждает о ней; он замечает, что В.И. Лыткину удаются описания природы: «Автор мед водз интереснӧя сетӧ ывлавывлысь серпасъяс....гражданскӧй война йылысь гижигӧн позис дерт, ывлавывлысь серпасъяс не сетны, а сетныкӧ куш фон пыдди. Тані абу сидз. Тані джынсьыс уна гижӧма коми вӧр-ва йылысь. Авторлы ывлавыв абу сӧмын фон. А унджык ывлавыв петкӧдлӧмыс отсалӧ гӧгӧрвоны идеясӧ, гижӧдсӧ дзоньнас» [12] (...В основном автору удаются описания природы...ведя речь о гражданской войне, он мог бы воздержаться от описаний природы или дать ее вместо фона. А тут наоборот. Здесь больше половины занимает рассказ о коми природе. Для автора это не фон, а возможность выразить идею произведения в целом). А.С. Забоев рассуждает о том, что традиции изображения человека и природы в поэме В.И. Лыткина восходят к национальному фольклору. Автор считает, что в приеме параллелизма находят свое воплощение представления о единстве человека и природы, подчеркивает, что художнику присущи элементы древнего представления о тождестве жизни природы и человека, указывая на глубокие связи между ними. Критик замечает, что жизнь человека и природы – зависимые друг от друга стихии, заключает, что явления природы одушевлены не без мысли о родстве всего живого. Автор статьи акцентирует интерес к форме, к тому, как сделано произведение, говорит о манере живописания природы в поэме В.И. Лыткина: «...босьтны кӧ ывлавыв серпасъяссӧ рисуйтчан ногсӧ, сэні Илля Вась неуна торъялӧ жӧ. Илля Вась пӧлӧтна вылӧ шыблалӧ чукӧра зэв сук краска. Ӧті краскасянь мӧд краскаӧ петигӧн абу «переходъяс», абу ӧті краскалӧн мӧд краскаӧ пӧрӧмыс. Сійӧс оз интересуйтны ывлавыв серпаслӧн торъя нъюансьясыс, детальясыс. Петкӧдлӧ тӧдчанджык, синвылӧ шыбыдчанджык визъяс» [13] (...если взять манеру описания природы, тут Илля Вась чем-то отличен от других. На описываемое полотно он кладет яркие, сочные краски. Нет плавного перехода от одного цвета к другому, нет

превращения одного цвета в другой. Его не интересуют отдельные детали, нюансы в описании, он показывает более крупные, бросающиеся в глаза линии). Это одно из редких исследований, в котором анализируется художественная форма, картина природоописаний.

Из работ коми литературоведов конца XX века о теме природы в коми литературе можно выделить исследования В.А. Латышевой «Вёчма водзё тёдчана воськов: И. Тороповлён романтической проза (Сделан заметный шаг вперед: романтическая проза И. Торопова)» [14], Г.К. Лисовской «Отражение дохристианских представлений коми о природе в творчестве К.Ф. Жакова» [15], «Образ природы у К.Ф. Жакова» [16], Т.Л. Кузнецовой «Талунъя ичот жанръяса прозаын вёр-ва серпасалом» (Изображение природы в малых жанрах современной коми прозы) [17], В.А. Лимеровой «Мифоритуальный сценарий судьбы героя в рассказе В. Чисталева «Трипан Вась» [18], Л.В. Лыткиной «Жанры коми-зырянской прозы первой трети XX века. Взаимодействие романа, повести, рассказа и очерка» [19], в которых содержатся некоторые наблюдения над художественным воплощением темы природы в произведениях К. Жакова, В. Чисталева, И. Торопова, Я. Рочева, Л. Палкина, И. Белыха, С. Раевского, В. Торопова.

Большую научную ценность в осмыслении темы «человек и природа» имеют работы В.Н. Демина. Монография «На небе звезда» содержит главу о коми пейзажной лирике [20]. В ней описаны разновидности пейзажей в творчестве Д.Я. Попова, В.Т. Чисталева, В.И. Лыткина, С.А. Попова; исследование посвящено системному осмыслению принципов изображения природы в творчестве коми поэтов, проанализированы конкретные произведения. Автор выделяет тип пейзажной зарисовки («серпас»), который он считает одним из ведущих в поэзии начала 1920-х годов, прослеживает эволюцию развития пейзажа. В работе «История и типология жанров коми поэзии» автор углубляет вопросы предыдущей работы, касающиеся понятий «пейзаж», «образ природы». Выделяются разновидности пейзажей по принадлежности их к методу, направлению и стилю. На примере творчества В.Т. Чисталева исследователь размышляет о реалистическом пейзаже, рассматривает функции пейзажей в его лирике, в частности, говорит о принципе психологического параллелизма; далее речь идет о традициях, повлиявших на пейзажную лирику коми поэтов. Исследователь отмечает воздействие пейзажной лирики А. Фета на пейзажные стихотворения В.Т. Чисталева, говорит о традициях народной поэзии, об обогащении поэтики пейзажной лирики под воздействием традиций русской и финской поэзии XIX века, сопоставляет поэтику природоописаний И.М. Вавилина, Ф.В. Щербакова, С.А. Попова с пейзажами поэтов По-

волжья и Приуралья. Исследователь выделяет ведущие природные образы, таковыми он считает образы лесного озера, лесной дороги, птицы, ручья, ветки рябины. В.Н. Демин внес серьезный вклад в разработку вопроса о законах существования темы природы в литературном произведении. Достоинство работ исследователя заключается в стремлении автора систематизировать разновидности коми пейзажной лирики, проследить эволюцию стихотворений о природе, выявить тенденции в развитии пейзажной лирики.

1.4. Четвертая группа работ характеризуется постановкой экологических вопросов.

В конце 1920-х годов критик А. Забоев, писавший под псевдонимом Сан-Антус, опубликовал в журнале «Ордым» (Тропа) статью «Видзьö вöр» (Охраняйте лес) [21]. Он подошел к проблеме взаимоотношений человека и природы с точки зрения окружающей среды: автор рассматривает лес как источник существования человека, считает, что его необходимо беречь, хранить для потомков. Годом позже в этом же журнале помещает свою статью «Дöзьöритöй вöр» (Ухаживайте за лесом) [22].

Одной из первых работ 1970-х годов, в которой было предложено пересмотреть отношение к природе, стала статья Г.В. Беляева «Галунья тема» (Современная тема). Он размышляет о необходимости формирования в качестве особого научного направления экологии человека, которая занималась бы изучением общих закономерностей взаимоотношений окружающей природной среды и общества, экологии культуры, задачей которой было бы сохранение культурной среды и борьба с бездуховностью [23].

1.5. Тема «человек и природа» в финно-угорском литературоведении.

Взгляды на человека и окружающий его мир к началу XX веков были развиты преимущественно в плане общефилософском, естественнонаучном и экономическом. В основной массе своих идей критика и литературоведение финно-угорских народов были направлены на осмысление революционного преобразования общества и, переоценивая заново судьбы человечества, формировали в сфере представлений о будущем основы новой этики, эстетики и отношения человека к природе. В работах последних десятилетий XX века «История марийской литературы» [24], «История мордовской литературы» [25] положено начало исследованию мастерства описаний природы в творчестве С.Г. Чавайна, Н. Эркая, В.Х. Колумба.

Тема человека и природы в финно-угорском литературоведении исследована в историко-литературных и теоретических работах литера-

туроведов о писателях: П. Домокоша «История удмуртской литературы» [26], Э.Г. Карху «История литературы Финляндии XX века» [27], Г.С. Девяткина «Мордовский рассказ» [28]. В работах В.В. Пахоруковой «Пути и проблемы развития коми-пермяцкой прозы» [29], Е.И. Азыркиной «Человек и природа в мордовской прозе» [30], С.П. Манаевой-Чесноковой «Художественный мир современной марийской поэзии» [31] и др.

Анализ осмысления проблемы человек и природа в коми критике и литературоведении позволяет сделать важные для данного исследования выводы: Тема взаимоотношений человека и природы обсуждалась критиками и литературоведами на протяжении всего XX века, но осмыслялась она по-разному. Кроме того, вопрос о месте природы в жизни человека в течение этого времени рассматривался неравномерно: можно выделить три периода всплеска интереса к нему, три этапа обращения к проблеме человека и природы.

I этап – конец XIX века – 1910-е годы, включает работы К.Ф. Жакова «Этнологический очерк зырян» (1901), П.А. Сорокина «Грезы севера» (1910), которые актуализировали осмысление роли и места природы в коми национальной жизни и литературе. Работы исследователей посвящены вопросу о влиянии природы на характер коми человека. Основной в концепции К. Жакова и П. Сорокина является мысль о том, что история природы и история людей взаимно обуславливают друг друга. Исследователи ставят задачу осмысления законов природного мира, влияния природы на формирование этноса. Названные работы сыграли подготовительную роль для исследования темы взаимоотношений человека и природы в современном коми литературоведении.

II этап – 1920–1930-е годы характеризуется дискуссией о месте темы природы в коми советской литературе. В ходе обсуждения вопрос быть или не быть природе в художественной литературе воспринимался как важная идеологическая установка: наличие темы природы в художественном произведении преимущественно оценивалось как нежелание авторов изображать социалистическую действительность. Применительно к этому этапу можно утверждать, что исследование данной темы в литературной критике на соответствовало процессам, происходящим в самой литературе, т.к. в последней тема природы развивалась интенсивно, живая творческая практика была гораздо богаче ее теоретического осмысления. Необходимо отметить в коми литературе наличие широкого интереса ко «второй» природе, т.е. созданной руками человека. Она становится предметом эстетического осмысления, нередко предстает мерой красоты и гармонии. Однако в то же время

появляются работы, характеризующиеся постановкой экологических вопросов.

III этап – 1960–1990-е годы, когда в коми критике и литературоведении произошел перелом по отношению к вопросу о месте природы в жизни человека. В творчестве Г.А. Юшкова, И.Г. Торопова, Е.В. Рочева возрождается исследование многообразия форм взаимоотношений человека и природы, что нашло отражение и в литературоведческих работах, в которых вновь заговорили об актуальности связей человека с природным миром: «На таежных просторах» А.К. Микушева, «Национальное своеобразие решения проблемы человека и природы в прозе Г.А. Юшкова», «Человек и природа в коми прозе» Н.А. Буриловой, «На небе звезда...», «История и типология жанров коми поэзии» В.Н. Демина, «Жанры коми-зырянской прозы первой трети XX века. Взаимодействие романа, повести, рассказа и очерка» Л.В. Лыткиной. Таким образом, можно говорить о неослабевающем интересе к вопросу о влиянии природы на национальный характер в коми критике и литературоведении.

Литература и источники

1. Жаков К.Ф. Этнологический очерк зырян // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 314, 319, 327, 335, 341, 346.
2. Жаков К.Ф. Этнологический очерк зырян // Жаков К.Ф. Под шум северного ветра. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1990. С. 321.
3. Там же. С. 339.
4. Там же. С.339
5. Сорокин П.А. Грезы Севера // Известия Архангельского общества изучения русского севера. Журнал жизни северного края. 1910. №17. С. 37.
6. Бурилова Н.А. Национальное своеобразие решения проблемы человека и природы в прозе Г.А. Юшкова // Сер. препринтов. Труды ИЯЛИ. Сыктывкар, 1982. Вып. 26. С.46 – 52.
7. Бурилова Н.А. Человек и природа в коми прозе // Север. №9. 1986. С. 109 – 114.
8. см: Савин В.А. Нбшта «Трипан Вась» йлысь // Ордым. 1929. №12. 44-45 л.б. Тимушев А.П. Трипан Вась В.Т. Чисталева // Ордым. 1929. №6-7. 73-75 л.б.
9. Попов Н. О состоянии коми художественной литературы // Ордым. 1929. №8-9. 4 л.б.
10. Попов Н. О состоянии коми художественной литературы // Ордым. 1929. №1. 8 л.б.
11. Колегов Е. Колö сетны пролетариат нога литература // Ордым. 1929. №. 3. 5 л.б.
12. Забоев А.С. «Мунöны» (Идут: рец. на поэму И. Вася (Лыткина В.И) // Ордым. 1929. №12. 46 л.б.

13. Забоев А.С. «Мунёны» (Идут: рец. на поэму И. Вася (Лыткина В.И) // Ордым. 1929. №12. 48 л.б.
14. Латышева В.А. Миян кывным мыйён шыасяс... Литературно-критические статьи. Сыктывкар, 1991. С. 121-125.
15. Лисовская Г.К. Отражение дохристианских представлений коми о природе в творчестве К.Ф.Жакова // Христианизация коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т.2. С. 160-165.
16. Лисовская Г.К. Образ природы у К.Ф.Жакова // Вестн. Культуры Респ. Коми. 1993. №2. С. 79-82.
17. Кузнецова Т.Л. Талунья ичот жанръяса прозаын вёр-ва серпасалом (Изображение природы в малых жанрах современной коми прозы // Кузнецова Т.Л. Литература совман туйяс: гижысь да кад. Сыктывкар, 2003. С. 101-108.
18. Лимерова В.А. Мифоритуальный сценарий судьбы героя в рассказе В.Чисталева «Трипан Вась» // Арт.1998. №. 1. С. 77-82.
19. Лыткина Л.В. Жанры коми-зырянской прозы первой трети XX века. Взаимодействие романа, повести, рассказа и очерка. Сыктывкар, 1997. 207 с.
20. Демин В.Н. Душа коми поэзии (О коми пейзажной лирике) // Демин В.Н. На небе звезда. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1995. С. 76-101.
21. Забоев А. Видзьё вёр // Ордым. 1927. №12. 18-20 л.б.
22. Забелин В. Дёзьоритёй вёр // Ордым. 1928. №4. 8 – 10 л.б.
23. Беляев Г.В. Талунья тема // Войвыв кодзув. 1975. №4. 53-58 л.б.
24. История марийской литературы. Йошкар – Ола: Марийский НИИ языка, лит и ист. им. В.М.Васильева, 1989. 432 с.
25. История мордовской литературы. Саранск: Мордов. гос.ун-т. им. Н.П.Огарева, 1986. 216 с.
26. История мордовской литературы. Саранск: Мордов. гос.ун-т. им. Н.П.Огарева, 1986. 216 с.
27. Карху Э.Г. История литературы Финляндии XX века. Л.: Наука, 1990. 607 с.
28. Десяткин Г.С. Мордовский рассказ. Саранск: Мордовское кн. изд-во, 1981. 384 с.
29. Пахорукова В.В. Пути и проблемы развития коми-пермяцкой прозы. Л.: Наука, 1977.
30. Азыркина Е.И. Человек и природа в мордовской прозе. АКД. Саранск, 1996. 24 с.
31. Манаева-Чеснокова С.П. Художественный мир современной марийской поэзии. Йошкар-Ола, 2004.

Типы художественного сознания в новеллистике 20-х годов XX века

Короткий послереволюционный период – примерно до середины 20-х годов – особый период в истории коми литературы в целом и новеллистики, в частности. Он включает в себя такое богатство потенциальных возможностей, альтернатив развития последующей коми литературы, которое в определенном смысле так и не реализовалось.

Английский исследователь коми литературы Джон Гордон Коутс так определяет своеобразие этого послереволюционного времени: «Это период относительной интеллектуальной терпимости, художественного расцвета и политических компромиссов» [1].

Своеобразное развитие литературы определило многообразие художественных поисков коми писателей, богатство типологических разновидностей жанра рассказа от традиционно-реалистического до философского и лирико-поэтического постижения жизни. В произведениях В.Т. Чисталева, В.А. Савина, И.И. Сажина и других писателей отразились драматические, трагические и комические социальные явления переломной эпохи и самое главное – литература исследует отношение между человеком и историей, человеком и эпохой.

При этом все виды новеллистических текстов восходят к двум типам, о которых писал Ю.М. Лотман, – это тексты циклические и линейные. Циклический текст «мыслится как некоторое непрерывно повторяющееся устройство, синхронизированное с циклическими процессами природы... Они трактовали не об однократных и внезакономерных явлениях, а в событиях вневременных, бесконечно репродуцируемых... Другие тексты организовались в соответствии с линейным временным движением, фиксирующим не закономерности, а аномалии. Таковы были устные рассказы о «происшествиях», «новостях», разнообразных счастливых и несчастных эксцессах.... Современный сюжетный текст, по мнению ученого, «плод взаимодействия этих двух исконных в типологическом отношении текстов» [2].

Коми новеллистика 20-х годов при всей ее пестроте тем не менее укладываются в дополняющие друг друга категории линейности и цикличности. Они отражают два типа художественного сознания, воплощенные в литературе послереволюционного времени.

Первое – сознание историческое, фиксирующее движение времени. В рассказах этого типа привлекает прежде всего сам фактический материал, в котором раскрываются особенности жизни коми в 20-е годы XX века и прежде всего трагические и героические события гражданской войны – «Домна Каликова», «Бöрынтьчигöи» (При отступлении) В. Савина, «Сiм сьöд кымöр моз» (Как черная туча) Н. Попова, «Кык час мысти» (Через два часа) Н. Титова, «Ён тыш» (Великая борьба) И. Сажина и др.

Наиболее ярко, полнокровно время 20-х годов отразилось в произведениях писателей иронико-юмористического направления. Писатели с удовольствием погружаются в бытовую конкретику, мелочи жизни, подмечая все смешное, забавное в жизни современников. Генетически эти рассказы восходят и устным рассказам, быличкам, забавным происшествиям в коми деревне. Таковы рассказы «Луча» (1926) В. Савина, «Шева чуман» (Лукошко шевы 1927), «Сё сикас» (Всякая всячина, 1926), «Сьöд шор» (Черный ручей, 1928) И. Сажина и другие.

Самым последовательным писателем юмористического направления в 20-е годы был И.И. Сажин (Ичöт Иван). И. Сажин называл его «Зошенко коми деревни» [3]. И не без оснований. Если М. Зошенко создал образ городского обывателя 20-х годов, то И. Сажин – сельского коми обывателя этого периода. Автор с точки зрения человека послереволюционного времени смотрит на неторопливую обывательскую жизнь крестьян с их смешными суевериями, верой в порчу («Лукошко шевы»), в чертей («Черный ручей»), долгами бабьими посиделками («Всякая всячина»). Основа его рассказов всегда анекдотична. Казус, ошибка, недоразумение – эпицентр этих лаконичных текстов, характеризующих нравы сельчан.

Возникновение юмористических рассказов было связано с переживанием противоречивости времени. Комические ситуации часто рождаются из стремления людей приспособиться к новой действительности. О чудовищной путанице, происходящей в сознании простых людей в переломное время, и об абсурдности некоторых новых явлений писали прозаики первых послереволюционных лет. Так в одном из эпизодов рассказа И. Сажина «Великая борьба» мы видим, как в церкви начинают службу с революционных песен. А ведь этот рассказ почти документальный, очерковый. Тему приспособления церкви к новым условиям развил П. Малафеев в рассказе «Со, колöкö и уджав» (Вот и работай, 1929). Он показал, как виртуозно ловкий поп использует новую идеологию. Крестьянки рыдают над его проповедью, посвященной Международному женскому дню, а на церковной ограде он вывешивает плакат: «Верующие, помолимся за повышение урожая» [4].

«Новое в их сознании образует самую странную смесь со старым и дает самые эксцентричные изгибы мышления», – писал И. Сац о героях М. Зощенко [5], то же самое он мог бы сказать о персонажах коми рассказов. Один из них – Тист Иван – герой одного из самых известных произведений 20-х годов – рассказа «Луча» В. Савина. В основу этого рассказа писатель положил известное устное повествование о коми крестьянине из деревни Джиян на Вишере. Кто не знает Тист Ивана! На Вишере и Нившере все знают Ивана!», – пишет В. Савин [6]. Тист Иван – чудака – над ним все смеются. Он первым не то что в деревне, а в волости отказался от крещения своего новорожденного сына и устроил октябрины. Вся партъячейка выбирала его имя, чтобы оно было «крепким» и «красного цвета». Остановился он на имени Новолучинский-Чумбаров, в честь погибшего героя гражданской войны Чумбарова-Лучинского, которое в конце концов превратилось просто в Лучу. В. Савин исследует характер человека, который выбивается из привычного, традиционного цикла жизни и активно утверждает свою волю. Писатель предлагает судить о характере человека по причуде – в ней раскрывается его неповторимая индивидуальность. Чудака, это всегда свободный человек, упрямо желающий делать что-то по-своему. Он является излюбленным персонажем мировой культуры, и он всегда укоренен в национальную почву. Также национально самобытен и в то же время исторически конкретен и узнаваем Тист Иван. В. Савин создает колоритный человеческий характер. Такие, как Тист Иван, искали в революции не материальные блага и возможности, а новые духовные основы для жизни. Крестьянин полон энтузиазма, радостного стремления к новой жизни, и в сочетании со стихийным, своенравным характером это приводит к комическим ситуациям. За внешней анекдотичностью сюжета рассказа скрыта глубокая вера писателя в новые духовные основы для жизни. Писатель исследует возможности психологического сдвига в замкнутом сознании крестьянина, обретение им помимо прагматических забот еще и неких идеалов. Человек середины 20-х годов вырвался из круга циклического, а значит, неподвижного, бесконечно повторяемого времени. «Время – вперед!» – это не только название известной книги, это отражение нового, исторического сознания, знак, клич, лозунг времени. И герой рассказа В. Савина, и сам писатель живут не настоящим даже (в нем много тяжелого и абсурдного), а светлым будущим, воплощением которого является сын Тист Ивана. Не случайно рассказ назван его именем. Именно к нему обращены последние строки савинского текста.

Кроме рассказов, в которых показан конкретный человек в конкретное время, в коми литературе в 20-е годы сложился и другой тип

текста, в котором показан человек в системе вечных природных координат. Можно видеть какие-то факты, череду событий и даже делать выводы, исходя из их определенного отбора. А можно ощущать движение времени, истории как нечто вневременное и неподверженное сиюминутным интересам. Значимость их все в линейном (историческом) времени, а в «выразившем себя через него некоем изначальном видении» [7]. Именно ко второму типу творчества относится рассказ В. Чисталева «Трипан Вась», опубликованный в журнале «Ордым» в 1929 году. Природа его абсолютно противоположна большинству произведений этого периода. В отличие от писателей, которые фиксируют изменения в психологии людей послереволюционного времени, В. Чисталев показывает человека в постоянных ситуациях человеческого бытия. При этом исходное фабульное время рассказа конкретно, точно заявлено в начале рассказа – голодный 1919 год. Оно в сущности определяет завязку рассказа, необходимость отправиться крестьянину в путь на лодке в верховье Вычегды – ставить сено, набрать пихтовой коры для лепешек, бересты, а самое главное, тайно от всех припасенным зерном засеять расчищенное им поле. И именно это же конкретное время определяет развязку повествования – смерть обессиленного крестьянина от голода на пути к дому. Приметы времени узнаваемы, они детализированы: мысли-переживания Трипан Вася связаны с текущими тревожными событиями (один его сын у красных, другой – совсем юный – в плену у белых). Однако все атрибуты социальной действительности находятся на периферии читательского сознания. Главное в рассказе – другая, параллельная действительность – она вне конкретного времени, и в нее уходит Трипан Вась, как только покидает свою деревню и включается в ритм природного бытия. В ней нет начала и конца, а значит, нет и смерти, а есть вечное возвращение. Шелест колосющейся ржи, мягкий и спокойный, обрамляя рассказ, образует ритм вечного круга жизни.

Совмещение в сюжете произведения двух планов – исторического и мифопоэтического придает ему символический смысл, ибо исключает однозначность толкования. Быт и бытие сошлись в образе Трипан Вася. Это и реальный крестьянин времени революционного лихолетья, и фигура почти мифическая, глубоко слитая с извечным миропорядком, природной гармонией бытия. Его окружают лес, река, луга и поля, смоляные запахи лиственницы и березы, острый запах дягеля и пряный запах красной смородины. Он живет среди звуков, голосов первозданной природы. «Первобытнѳй этшѳн оліс да лолаліс ывла» (Первобытной силой жила и дышала природа) [8] – пишет В. Чисталев в рассказе. Трипан Вась составляет одно единое с этой землей. Он сам,

как лес и поля, весь из естества: «Да и ачыс Вась эштём быттьоко пуйсь, сямодысь, кырсьысь тэчёма...» (Да и сам Вась такой, будто из дерева, бересты, коры сделан...) [9]. Трипан Вась выполняет свое природное предназначение. То, что он делает – сеет рожь, косит траву, рубит деревья – исполнено сокровенного смысла. Постоянство и неотменимость ритмов природы и крестьянского труда, утверждаемое в рассказе, придает особое миропозитическое звучание произведению. Писатель открывает простые, почти бессознательные, инстинктивные основы национальной жизнестойкости. В отличие от других писателей 20-х годов, которые приветствуют появление нового человека, с энтузиазмом отказывающегося от старого уклада жизни, В. Чисталев поэтизирует человека не меняющегося и не преобразующего жизнь, а растворенного в ней. Рассказ «Трипан Вась» означал прорыв из прозы социально-бытовой в прозу, которая выходит из пространственно-временных границ на уровень философский, формой которого является символично-мифологическая модель мира, для которой характерен «перенос творческого интереса на вечные метафизические проблемы» [10]. В. Чисталев перевел реальную жизненную ситуацию в мифологическую. Исследователь психологии и философии художественного творчества К.Г. Юнг писал: «Момент возникновения мифологической ситуации всегда характеризуется особенно эмоциональной интенсивностью, словно в нас затронуты никогда ранее не звеневшие струны. Встретив жизненную ситуацию, мы чувствуем освобождение, ибо в нас просыпается голос рода» [11]. Таким образом действует на нас этот рассказ. Он затрагивает самые глубинные струны национального сознания. Если в замечательных рассказах И. Сажина, В. Савина читатель узнает «другого» – иногда очень близкого, но другого, над которым можно смеяться, или им восхищаться – в любом случае это взгляд со стороны, то в Трипан Васе, в его действиях, мы ощущаем себя, собственную тоску по цельности и гармонии, собственную природную сущность.

Рассказ «Трипан Вась» В.Т. Чисталева – главное достижение новеллистики 20-х годов. Он сочетает в себе полнокровное реалистическое изображение человека в определенный исторический момент с искусством глубоко интуитивного, поэтического постижения вечных законов бытия.

В целом произведения коми новеллистов 20-х годов отразили многообразие их эстетических поисков. В прозе сложились типы художественного сознания, которые позволили исследовать реальное мироощущение человека в переломную эпоху в его социальных, бытовых, бытийных проявлениях. Они позволили увидеть духовный по-

тенциал народа через его жажду перемен, движение вперед, с одной стороны, и стремление к самосохранению, неприятие «террора истории», с другой стороны.

Литература и источники

1. Цит. по: Коутс Дж.Г. Аспекты современной коми-зырянской литературы. Диссерт. на соиск. уч. степ. доктора филологических наук, 1969. Рук. (Пер. с англ. В.Чумаченко) // Из личного архива автора.
2. Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т.1. * Tallin: Александра, 1992. – С.225-226.
3. Небдіна Виттор (В.А.Савин). Мусюр сайын (За лесным холмом). – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1985. * С.23.
4. Ытва дырйи: Коми висьт 20-30-ӧд воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. С.187.
5. Литературный критик, 1938. – №3. – С.153 // Цит. по кн.: Советский русский рассказ 20-х годов. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – С.410.
6. Ытва дырйи: Коми висьт 20-30-ӧз воясӧ. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1987. – С.15.
7. Юнг К.Г. Феноменология искусства и науки. – М.: Ренессанс, 1992. – С.128.
8. Чисталев В.Т. Менам гора тулыс / Моя звонкая весна. Стихи и проза. – Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1980. – С.116.
9. Там же.
10. Милетинский Е.М. Поэтика мира. – М., 1976. – С.343-344.
11. Юнг К.Г. Феноменология искусства и науки. – М.: Ренессанс, 1992. – С.130.

Рассыхаев Алексей Николаевич

*младший научный сотрудник отдела фольклора
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
г. Сыктывкар*

Коллекция детского фольклора в собрании Национального музея Республики Коми *

Уникальный по своей значимости для фольклористики материал хранится в собраниях Национального музея Республики Коми. В этом легко убедиться, ознакомившись с фольклорными записями первой трети XX в., собранными силами студентов и преподавателей Коми Педагогического техникума.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ «Проект №07-04-41405 а/С.

Первичный анализ рукописей даёт достаточно оснований, чтобы утверждать, что в фольклорных материалах существенную часть составляют произведения детского фольклора, причём не только коми, но и русского. В этом нет ничего удивительного, зная векторы исследований отечественной фольклористики того периода.

Интерес к детскому фольклору в Коми крае проявляется в период, когда начинается активное научное изучение русского детского фольклора. В 1920-х годах один за другим выходят работы Г.С. Виноградова, посвящённые детскому быту и фольклору: «Детский народный календарь» (1924), «Детская сатирическая лирика» (1925), «Народная педагогика» (1926), «Детские тайные языки» (1926), «Детские игровые прелюдии» (1927–29), «Из наблюдений над детским потешным фольклором. Сечки» (1930). В 1928 г. предпринимается классификация и обзор накопленного по детскому фольклору материала в работе О.И. Капицы «Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собрание. Обзор материала».

Само собой разумеется, что публикации известных ныне учёных также подтолкнули других собирателей обратиться к произведениям этой области устного народного творчества. На территории нынешней Коми республики детским фольклором заинтересовались, прежде всего, члены образовавшейся в 1922 г. краеведческой организации Общество изучения Коми края, внёсших неоценимый вклад в изучение и развитие национальной культуры (В.И. Лыткин, А.С. Сидоров, А.Н. Грен, и др.) [1].

Сбором детского фольклора и игр коми занимается также Г.А. Старцев, которому принадлежит подробное описание детской игры в «Шег» (Бабки) [2]. В архиве РАН (СПб) хранится его научный отчёт от 1930 года, в котором автор отмечает, что он произвёл в Усть-Вымском р-не записи фольклорных текстов (до 40 единиц), главным образом, образцов детского фольклора, на которые ни он, ни «другие собиратели в прошлые годы мало обращали внимания» [3].

Будучи преподавателем Коми педагогического института, Г.А. Старцев организывает широкомасштабную работу студентов по собиранию фольклорно-этнографического материала. В 1933 г. он издаёт программу собирания фольклора коми, в которой есть специальный раздел о детском фольклоре, вынесенный и в название небольшой брошюры «Коми фольклор: Его изучение и значение, жанры, детский фольклор, что и как изучать» [4]. Подготовленный им опросник использован студентами при собирании фольклорного материала. Большинство записей сделано во время каникул в 1933–1935 годах в своих родных сёлах. Практически каждый учащийся рассматривает себя как

носителя фольклорной культуры и записывает образцы детского фольклора коми из собственного репертуара. Обилие детских жанров объясняется и тем, что небольшие по объёму детские произведения более всего запоминаются и затем воспроизводятся в течение всей жизни.

В составе студенческих записей фольклорных текстов выделяется конспективная работа В.И. Матвеева на тему «Детские песни и игры», в которой в качестве примеров использованы материалы, собранные в родных местах – д. Семуково (на Нижней Вычегде). В этой работе названы и несколькими словами охарактеризованы основные жанры детского фольклора коми, на которых, скорее всего, акцентировал внимание во время лекции преподаватель. В своей «классификации» В.И. Матвеев выделяет 2 группы песен: 1) колыбельные песни и пестушки; 2) песни сезонные, обрядовые, возрастные. Далее называет в составе детского фольклора такие жанры, как заговоры, сказки, загадки, считалки, скороговорки, дразнилки, молчанки, сговорки и голосянки. При этом автор не всегда приводит примеры, что собственно и понятно. Например, упоминаемые голосянки, которые зафиксированы только в русской традиции и исследованы Г.С. Виноградовым, у коми не записаны вообще.

Количество собранных студентами фольклорных текстов повлияло, в свою очередь, не лучшим образом на качество записей. В какой-то степени виной является также и методика собирания фольклорного материала того времени. Необходимо отметить, что одним из серьёзных недостатков студенческих записей является неполная паспортизация или их отсутствие. К примеру, из более чем 200 текстов считалок на коми языке одна треть неатрибутирована, что создаёт дополнительные трудности для дальнейших исследований.

Если в студенческих рукописных тетрадях, соединённых общей обложкой, тексты детского фольклора соседствуют с другими фольклорными жанрами, то в подготовленных машинописных томах наличествует тематический принцип подбора материала. Есть основания полагать, что подборки готовились к публикации, но так и не были изданы.

В этом отношении представляется интересным подборка текстов под названием «Фольклор коми (детский)», датированная 1925 годом (Инв. №190). Она содержит 2 описания народных игр и 15 текстов, которые ныне также относят к числу детских. Это такие известные и популярные жанры, как песни-сказки на сюжет «Джыдж» («Стриж»), «Веньё», «Дуда», «Мёдла пълын пан тшынасьё» («На другом берегу пан дымит»), «Бобё» («Голубушка»), «Руй», прибаутки «Катша» («Сорока»), «Кбч йёктё, йёктё» («Заяц танцует, танцует»), дразнильные песни «Ольёксея, Мöseя» («Алексей, Моисей»), и специально исполняемые для детей шуточные песни, перешедшие из фольклора взрос-

лых «Туту-руту мошня», «Гиньдзи, гиньдзи, көчө гиньдзи», «Ен зэрö, зэрö» («Небо дождит») и другие.

Название другой подборки текстов, составитель которой не указан, вызывает у исследователей, по меньшей мере, недоумение и негодование – «Русский фольклор (1911–1936)» (Инв. №180.) Дело в том, в этом томе помещены переведённые на русский язык коми тексты, в том числе и образцы детского фольклора. Например, такие произведения, как «Дуда», «Бабочка», «Руй», «Голубь», «Стриж», «Заяц» и т.д. Песни-сказки снабжены комментарием, указывающим на их исполнение: «характерные для зырянской поэзии «детские сказки» большей частью не поются, а сказываются стихотворным размером». Другую половину тома составляют коми народные сказки, переведённые на русский язык (например, два варианта сказки «Мышь и сорока», «Три сестры», «Лиса и заяц», и другие). Примечательно, что составители указывают на источники, из которых заимствован текст: это ранее издававшиеся фольклорные сборники и лингвистические труды. Такими являются работы «Грамматика пермяцкого языка» Н. Рогова, «Грамматика зырянского языка» П.И. Саввантова, сборник Ю. Вихмана «Зырянский фольклор». В других случаях указан сам собиратель или информант: «сообщение Ф.И. Забоевой», «со слов Е.П. Лыткиной и по сообщению Ф.И. Забоевой». Интересным свидетельством является комментарий к двум сказкам, в которых пояснено, что они были записаны в 1913 и 1914 годах в Усть-Куломе К.Н. Микушевым – отцом известного коми фольклориста и литературоведа А.К. Микушева.

Коллекция детского фольклора из собрания НМРК становится бесценной, когда осознаем, что многие записанные образцы детского и не только фольклора нигде более не были зафиксированы другими собирателями.

В этом отношении маленьким открытием можно назвать бытование среди коми детских фольклорных текстов, принятых называть «сечками». Исследователи русского фольклора помещают сечки в «потешный фольклор» и рассматривают их, как и «молчанки» и «голосянки», отдельно от всех остальных вербальных детских игровых текстов, обосновывая этот факт превалярованием словесной части игры над акциональной стороной.

Хотя в студенческих записях нет никаких комментариев относительно исполнения сечек, об этом известно из публикаций Г.С. Виноградова. По его наблюдениям над сечками, смысл детской забавы состоит в том, чтобы, произнося полускандировкой или полуречитативом ритмизованный текст, одновременно ударять острым предметом

по дереву с таким расчётом, чтобы количество зарубок (сечек) совпало с числом, которое заявлено в тексте сечки [5].

Несколько аналогичных текстов также записано студентами Коми Педтехникума. Неполная паспортизация и отсутствие контекста бытования большинства фольклорных произведений не даёт возможности уверенно говорить, что все они были распространены среди коми. Основываясь на том, что в записях того или иного студента рядом с сечками соседствуют только русскоязычные тексты, можно предположить, что произведения бытовали именно среди русских жителей Коми края. Однако среди них есть один текст сечки, записанный в коми селе М. Керос Корткеросского р-на, что является убедительным доказательством бытования сечек в коми традиции:

Секи-неки надцать,

Высеки-неки надцать,

Высеки-неки надцать,

У меня пятнадцать,

Пятнадцать и есь. (НМРК: Инв. №197. Л. 188)

Более поздние архивные материалы Коми НЦ УрО РАН (за 1966 г.) также убеждают в том, что сечки были известны в детской игровой традиции коми. Так, в с. Ёртом Удорского р-на В.В. Тиминим записан текст, который собирателем отнесён к считалкам («лыддьысян»):

Секи, секи, двадцать,

Высеки пятнадцать.

Тут то и есть,

Окурат пятнадцать. (КНЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 291. №121.)

Ещё одной группой фольклорных текстов, практически неизвестной ныне, является коми скороговорки. Тексты уникального по своей природе жанра совершенно забыты. Между тем, ощущается их востребованность в педагогической практике. Скороговорки ценны тем, что способствуют раннему предупреждению косноязычия. Такие тексты рассчитаны на произношение «трудных» сочетаний звуков (в основном, взрывных и шипящих), не рифмованы, а при быстрых повторах часто появляется иной смысл. Например, при многократном повторении «Одя, вольд пышйис» (Авдотья, лошадь убежала) слышится «Оддяляйд пышйис» (Одеяло убежало) или «О, Дьявёльд пышйис» (О, Дьявол убежал).

В рукописных материалах количество записей коми народных игр хотя и не велико (чуть более 20 единиц), но некоторые из них в коми фольклорной традиции позднее также более не были зафиксированы. Интересная игра записана Володиным в верхнесысольском с. Ужга: «Живут две бабы: добрая женщина и Баба-яга. Женщина живет тру-

дом, а Яга – хитростью. Добрая женщина роет землю со своими дочерьми. Баба-яга приходит и наивно спрашивает:

- Что ты делаешь?
- В земле счастье ищем.
- У тебя слишком много дочерей, дай одну?
- Нет, не дам...».

После этого Баба-Яга выхватывает последнюю «дочь» из длинной вереницы игроков, держащихся за талии друг друга, а «мать» препятствует этому. Впоследствии ведущие игроки меняются ролями. (НМРК: Инв. №198. Л. 246).

Другое описание народной детской игры коми *«Пыш юрӧн ворсӧм»* («Игра с пучками льна») можно смело охарактеризовать, как маленькое драматическое представление со строгим разделением игровых ролей. В начале выбирают «Ягу-бабу», её помощника «Кошку», «Петуха», «Воришку льна» и «Пучки льна». Яга-баба, посеяв лён (то есть, уложив игроков), отправляется спать. После крика петуха, кошка её будит: *«Кур-няв, Яга-баба чеччы, пышкыд содӧс, рокыд пуйис, шыдыд пӧзис»* (Мяу-мяу, Баба-Яга просыпайся, лён вырос, каша сварилась, суп согрелся). Так происходит многократно до тех пор, пока лён окончательно не вырастет – игроки после каждого раза понемногу встают, показывая всходы и рост растения. Когда Яга-баба засыпает, «воришка льна» по одному уводит игроков и прячет их. Обнаружив после сна кражу, Яга-баба спрашивает петуха и кога о копнах. Ей отвечают, мол, они утонули в колодце попа, а когда доставали кочергой, то она сломалась. Яга-баба отправляется на поиски. Когда она всех находит, игроки с гоготом набрасываются на Ягу-бабу и протаранивают её. (НМРК: Инв. №190. Л.100–101).

Несколько слов необходимо уделить личностям собирателей детского фольклора коми. Кроме В.И. Лыткина, Г.А. Старцева и П.Г. Доронина, чьи фамилии указаны под многими детскими произведениями и народными играми, среди собирателей встречаются имена достаточно известных в Республике Коми людей, о которых стоит рассказать хотя бы в двух словах. Примечательно, что в числе студентов-собираателей были уроженец с. Занулье Прилузского р-на В.В. Юхнин (Луздор Вась) и уроженец с. Усть-Ухта нынешнего Сосногорского р-на Я.М. Рочев (Митрук Як), ставшие известными коми писателями. Отметим, что их записи отличаются от остальных подробностью изложения, разносторонностью выбранных тем.

Среди информантов значится также имя Ф.И. Забоевой. Это известная Феоктиста Ивановна Забоева – корреспондент П.Г. Доронина. Из её воспоминаний многое известно о быте Усть-Сысольска в период

пребывания (1860-е гг.) в городе И.А. Куратова, о самом поэте – основоположнике коми литературы, его ближайшем окружении.

Можно отметить ещё несколько фамилий, задержавших внимание. Так, на одной из подборок текстов «Фольклор коми Летского района. 1928–1929 гг.» (Инв. №199) отмечено имя собирателя – «С.А. Попов». Скорее всего, под этими инициалами скрывается почти забытый в Коми республике Сергей Александрович Попов, известный под псевдонимом «Чожмёр» (Горноста́й) и опубликовавший в 1920–30-х гг. в журнале «Коми му» и «Записках ОИКК» ряд работ по фольклору, языку и истории коми народа. В 1931–1933 гг. он возглавлял областной музей, потом был репрессирован и сослан в Казахстан. Другая подборка – «Гулень. Народные предания» (Инв. №185) – подготовлена неким И. Изьюровым. Возможно, это коми писатель И.В. Изьюров. Однако эти предположения предстоит аргументировать, а тем временем список известных имён, собирателей фольклорных текстов, довольно большой.

Записи произведений детского фольклора коми в собрании НМРК являются самой первой крупной коллекцией текстов этой области фольклора, представляющей огромный исследовательский интерес. Введение материала в широкий оборот позволит заметно расширить представление о коми и русском детском фольклоре на территории Коми республики.

Литература и источники

1. О деятельности краеведческой организации подробнее см.: Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Стоявшие у истоков. (Очерки истории становления гуманитарной науки в Коми). – Сыктывкар, 2005. – С. 53-60.
2. Старцев Г.А. Прошлое Гамской волости (Материалы к истории Коми края) // Записки Общества изучения Коми края. – Усть-Сысольск, 1928. – Вып. 1. – С. 110-111.
3. Об этом см.: Плосков И.А. О научной деятельности Г. Старцева (коми этнографа и фольклориста) // Финно-угроведение. – 1997. – №1. – С. 107-110.
4. Старцев Г.А. Коми фольклор: Его изучение и значение, жанры, детский фольклор, что и как изучать. – Сыктывкар, 1933. – 29 с.
5. Виноградов Г.С. Из наблюдений за детским потешным фольклором. Сечки // Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб, 1998. – С. 131-132.

Огнева Ираида Леонидовна
художник-реставратор темперной и масляной живописи
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар

Консервация и реставрация икон из собрания Национального музея Республики Коми

Основные направления деятельности реставратора – стремление сохранить национальные художественные ценности, возродить их изначальный облик, ввести в научный оборот и сделать достоянием народа. Есть две стороны профессии реставратора станковой живописи: консервация и реставрация. Консервация памятника – это предохранение от дальнейшего разрушения и создание условий хранения (температурно-влажностный режим, чистота воздуха, освещение, вентиляция). Консервация включает ряд реставрационных процессов, которые предотвращают разрушения основы, грунта и красочного слоя. Реставрация в широком смысле слова охватывает все виды работ, направленные как на сохранение, так и на восстановление первоначального облика произведения. Настоящая реставрация – это полное прочтение памятника, проникновение в образ мыслей автора. Работа по консервации является основной в деятельности реставратора.

В Национальном музее РК насчитывается более 230 икон. Некоторым из них более 500 лет. В 1973 г. при содействии уполномоченного по делам религии и церкви Пунеговой М.А. музею была передана в дар старостой Вознесенской церкви с. Иб Сыктывдинского района Коми АССР Муравьевой А.М. уникальная коллекция из 5 икон: «Архангел Гавриил» (XV век, дерево, левкас, темпера), «Архангел Михаил» (XV век, дерево, левкас, темпера), «Василий Великий» (рубеж XV-XVI веков, дерево, левкас, темпера), «Богоматерь Муромская» (XVII век, дерево, левкас, темпера) и «Богоматерь Одигитрия» (XVIII век, дерево, левкас, темпера). В 1989 г. эти произведения искусств были отреставрированы и атрибутированы в ВХНРЦ им. акад. Грабаря. До реставрации иконы находились под сплошным слоем записей и потемневшей олифы, имелись утраты красочного слоя и грунта. Реставраторами Мосуновой, Гуренко, Гра и Тимофеевым было произведено полное раскрытие икон от потемневшей олифы, на некоторых удалены по два слоя поздних записей. В 2001 г. при осмотре экспонатов в фондах ИЗО, на иконах «Архангел Михаил», «Архангел Гавриил» и «Василий Великий» выявлены повторные разрушения в красочном слое и левкасе в виде вздутий, местами паволока отошла от основы. Незамедлительно были проведены консервационные работы по укреплению па-

волоки, левкаса и красочного слоя. Икона «Св. Николай в житии» (XIX век, дерево, темпера) поступила в музей в 1974 г., из церкви д. Ляли Княжпогостского р-на Коми АССР, в 1994 г. была проведена полная реставрация в ВХНРЦ реставратором Мосуновой. Также при осмотре обнаружено, что по всей поверхности иконы появились мелкие вздутия красочного слоя вдоль волокон древесины. Срочно были приняты меры по устранению вздутий и укреплению красочного слоя. В данный момент иконы находятся в запасниках Национального музея под систематическим наблюдением состояния сохранности.

Икона для реставратора не просто предмет культа или произведения искусств, икона – это сложный комплекс материалов, по которому он читает икону: основа – чаще всего деревянная доска, на доску наклеивали кусок ткани, так называемая паволока, второй слой – грунт или левкас, состоящий из связующего животного клея и мела или гипса, третий слой – красочный. Красочный слой состоит из различных красок, а сама краска – из твердого пигмента и жидкого связующего. Четвертый слой – защитный или покровный, представляет собой тонкую пленку отвердевшего растительного масла (олифа, лак). Позже иконы стали покрывать окладами.

Представляют особый интерес 20 икон из иконостаса часовни деревни Средняя Отла Княжпогостского р-на Коми АССР, переданных в 1974 г. председателем поссовета Козловой А.С. Все иконы местного, деисусного, праздничного и пророческого ряда, написаны на еловых досках, ковчега нет, паволока отсутствует. Грунт цветной, красная охра. Красочный слой, предполагаю, козеино-масляная темпера, и изготовлялась самими художниками. Цветовая гамма сдержанная и скупая, преобладают несколько цветов: светлая охра, киноварь, краплак и синяя со смесью черной краской и белилами. Нимбы – твореное золото.

По обработке досок и манере письма иконы можно разделить на две группы. У икон местного, праздничного и деисусного ряда оборотная сторона обработана скобелем, который оставляет лункообразные борозды. Красочный слой плотный, местами пастозный, манера письма живописная, на ликах сплавленная, имеются румяны. Лаковая пленка потемнела, загрязнена, жирная копоть, сажа. На иконах местного ряда поля обозначены черной краской. На двух иконах того же ряда имеются надписи: «Образ Стефана Пермского», внизу справа «1828 г. Федор Сидоров» латинскими буквами. На иконе «Воскресение» стоит дата «1800 год».

Вторая группа – пророческий ряд. Доски грубо отесаны, склеены горизонтально, шпонки врезные, расположены вертикально. Манера письма – графичная. Лики написаны светлой охрой, черты прорисова-

ны темной краской. Характер красочного слоя – жидкий, тонкий, со смесью белил и черной краски. Лаковая пленка пожелтела.

Вывод. 20 икон из иконостаса можно отнести к «местным письмам», первая группа принадлежит иконописцу Федору Сидорову и относится к первой половине XIX века, вторая группа – неизвестному художнику второй половине XIX века.

Причины, по которым экспонаты попадают в реставрационную мастерскую, самые различные. Это – естественное старение, влияние температурно-влажностного режима, нарушение некоторыми художниками технологии живописи, поздние поновления или неумелая реставрация. Нередко приобретаемые музеем экспонаты имеют плохую сохранность.

Материалы, используемые в реставрации, большей частью традиционны, испытаны на практике и обладают важным качеством – обратимостью. Основным материалом, применяемым при консервации и реставрации, является высококачественный осетровый клей и специальные сорта бумаги. Концентрации и способы введения клея подбираются в зависимости от сохранности произведения.

Четырехчастная икона XVIII века (дерево, темпера), приобретенная в 1972 г. у Лютоева А.В. (г. Сыктывкар), была покрыта серебряным окладом 1874 г. После снятия оклада было видно, что живопись находилась под толстым слоем грязи, копоти и экскрементов насекомых, через который трудно просматривалось изображение. На участках очаги плесени. Грунт иконы рыхлый, сильно разрушенный, размывался водой, в нижней части полностью отставал от доски вместе с паволокой. Лики святых почти утрачены. Красочный слой и золото основного фона местами потерто. Трещины и мелкие выпадения красочного слоя по всей поверхности. Значительные утраты на нижнем поле. Многочисленные гвоздевые отверстия.

Была проведена дезинфекция очагов заражения плесенью антисептиком катамином АБ со спиртом. Укрепление красочного слоя и грунта проводилось неоднократными клеевыми пропитками водного 3% раствора осетрового клея с добавлением антисептика и меда через слой грязи и экскрементов насекомых, которые в процессе работы уменьшались и были удалены. Затем была наложена профилактическая заклепка из папиросной бумаги и водного 5% раствора осетрового клея с антисептиком и медом. С помощью теплого утюга деформации и приподнятости кракелюра красочного слоя и грунта были устранены. Паволока укреплена к основе водным 10% раствором осетрового клея с антисептиком. Клей вводился под паволоку с помощью шприца. Икона раскрыта от потемневшей олифы, залевкашены места утрат ав-

торской живописи. Тонировки проведены акварельными красками. Оклад перенесен на новую основу. Реставрация проводилась в 1998 г.

Раскрытие авторской живописи дает возможность расширить представление об иконе. Под термином «раскрытие» подразумевается освобождение живописи от позднейших наслоений до первоначального (авторского) красочного слоя. При удалении записей, поздних тонировок и потемневшей олифы используются органические растворители в сочетании с расчисткой скальпеля. Икона «Всех скорбящих радость» (XIX век, дерево, темпера) поступила в 1972 году от Колобова А.И. (г. Сыктывкар). До реставрации находилась под многослойной потемневшей олифой, частично была повреждена силикатным клеем от неумелой реставрации. По всей поверхности имелись шелушения красочного слоя, на полях обширные утраты грунта и красочного слоя до доски. В среднике утраты красочного слоя с расслоившимся грунтом. На участках прослеживались поздние вставки грунта и тонировки.

Была проведена нейтрализация щелочной среды, удалены бумажные наклейки, укреплен красочный слой с грунтом. Авторская живопись полностью раскрыта от поздних лаковых наслоений. Перед началом процесса выполнено пробное раскрытие на небольшом не ответственном участке. Определена подходящая смесь растворителей, в данном случае это ацетон и этиловый спирт. С помощью компресса и подобранного растворителя икона была раскрыта. Особую сложность в работе представляли твердые сгустки лака, которые удалялись скальпелем. Удалены реставрационные тонировки, которые заходили на авторскую живопись, залевкашены места утрат красочного слоя. Тонировки проводились акварельными красками. Икона отреставрирована в 1996 г.

Еще один пример полного раскрытия иконы, который дает возможность расширить представление о различных школах иконописи. Икона «Образ Святого Власия» XVII века поступила в Национальный музей из д. Эжол Усть-Вымского р-на от Нефедова А.М. Одна сплошная доска, с двумя врезными встречными шпонками, двойной ковчег, левкас, темпера. Икона до реставрации была датирована второй половиной XIX века. Выполнена в технике «масло». Плотный живописный красочный слой. Изображен св. Власий с пышными волосами и бородой. Икона находилась под сплошным слоем записи, в основном, повторяющей первоначальную композицию. Наблюдались шелушения и расслоения рыхлого грунта, утраты красочного слоя на нимбе, лике, крупные выпадения на одежде и нижнем поле. Между красочными слоями имелись промежуточные слои олифы, грунта, частичные записи и тонировки по реставрационному серому грунту, заходящие на автор-

скую живопись. Образ Иисуса Христа на убрусе в левом верхнем углу был полностью записан. Имелись многочисленные утраты авторской живописи и левкаса, местами до доски.

Памятник раскрыт полностью. Были послойно удалены сплошной слой записи, промежуточный слой грунта и потемневшей олифы. Вставки позднего грунта выравнены, удалены с авторской живописи. Удалена старая покровная пленка. Повторно укреплен слой живописи и левкаса, которые под действием растворителей стал разрушаться. Залевкашены утраты грунта и красочного слоя. Места утрат живописи тонированы акварельными красками. Реставрация проводилась в 1997–1998 г.г. После раскрытия иконы мы имеем противоположное мнение об образе святого Власия. Утонченные черты лица и рук выражают душевное спокойствие и святость образа. Характер письма графичный, живопись построена на контрастных цветах. Икона принадлежит мастеру XVII века, так называемым «северным письмам».

Современная реставрация невозможна без применения микроскопа, рентгена, ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, а также химических методов исследования, без которых процесс реставрации затрудняется. Нет возможности провести глубокое исследование произведения. Я не предлагаю закупать дорогостоящее оборудование. Но проблемы исследования и атрибуции произведений искусств существуют. Часто нет для реставрации нужных материалов и инструментов. Необходимы качественные фотоснимки до реставрации и в процессе реставрации.

Смирнова Ольга Николаевна
научный сотрудник отдела этнографии
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар

Чувьуров Александр Алексеевич
к.и.н., научный сотрудник
Российского этнографического музея
г. Санкт-Петербург

К вопросу об изучении молебнов и служб вне храма в народной культуре коми во второй половине XX века

Изучение православия в народной культуре имеет большое значение для современного общества. В данной работе рассматривается один из обширного круга вопросов, касающихся народного христианства, а именно – службы вне храма и непосредственно связанные с ним вопросы паломничества к почитаемым святыням у коми. Для право-

славных коми в XIX – начале XX веков службы вне храма были одной из многочисленных сторон устоявшегося образа жизни. Для старообрядческого населения такие службы с XVII века играли роль основного способа сохранения конфессиональной общности и «древлего православия» как мировоззрения. Начиная с 1920-х – 1930-х годов, периода массовых репрессий на представителей всех религий, до начала 1990-х годов службы вне храма стали специфической формой существования православия и старообрядчества как религиозного движения народа практически без руководства священства, а у старообрядцев – опытных наставников. Общеизвестно, что христианство родилось не имея храмов, и первые общины какое-то время обходились без них. Молитвенное обращение к Богу, общая молитва, личная молитва были и остаются одной из важнейших составляющих христианской веры, христианской обрядности. С этой точки зрения службы вне храма являются подлинным показателем религиозности коми народа, его опыта восприятия христианства и воплощения христианских идеалов в народной среде.

В 1990-х – 2000-х годах был собран и опубликован ряд материалов о службах вне храма у коми сыктывкарскими и петербургскими исследователями П.Ф. Лимеровым, В.Э. Шараповым, А.А. Чувьюровым, В. Власовой, О.Н. Смирновой, А.В. Панюковым и другими. В этих публикациях обрисован круг местных почитаемых святынь, верований и обрядов, с ними связанных, в том состоянии, в каком они находились в последнее десятилетие XX века. В данной работе представлены материалы из Национального архива РК и архива КНЦ Уро РАН о службах вне храма и паломничестве к местным святыням у коми в 1960-х – 1970-х годах, имеющие свою специфику. В основном, это документы из архива Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Коми АССР. Часть из них была подготовлена при непосредственном участии исследователя атеизма и религии Ю.В. Гагарина, работавшем в Коми филиале АН СССР. Все эти документы создавались в целях борьбы с религиозными убеждениями, поэтому в них отражена негативная оценка религиозного движения. Однако ряд фактов, описания событий, людей при более объективном подходе позволяет в определенной степени дополнить современные научные изыскания. Цель работы – представить сведения о службах вне храма у коми в 1960-х – 1970-х годах, провести по имеющимся на 2004 год материалам классификацию объектов почитания и паломничества у коми, а также проследить, как менялось значение служб вне храма в жизни сельской общины на протяжении XX столетия.

Следует остановиться на одной особенности материала, рассматриваемого в работе. Этнографы выделяют среди коми семь исторически

сложившихся этнографических групп: нижневычегодские, верхневычегодские, удорские, ижемские, печорские, сысольские, прилузские коми. Сбор полевых материалов по данной теме проводился в основном среди верхневычегодских, удорских, печорских коми. Архивные материалы позволяют расширить круг данных о распространении служб вне храма среди других групп коми, но не дают возможности очертить его полностью. Экспедиционные работы по данной теме среди других групп коми дело будущего. Необходимо также отметить, что наряду с официальным православием в XIX – начале XX веков, значительная часть населения коми исповедовала старую веру. Среди печорских, удорских, верхневычегодских коми сформировались этноконфессиональные группы коми старообрядцев. Среди ижемских и прилузских коми отмечалось некоторое число старообрядцев, но этноконфессиональные группы здесь не сложились. В работе представлены материалы, относящиеся к районам, где проживает как православное, так и старообрядческое население.

На территории Коми края (по границам современной республики Коми) по данным на 1918 год существовало 116 приходов, в которых насчитывалось 185 церквей и около 230 часовен. Наряду с богослужением в храмах, в деревнях и селах коми, проводились общественные и частные службы вне храма. Тема частных служб, посвященных семейной обрядности и проводимых в домах, в данной работе не затрагивается. Нами рассматриваются только общественные службы. В конце XIX – начале XX столетий такие службы проходили по церковным правилам: по просьбе верующих устраивался крестный ход с иконами к почитаемому или памяtnому месту, священник проводил молебен. Молебен мог быть просительным или благодарственным. Завершался обряд исполнением обета – пожертвованием у святого места холстов, одежды, выпечки, дичи. Как правило, в таком месте был поставлен деревянный крест или даже часовня. Краткое описание такой службы в селе Усть – Кулом (верхневычегодские коми) приводится в очерках «Лесное царство» писателя П.В. Засодимского, побывавшего в селе в 1870-х годах. Писатель отметил, что в селе и вокруг него поставлено 22 обетных креста и описал, как проходил крестный ход и молебен в память избавления от падежа скота, случившегося 40 лет тому назад, то есть примерно в 1830-х годах. (Засодимский П.В, 1999, с. 125 -126). Даже по этому описанию можно представить, как в те времена службы и молебны вне храма, однажды возникнув по поводу чудесного избавления от бедствия или по какой-то иной причине, продолжали существовать длительное время, постепенно превращаясь в местный освященный верой и временем обычай. В целом, можно сказать, что до

1917 года службы вне храма у коми в богослужебной практике русской православной церкви носили характер вспомогательных обрядов по отношению к службе в храме. Они были связаны с почитанием местных, известных одной или несколькими деревенскими общинам святынь и памятных дней. Вместе с тем локальный характер почитания привел к большому разнообразию самих святынь и связанных с ними легенд в пределах описываемого региона. Это разнообразие связывает воедино идея предназначения служб вне храма. Как и у русских крестьян, у коми главным предназначением, функцией служб вне храма было сохранение и упрочение существующего порядка, благополучия. Они служили защитой от бедствий разного рода и предупреждающей мерой для предотвращения таких бедствий: общественных, семейных, личных. Эти службы были для крестьян способом выражения своей благодарности за божественное покровительство и желания улучшить жизнь, следуя божественным заповедям, что хорошо прослеживается по текстам легенд о почитаемых местных святынях, записанных исследователями в 1990-х – 2000-х годах.

В 1920-х – 1930-х годах новая Советская власть начала активную борьбу с религией. По всей территории Коми края разрушали храмы, уничтожали иконы, а церковные ценности вывозили в Москву. Многие верующие тайком забирали иконы из храмов и прятали у себя дома. Подобные рассказы записаны авторами в верхневьчегодских селах Усть – Нем, Парч. По рассказам пожилых информантов, они помнят, как во время их детства родители по ночам перевозили храмовые иконы из деревни в деревню, от одних родственников к другим. До сих пор у некоторых жителей верхневьчегодских сел можно увидеть в домах иконы больших размеров, деревянные храмовые скульптуры. В конце 1990-х годов при восстановлении сельских храмов жители стали приносить их в свои церкви. А до этого времени в условиях преследования за религиозные убеждения богослужения у почитаемых икон и мест проводились тайно. В послевоенные годы обстановка стала более спокойной, отношение к религии более терпимым. В 1960-х годах вновь начинается широкая государственная кампания по борьбе с религией. К этому времени на территории республики с разрешения властей действовали две православные церкви в пригороде Сыктывкара местечке Кочпон и в селе Иб (сысольские коми), а также молитвенный дом в с. Айкино (нижневьчегодские коми) со своими общинами. В отчетах уполномоченного Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Коми АССР за 1961 год упоминается 9 незарегистрированных групп православных, деятельность которых вызывала беспокойство властей.

В документах сообщается, что в селениях Верхней Вычегды существует религиозное движение «бурсьлысьяс» – «хорошие певцы», «певцы добра» в переводе с коми языка. Движение «бурсьлысьяс» – «певцы добра» – зародилось стихийно в конце XIX века. Центром движения стало село Мьелдино, где родился и жил основатель движения Степан Артемьевич Ермолин. По легенде Степан Ермолин однажды услышал религиозные песнопения на коми языке у печорских старообрядцев. А затем сам стал активно заниматься переводами духовных текстов на коми язык и проповедовать Евангелие. В результате деятельности С.А. Ермолина и его сторонников движение «бурсьлысьяс» в 1900–1920-х годах охватило 8 верхневьчегодских волостей. Это движение отличало от традиций официального православия проведение самими прихожанами «бесед» – молений в частных домах на коми языке с элементами мистицизма, с пением духовных стихов, псалмов на коми и русском языках, а также вера в пророчества и вещие сны. Последователи движения не стремились выйти за пределы официального православия и противопоставить себя церкви. (Гагарин Ю.В., 1978, с. 218; Чувьуров А. А., 2003, с. 167)

Документ «Форма №1 по единовременному учету религиозных объединений» на октябрь 1962 года содержит краткие данные о том, что в селе Мьелдино Помоздинского района существует « коми национальная секта «Бур сьлысь» (хороший певец) », не зарегистрированная в органах власти. В документе называется максимальное число верующих – 350 человек, а также указано, что молитвенные собрания проводятся в частных домах и под открытым небом без священнослужителей. (НАРК Ф. 1451, оп. 1, д.14, с. 70) В тексте «Докладной записки о положении и деятельности религиозных общин и духовенства на территории Коми АССР» на 1 января 1964 года дается более развернутая характеристика движения «бурсьлысьяс»: « При тщательном изучении деятельности коми национальной секты «хороших певцов» установлено, что основная их масса сейчас слилась с русской православной церковью. А многие бывшие «хорошие певцы» (Паршуковы) состоят в активе Кочпонской церкви. Однако эта секта еще действует в селах Мьелдино (до 20 человек), Помоздино (до 40 человек), Усть-Нем (до 30 человек) и Тимшере (до 20 человек). Характерной особенностью у «хороших певцов» является фанатизм в вере в бога, угощения на дому верующих с пением религиозных псалмов и песен на родном коми языке, широкое распространение рукописной религиозной литературы. До недавнего прошлого ими совершались обряды «умирания». После «воскрешения» «умиравшие» потом рассказывали о своих встречах и беседах с богом, святыми, ангелами и родственника-

ми» (НАРК Ф. 1451, оп.1, д.15, с. 14) В той же «Докладной записке» сообщается, что только в верхневыхегодских селах выявлено 6 незарегистрированных групп православных и описывается, где и как они проводят службы: «В поселках Смолянка и Усть-Нем база православные совершают молитвенные собрания под открытым небом на кладбищах, где ими сооружен большой крест, а рядом длинный стол и скамейка для сидения. В Смолянке, например, на молениях бывают до 150 верующих. Аналогично богослужения проводятся в с. Усть-Нем и Лебяжск» (НАРК, Ф.1451, д. 15, с.8) Еще одно описание служб вне храма у верхневыхегодских коми приводится в научном отчете об экспедиции Северного этнографического отряда Коми филиала АН СССР, проводившейся Ю.В. Гагариным и Н.И. Дукарт в 1970–1971 годах. «В настоящее время в селениях пожегодского сельсовета имеется довольно многочисленная незарегистрированная православная с оттенком «бурсьлысьяс» община. Центром ее является д. Шахикт, где чаще всего проходят богослужения и проживают основные неофициальные служители культа. Сборы проводятся по большим праздникам, а также по случаю панихид и отпевов умерших. Праздничные богослужения с песнопениями на коми языке и угощениями несколько напоминают прежние моления «бурсьлысьяс». В определенные дни (в Иванов день – в Пожеге, в Ильин – Шахикте и т.д.) верующие с иконами, богослужебными книгами приходят на кладбище для участия в организуемых там молебствованиях. В Прокопьев день сборы бывают в Пожегдине в доме Н.Н. Третьяковой, у которой хранится «чудотворная» икона св. Прокопия. В обследованных селениях 36,8% верующих посещает богослужения. Это в сравнении с другими населенными пунктами довольно высокий показатель. Возглавляет общину 46-летняя Евдокия Тимофеевна Шахтарова, работающая уборщицей в детсаде. Она убежденная верующая, усвоившая религиозные взгляды от своих родителей, неустройство в личной жизни, болезнь, чтение религиозной литературы еще более укрепили ее религиозные убеждения». (Гагарин Ю.В., Дукарт Н.И., 1972, с.166–167)

Данные документы и современные полевые материалы подтверждают, что движение «бурсьлысьяс» сыграло огромную роль в развитии религиозного сознания и сохранении православной веры у верхневыхегодских коми. В 1920–1930-е годы многие «хорошие певцы» преследовались за веру и погибли в сталинских лагерях и тюрьмах. Полевые исследования, проведенные нами в 2001–2002 годах, показали, что общины верующих продолжают существовать и действовать в с. Мыелдино и других, упоминаемых в документах деревнях и селах,

сохраняя традиции служб вне храма до сих пор. (Смирнова О.Н., Чувьуров А.А., 2003, с. 149- 164)

В документах Совета по делам религиозных культов, начиная с конца 1950-х годов, много внимания уделяется паломничеству верующих в отдаленном от Сыктывкара Удорском районе. Предметом паломничества была икона св. Параскевы Пятницы, которая находилась в часовне постройки XVIII века в селе Кривонаволоцкое (сокращенное название – Кривое). Властям было хорошо известно и еще одно место в Удорском районе, почитаемое верующими – келья угодника Оникая (Иоанникия), по легенде прославленного некогда местного отшельника, которого в этих документах называют старове́ром. В «Справке о положении и деятельности религиозных объединений и служителей культа на территории Коми АССР» за 1959 год сообщается: « В деревне Кривая Важгортского сельсовета Удорского района, верующие во главе гр-ки Поповой Ольги Григорьевны самовольно захватили молитвенное здание (церковь – часовню) и пользовались им несколько лет, хотя это здание является национализированным имуществом государства и находится под охраной Удорского райисполкома. Летом верующие этого района собираются в эту деревню (Кривое) и проводят религиозное шествие от церкви до реки и обратно. На реке проводится ими специальное богослужение. Гр-ка Попова О.Г. является пенсионеркой, которую она получает за потерю сына-кормильца, который до войны работал с лесхимсоюза. Муж Поповой является скрытником и в 1936 году был изолирован органами МВД. В Пысском сельсовете Удорского района было построено в лесу неизвестно когда молитвенное здание – «Келья», где определенное время также собираются верующие Удорского и Лешуконского районов и проводят богослужение, приносят пожертвования продуктами и деньгами. В 1959 году эта келья была сожжена неизвестным лицом, но она может быть и вновь построена, если не будет контроля. В ряде районов республики актив верующих ремонтируют и восстанавливают на перекрестках дорог и населенных пунктах кресты, часовни и другие религиозные сооружения в местах совершения религиозных обрядов». (НАРК. Ф.1451, оп. 1, д. 10, с. 30). Следует отметить, что в XIX веке среди удорских коми было распространено староверие, в том числе «бегунского» толка. В 1990-х годах дальнейшее развитие традиции почитания удорскими коми иконы св. Параскевы, ежегодного проведения праздника, посвященного памяти св. Параскевы и по-прежнему отмечаемого в 9-ю пятницу после Пасхи, а также паломничества к келье отшельника Иоанникия в д. Латьюга подтверждают исследования П.Ф. Лимерова и В.Э. Шарапова, дополненные авторами данной работы во время экспе-

диции 2002 года. (Лимеров П.Ф., 1993, с. 38–44; Шарапов В.Э., 2001, с.148–168; Смирнова О.Н., Чувьюров А.А., 2002, с. 78–83)

Паломничество верующих к почитаемым святым местам в 1960-е годы стихийно возобновлялось в разных районах Коми АССР. О паломничестве к источникам в деревне Вадыб сообщалось в справке, написанной для Совета Министров Коми АССР в 1962 году: «На религиозные обряды в деревню Яг выл (село Вотча), где в прошлом стояли часовня и большой крест, стали собираться верующие из села Межадор, Чухлом, Куниб, Пыелдино и других близлежащих деревень. Таким же образом возродилось паломничество к «святым» источникам в деревне Вадыб. В настоящее время широко распространено верование «лечебным» свойствам Вадыбских ключей, куда ходят в дни религиозных праздников верующие из многих сел, даже из города Сыктывкара. Верующие у т.н. «святых» источников пьют ключевую воду, моются, а то и обливаются, из всех ключей понемногу берут воду в бидоны, чтобы дома продолжать «лечение». Причем, после пользования «святой» водицей верующие в каждый ключ бросают, (жертвуют) конфеты, печенья, а то и деньги и кончают пением молитв. Число паломников, как рассказывают жители Вотчи и Вадыба, достигает ста и более человек» (Ф.1451, оп. 1, д. 14, с.23). Справка за 1963 год дополняет эти сведения сообщением о праздновании Иванова дня – Рождества Иоанна Предтечи в селе Межадор: «На кладбище в с. Межадор ранее существовала часовня, которая была построена в честь, якобы, «чудесных» явлений там (горение свечей). В 1930 году эта часовня была снесена. В 1959 году на этом месте гражданами села Оплесниным В.П. (умер), его братом Александром и Давыдовым П.Ф. (рабочие совхоза) был сооружен большой крест. Последний по предложению сельсовета Давыдовым был снят, но вскоре неизвестными вновь был поставлен крест поменьше размером. В дни поминок, особенно в «Иванов день», около креста верующие исполняют молитвы в честь предтечи и крестителя Иоанна, после чего раздают милостыни попрошайкам, угощают и пьют водку у могил своих родных. Это, по существу, является паломничеством к «святому месту» проявлений «чудес» (НАРК. Ф.1451, оп.1, д. 14, с.129–131).

В уже упомянутой «Докладной записке» за 1964 год приводятся такие сведения: «Продолжали иметь место факты паломничества к так называемым «святым» местам. Православные ряда сел Сысольского района посещали «святые» ключи в деревне Вадыб. В селе Межадор почитают «святое» место на кладбище, в селе Чухлом – «святой» родник «Ключ-Шор», в Удорском районе – «святое» озеро в селе Кривое, в Усть-Куломском районе – «святой родник» и т.д. Суть паломничества

ва небольших групп верующих сводится к пению молитв у «святых» мест, умыванию и питью «святой» воды, жертвованию им конфет, пряников и т.д. Специальных организаторов паломничества, которые бы это явление использовали в своих корыстных целях, не установлено. Паломничество верующих больше носит традиционный характер. На местах паломничества раньше действовали деревянные часовенки, где периодически проходили богослужения, посвященные имевшим место стихийным бедствиям, пожарам, эпидемиям болезней и т.п.» (НАРК, Ф. 1451, д. 15 с. 5).

В тексте этой «Докладной записке» кратко упоминается паломничество верующих к «святому роднику» в Усть-Куломском районе, который находится в лесу между селом Усть-Кулом и поселком Кебаньель. О роднике, как особо почитаемом месте, известно, по крайней мере, уже с конца XIX века. Его целительные свойства объясняются легендой о чудесном явлении Божией Матери и ее иконы в этом месте. Крестный ход и молебен проводились ранее и проводятся сейчас 26 августа ст.ст./8 сентября в день прославления Владимирской иконы Пресвятой Богородицы (Шарапов В.Э. Сыктывкар, 2001, с.161–164).

В отчетных документах Совета по делам религиозных культов на 1 января 1965 года названы те же места паломничества, что и в 1964 году с дополнительным упоминанием о службах возле церкви в Сизябске (Ижемский район), где верующие собирались у ниши закрытой церкви Благовещения Пресвятой Богородицы в праздник Благовещения и проводили молебен. А затем группа верующих собиралась на моление в доме одной из жительниц села, которая хранила икону «Благовещение Пресвятой Богородицы» (Шарапов В.Э. Сыктывкар, 2001, с.149-158).

В отчете за 1965 год, кроме того, описываются собрания православных в домах и случаи создания «домашних церквей», которые наблюдались и у православных, и у старообрядцев коми. Еще до революции среди печорских коми было большее число староверов, чем в других этнографических группах. В отчетных документах за 1960-е годы описание деятельности старообрядческих общин выделено в специальные разделы. В документах за 1960-е годы у старообрядцев Печоры какие-либо службы под открытым небом не упоминаются. К старообрядческим отнесены паломничества к келье угодника Оникея (Иоанникия) в Удорском районе, уже описанные выше. Отмечены также паломничества к двум местам, почитаемым русскими староверами Усть-Цилемского района.

В отчете за 1965 год имеется сводная таблица «Учет действующих религиозных групп на территории Коми АССР» с 1961 по 1964 годы, в

которой выделена строка о паломничестве к почитаемым местам. В графе «Количество действующих групп» указаны следующие цифры: 1961 г. – 1; 1962 г. – 3; 1963 г. – 7; 1964 г. – 8. Эти цифры указывают количество «святых мест», где отмечались случаи паломничества верующих, как следует из дополнительной таблицы. В дополнительной таблице указано примерное число паломников. Наибольшее количество паломников – до 100 человек отмечено в селе Кривонаволоцкое и у исцеляющих ключей села Вадыб. (НАРК. Ф.1451, оп.1, д.15, с. 80). Вероятнее всего цифры в отчетах уполномоченного Совета по делам религиозных культов занижались по соображениям идеологии. Кроме того, о многих фактах местные власти не стремились докладывать, что также упоминается в отчетах: «Многие райисполкомы просто не знают о религиозности населения. Так, исполкомы Усть-Куломского (сельского и промышленного) райсоветов в своей информации сообщили, что в районе действуют только две группы православных. На самом деле в районе действуют группа ИПХ (Керчь), «свидетелей Иеговы» (Ульяново – Кебань-Ель – Усть-Кулом), до 6 групп православных (Усть-Кулом, Усть-Нем, Смолянка, Усть-Нем база, Лебяжск, Керчь), группа староверов (Керчь), католиков (Усть-Нем и великопольский лесопункт), лютеран (Смолянка и Великопольский лесопункт), 5 групп «хороших певцов» (Помоздино, Мыелдино, Пожег, Тимшера, Усть-Нем), группа адвентистов 7 дня (Вольдино) и баптистов (Тимшера)». (НАРК. Ф. 1451, оп.1, д. 15, с. 22)

Данные документы свидетельствуют, что православное вероисповедание не исчезло бесследно из народной культуры коми в течение XX века. Перемены в стране приводили к новым трансформациям православия в народном восприятии, менялись формы проведения богослужений, но по-прежнему сохранялась потребность людей в обращении к Богу. В 1990-х – 2000-х годах в Республике Коми стали возрождаться общины верующих, восстанавливая традиции богослужений, как в храмах, так и на прежних почитаемых местах. Для более глубокого понимания религиозности коми народа очень значимым является сам объект почитания и связанное с ним место в природной среде поселения. Чтобы дать общее представление об известных на 2004 год у коми службах вне храма и местах паломничества, нами использована предложенная Х.В. Поплавской классификация мест паломничества у русских крестьян. (Поплавская Х.В., 2001, с. 253) По архивным материалам и материалам полевых исследований, по опубликованным данным у коми можно выделить следующие виды объектов почитания, в честь которых проводились ранее и проводятся в наши дни православные службы вне храма:

- чтимые и чудотворные иконы;
- святые источники;
- святые и памятные места, связанные с легендами о явлениях Богородицы, святых, а также со случаями избавления от пожаров, наводнений, засухи, падежа скота и прочих бедствий;
- могилы подвижников веры;
- могилы предков – кладбища.

В некоторых случаях два объекта сочетаются в одном месте, но в итоге народная традиция почитания закрепляет за одним из них первенство. Обычай паломничества к некоторым из них возникли в XIX веке, а возможно и ранее, почитание других сложилось в народной среде стихийно в условиях гонений за веру в XX веке, третьи появились в 1990-х годах как часть процесса возрождения православия в изменившейся ситуации. В соответствии с классификацией можно дать краткое описание известных на 2004 год службах вне храма и местах паломничества у коми.

Чтимые и чудотворные иконы

На период с 1950-х по 2000-е годы имеются следующие сведения о проведении молебнов вне храмов и паломничества к почитаемым иконам.

Верхневычегодские коми:

- в честь Тихвинской иконы Божией Матери в селе Мыелдино Усть-Куломского района ежегодно проводится крестный ход и молебен с иконой Богородицы у обетного креста на берегу Вычегоды, в 1990-2000-х годах службу вел священник местной церкви; (Чувьуров А.А., 2001, с. 187)
- в честь иконы св. вмч. Власия 11/24 февраля местными жителями проводился молебен в доме в деревне Джеджим; (Смирнова О.Н., Чувьуров А. А., 2003, с. 155)
- в честь иконы св. Прокопия верующими проводился молебен в доме в деревне Пожегдин Усть-Куломского района; (Гагарин Ю. В., Дукарт Н.И., 1972, с. 166)
- в честь икон Вознесения Господня, св. Николая, св. Харлампия, св. Параскевы, св. Илии проводились молебны в домах жителей, у которых хранились иконы в с. Нившера Корткеросского района; (Панюков А. В., 2001, с. 44 – 47)

Удорские коми:

- в честь иконы св. Параскевы Пятницы в селе Кривое Удорского района верующими проводится ежегодно в 9-ю пятницу после Пасхи крестный ход на реку Керь-ю и молебен, о которых уже упомина-

лось выше по документам 1960-х годов. Старая икона утрачена, верующие совершают молебен с иконой св. Параскевы, написанной одним из жителей села. (Лимеров П.Ф., 1993, с. 40–41; Шарапов В.Э., 2001, с. 158–161)

Ижемские коми:

▪ в честь иконы Благовещения Пресвятой Богородицы в селе Сизябск Ижемского района проводится молебен в праздник Благовещения.

Печорские коми:

▪ в честь иконы «Голгофа» (деревянная, резная), которая находилась у одной из жительниц села Аранец Печорского района, по ее свидетельству в годы Советской власти при жизни ее матери и бабушки местные женщины-староверки проводили моления, обращались к иконе за исцелением. (Полевые материалы Чувьуров А.А., Смирнова О.Н.)

Святые источники

По-прежнему продолжается паломничество к источникам, уже описанным выше, а также добавились сведения еще о некоторых.

Верхневычегодские коми:

▪ источник «Явления Божией Матери» между селом Усть-Кулом и пос. Кебаньель, как и в XIX веке, как и в 1960-е – 1980-е годы, по-прежнему является местом паломничества, молебен в 2001 году проводил местный священник; почитание источника сочетается с днем прославления Владимирской иконы Божией Матери;

▪ также почитаемы источник в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы и «Ключ исцелений» – «Бурдӧдчан» в селе Мыелдино. Первый из них был засыпан при строительстве дороги, но на этом месте поставлен обетный крест и проводятся молебны священником. Местные жители не оставляют попыток раскопать источник вновь. Второй находится в лесу и верующие посещают его самостоятельно. (Смирнова О.Н., Чувьуров А.А., 2003, с. 154)

▪ место на ручье Сотчем-Шор в селе Лебязск почитается местными жителями, легенда о нем связана с явлением Богородицы. В годы советской власти на берегу ручья была устроена келья одного из жителей села, который вел образ жизни подвижника, это место также посещают местные жители. (Смирнова О.Н., Чувьуров А.А., 2003, с. 155; полевые материалы Чувьурова А.А.)

Сысольские коми:

▪ продолжается паломничество к святым источникам в деревне Вадьб, материалы о которых приведены выше.

Святые и памятные места

Почитаемые и памятные места у коми обычно отмечались возведением крестов из дерева, по сей день во многих деревнях можно узнать о таких крестах. Здесь мы перечислим кратко некоторые из них, изученные в большей степени. Более подробно они описаны в отдельной работе. (Смирнова О.Н., Чувьуров А.А. 2002, с. 78 -83)

Верхневычегодские коми:

- несколько крестов поставлено на местах часовен в селе Мыелдино;
- крест в честь св.Екатерины находится около дома одной из жительниц села Мыелдино Елкиной Нины Петровны.. Возведение этого креста – явление советской эпохи, которое связано с продолжением традиций «бурсьылысьяс», верой в вещие сны и пророчества. Молебны у креста проводят местные жители;
- три обетных креста имеются в селе Дон, где молебны проводят местные жители в день св. Иоанна Предтечи.

Удорские коми:

- кресты в честь Пресвятой Богородицы Неопалимая Купина, св. Николая Чудотворца, св. Михаила Архангела в деревне Муфтыга. Кресты поставлены в 1990-х годах с целью избавления от бедствий;
- крест металлический в деревне Большая Пучкома был поставлен в 1990-х годах в память избавления от пожара, когда в деревне сгорело 40 домов. Верующие женщины сами служат у креста молебны в Пасху, для избавления от разных напастей, на день Победы в память о погибших во время войны; ранее население деревни было в значительной степени староверческим. (Полевые материалы Смирновой О.Н., Чувьурова А.А.)
- два креста в честь св. Параскевы Пятницы поставлены в селе Чупрово, местное население проводит здесь молебны;
- старинный очень почитаемый крест в честь праздника Воздвижения креста Господня был возведен на месте часовни в д. Верхозерье, где основное население ранее исповедовало «крывшую веру» – толк «скрытников»- староверов. (Лимеров П.Ф., 1993, с. 42)

Ижемские коми:

- крест в память избавления от пожара был поставлен в с. Ижма, был известен уже в XIX веке.

Сысольские коми:

- крест на месте часовни в деревне Вотча был поставлен по случаю избавления скота от болезни сибирской язвы, упоминался выше в документах 1960-х годов.

Могилы подвижников благочестия

Верхневычегодские коми:

▪ гробница инокосимника Варлаама и часовня над ней в лесу недалеко от деревни Дзель по архивным данным 1850-х годов посещалась местными старообрядцами; по легенде Варлаам скрывался здесь во времена патриарха Никона (Власова В.В., 2002, с 310 – 313)

Удорские коми:

▪ место кельи, где сейчас построена часовня, и могила угодника Оникея (Иоанникия) в д. Латьюга, неоднократно упоминавшиеся выше, по-прежнему являются местом паломничества верующих. Рядом с часовней находится озеро, вода которого освящается во время молебна в день памяти угодника Оникея 17 ноября и считается целебной. (Шарапов В.Э., 2001, с.164 – 166) Почитаемое место признано православной церковью, в 2000 году митрополит Сыктывкарский Питирим проводил там богослужение.

Печорские коми:

▪ могила старца Изосима, который по легенде был старовером, и целебный источник рядом с ней недалеко от деревни Мамьяль Троицко-Печорского района посещали жители деревни, но в 1970-х годах святое место было уничтожено при строительстве лесопункта и прокладке дороги. (Афанасьев В., 2001, с. 55 – 57)

Могилы предков – кладбища

▪ В верхневычегодских селах повсеместно, особенно там, где до революции было достаточно сильным влияние «бурсьыльсьяс», в 1960-х годах укрепилась традиция молебнов на кладбищах. Почти в каждой деревне на Верхней Вычегде поставлен особый большого размера крест, рядом длинный стол и скамьи, как и описывается в одном из выше процитированных архивных документов. Службы проводились и проводятся обычно в день престольного праздника, который некогда отмечался в деревне. (Смирнова О. Н., Чувьуров А.А., 2003, с. 154).

▪ У сысольских коми полевые исследования нами не проводились, но в вышеприведенных архивных документах описывается молебен на кладбище в селе Межадор.

Подводя итоги, можно сказать, что молебны вне храма у коми имели большое значение в жизни сельской общины. На протяжении XIX столетия и до 20-х годов XX века они были частью православных или старообрядческих богослужений у местных чтимых святынь. В 1930-х – 1940-х годах традиция прерывается из-за репрессий против верующих, но не угасает полностью. В конце 1950-х годов общины верую-

щих возрождают молебны у наиболее известных и почитаемых святынь, хотя священники в этих службах не могли принимать участия. В 1960-е годы по всей стране вновь прокатилась волна борьбы против религии, но и она не остановила паломничества. По архивным документам этого периода выявляются наиболее значимые с точки зрения народной веры и памяти местночтимые святыни: икона св. Параскевы в селе Кривонаволоцк (Кривое) на Удоре, икона Благовещения Пресвятой Богородицы в селе Сизябск на Ижме, Тихвинская икона Божией Матери в с. Мыелдино на Верхней Вычегде, святые ключи в деревне Вадыб на Сысоле, святой источник «Явления Божией Матери» около села Усть-Кулом на Верхней Вычегде, келья (часовня) на могиле угодника Оникая (Иоанникия) на Удоре. Во многих селах молебны проводились на кладбищах. Исследования, проведенные в 1990-х – 2000-х годах, подтверждают, что почитание этих местных христианских святынь и паломничество к ним продолжают донине. Группы верующих, которые объединялись вокруг местных святынь, становятся опорой возрождающихся приходов православной церкви и старообрядческих общин.

Почитание местных святынь оказалось глубоко укорененной частью православного образа жизни в религиозном сознании народа коми. За прошедшее время обряды, которые проводились у святынь, изменились, в некоторых моментах перестали соответствовать канонам православной церкви, но не утратили своего значения. Сейчас они вновь принимают каноническую форму, хотя нередко местные верующие сами проводят молебны вне храма в отсутствие священников. Службы без священников и наставников во времена войн, социальных кризисов заменили храмовое богослужение. Они стали формой той части христианского мировоззрения, которая была жизненно необходима для сохранения сельской общины в исторических и социальных условиях, способных разрушить мир и человеческую душу. Также не случайно молебны вне храма, обряды, проводимые с почитаемыми иконами, у коми оказались связаны с какой-то частью природного ландшафта поселения – родником, рекой, озером, кельей в лесу, кладбищем в бору. Обращение к силам природы, а также к душам почитаемых предков для возрождения человека во времена нелегких испытаний – та часть предшествующего христианству мировоззрения, которая в народной традиции осталась прочной при многих переменах. В традиции молебнов вне храма нашли свое отражение представления народа, что сохранение жизни и продолжение крестьянского рода связано с гармонией отношений с природой и с Богом. Таким образом, изучение православного мировоззрения, неотъемлемой части истории

народа коми, позволяет увидеть корни, питающие жизненную стойкость народа и его культурные традиции.

Литература и источники

1. Афанасьев В. Изосим // Войвыв кодзув. – Сыктывкар, 2001. – №4. – С. 55 – 59.
2. Власова В.В. Сакральное пространство в традиционной культуре коми староверов: часовни, скиты, пустыни, моленные дома // Музей, традиции, этничность XX -XXI вв. – СПб, 2002.. – С. 310 – 313)
3. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978.- С. 218 – 222
4. Гагарин Ю.В., Дукарт Н. И. Научный отчет экспедиции Северного этнографического отряда в Удорский, Усть-Куломский районы Коми АССР, Архангельскую, Вологодскую области, Карельскую АССР за 1970 – 71гг. – Сыктывкар, 1972. – С.166-167.
5. Засодимский П. В. Лесное царство // В делях Севера. – Сыктывкар, 1999. – С. 125 -126.
6. Лимеров П.Ф. Народные праздники на Вашке // Родники пармы. Вып. 3. – Сыктывкар, 1993. – С. 38 – 44.
7. Национальный архив РК. Ф. 1451, оп. 1, д. 14, с. 70.
8. НАРК. Ф.1451. Оп.1. Д. 15. С.14.
9. НАРК. Ф. 1451. Оп.1. Д. 15. С. 8.
10. НАРК. Ф.1451. Оп.1. Д. 10. С. 30.
11. НАРК. Ф.1451. Оп.1. Д. 14. С. 23.
12. НАРК. Ф.1451. Оп.1. Д. 14. С. 129-131.
13. НАРК. Ф.1451. Оп.1. Д. 15. С. 5.
14. НАРК. Ф.1451. Оп.1. Д. 15. С. 80.
15. НАРК. Ф.1451. Оп.1. Д. 15. С. 22.
16. Папоков А. В. Традиции и современность: культ икон в современной коми культуре // Вестник культуры, 2001. – №1. – Сыктывкар. – С. 43 – 47.
17. Поплавская Х.В. Паломничество, странноприимство и почитание святынь (по материалам Рязанского края) //Православная жизнь русских крестьян XIX – XX веков. – М., 2001. – С. 251-300.
18. Смирнова О.Н., Чувьуров А.А. К типологии деревянных крестов у коми-зырян // Этническое единство и специфика культур. – СПб, 2002. – С. 78 -83.
19. Смирнова О.Н., Чувьуров А. А. «Святые» и «святые места» в традиционной культуре верхневьчегодских коми // Музеи и краеведение. Тр. НМРК. Вып 4. – Сыктывкар, 2003. – С. 149-164.
20. Чувьуров А. А. Апокриф «Хождение Богородицы по мукам» в рукописной традиции вычегодских коми // Музеи и краеведение: тр. Национального музея Республики Коми. – Вып. 4. – Сыктывкар, 2003. – С. 165-175.
21. Чувьуров А.А. Заветные праздники коми-зырян // Музеи и краеведение: тр. Национального музея Республики Коми. – Вып. 3. – Сыктывкар, 2001. – С. 183-190.
22. Шарапов В.Э. Живая традиция: заветные и храмовые праздники у современных коми // Христианство и язычество народа коми. – Сыктывкар, 2001. – С.148-168.

Озолина Ольга Викторовна
методист Управления народного образования
Усть-Куломского района
с. Усть-Кулом

Чудова Татьяна Ивановна
к.и.н., доцент кафедры источниковедения,
археологии и этнографии Сыктывкарского
государственного университета
г. Сыктывкар

Классификация деревянной кухонной утвари: Опыт музея археологии и этнографии СыктГУ

В музее археологии и этнографии представлена коллекция деревянной кухонной утвари, которая представляет собой совокупность предметов, необходимых человеку в его повседневной жизни. Это посуда для заготовки, приготовления и хранения пищи, подачи на стол, а также необходимый инвентарь для производственных нужд, связанных с переработкой продуктового сырья. Деревообработка как часть материального производства выступает определенным маркером мужской сферы деятельности. Условия проживания в лесной зоне предопределили использование древесины разных пород как наиболее доступного материала для изготовления предметов домашнего обихода. Дерево, использовавшееся для изготовления деревянной утвари, обладает уникальными свойствами. Мастера выбирали именно ту часть дерева, которая отвечала функциональным требованиям предмета.

Каждая отдельная вещь предстает в виде трех составляющих: функция (назначение), морфология (внешний вид и устройство) и семантика (совокупность значений и символов). Эти компоненты связаны между собой и задаются культурой, к которой принадлежит предмет. Функция диктуется конкретными потребностями человека, морфология задается техническими и культурно-эстетическими нормами, а семантика, хотя и не вытекает непосредственно из самой вещи, представляет собой форму осознания функции и морфологии вещи [1]. Единообразие признаков позволяет выделить определенные типы, а различия представляют вариативность типа. Каждый предмет обихода имеет свою сущность, делающую его именно тем, что он собой представляет. Функциональное назначение предмета быть средством для чего-либо, т.е. опредмечивается определенная целесообразность, которая проявляется и в оформлении. Таким образом, форма реализует целесообразную сущность. Предметы обихода изготавливаются согласно их общим признакам, которые соотносятся с их видовой сущностью. В

предметах, кроме чистой целесообразности, опредмечиваются и эстетико-этнические аспекты, которые создают определенную атмосферу, антураж, соответствующий вкусам и моде определенного этноса. Но в данном случае «мода» имеет этническую окраску. В случае заимствования предметов обихода традиционное общество «освящает» их, включая в свою систему ценностей.

Технология изготовления вещей относится к области сакральных знаний. При выборе природного материала для изготовления любой вещи рассматривались не только его физические характеристики, но они должны были удовлетворять и символическим требованиям. Основные природные материалы, из которых изготавливались вещи, наделялись особым статусом, т.к. они послужили исходным материалом для сотворения мира и человека [2]. Культурная традиция предстает в виде системы устойчивых и взаимосвязанных навыков труда, позволяющих успешно выполнять технологические задачи по изготовлению разнообразной утвари. Хозяйственная деятельность людей диктовала определенные «технические требования», которые удовлетворялись посредством такого технологического процесса, который требовал минимум затрат, но в то же время соответствовал бы символическим требованиям.

Богатство леса позволяло широко использовать его дары при изготовлении деревянной утвари. Деревья давали широкий спектр разнообразных материалов для изготовления утвари – бересту, лозу, луб, ствол, корни. Этот добротный материал требовал различных способов обработки.

Ассортиментный перечень деревянной утвари весьма разнообразен и призван обслуживать нужды этноса. В основу классификации деревянной посуды была положена технология изготовления, которая выявила определенную закономерность, связывающую материал, технологию изготовления и функциональное назначение предмета. Веками выверенные свойства древесины, бересты, луба, лозы, корней использовались народными мастерами для изготовления тех или иных предметов. Такие свойства бересты, как легкость, эластичность использовались при изготовлении предметов, связанных с дальними походами за дарами леса. Определенные эстетические потребности реализовывались через определенные технологические приемы. Красота фактуры древесных капов подчеркивалась при изготовлении ковшей, чаш. При изготовлении ступы учитывалась твердость березовой древесины. Для бондарных изделий, кроме осины, использовали древесину хвойных пород, которая обладала высокой плотностью.

Заготовкой материала для изготовления деревянной утвари занимались мужчины. Снимать бересту начинали весной, во время движения березового сока, и летом в июне-июле до Иванова дня. Бересту снима-

ли с березы, которая росла на сухом месте вперемежку с сосной. Береста, снятая с березы, растущей на сырых местах, считалась непригодной, т.к. изделия очень быстро приходят в негодность. С особой тщательностью выбирали бересту для изготовления туесов, пестерей, набирушек, т.к. эти предметы выступали определенным эталоном мастерства. Бересту снимали в сырую погоду. Березу выбирают гладкую, здоровую с небольшими продольными черными полосками. Значительно реже снимали бересту с заготовленных бревен. Для сшитых изделий бересту снимали с дерева, распиленного на кругляки. Под кору осторожно просовывали тонкий черемуховый или ивовый прут и легкими рывками начинали отделять берестяную трубку от ствола дерева. Бересту для плетеных изделий снимали с дерева, нарезая ножом узкие полоски шириной 3–5 см, и скручивая в клубок. Утварь изготавливали сразу после снятия бересты. В тех случаях, когда береста долго хранилась, ее размачивали в теплой воде.

Заготовкой лозы занимались весной или осенью. Черемуховые или ивовые прутья снимали со здорового дерева или куста ножом. Связанные в пучки прутья хранили в сарае. Для придания эластичности перед началом плетения прутья замачивали в теплой воде, с них снимали верхний слой коры.

Заготовкой корней хвойных деревьев занимались весной, после спада воды. Корни, вымытые паводком, срезали ножом или обрубали топором, скручивали в клубки. Перед началом работы корни замачивали в теплой воде, снимая верхний слой.

По технике изготовления утварь из бересты подразделяется на сшитые и плетеные, а из лозы и корней представлена только плетенными изделиями. К сшитым изделиям из бересты относятся туес, ведро, набирушка, ночва, солонка.

Туеса представляют собой емкость цилиндрической формы. Размеры варьируют от больших ведерных, диаметром 20–30 см, до маленьких, диаметром 5–6 см. Туеса были трехслойными с деревянной крышкой и дном. Крышка и дно сосуда изготавливались из древесины березы или ели. Крышка туеса дополнительно снабжалась ручкой, которая выполнялась из черемухового прута. Ручка вставлялась в отверстия крышки, крепеж которой осуществлялся с помощью небольших клинышков с внутренней стороны. Внутренний слой сосуда изготавливался из цельного куска бересты. Наружный слой туеса выполнялся из четырехугольного или прямоугольного пласта бересты, края которого соединялись с помощью фигурно оформленного замка или сшивались березовой нитью, сосновыми или еловыми корнями, расщепленным черемуховым прутком. Третий слой туеса опоясывает нижнюю часть

сосуда, соединяя стенки с дном. Значительно реже такой пояс выполнялся и по верхнему краю сосуда. Слои бересты у горловины туеса сшивались березовой нитью (0,8–1 см шириной), расщепленным черемуховым прутом или корнями хвойных деревьев. Соединительные швы на верхнем и нижнем поясах могли совпадать, хотя это не было обязательной практикой. Такой шов имел как практическую, так и декоративную функцию. По такой же технологии изготавливались ведра, которые снабжались металлическими ручками, а также солонки. Консервирующие свойства бересты предопределили функциональное назначение туесов и ведер как емкостей для хранения продуктов питания.

К шитым изделиям из бересты относятся набирушки/набирки (чуман доз), которые имеют прямоугольную форму. Такие изделия выполнялись из цельного необработанного пласта бересты, углы которого загнуты в виде конверта. Для придания жесткости вдоль двух стенок вставлялись дополнительно куски бересты или пруты черемухи или ивы. Сшивалось все это берестяной нитью, расщепленным черемуховым прутом или корнями, одновременно скрепляя ручку изделия. По такой же технологии изготавливались ночвы (шердын), которые в отличие от набирушек были без ручек, а борта оформлялись полого. Легкость бересты предопределила функцию набирушек и ночвы как емкость для переноса и хранения сыпучих продуктов.

Плетеные изделия из бересты представлены солонками (сол доз). Плетение таких изделий начинали со дна из полосок бересты, плавно переходя в оформление выбранной конфигурации солонки. Края оформляли ровно. Иногда такие солонки имели съемную крышку.

К плетеным изделиям относятся коробка, чаши (кӱрӱник), сплетенные из корней хвойных пород деревьев. Для плетения использовались преимущественно еловые корни. Плетение начинали от центра сосуда, вкруговую плели дно, плавно переходя к стенкам. Плотность плетения была достаточно высокой, такие изделия не пропускали воду. Такие сосуды использовались как для хранения продуктов, так и для подачи на стол.

Дерево использовалось как наиболее доступный материал для изготовления долбленой, резной, бондарной и точеной утвари. Для изготовления деревянной утвари использовались следующие породы деревьев – береза, осина, сосна, ель, а также прочные наросты на березе – капы. По технике изготовления деревянные предметы можно разделить на долблено-резную, бондарную и изготовленную на токарном станке. Наиболее древней технологией является долбление, хронологически поздний способ – изготовления на токарном станке. При изготовлении долбленой утвари использовали долото, скобель, ложкарь. Деревянная утварь иногда смазывалась деревянным маслом, которое подчеркивало красоту фактуры дерева.

Жернова (из ки) изготавливались из двух березовых чурок, которые ставились одна на другую и соединялись между собой с помощью железного стержня. На рабочую поверхность жернова набивали железные пластины, которые нарубались из вышедших из употребления кос и серпов. Буквальный перевод коми названия «каменная рука», что позволяет констатировать, что первоначально жернова были исключительно каменными. Жернова предназначались для приготовления муки и крупы-сечки.

Ковш или черпак (кбш) представляет собой чашу круглой или ладьевидной формы различных размеров с ручкой. В целом ковшу придавался вид плывущей птицы. Ковши снабжены одной длинной или короткой ручкой. Иногда у ковшей оформлялась пара небольших ручек. Ковши предназначались для разлива жидкости, для насыпания муки или крупы. Ковш с длинной ручкой использовался при засолке капусты горячим способом. Двуручные ковши предназначались для подачи пива на стол.

Кружка (вугъя доз) представляет собой сосуд овальной или круглой формы с ручкой.

Ложка (пань) представляет собой емкость на коротком, плоском или круглом черенке. Оформление ложки зависело от эстетических пристрастий изготовителя. Изготовлением ложек могли заниматься прямо во время сенокоса, полевых или промысловых работ. Изредка ложки покрывались олифой.

Лопата хлебная (нянь зыр) представляет собой прямоугольную доску на длинной рукояти. Она предназначена для сажания хлебов и пирогов в печь и доставания их оттуда.

Лопаточка или веселка (пу пань) представляет собой изделие на короткой ручке с плоской рабочей поверхностью. Для изготовления лопаточки использовалась прямослойная древесина. Лопаточка использовалась при работе с тестом, для помешивания продуктов при готовке.

Маслобойка (вый гудралан) представляет собой длинный сосуд цилиндрической формы. Тулово изготавливалось способом долбления из осины или ели. Круглое дно, изготовленное из дерева той же породы, вставлялось в паз, оформленной в нижней части тулова. Для северных коми, приоритетное направление хозяйства которых являлось животноводство, характерны специальные маслобойки (бырган), которые представляют собой высокий цилиндрический сосуд с поршневой мутовкой. Маслобойка предназначалась для сбивания сливочного масла. Обязательным приложением к маслобойке выступала мутовка, с помощью которой сбивалось масло.

Мутовка или рогатка (кольтан) изготавливалась из части тонкого ствола ели или сосны, имевшей удобное для вырезания мутовки расположение веток, которые находятся на одном уровне веером. Ствол служил материалом для ручки, а сучки длиной два-три сантиметра выступали рабочей частью.

Пасочница (рысь форма) представляет собой емкость подквадратной формы, стенки которой сужаются к съемному дну, которое представляет пластину квадратной формы. Стенки сосуда соединяются между собой при помощи штырей. В нижней части двух противоположных стенках сосуда имеются по два сквозных отверстия, в которые вставлены деревянные штыри, выступающие основанием для съемного дна, размеры которого чуть меньше площади придонной части сосуда. Очень часто пасочницы на внутренней стороне имели вырезанные символы христианства. Пасочница предназначалась для формовки мороженой пасхи (личком рысь).

Разделочные доски, овальной или прямоугольно-вытянутой формы, вырезались из цельного куска дерева. Размеры досок варьируют в зависимости от их назначения. Так, доска для формовки хлеба (нянь дѳска) была значительных размеров, достигающая в длину до 1–1,2 м, а в ширину от 0,4 до 0,6 м. Разделочные доски, кроме основной функции – нарезки продуктов, очень часто использовались в качестве подноса для выпечки.

Скалка (быгыльтан, валяйтчан) представляет собой хорошо обработанный ствол дерева, утолщающийся в средней части. Длина скалки варьируется, но не превышает 0,5 м, толщина зависит от назначения. Скалка предназначалась для работы с тестом, тоненькие скалки использовались для формовки сочных.

Совок (кѳш) имеет продолговатую форму с округло-вытянутой или прямоугольной чашей. Ручки совков оформляются по-разному, иногда они снабжены отверстиями для удобства подвешивания.

Ступа (гыр) представляет собой рюмкообразный предмет с поддном для устойчивости и ручкой для удобства переноса. Чаша ступы овальной формы. Ступа выдалбливалась из цельного ствола березы размерами 0,8 x 0,3 м. Первоначально оформлялись внешние признаки ступы, только после этого приступали к изготовлению чаши, сердцевину которой вначале выжигали углями, а затем выскабливали специальными скребками. Ступа предназначалась для приготовления крупы и измельчения соломы, коры и трав.

Ступа снабжалась пестом (тоин), который представлял собой толстую палку, средняя часть которой фигурно вырезалась для удобства держания в руке. Рабочий край песта оформлялся в зависимости от назначения. Рабочий край песта, предназначенного для рушения обо-

лочки зерна, снабжался гладким металлическим колпачком. Рабочий край песта, предназначенного для измельчения, снабжался металлическим колпачком с два-три параллельно расположенными ножевидными пластинами.

Толкушка (тоин) представляет собой округлое или грушевидное утолщение на длинной рукоятке. При помощи толкушки мяли вареный картофель, бруснику.

Уточка-солонка (сол доз) представляет собой сосуд в форме уточки, в тулове которой оформлена чаша. Иногда такие солонки снабжены подвижной крышкой, верх которой украшался утятами.

Хлебница (нянь доз) представляет собой поднос с ручкой оформленной в виде птичьей головы, противолежащий ручке край подноса оформлен в виде хвоста птицы.

Чаруша (кумли) представляет собой овальную в сечении чашу с парой ручек, прямоугольной, овальной-вытянутой или круглой формы. Чаруша использовалась при формовке ячменного хлеба.

Чаша (пу тасьті) представляет собой сосуд, вырезанный из цельного куска дерева или березового капа. Чаши варьируют размерами, способом оформления дна и венчика.

К долблено-резной утвари относится корыто, представляющее собой сосуд овально-вытянутой формы с парой ручек. Корыто (вор) различаются размерами, формой, оформлением чаши и ручек. Корыто использовали при варке пива, для измельчения мяса, капусты.

К кухонной утвари относятся изделия бондарные производства. При изготовлении таких предметов пользовались топорами, ножами, рубанками и молотками. Для изготовления клепок брали осину, которая отличалась прямолинейностью волокон. Дерево распиливали на чурки, длина которой равнялась высоте будущего бондарного сосуда. Чурки кололись на две половины, затем на четвертики, каждый из которых обтесывался топором до получения доски, толщина которой не превышала 2,5 см, ширина доски могла варьироваться. Обручи для клепаной посуды изготавливали из черемухового прута, расщепленно-го пополам. Концы прута соединяли в виде замка.

Короб (куд) представляет собой сосуд округлой или овально-вытянутой формы со съемной крышкой. Крышка и днище сосуда выполнено из тонких дощечек. Стенки сосуда выполнены из луба, на котором предварительно наносили насечки и распаривали, что позволяло без проблем придать выбранную форму. Концы луба соединялись и прошивались корнем или фигурно вырезанные концы соединялись в виде замка, а для прочности прошивались корнем. Днище с коробом соединялось с помощью штифтов, прошивалось корнем. Иногда такие короба украша-

лись росписью. Короба предназначались для хранения и перевозки крупы, муки. В летний период в них перевозили хлеб и ложки на сенокос.

Лагун (сур лагун) представляет собой сосуд цилиндрической формы с несъемным дном и крышкой. На крышке имеется сквозное отверстие квадратной или овальной формы, закрывающееся плотно пригнанной втулкой. На тулове оформлялось сквозное отверстие, закрывавшееся втулкой. Реже оформлялся кран для удобства слива. Деревянные клепки сосуда стягивались черемуховыми обручами в несколько рядов. Лагун предназначен для хранения пива, кваса.

По такой же технологии изготавливалось сито (пож), дно которого было сетчатым. Первоначально сетка ткалась из конского волоса с мелкими ячейками, позднее ее заменили металлической. Сито использовалось для получения муки мелкого помола, а также с помощью сита происходила аэрация муки, необходимая для получения качественного хлеба.

Подойник (подойнича) представляет собой деревянную емкость бондарной работы округлой формы с «ушками», которые фигурно выполнены из клепки, выступающей над венчиком сосуда. В ушки вставлена дужка, выполненная из металлического дрота, загнутого петлеобразно на концах. Длина дужки равна половине окружности подойника. Для удобства слива оформлен носик-рожок, представляющий единое целое с клепкой. Для этого подбирался кусок дерева с сучком, диаметр которого соответствует диаметру будущего рожка. Из подобранного материала изготавливается клепка. Древесина из сучка убирается, в результате чего получается полый носик-рожок. Клепка скрепляется тремя обручами, выполненными из черемухового прута. Подойник предназначен для молока.

Ушат представляет собой деревянную емкость бондарной работы округлой формы с «ушками», которые фигурно оформлялись из клепки, выступающей над венчиком сосуда. В зависимости от назначения ушата варьирует количество «ушек» – одно или два. Ушат предназначен для переноса воды, хранения воды и продуктов, использовался как квашня (нянь шомбс).

Кухонная утварь токарной работы появляется на рубеже XIX-XX вв. и представлена чашами и солонками, которые по форме мало чем отличаются от долбленной или долблено-резаной посуды.

Музейная коллекция деревянной утвари как отдельное собрание отражает реалии конца XIX – середины XX вв. и представляет состоящие материальной культуры этого периода.

Литература и источники

1. Суринов В.М. Музейность источников. Методологический анализ проблемы // Актуальные проблемы советского музееведения: сб. науч. тр. – М., 1987. – С.15.
2. Байбури А.К. Семiotические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых систем культуры: сб. науч. тр. – Л.:Наука, 1989. – С.64-67.

Сорвачева Юлия Ивановна

художник-реставратор музея археологии и этнографии

Сыктывкарского государственного университета,

аспирант ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН

г. Сыктывкар

Топография кладбищ (по материалам архива музея археологии и этнографии СыктГУ)

На протяжении нескольких лет кафедра источниковедения, археологии и этнографии занимается сбором материала, касающегося вопросов ставрографии и топографии кладбищ бассейна р. Вычегды, которые отложились в архиве музея.

В полевые сезоны 2002–2004 гг. обследовались населенные пункты, расположенные в бассейне Средней Вычегды. Кроме населенных пунктов по среднему течению р. Вычегды, в ареал исследования также вошли населенные пункты, расположенные по ее притокам – р.р. Вымь, Вишера и Сысола.

На основе собранного этнографического материала были выявлены особенности топографии кладбищ коми (зырян). Современные деревенские кладбища бассейна Средней Вычегды в большинстве своем были основаны в начале или середине XX в. Чаще всего, могильники представляют собой огороженное пространство в виде неправильного четырехугольника на высокой боровой террасе.

Кладбища расположены на краю населенного пункта, ниже по течению реки. Продолжает сохраняться древняя ориентация кладбищ на реку, что было характерно и для средневековой археологической вымской культуры, оставленной непосредственными предками коми (зырян) [1]. Представления о воде, как семантически связанной с потусторонним миром, находят отражение и в фольклоре. Так, по народным представлениям сон, в котором строишь лодку, предвещал смерть [2]. В мифопоэтических представлениях коми река выступала некоей преградой между миром живых и миром мертвых, который расположен ниже по течению и где-то на севере [3].

В современной топографии населенных пунктов река по-прежнему рассматривается как препятствие между мирами. Так, например, кладбища в с. Нившера и д. Важкурья располагаются за рекой. Расположение современных кладбищ в непосредственной близости от водного пространства (река, болото, ручей) отражается в их названиях. Так, кладбище в д. Важкурья (Корткеросский район) называется «Ель-сай» (букв.: за ручьем), а в с. Сторожевск – «Ракашор» (букв.: Вороний ручей).

Лесные и водные локусы, имеющие большое значение в пространственной организации кладбищ, наделялись магическими свойствами, рассматривались как места обитания душ умерших. Поэтому, даже в повседневной жизни, по отношению к лесному и водному пространству в народе относились по-особому [4].

С лесом и рекой издавна была связана вся жизнедеятельность коми (зырян). Лес и река являлись источником жизни человека, но одновременно таили в себе большую опасность. Однако по утверждению исследователей, отношение к этим двум стихиям было в большей степени положительное, нежели отрицательное [5].

Особенности топографического расположения кладбищ прозрачно читаются в их названиях. Как правило, в названиях кладбищ составной частью входит наименование бора, реки или ручья, находящихся в непосредственной близости от самого могильника. Мифопоэтические представления о лесе, как месте проживания «предков», находят отражение в топографии кладбищ, которые всегда расположены на высокой боровой террасе. Так в д. Сюзиб (Корткеросский район) кладбище имеет название «Гажа яг» (букв.: Красивый бор), в с. Пыелдино (Сысольский район) «Епим яг» (букв.: Бор Ефима).

Расположение некрополей в сосновом бору, на что непосредственно указывает составная часть наименований кладбищ «яг», связано, скорее всего, с традиционными представлениями о двойственной семантике сосны, которая произрастает на боровых террасах. По фольклорным данным, сосна наделяется неоднозначными свойствами в отличие от березы и ели. Первый образ связан с небесным миром, ель в народной культуре рассматривалась как «погребальное» дерево [6].

Условия проживания коми (зырян) в таежной зоне определили отношение к дереву. Мифопоэтическое представление о дереве как существе, наделенном душой, нашло отражение в топографическом расположении кладбищ. Иногда сами деревья выступают в качестве намогильного сооружения.

Очень часто на кладбищах встречаются приставленные к дереву, ставшие ненужными, венки, намогильные сооружения. Также как и река, «мировое дерево» ассоциируется с дорогой в мир предков, на-

пример, по реке отправляли старые иконы [7]. Мотив мирового дерева сохраняется в обычае сажать на могиле дерево, либо хоронить под корнями деревьев.

Кладбища чаще всего располагаются на некоторой возвышенности. В с. Пезмог кладбище называют «Воша мыльк» (букв.: Потерянный бугорок), что помимо прочего, указывает и на труднодоступность того места, где располагается кладбище [8].

Возможно, что расположение некоторых кладбищ в достаточно труднопроходимой местности перекликается с представлениями о труднодоступности самого мира предков, путь в который наполнен множеством препятствий. У коми (зырян), как и многих народов, какое-либо единообразное представление относительно расположения мира предков отсутствует. Так, по одному из поверий коми (зырян), усопшему, чтобы достичь «того» света, необходимо было совершить переход через смоляное озеро по шатающемуся бревну, опираясь при этом на шест (оглоблю). В.П. Налимовым была также приведена другая версия, по которой умершему в мир мертвых «придется взбираться по крутой железной горе» [9].

Отсутствие единого представления о месторасположении мира предков в народном сознании находят непосредственное отражение в топографии кладбищ. Например, некрополи могут располагаться как на высокой боровой террасе, так и в заболоченной, и труднопроходимой местности.

Кладбища, находясь в сосновом бору и на краю населенного пункта, занимали доминирующую точку в топографии данной местности. Предпочтение возвышенных мест для культовых объектов наблюдается и у предков коми (зырян) [10].

В номинации кладбищ зафиксирована закономерность, связанная с тем, что кладбище именовалось по имени первого погребенного. По сведениям самих жителей, первым погребенным на кладбище должен быть либо пожилой человек, либо младенец. Такое представление соотносится с этнографическими данными, по которым пожилых и младенцев народная культура всегда рассматривала как «законных» представителей мира мертвых. Так, в Сысольском районе одно из кладбищ в с. Пыелдино носит название Николаевское, в с. Палауз кладбище называется Тихоновское, а в д. Гагшор – Викторовское. По информации, полученной от жителей этих населенных пунктов, номинация кладбищ происходит от имени первого «жителя» некрополя. Но в то же время необходимо подчеркнуть, что в с. Пыелдино храмовым праздником считается Николин день. В с. Палауз храмовый праздник носит название Тихонов день [11]. Эти сведения не противоречат друг

другу, а наоборот подчеркивают, что языческий принцип номинирования кладбищ был подкреплён и христианскими принципами.

В контексте номинирования кладбищ можно отметить ещё одну особенность. Так, в с. Подъельск Корткеросского района при входе на кладбище имеется надпись: «Яко Иван му» (букв.: Земля Ивана Яковлевича). Учитывая, что кладбище расположено в сосновом бору, возможно, эта земля входила когда-то во владения человека с таким именем. Какое-либо иное народное объяснение принципа номинации данного кладбища отсутствует.

Итак, выделяется три принципа номинирования кладбищ: по топографии некрополя; по имени первого погребённого; по имени того, кому принадлежала территория, занятая под кладбище.

Освоение кладбищ, судя по датировке на могильных сооружениях, происходило из центра на периферию. Данные археологии свидетельствуют о такой же динамике развития средневековых некрополей.

Особого внимания заслуживают детские захоронения. В большинстве случаев на детских погребениях ставятся небольшие деревянные кресты, надписи на которых, как правило, отсутствуют. В д. Сюзяиб детские погребения топографически расположены на периферии кладбища [12]. В более крупных населённых пунктах подобная закономерность не прослеживается, что связано, возможно, с утратой символики этой категории покойников. Расположение детских захоронений на краю некрополя, возможно, объясняется тем, что в традиционной культуре ребенок до определенного возраста относился к области «чужого», которому необходимо ещё приобщиться к миру людей. Такое представление весьма распространено. Например, у ижемских и печерских коми некрещённых младенцев, как правило, хоронили не на кладбище, а рядом с домом [13]. На таких могилах обычно высаживали черемуху, которую сажали ближе к усадебной ограде, как дерево, наделённое негативными характеристиками [14].

Умершим предкам уделяется огромное внимание, и это нельзя связать только с христианскими традициями. Значение дохристианских верований подтверждается не только самим расположением кладбищ, но и эстетикой их оформления. Так, например, внутри почти каждой родовой оградки обязательно имеется небольшой стол и скамеечка. В пределах родовых оградок встречаются деревья, иногда вершина деревьев срублена. В контексте погребально-поминальной обрядности коми необходимо отметить обычай высаживания деревьев (как правило, сосны) с обломанной вершиной. В результате на месте погребения вырастало дерево с двумя вершинами, которое рассматривалось как «погребальное дерево», а также как дерево умершего человека [15].

Закрепленные в традиционном сознании представления о связи мира живых и мира мертвых продолжает сохранять свою значимость. И сегодня само по себе кладбище представляет собой некую узаконенную территорию предков, имеющую границу с миром живых, где происходит контакт между живыми и мертвыми в специально определенное для этого время. В соответствии с двойственным отношением к умершим предкам, которые могут и помогать, и причинять вред, связано, вероятно, двойственное отношение к кладбищам. Так, считается, что нельзя долго находиться на кладбище, т.к. оно «забирает силы, энергию», т.е. человек возвращается домой уставшим. Кладбище принято посещать только в строго определенные дни, дни поминовения конкретного человека или умерших вообще. Время пребывания на кладбище тоже четко определено, т.е. посещают кладбище до обеда. Эти обычаи сохраняются до сегодняшнего дня.

Таким образом, мифопоэтические представления коми (зырян) о расположении мира предков вполне соотносится с топографией современных кладбищ. Сохраняющиеся в топографии кладбищ архаические черты подтверждают вывод о том, что закрепленные в традиционном сознании представления о связи мира живых и мира мертвых продолжают свое существование.

Литература и источники

1. Савельева Э.А., Истомина Т.В., Королев К.С. Пермь вычегодская (XI-XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. – М., 1997. – С. 584.
2. Савельева Э.А., Истомина Т.В. Идеологические представления древних коми по данным погребального обряда // Финно-Угры и славяне. Проблемы историко-культурных контактов. Межвузовский сб. научных трудов. – Сыктывкар, 1986. – С. 82.
3. Семенов В. А. Традиционная семейная обрядность народов Европейского Севера. – СПб, 1992. – С. 41.
4. Семенов В.А. Традиционная духовная культура коми-зырян: ритуал и символ. – Сыктывкар, 1991. – С. 11.
5. Конаков Н.Д. Традиционное мировоззрение народов коми: окружающий мир. Пространство и время. – Сыктывкар, 1996. – С. 63.
6. Шарапов В.Э. Деревья в погребально-поминальной обрядности коми // Атлас Республики Коми. – М., 2001. – С. 206.
7. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. – М., 1993. – С. 63.
8. Сорвачева Ю.И. Классификация надгробных сооружений села Пезмог короткеросского района // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Сыктывкар: Геопринт, 2004. Том VII. – С. 94.
9. Налимов В.П. Загробный мир по верованиям зырян // Христианство и язычество народа коми. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2001. – С. 179-180.

10. Королев К.С. Языческое святилище предков коми-зырян на средней Вычегде // Известия Общества изучения Коми края. Научно-популярный краеведческий журнал. – 2004. – №2. – С. 33.
11. Сорвачева Ю.И. Особенности топографии кладбищ коми (зырян) // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: X Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов: Тезисы конференции. Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского университета, 2005. – С. 16-17.
12. Сорвачева Ю.И. Намогильные сооружения Средней Вычегды // Геолого-археологические исследования в Тимано-Североуральском регионе. Сыктывкар: Геопринт, 2002. Том V. – С. 134.
13. Шарапов В.Э. Деревья в погребально-поминальной обрядности коми // Атлас Республики Коми. – М., 2001. – С. 206.
14. Там же. – С. 206.
15. Шарапов В.Э. Символика деревьев в погребально-поминальной обрядности коми // Мифология и религия в системе культуры этноса: материалы Вторых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб.: РЭМ, 2003. – С. 144-145.

Зеленский Владимир Степанович
научный сотрудник отдела фондов
Национального музея Республики Коми
г. Сыктывкар

Игушев Андрей Рюрикович
краевед
г. Сыктывкар

Археологические материалы с Турьинского–Пожегского городища и селища Нюр-шор из фондов Национального музея Республики Коми

За 95 лет своего существования фонды музея постоянно пополнялись случайными находками и археологическими коллекциями, собранными сотрудниками музея, Коми научного центра РАН, СГУ и краеведами. Многие коллекции до сих пор по различным причинам не были изучены и опубликованы.

В настоящей статье публикуются материалы с двух памятников – Турьинского (Пожегского) городища – раскопки А.С. Сидорова и комплекс находок, собранных в районе селища Нюр-шор около с. Турья.

Турьинское (Пожегское городище)

Памятник расположен в Княжпогостском районе Республики Коми в урочище Каряг, на левом берегу р. Выми, напротив устья р. Пожег, правого притока р. Выми, на мысу надпойменной боровой террасы высотой около 20 м, в 110 м от реки. На памятнике фиксируются валы и рвы (Савельева, Кленов, 1992. С. 4–5).

Городище открыто А.С. Сидоровым в 1924 г. и было названо Турьинским. По письменным источникам XVI века известен Турьинский город (посад), который, вероятно, находился на месте современного села Турья. С 1984 г. на городище были начаты стационарные раскопки под руководством Э.А. Савельевой. Во избежание путаницы она переименовала его по названию реки, впадающей в р. Вынь, напротив городища, в Пожегское. Городище датируется XII–XIV вв. и является первым бесспорным памятником, документирующим начальный этап древнерусской колонизации Европейского Северо-Востока (Савельева, Кленов, 1997. С. 654).

По длинной оси городища в 1924 г. А.С. Сидоровым было заложено пять исследовательских шурфов на расстоянии 10 метров друг от друга. Они позволили определить наличие культурного слоя, стратиграфию и мощность. Культурный слой в верхней части имеет темный цвет и содержит угольки. Мощность его в основной части достигает 0,40–0,65 м, к краю городища уменьшается до 0,10 м. Ниже лежащий слой первоначальной боровой почвы (белого цвета) в верхней своей части имеет пепельный цвет, далее, вглубь, идет материковый слой песка желтого цвета. Из вещественных остатков культурный слой содержит кости крупных домашних животных (лошади и коровы), свиньи, барана, кости птиц. Кроме костей довольно часто попадаются черепки глиняной посуды (кружальные и лепные).

В шурфе №3, который был заложен в центре городища, оказались остатки очага. Между камнями очага и в основании прослежены глинистые прослойки. Овальное дно его (размером 1,85–1,20 м), расположенное по линии В-3 находилось на глубине 1 метра. С юго-восточной стороны, на уровне основания печки, стоял деревянный столб, имевший заострение. При раскопках очага найдены: кости лошади, быка, свиньи и барана, фрагменты керамики, два железных ножа (рис. 1, 3), рыболовный крючок (рис. 1, 14), точильный брусок, скоба от замка (рис. 1, 1), железный гвоздь (рис. 1, 2), фрагменты железных ножен (рис. 1, 4, 11–13), просверленные астрагалы свиньи и барана (рис. 1, 9, 10), фрагмент шаровидного бронзового бубенчика (рис. 1, 8), бронзовая привеска-бубенчик (рис. 1, 6), бусина из глухого коричневого стекла эллипсоидной формы, орнамент пластический в виде полосы белого цвета (рис. 1, 7), железный клин, медная заклепка от котла (рис. 1, 5).

Бубенчики с линейной прорезью и тройным рельефным пояском (рис. 1, 8) появляются в Новгороде в последней четверти XI в. и были распространены до второй половины XIII в. (Седова, 1981. С. 156). Аналогичные бронзовые привески, орнаментированные полосками и шашечками, были встречены на погребальных памятниках Вымской археологической культуры в комплексах XII–XIV вв. (Савельева, 1987.

Рис. 37–107). Бусы с пластическим узором, с ободками и без них, известны по всей Руси и встречаются с XI по XIV вв. Подобные изделия были встречены и позже при раскопках Пожегского городища (Савельева, Павлова, 1973). По мнению А.С. Сидорова, городище было заселено около XIV в. (Сидоров, 1937). Материалы А.С. Сидорова дополняют археологические коллекции, собранные Э.А. Савельевой и М.В. Кленовым.

Комплекс находок около с. Турья

В материалах к своду памятников истории и культуры Коми АССР (Княжпогостский район Коми АССР) упоминается селище Нюр-шор. Памятник расположен около с. Турья, на высоком участке правого берега ручья Нюр-шор, текущего здесь параллельно Выми и впадающего в неё выше села. Открыто в 1975 г. экспедицией КРИКМ под руководством Л.Л. Косинской. Ученик Турьинской школы А. Хатанзейский находил на этом поле бронзовые украшения, пастовые бусы, железный предмет. Подъемный материал залегал в основном в наиболее возвышенной части холма и на его юго-западном склоне. Площадь распространения находок 100 на 200 м. На краю поля у бровки террасы заложен шурф размером 1 на 0,5 м. Коллекция состоит из 70 фрагментов керамики, 9 кремневых отщепов и 34 обломка костей и зубов животных. Селище относится к эпохе позднего средневековья. (Памятники... 1990. С. 30, рис. 28).

Итак, остановимся подробно на находках, сделанных А. Хатанзейским, и приведем, по возможности, аналогии и датировки вещей.

- Два фрагмента медной пластины (по всей видимости, фрагменты медного котла).

- Зонная бусинка из прозрачного стекла ярко-синего цвета (рис.2, 11). Подобные украшения появляются в Новгороде в начале XII в. и исчезают в середине XIV в. (Колчин, 1982. С. 169).

- Две бусины гладкие, стеклянные, шарообразные черного цвета со спирально волнистой инкрустацией белого цвета (рис.2, 12). Аналогичные изделия встречены в слоях древнего Новгорода. Они появляются в XII в. и бытуют весь XIII в., постепенно исчезая в начале XIV в. (Колчин, 1982. С. 169).

- Бронзовая бусина (рис.2, 10). В вымской археологической культуре они бытовали в XIII–XIV вв. и связаны с миром прибалтийско-финских древностей (Савельева, 1987. Рис. 37–116).

- Обожженная зонная темно-синяя стелянная бусина (рис.2, 13). Подобные изделия встречены в Новгороде в слоях начала XII–середины XIV вв. (Колчин, 1982. С.168–169).

▪ Бочонковидная стеклянная черная бусина с желтой волнистой инкрустацией (рис.2, 15). Непрозрачные стеклянные бусы с рельефной инкрустацией в виде волн и спиралей в погребальных комплексах Вымской археологической культуры бытовали в XIII-XIV вв. (Герасимова, 1982. С. 92).

▪ Железный черешковый двушипный наконечник сулицы (рис.2, 1). Похожие наконечники встречены на I Кичилькоськом и Ыджыдьельском могильнике (Вымская археологическая культура). Двушипные наконечники сулиц и копий особенно характерны для культуры финского племени мурома и датируются XI-XII вв. (Савельева, 1987. С. 38).

▪ Калачевидное железное кресало с треугольным язычком (рис.2, 2) по Новгородской стратиграфии датируется X-первой четвертью XII вв. (Колчин, 1959).

▪ Две бронзовые полые шумящие коньковые подвески (рис.2, 16, 17). Данный тип подвесок Е.А. Рябинин объединяет в один тип (XX). (Рябинин, 1981. С. 39). Подобные подвески имеют прямые аналогии на памятниках Новгородской земли и соседних территориях. По новгородской хронологии они датируются концом XII-концом XIV-началом XV вв., период их наибольшего распространения – середина XIII – середина XIV вв. (Рябинин, 1981. С. 42). Как отмечает Э.А. Савельева, на вымских могильниках подвески данного типа появляются не ранее XIII в. (Савельева, 1987. С. 107).

▪ Бронзовая ф-видная пронизка с привесками (рис.2, 14). Подобные пронизки связываются с Родановской культурой Прикамья. В Вымской археологической культуре аналогичные изделия встречены в погребальных комплексах XIII-XIV вв. (Савельева Э.А., 1987. Рис. 37–118).

▪ Две бронзовые конусовидные пронизки, орнаментированные имитацией скани (рис.2, 8, 9). В погребальных комплексах Вымских могильников подобные изделия относятся к XIII-XIV вв. (Савельева, 1987.б Рис. 37–105 А, Б).

▪ Бронзовый грушевидный бубенчик с линейной прорезью и поперечным литейным швом (рис.2, 3). Подобные изделия были найдены в Новгороде в слоях от второй половины XIII до конца XIV вв. (Седова, 1981. С. 156).

▪ Бронзовый бубенчик с линейной прорезью и тройным рельефным пояском (рис.2, 7). В Новгороде аналогичные изделия появляются в последней четверти XI в. и были распространены до второй половины XIII в. (Седова, 1981. С. 156).

▪ Бронзовый бубенчик грушевидной формы (рис.2, 5) и два бронзовых бубенчика грушевидной формы, украшенные имитацией скани и

медными накладными поясами (рис.2, 4, 6). Аналогичные бубенчики в Вымской археологической культуре наибольшее распространение получают в XII-XIV столетиях. На Выми, вероятно, находился центр их производства (Савельева, 1987. С. 88).

Итак, рассмотрев весь комплекс находок, можно сделать следующие выводы:

- все находки укладываются в хронологические рамки – конец XII–XIII вв., исключение составляют железные изделия (кресало, наконечник сулицы), имеющие более раннюю датировку, хотя в погребальных комплексах Вымской археологической культуры они встречаются в погребениях XIII в.;

- исключительно все найденные изделия имеют прямые аналогии в погребениях Вымской археологической культуры;

- отсутствие фрагментов керамики в коллекции А. Хатанзейского и Л.Л. Косинской, относящихся к XII–XIV вв., позволяют высказать предположение, что, вероятнее всего, рассматриваемые находки являются остатками разрушенных погребений небольшого могильника, относящегося к Вымской археологической культуре, типа Небдинского или II Кичилькосьского.

Литература и источники

1. Герасимова Л.В. Бусы перми вычегодской // Проблемы этногенетических исследований Европейского Северо-Востока. Межвузовский сборник научных трудов. Пермский университет. – Пермь, 1982. – С. 88-105.
2. Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М.: Наука, 1982.
3. Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого МИА. 1959. – №65.
4. Памятники истории и культуры: Княжпогостский район Коми АССР. – Сыктывкар, 1990.
5. Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X-XIV вв. – САИ, Л., 1981. – Вып. EI-160.
6. Савельева Э.А. Вымские могильники XI-XIV вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – 200 с.
7. Савельева Э.А., Кленов М.В. Пожегское городище. – Сыктывкар, 1992. – 36 с. (Научные доклады / Коми НЦ УрО РАН; Вып. 278).
8. Савельева Э.А., Кленов М.В. Древнерусская колонизация Европейского Северо-Востока (XI-XIV вв. н.э.) // Археология Республики Коми. – М.: ДиК, 1997. – С. 651-691.
9. Савельева Э.А., Павлова Н.А. 1993. Бусы пожегского городища // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. 1993. – С. 158-175. (МАЕСВ. Вып. 12).
10. Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XV вв.). – М.: Наука, 1981. – 196 с.
11. Сидоров А.С. Археологические памятники Вымского района Коми АССР (по материалам обследования 1928 г.) // АРХИВ ИИМК, ф.35, д. 9. – СПб, 1937.

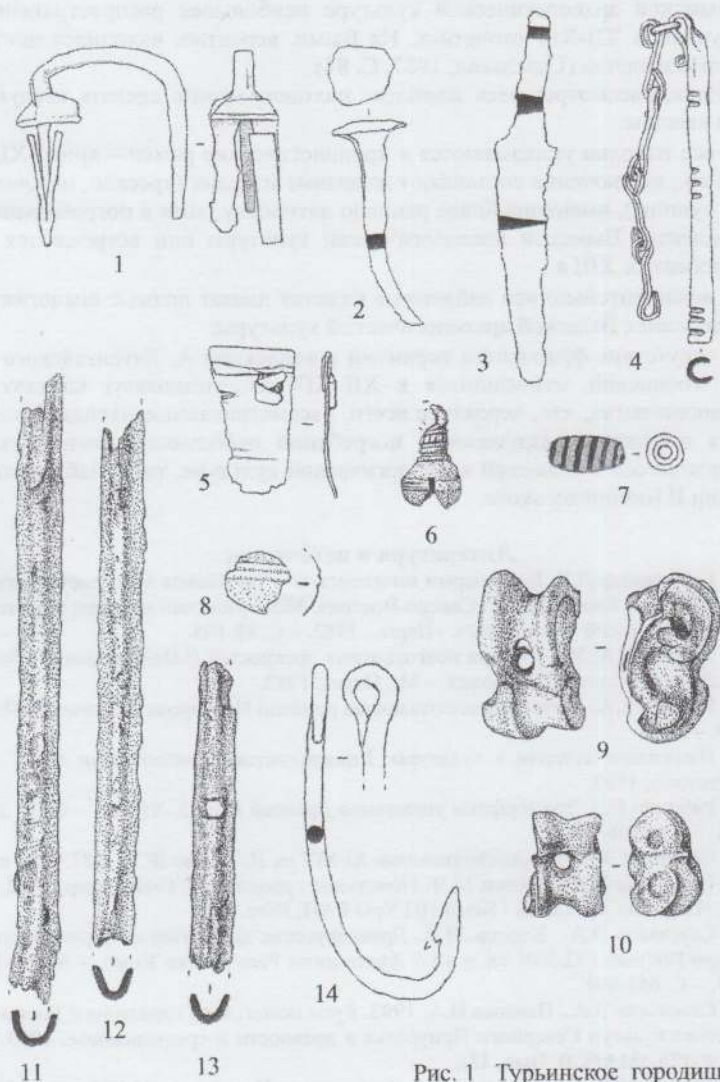

Рис. 1 Турьинское городище

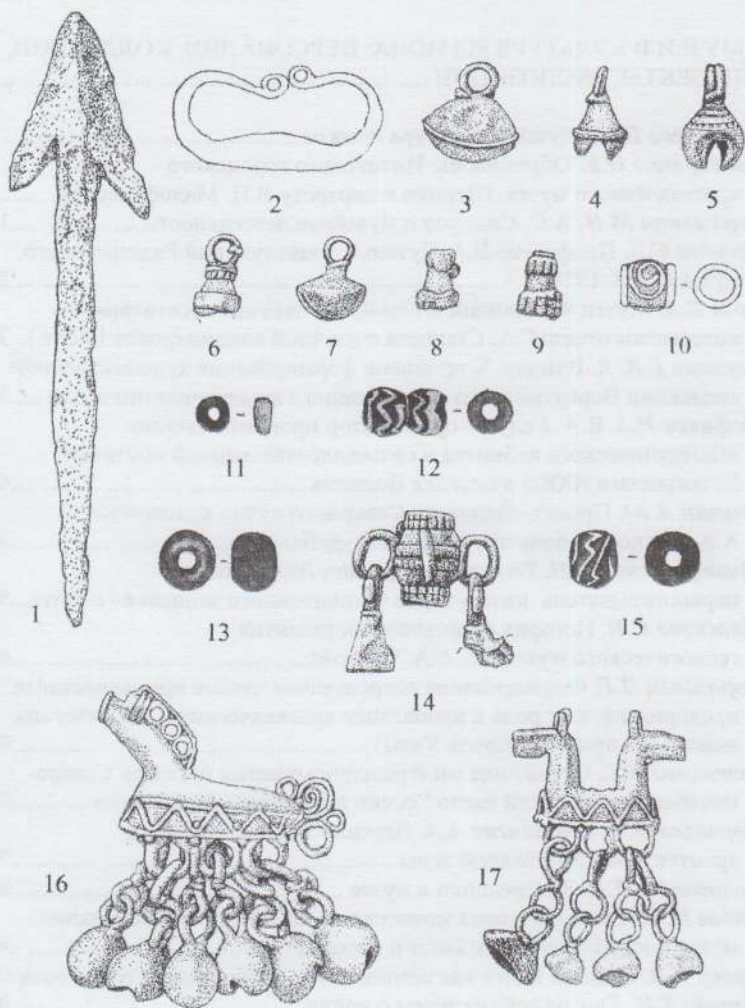

Рис. 2 Нюр-шор

Содержание

I. МУЗЕИ В КУЛЬТУРЕ РЕГИОНА: ПЕРСОНАЛИИ, КОЛЛЕКЦИИ, ПРОЕКТЫ, ЭКСПОЗИЦИИ	3
<i>Котылева И.Н.</i> Музей и культура памяти	3
<i>Бондаренко О.Е.</i> Образование Интинского городского краеведческого музея. Штрихи к портрету Л.Н. Малофеевской.....	9
<i>Бурлыкина М.И.</i> А.С. Сидоров и музейная деятельность.....	13
<i>Егорова С.Л.</i> Профессор В.А. Бутенко – заведующий Радищевского музея (1923–1928 гг.).....	25
<i>Сова В.А.</i> Музеи Финляндии и Германии глазами посетителя (по материалам отчета Г.А. Старцева о научной командировке 1927 г.)..	30
<i>Трухина Г.В.</i> Я. Вундер. К проблеме формирования художественной коллекции Воркутинского межрайонного краеведческого музея	35
<i>Тюфяков Р.А.</i> В.А. Голуб – организатор производственно-лесотехнического кабинета и сельскохозяйственной выставки Устьвымлага НКВД в посёлке Вожаель	41
<i>Елькин А.Ю.</i> Проект «Великого Северного пути» художника А.А. Борисова (большая идея и ее судьба)	49
<i>Малофеевская Л.Н.</i> Георгий Андреевич Дмитриев – первооткрыватель интазухидов и «подземного зоопарка» в Инте...55	
<i>Плоскова С.И.</i> История становления и развития геологического музея им. А.А. Чернова	61
<i>Борозинец Л.Г.</i> Формирование современных музеев промышленных предприятий и их роль в пропаганде краеведческих и технических знаний (на примере города Ухты)	69
<i>Астахова И.С.</i> Отражение минерально-сырьевых богатств Северо-Востока Европейской части России в музейной экспозиции	72
<i>Королёва Л.Н. Смилингис А.А.</i> Деревня Троицк – образец архитектурно-заповедной зоны	78
<i>Голованова Т.В.</i> Заповедники в музее	84
<i>Габов П.В.</i> Этнокультурная мозаика в экспозициях Национального музея Республики Коми: опыт и перспективы.....	89
<i>Гросу И.А.</i> Детская книга как компонент выставочной деятельности.....	92
<i>Ганова Т.И.</i> Еще не всё мы знаем о войне.....	99
<i>Дианова К.А.</i> Вклад Общества изучения Олонецкой губернии в развитие музейного дела Петрозаводска	103
<i>Дианова Е.В.</i> О развитии музейного дела в Карелии в середине 1920-х гг.....	110

<i>Корнева Л.В.</i> Дальневосточные музеи в историческом и культурном пространстве региона	119
<i>Пьяикова Т.А.</i> Из истории строительства этнографических экспозиций и выставок Национального музея Республики Коми ..	129
<i>Мамонтова И.В.</i> «С именем вождя...»: концепция и опыт работы над выставкой «История одной награды: орден Ленина».....	139
<i>Уткина И.М.</i> Мир предков в музейном пространстве (из опыта строительства выставки открытого показа фондовых коллекций) ..	143
<i>Ларукова Р.И.</i> Культурно-образовательная деятельность Национального музея Республики Коми по сохранению традиций народа коми	150
<i>Жданова Л.Р.</i> Использование экспозиций геологического музея им. А.А. Чернова для расширения кругозора в области естествознания у школьников.....	153
<i>Попова Р.Л.</i> Роль школьных музеев в воспитательной работе, в развитии познавательных интересов и творчества школьников	155
<i>Носова В.П.</i> Роль Усть-Цилемского историко-мемориального музея А.В. Журавского в формировании гражданского сознания и культуры памяти	162
<i>Сажина И.Н.</i> К 25-летию юбилею городского историко-краеведческого музея г. Ухты.....	166

II. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КАК ОСНОВА МУЗЕЙНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

<i>Морозов Б.Н.</i> Новые памятники древней коми письменности конца XV – начала XVI в.	176
<i>Котылев А.Ю.</i> Типы святости создателей российской национальной идеи (Сергий Радонежский, Стефан Пермский, Епифаний Премудрый)	182
<i>Морозова Е.И.</i> «Каждому городу иметь утвержденный герб ...» (к вопросу об истории геральдики городов и районов Республики Коми).....	191
<i>Лобанов Д.А.</i> Земельная геральдика в символике Русской Императорской армии XVIII – нач. XX вв.	200
<i>Лейман И.И.</i> Из истории возникновения первых городских ярмарок на Европейском Севере России	205
<i>Шориков В.В.</i> Отношения местного и пришлого населения Чукотки во время советского строительства конца 20-х – начала 30-х гг. XX века.	214

<i>Купряшина Т.Б., Смирнов Ю.М.</i> Современные региональные исследования в Муромском историко-художественном музее	218
<i>Бандура С.В.</i> Динамика формирования управленческой элиты Коми края в XIX – начале XX веков	226
<i>Шарапова Н.А.</i> Чиновники полицейских управлений Мезенского и Печорского уездов (вторая половина XIX – начало XX в.)	235
<i>Елькин А.Ю.</i> Транспортники Коми области в борьбе за восстановление и развитие отрасли (1918-1941 гг.)	245
<i>Бандура С.В.</i> Медицинский персонал Яренского уезда Вологодской губернии в конце XIX – начале XX века: к истории формирования интеллигенции в Коми крае	258
<i>Бурлыкина М.И.</i> Академия художеств и Зырянский край	264
<i>Моисеева И.Ю.</i> Тридцатые годы XX века: к проблеме формирования массового сознания и идентичности советского человека	273
<i>Рощевская Л.П.</i> Издание книг в Коми АССР в первой половине XX века в контексте этнической политики	282
<i>Зиявадинова О.С.</i> Научные исследования темы «Человек и природа» в коми финно-угорском литературоведении	284
<i>Лисовская Г.К.</i> Типы художественного сознания в новеллистике 20-х годов XX века	294
<i>Рассыхаев А.Н.</i> Коллекция детского фольклора в собрании Национального музея Республики Коми	299
<i>Огнева И.Л.</i> Консервация и реставрация икон из собрания Национального музея Республики Коми	306
<i>Смирнова О.Н., Чувьуров А.А.</i> К вопросу об изучении молебнов и служб вне храма в народной культуре коми во второй половине XX века	310
<i>Озолина О.В., Чудова Т.И.</i> Классификация деревянной кухонной утвари: Опыт музея археологии и этнографии СыктГУ	326
<i>Сорвачева Ю.И.</i> Топография кладбищ (по материалам архива музея археологии и этнографии СыктГУ)	334
<i>Зеленский В.С., Игушев А.Р.</i> Археологические материалы с Турьинского–Пожегского городища и селища Нюр-шор из фондов Национального музея Республики Коми	339

МУЗЕИ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Труды Национального музея
Республики Коми

Выпуск 6

Ответственный за выпуск И.В. Лебедева

Корректор Т.Г. Агейчик
Верстка Н.Н. Кошкина

Заказ 766/2007. Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО «Типография «Полиграф-Сервис»
г. Сыктывкар, ул. Ленина, 4, тел. 21-48-36